

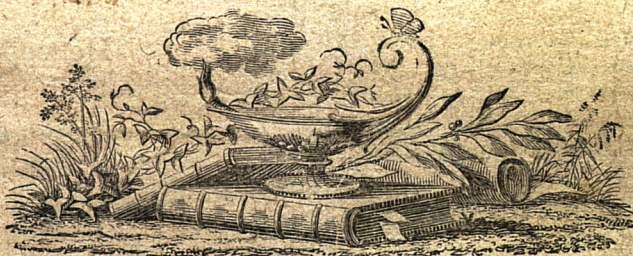
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1836 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 26 Марта 1836 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 27 и 28.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Апрѣля 1 дня 1856 года.

Ты всякой день, возставъ опъ сна,
Слѣшишь предъ зеркало садиться:
И вдругъ исчезнешь едина,
И блѣдный цвѣтъ твой оживится.
Я вижу-все, и, не шупя,
Совѣтую не прашить красокъ;
Напрасный трудъ! любовь—дипя;
А дѣти всѣ боятся масокъ.

Вердеревскій.

ПЕРЕСМѢЩНИКЪ.

ПЕРВАЯ МОРЩИНА.

Она проснулась щасливая, веселая, какъ молодая дѣвушка, которая думаетъ только о томъ, что значить видѣнный ею сонъ.

—Вы видѣли во снѣ привидѣніе?—сказала *Жюльета*: о, сударыня, вамъ будетъ сегодня большая радость и похвала!—

Она расхохоталась какъ сумасшедшая, но естъ, какъ она обыкновенно хохотала и не для того, чтобы выказать прекрасные зубы свои, а только—чтобы смѣяться.—Такъ какъ поютъ для того, чтобы пѣть, когда сердце полно музыки.

Она села передъ зеркаломъ. Глаза ея были еще подернуты нѣгою сна; щеки горѣли опъ долгаго покоя—и грудь тихо волновалась.

«*Жюльета*,» сказала она припворно-сердитымъ голосомъ. «Мнѣ кажется, что сегодня я не такъ хороша, какъ вчера.»

—Вольно вамъ это говорить, сударыня. Въ напроливъ того находить васъ на другой день еще лучше вчерашняго.—

«Такъ ты думаешь, что я не перемѣнюсь?»

—О, конечно вы перемѣняетесь!—но естъ становитесь все лучше и лучше.—

«Опдерни жъ занавѣску, чтобы я могла видѣть себя при свѣтѣ.»

—О, сударыня! вамъ свѣту бояться нечего:—Солнце взглянуло въ окно—и красавица улыбнулась, увидя себя въ зеркалѣ. Она восхищалась прекрасными глазами своими, пемными кудрями, разбросанными по мраморнымъ плечамъ,—алымъ ртомъ, розовыми щеками, и чтобы лучше любоваться близною руки своей, которую она тихонько поцѣловала, проведя ею по лбу, по шеѣ и въ задумчи-

воспи сказала самой себѣ: какъ весело быть красавицей! —

Но вдругъ поненькой палецъ ея оспановился на чупь-чупь примѣнной морщинкѣ, которая дѣлается обыкновенно памъ, гдѣ оканчиваются успа и начинается подбородокъ.

Въ спрахъ, въ опчаянїи, вскочила она съ кресель — и пронзительнымъ голосомъ закричала: «*Жюльета! Жюльета!*... Ахъ, посмотри—посмотри! что это?»

—Ничего, сударыня!—раночка!—

«Да я её не видала прежде!»

— Не видали, потому что давно не смотрѣли на себя при свѣпъ.—

«Ты шутишь, *Жюльета*; у меня въ спальнѣ не всегда были гардины,—а я давно смотрю на себя.—Боже! ужъ не морщина ли это?»

И при этой мысли она поблѣднѣла.

— Полно те, сударыня! — Какъ вамъ не стыдно! Когда въ двадцать два года бываютъ морщины?—Ну, право, это раночка.—

«Оставь меня, *Жюльета*.»

И блѣдная, оставшись наединѣ, принялась плакать, глядясь въ зеркало. — Вдругъ морщинка увеличилась и дошла почти до самага рта!

Это заставило её скорѣе ушереть слёзы.

Ахъ—эта ужасная морщина сдѣлалась у меня опъ горести, думала она. — Вотъ что значить быть слишкомъ чувствительною!— Она задумалась и спаралась припомнить, какой невѣрный, какой жестокой былъ причиною ранней морщины ея; но находя въ памяти своей одни веселыя или смѣшныя приключенїя, принялась смѣяться опъ всего сердца.

Потомъ посмотрѣла въ зеркало—и чтоожъ? морщинка опять увеличилась и—опять доходила до рта.

Это заставило её перестать смѣяться.

Ахъ, думала она, эта несносная морщина сдѣлалась опъ глупой моей веселости, опъ

того, что я слишкомъ много смѣюсь и дурачусь.— Вотъ что значить быть хохотуньей!—

И съ этого дня красавица перестала плакать, перестала смѣяться, и чтобы не увеличить морщины своей, обратила сердце свое въ камень.

Она спала холодна, горда, недвижима; успа её сжались, лицо вытянулось, глаза поухли.— Она слушаетъ не поморщась печальные рассказы — и не улыбается читая самыя смѣшныя сказки.

Она подписалась на Модный журналъ и получаетъ листки Конспирюсїонеля.

Она мажетъ себѣ лицо огурешною помадою,—ничего почти не ѣстъ, и пьетъ только для того, чтобы не умереть опъ жажды.

Блѣдная! что будетъ съ нею, когда налицъ ея покажется двѣ морщины!

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

К Р У П Ъ.

(Повсть.)

Спашьи г-на *Гозлана* такъ милы и занимательны, что мы всегда съ особеннымъ удовольствїемъ сообщаемъ ихъ нашимъ читателямъ. Вотъ новое произведение его—просная, но прогательная исторїя дипломати, описанная съ глубокимъ чувствїемъ, по которую, къ сожалѣнїю нашему, мы не можемъ помѣстить здѣсь вполне, и должны ограничиться нѣсколькими опривками, соединивъ ихъ между собою сокращенною типскою главныхъ обстоятельство, чтобы не прервать нити рассказа.

Авпоръ, который былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ въ происшествїи имъ описываемомъ, ходилъ одно время ежедневно на Ипалїанской булеваръ. Каждый день, ровно въ полдень, провжалъ пихо мимо булеваря великолѣпный бѣлый ландо, обитый внутри бѣлымъ бархатомъ, съ двумя лакеями въ бѣлой ливрѣ; изъ кареты выглядывало прелестное, но печальное личико маленькой дѣвочки, лѣтъ семи или осьми, ко-

порая была также всегда одѣта въ бѣлое плащце и сидѣла возлѣ спарика, котораго, по черной его одеждѣ, можно было безошибочно принять за докпора или священника. Всѣ любопытствовали узнать, кому принадлежалъ эполъ спранный экипажъ и это прекрасное дитя, — но авторъ былъ любопытнѣе еще прочихъ.

«Однажды,» говоритъ онъ: «карепа, по неосторожности кучера, попала между двухъ дилижансовъ, которые бы вѣрно опрокинули еѣ, или по крайней мѣрѣ сильно задѣли колесами, шѣмъ болѣе, что кучеръ оробѣлъ и бросилъ возжи, если бы я, случась къ щастію по близости, не предупредилъ опасности. Въ одну минуту я бросился съ будевара, остановилъ лошадей и попомъ поворопилъ ихъ къ алев. Такимъ образомъ оба дилижанса проѣхали безъ всякаго затрудненія, и я хотѣлъ итти назадъ, какъ вдругъ дѣвочка кликнула меня — и бросилась въ объятія спарика, который поднесъ еѣ ко мнѣ.

— Благодарствую, благодарствую, — сказала она дѣтскимъ голоскомъ своимъ, подавая мнѣ букетъ Бенгальскихъ розъ.

Я поцѣловалъ еѣ, и ободренный добродушною физиономіею спарика, спросилъ, не размысли можешь быть о нескромности моего вопроса: скажишь, г. докпоръ, отъ чего это прекрасное дитя такъ печально?

— Отъ чего? — подхватила вдругъ дѣвочка, положивъ руку на мою голову и смотря на меня съ какою-то неземною улыбкою, которую я никогда не забуду: отъ чего? — отъ того, что я черезъ годъ умру. —

Докпоръ, надзирательница и оба лакея вскрикнули отъ ужаса. — *Китти, Китти,* отъ чего ты это думаешь! — Въ эту минуту карета поворошила съ будевара и скрылась.

Авторъ познакомился съ докпоромъ и узналъ тайну милого ребенка; она была горестна!

Китти была меньшая и единственная дочь одного богатаго и знашнаго Ирланд-

скаго лорда, который въ печеніе двухъ лѣтъ лишился двухъ спаршихъ дочерей своихъ *Нелли* и *Глорвины*. Обѣ онѣ умерли отъ *крупа*, на 9-мъ году возраста.

Крупъ — эта адская болѣзнь, которая похищаетъ однихъ невинныхъ дѣтей, — подобно ужасному *огру*, любитъ только нѣжное плѣо ихъ. Чудовище бросается на спокойную колыбель прекраснаго, здороваго дитя, вонзаетъ когти свои въ его бѣлую, полненькую шейку, и задушаетъ его въ ту самую минуту, когда онъ въ сладкихъ снахъ своихъ видитъ сахарные города и высокія горы конфетъ и игрушекъ.

Леди *В...*, послѣ ужасной двойной потери своей, обрела *Китти* бѣлой одеждѣ и съ непоколебимою вѣрою поручила еѣ Богоматери. По мужъ ея думалъ иначе, и принялъ совсѣмъ другое намѣреніе, которое такъ спранны, такъ непонятно и безразсудно, что одна только глубокая горестъ нѣжнаго отца можетъ объяснить его.

«Мы должны разлучиться навсегда,» сказалъ онъ жепѣ своей: «я ѣду далеко — и ты никогда обо мнѣ не услышишь. Запрещаю тебѣ и всѣмъ въ домѣ увѣдомлять меня о дочери нашей. Поѣзжай куда влечетъ тебя сердце твое, но никто не узнаетъ куда удалюсь я.»

Удивленная леди *В.* долго не вѣрила ушамъ своимъ. — Не ужъли подлинно оставляешь ты меня и дочь нашу? —

«Оставляю,» отвѣчалъ лордъ: «оставляю еѣ для того, чтобы въ печальномъ уединеніи моемъ никогда не слыхать о ея смерти... Далекъ отъ свѣта, друзей, родственниковъ, знакомыхъ, — далеко отъ тебя и милой дочери, я буду жить однимъ воображеніемъ, и мысль моя будетъ вѣчно съ вами. — Для меня *Китти* будетъ всегда жива, — я спану щипать лѣпа ея и предсавлять еѣ себѣ въ каждомъ возрастѣ. Теперь ей 12 лѣтъ, скажу я черезъ четыре года; — черезъ семь лѣтъ скажу: ей минуло 15. Тогда жизнь ея будетъ безопасна — или по крайней мѣрѣ я буду думать это. — Да и почему-жъ не такъ? Если никто изъ насъ не увѣредъ, что онъ

проживесть слѣдующій часъ, то, равнымъ образомъ, кто можесть сказать, что онъ почто не переживесть его? — Слѣдовапельно я могу еще не перяпть надежды. — Припомъ, я со временемъ привыкну къ разлукѣ нашей, которую впрочемъ въ моей воли прекрапитъ когда мнѣ угодно, но она однакожъ никогда не прекрапится. — Годъ за годъ буду я опкладываць намѣреніе мое увидѣть *Китти* — и никогда никогда не увижу ея! — Вотъ жизнь, которую я создамъ себѣ. Въ душѣ моей, въ мысли, въ сердцѣ, *Китти* не измѣнится — для меня ей будетъ всё семь лѣтъ — для меня она будетъ жива, всегда — всегда жива! О другъ мой! не ужьли ты имѣешь пвердосць, которой не имѣю я? — Но нѣтъ, это не пвердосць, это слабосць; она заставляесть меня ждаць съ покорносцью нещасція, котораго ни слезы пвои, ни опчаяніе, опврапитъ не могутъ! Стояпть подъ горой, которая на насъ валится, — не пвердосць, а малодушное самоубійство!»

На другой день маленькую *Китти* поржеспвенно одѣли въ бѣлое платье, и почпювая коляска лорда *Б.* стояла у крыльца, возлѣ дорожнаго экипажа жены его. — Передъ опѣздомъ лордъ написалъ къ другу-своему слѣдующее письмо:

«Любезный *Андерсонъ*!

Поручаю вамъ дочь мою, по самую смерпь ея, и опредѣляю ей 60 п. ливровъ ежегоднаго дохода, которымъ вы можете располагать до пѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ прекрапитъ жизнь моего ребенка. Прошу васъ даць *Китти* моей воспитаніе приличное званію ея и богатству; — соспояніе ея совершенно обезпечено. — Щипаю ненужнымъ повторить вамъ, что я и мапть ея, не должны никогда имѣть о ней извѣспія, ни черезъ васъ, ни спорочною; впрочемъ, это почпи невозможно, потому что уголокъ земли, гдѣ я намѣренъ провести остатокъ дней моихъ, будетъ навсегда пайною, какъ для васъ, такъ и для всѣхъ моихъ соотечественниковъ. Что же касается до леди *Б.*, то я, не полагаясь совершенно на ея пвердосць, прошу васъ, черезъ шестъ мѣ-

сяцовъ по пріѣздѣ вашемъ въ Парижъ, смѣнитъ всѣхъ людей въ домѣ вашемъ, и вспомнитъ, что вы клялись мнѣ переменить ваше имя, и общались, что никто въ свѣтѣ не будетъ знать убѣжища, въ которое вы удалитесь съ бѣднымъ моимъ ребенкомъ; назвавъ ея также другимъ именемъ. Впрочемъ вы не обязаны опчетомъ никому, ни въ соспояніи, ни въ жизни, ни въ смерти *Китти* моей. — Прощайте навсегда въ здѣшнемъ мѣрѣ.»

Л. Б.

P. S. По смерти дочери моей, назначенные ей мною 60 п. ливр. ежегоднаго дохода, принадлежатъ вамъ.

Авторъ скоро послѣ эпюга происшествія узналъ опъ доктора (онъ былъ также домашнимъ священникомъ лорда *Б.*) протрапельную исторію его пипомицы, и часто посѣщала ихъ.

Однажды получилъ онъ опъ *Андерсона* слѣдующую коропкую, но ужасную записку:

У Китти крупъ.

Въ ту же минупу онъ бросился къ доктору.

«Въ 12 часовъ,» говоритъ онъ: «я былъ уже въ той самой комнатѣ, гдѣ накануѣ еще милая *Китти* была такъ весела и забавна. — Она лежала въ кроваткѣ своей, и надзирапельница, глядя на неѣ, улыбаась, между пѣмъ какъ докторъ держалъ ея руку. Комната часъ опъ часу наполняась полною дѣшею, которыхъ *Китти* убѣдительно просила *Андерсона* велѣть позвать, и докторъ, видя ея наспойчивосць, не могъ опказаць ей. *Китти* еще не спрадала, но ужасная болѣзнь уже въ ней укоренилась, и я смопрѣлъ на неѣ, какъ на свѣтлаго ангела, гоповящагося оставить землю. Прелеспное личико ея выражало какую-то пѣбесную покорносць, розовыя ручки лежали на одѣялѣ, глаза начали разгораться пламенемъ лихорадки, но алыи рошикѣ улыбаась и миленькая головка пихо покоивась на подушкѣ.

Почпенный *Андерсонъ* стоялъ у кровати, и въ это время, по лицу его, можно было

дашь ему восемьдесятъ лѣтъ, — такъ скоро и сильно измѣнили его скорбь и безпокойство. — Онъ споллъ, погруженный всѣмъ существомъ своимъ въ глубокую, изнуришельную думу, и знаніе его, казалось, выдерживало въ эту минуту ужасный споръ со смертію. — Я видѣлъ неподвижный взоръ его, усмреленный на дверь кабинета, которую онъ обыкновенно запираетъ каждый вечеръ, — и мнѣ кажется, что внезапный ударъ грома не заспавилъ бы его свести глазъ съ этой завѣтной двери. — Когда я вошелъ, онъ меня не замѣтилъ, но *Китти* привѣтствовала меня легкимъ движеніемъ рѣсницъ, — какъ умирающая царица, которая оставляетъ жизнь съ чувствомъ собственнаго достоинства. По спранный прихоти ея, всѣ ея игрушки были разложены на столахъ, посреди комнаты, и когда собрались дѣти, она приподнялась съ подушки и сказала:

— На небѣ ненадобны игрушки; — возьми себѣ, *Эдинка*, мой обручи, и прыгай черезъ нихъ дольше моего. —

Маленькіе наслѣдники молча взглянули другъ на друга, не понимая, отъ чего *Китти* отдавала имъ игрушки свои.

— Тебѣ, *Джонъ*, я отдаю альбомъ свой, который ты такъ часто просилъ у меня; — теперь онъ твой. —

«О! за чѣмъ?» отвѣчалъ *Джонъ*: «я не люблю ничего брать даромъ. — Хочешь ли за него мою фарфоровую обезьяну?»

— Не сердись, *Джонъ*! — Послушай! — Когда умерла моя сестрица *Нелли*, то она отдала намъ съ *Глорвиною* всѣ игрушки свои. — Послѣ, черезъ два года, умерла *Глорвина*, также 8 лѣтъ, какъ *Нелли*, и поже *круполъ*, по ешь такую же болѣзнію, которою и я теперь больна; и какъ у меня не оспалось больше сестрицы, — то я и взяла одна всѣ игрушки *Глорвины*; теперь кому же мнѣ отдашь ихъ, какъ не вамъ? — Возьми, *Джонъ*, мой альбомъ, а обезьяны своею мнѣ не надобно. —

«Милая *Китти*, не говори такъ много;» сказалъ докторъ: «ты больна, и это можетъ повредить тебѣ.»

Больная взглянула на него съ кропкою покорностию, и желая угодить ему, пошчасъ выпила лекарство, которое подала ей надзирашельница.

— *Г. Андерсонъ* не приказываетъ мнѣ говорить, — сказала она одной дѣвчкѣ: такъ подойди ко мнѣ поближе. — Дѣвочка подошла, и она поцѣловала еѣ. —

Андерсонъ закрылъ лицо руками.

Въ эту минуту служитель Бога и науки молился и размышлялъ.

Никто изъ дѣтей не имѣлъ яснаго понятія о томъ, что происходило передъ ними. Одни, съ безпечностію возраста своего, брали отъ *Китти* игрушки — и радовались; другіе, немного постарше, задумывались, предчувствуя какую-то печальную, но непонятную для нихъ тайну — и въ этихъ подаркахъ, и при видѣ этой комнаты, гдѣ царствовало глубокое молчаніе — и гдѣ вечерній сумракъ расплмалъ уже длинныя тѣни свои.

Андерсонъ сдѣлалъ мнѣ знакъ — и я вошелъ за нимъ въ глубину алькова.

«Подходитъ ночь,» прошепталъ онъ: «надобно ждаль перелома болѣзни; лихорадка усиливается. Пошупайте у неѣ пульсъ,» — и думая, что я не замѣчу его, онъ подошелъ къ стекляннй двери кабинета; но вдругъ опскочилъ и возвратился ко мнѣ.

— Это не ваша рука, *Андерсонъ*, — сказала больная: кто же это? —

«Это я, милая *Китти*! Я не хотѣлъ пройти мимо вашего дому, чтобъ не пожелать вамъ доброй ночи.»

— Благодарствую! Только мы сегодня не будемъ пить чаю. — И голосъ ея чувствительно началъ упадать.

«Она начинаетъ бредить,» сказалъ докторъ.

— Ну что? — продолжала она: кто правъ? Я знала вчера, куда мы пойдемъ. —

«*Китти*, *Китти*, пожалуйста не говори такъ много,» сказалъ *Андерсонъ*.

— Я ужь всё сказала, — отвѣчала она; потомъ оборотившись ко мнѣ, сказала шепотомъ: у меня оспалась только одна игрушка, возьмише её себѣ.—

Въ это время дѣлпи вспали, чпобъ иппи по домамъ.

— Прощай *Белла*, прощай *Бригетта*, — говорила *Китти*: прощай *Фелиція*, *Маржета*, *Лидія*, прощайше, прощайше! — швердила она охриплымъ голосомъ и съ видимымъ усилениемъ. Докпоръ зажалъ ей ротъ рукою.

Игрушка, которую она подарила мнѣ, былъ миниапюрный портретъ ея матери, вѣланный въ медальонъ, на другой сторонѣ котораго написана была она сама, одѣтая въ бѣлое платье, — въ то самое, думалъ я, въ которомъ она скоро будетъ лежать на парадной кровати и въ гробъ подъ пышнымъ балдахномъ!

Тяжелое и частое ея дыханіе, открытый ротъ, потухающіе глаза; этоиъ портретъ двухъ живыхъ и вмѣстѣ уже мертвыхъ существъ; этоиъ почтенный священникъ, который, казалось, готовилъ силы свои для послѣдней ужасной борьбы, — всё это произвело на меня такое впечатлѣніе, что въ страхъ и почти безпамятствѣ, я бросился вонъ изъ комнаты и выбѣжалъ на улицу. Въ это время раздался пронзительный крикъ — и я узналъ леди *Б.*, которая бывши не въ силахъ разстаться съ дочерью, тайно жила въ Парижѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль, я пришелъ къ бѣдной матери, но ворота дома, который занимала она, были заперты, и мнѣ сказали, что *Андерсонъ*, уѣзжая изъ Парижа, увезъ ключи съ собою. Зная, куда по воскресеньямъ собирались слуги этого дому, я посѣщалъ всѣ прачкиры и народныя гульбища, въ надеждѣ узнать какъ нибудъ чѣмъ кончилась драма, которой развязки я не успѣлъ дождапсья; но тщетно; всѣ слуги, которыхъ я спрашивалъ, опущены были леди *Б.* и *Андерсономъ* еще до болѣзни *Китти*, и не знали, что случилось съ ними. Я пытался узнать что нибудъ отъ сосѣдей, и пришелъ къ портковѣ, жившей въ двухъ шагахъ отъ *Андер-*

сонова дому. «Не было ли когда на вашей улицѣ богатаго погребенія?» спросилъ я её. «Не провезли ли мимо васъ великолѣпнаго гроба, на черной колесницѣ, запряженной цугомъ парадныхъ лошадей, въ серебряныхъ шорахъ, съ бѣлыми спраусовыми перьями?»

— Мимо насъ, сударь, провозяпть сполько богатыхъ гробовъ, что и не запомнишь.—

«Я говорю о погребеніи диллани; не видала ли ты его?»

— Видала, сударь, всякія; — да какъ вспомнишь когда кого хоронили?—

И такъ, мнѣ не оставалось никакой надежды удовлетворить мое любопытство.

Наконецъ, прошлаго году, въ одинъ зимній вечеръ я сидѣлъ съ пріятелемъ у камина, и слушалъ рассказы его о Швейцаріи, откуда онъ только что возвратился. Онъ говорилъ не торопясь, клалъ сигарку свою на каминъ, чпобы взобраться на Монъ-Риги, или остановивался въ часовнѣ Малка, чпобы подкрѣпить силы свои глоткомъ пуншу — и потомъ продолжалъ путь свой. Но такъ какъ онъ человекъ умный, то рассказывалъ умно и занимательно, хотя проспю и безъ всякой препензіи, и я могу сказать, что знаю Швейцарію только по его рассказамъ, потому, что прежде того забылъ всё, что читывалъ о ней въ разныхъ описаніяхъ. Онъ избавилъ меня отъ отъ щастія видѣть эту землю свободы.

«Чтожь показалось тебѣ всего любопытнѣе, послѣ Монблана, Моншевера и предствителей Гельветической республики?» спросилъ я.

— Англичане, — отвѣчалъ онъ: единственная нація, которая говоритъ языкомъ, совершенно непоняпнымъ для Швейцарцевъ. Это исключительное несчастіе заставляеть Англичанъ прибѣгать къ помощи пальцевъ своихъ и изьясняпсья знаками; такимъ образомъ, если Брипанецъ хочетъ ѣсть и спрашиваетъ жаренаго цыпленка, то жалкая и смѣшная панюмима его изьясняетъ и спраданіе несчастнаго живопаго въ ту минуту, какъ его рѣжутъ — и скрыпъ слово

роды на вертелъ, когда жарящъ его. Совсѣмъ этимъ, однакожь, пракпирцикъ очень нерѣдко подаесть ему, вмѣсто цыпленка, похлебку изъ зайца или фрикасе изъ шеляпины.—

Онъ мнѣ рассказывалъ еще много спранныхъ анекдотовъ объ Англичанахъ, и между прочимъ слѣдующій:

—Одинъ богатый лордъ, наскучивъ единообразіемъ, вздумалъ путешествовать. Въспъ чпо по крайней мѣрѣ говорилъ онъ пѣмъ, которые спрашивали его, для чего онъ оспавиль опечесство; но видно было, чпо на душѣ его лежала какая-то ужасная пска, которая наложила печать свою на всѣ черпы лица его. — Всѣ моря, всѣ земли обѣихъ полушарій, видѣли корабль его и птяжелые экипажи, въ которыхъ онъ безпреспанно перезжалъ изъ одной часпи свѣпа въ другую.—

«А какъ зовутъ эпаго Англичанина?» спросилъ я.

— *Макъ Фергусъ.* —

«Шотланецъ! Я было думалъ....»

— Чпо ты думалъ? —

«Такъ, ничего; спарое воспоминаіе!»

— Чпо бишь я говорилъ?.... Да! вообрази, чпо эпомъ Шотландскій лордъ объездилъ Египецъ, Сирію, Арабію, Персію, Индію, Японію—и Богъ знаетъ еще какія земли.—

«И вездѣ грустилъ?»

— Вездѣ. И чпо еще спранно, пѣнял въ шомъ на самого себя. — Какая глупая привычка—говорилъ онъ, —вѣчно путешествовать тамъ, куда ѣздящъ всѣ—весь свѣпъ ѣздищъ въ однѣ и пѣ же земли. Не жалкое ли дурачесство, надѣвать на себя плащъ, изношенное до дыръ—всѣми путешественниками, и не смѣпъ сдѣлать шагу безъ башмаковъ ихъ?

«Слушай, *Джонъ!*» говорилъ онъ управителю своему: «сѣ сегодпшняго дня пты долженъ возптъ меня куда пѣбѣ угодно; но только я строго запрещаю пѣбѣ сказывать мнѣ, гдѣ мы. — Какая мнѣ нужда до земель, городовъ и ихъ жителей? Меня никпю и ничпо не занимаесть—и я ни сѣ кѣмъ не разговариваю. И такъ, вози меня только изъ

мѣспа въ мѣспо, больше я ничего не пребую опъ пѣбя.»

Управитель исполнилъ волю лорда, и цѣлые два года пскалъ его по земному шару. *Макъ Фергусъ* никогда не спрашивалъ, куда они прѣехали, и могъ думать, чпо онъ въ Персію, тогда какъ они можесть бытъ въ другой разъ проѣзжали Турцію. Я вспрѣтился сѣ нимъ въ Цирихѣ, но онъ вѣрно полагаелъ себя въ Германіи.

.....

Такъ называемая заспава *Звѣзды*, по положенію своему, еспъ лучшая изъ всѣхъ заспавъ Парижа. Споя живописно на высокой горѣ, у самого скапа ея, она уподобляесть какому нибудъ высокому шлюзу, сквозъ который, какъ быспрыя волны, капаются внизъ дорожные экипажи всѣхъ родовъ, — навьюченные лошади, караваны сѣ поварами, публичные кареты, изъ которыхъ любопытные путешественники смопряптъ сѣ жадностію подѣ гору, на блестящую споліцу модѣ и роскопи. И подлинно, еспъ чему дивипся. Въ первую минупу, видѣ Парижа имѣесть на васѣ какое-то элекприческое дѣйспвіе, похожее на то, которое производитъ пушечный залѣ или ударъ грома—или восхождение солнца, видѣнное сѣ высокой горы. Вы вздрагиваете, когда вдругъ изъ ямы выпупитъ передѣ вами городъ—и какой городъ! Вы не вѣрите глазамъ своимъ, когда ѣдете цѣлыя 10 миль однѣми густыми аллеями,—другія десяпъ миль мимо великолѣпныхъ памятниковъ; 10 миль по берегу рѣки, мимо Лувра, церкви Богоматери (Notre Dame)—Инвалиднаго дома!—Вопъ Сена, вопъ Тюльери, вопъ королевскій дворець, вопъ 800 тысячъ жителей, которые дышаптъ воздухомъ Парижа! Вы изумляесть,—и солнце кажесть вамъ слишкомъ мало, чпобы освѣпить эту безмѣрную карпину великолѣпія, движенія жизни!

И чпо же? одна маленькая желѣзная рѣшетка, имѣющая не болѣе какъ десяпъ футовъ въ діаметрѣ, опдѣляесть васѣ опъ эпою пучины промышленности, роскопи — чудесъ и богатства!

Однажды я спойлъ у этой бѣдной рѣшетки и смотрѣлъ на городъ; тяжелая дорожная карета, за копорой тянулись другіе экипажи, подъѣзжала къ заставѣ, и чтобы дать имъ проѣхать, какая-то молодая женщина верхомъ—въ голубомъ Амазонскомъ плащѣ, поворошила въ спорону и оставила лошадь свою у рѣшетки. Между тѣмъ карета подъѣхала; я услышалъ дребезги разбившагося стекла: двѣ руки высунулись изъ окошка и два голоса закричали въ одно время: *Китти! Китти!*

Я думаю, что если-бъ въ эту минуцу проѣхалъ король, окруженный Дворомъ своимъ, я бы забылъ снять шляпу.

Лордъ *Б.* выскочилъ,—схватилъ дочь и понесъ на рукахъ какъ ребенка; потомъ, испощенный, опустил ея на землю—и тогда она служила ему опорой. Такимъ образомъ они дошли до Елисейскихъ полей—и я слѣдовала за ними глазами.

О! я понялъ тогда, что всѣ памятники въ свѣтъ, всѣ пышные города вселенной, ни что для сердца и воображенія передъ простую карпиною природы—передъ эту нечаянную встрѣчу опца съ дочерью, послѣ мучительной, долгой разлуки, копорую они щипали вѣчною! Скоро скрылись они за Елисейскими полями. Лорду *Б.* былъ я незнакомъ; дочь его меня не узнала, и не могла узнать, слѣдовательно я ихъ больше не видалъ, — да и за чѣмъ было бы мнѣ видѣть ихъ? Но я слышалъ, что въ ту минуцу, когда лордъ *Б.* и *Китти* подъѣзжали къ дому, какая-то женщина, вѣроятно знавшая о ихъ прѣздѣ, дожидалась ихъ на улицѣ.

«Миледи, миледи!» закричалъ лордъ *Б.*: «Какъ, ты здѣсь? Не ужли ты прежде меня видѣла дочь нашу?»

— О другъ мой! проспишь ли ты меня? Я не покидала ея.—

Ненужно сказывать, что *Китти* чудеснымъ образомъ спаслась отъ смерти, и что тогда *Андерсонъ* перемѣнилъ домъ и жилъ съ нею въ опдаленной частии города. Управитель лорда *Б.*, копорый имѣлъ отъ него

приказаніе возить его куда вздумается, переписался съ докпоромъ и леди *Б.*—и привезъ его въ Парижъ.

Вотъ всё, что я знаю о нихъ.

T.

НОВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ПАТАГОНАМИ.

Великанскій ростъ споль прославленныхъ Патагоновъ, отъ 7 до 8 футовъ, описанный древними писателями, не замѣченъ болѣе г. *д'Орбиньи*; онъ видѣлъ тамъ людей, безъ сомнѣнія, все еще высокихъ, въ сравненіи съ другими Американскими народами, но копорые впрочемъ не имѣютъ ничего удивительнаго даже для насъ: поелику изъ 600 чловѣкъ, надъ копорыми дѣланы были наблюденія, большее число имѣло только 5 футовъ и 11 дюймовъ Французскихъ; а средній ростъ ихъ равняется 5 ф. и 4 д.—Быть можетъ, прежняя ошибка происходила отъ образа ихъ одежды, состоявшей изъ длинныхъ шубъ.—Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что эти Патагоны есть поплъ самый народъ, копорый видѣли первые Европейскіе мореходцы; ибо жилили увѣряли г. *д'Орбиньи*, что они ежегодно совершаютъ путешествіе къ Южнымъ берегамъ, и что на оконечности Америки не знаютъ другаго народа, кромѣ жителей Огненной земли.

«Кто бы подумалъ,» говоритъ авторъ, свѣдѣтель ихъ религіозныхъ церемоній: «что я нашель у пѣкопорыхъ ордѣ, самыхъ дикихъ, правда грубыя, но вмѣстѣ весьма сходныя обыкновенія съ поэтическими обрядами древнихъ Грековъ; я видѣлъ, какъ ихъ шлоя, посреди поляны, окруженная поолпою безмольныхъ Индѣйцевъ; съ воспламененными взорами полковала имъ тайны *Галило* (бога зла и добра) и предсказывала имъ победы.—Я видѣлъ празднества суевѣрныхъ очищеній въ каждомъ семействѣ, во время, опредѣленное самою природою въ честь совершеннолѣтія Индѣянокъ; я видѣлъ, какъ и у другихъ народовъ, умерщвленіе живописныхъ на гробѣ Патагона, ихъ обладателя; я видѣлъ, какъ сожигались одежды всего его семейства; какъ

его вдова, окрашенная черною краскою, ждала съ обнаженными дѣшьями, чшобы ея родственники бросили къ ней лоскутья, которыми она могла бы прикрыпьясь.»

Вопъ свидѣльства, которыми, со многими другими, не покажутся безъ сомнѣнїя ничтожными для моралистовъ и философовъ, желающихъ собрать на всей поверхности земнаго шара черпты, опличающїя челоѵчество, подъ какой бы формою оно не являлось.

T.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

Молодая красавица пѣла при гостяхъ арію и фальшивила, опъ того, чшо сжимала свои малиновыя губки. Одинъ бывшїй пупъ франтикъ, очарованный ея красотою, не могъ удержаться, чшобъ не шепнуть своему сосѣду: «Взгляните на эшаго ангела, кажется, чшо онъ *цлуетъ ноты!*»—Ангель вашъ долженъ эшо дѣлать оспорожнѣе;—холодно возразилъ сосѣдъ: чшобъ не замарать своего прелестнаго ропика: *тоты не гисты.*—

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

АРМІЯ ГЕРМАНСКАГО СОЮЗА ВЪ 1832 ГОДУ

Народонаселеніе Союзныхъ государствъ	36,281,578 душъ.
<i>Австрія</i> , по Германскому Союзу, обязана выставить	1, 2, 3 армейскіе корпуса.
Артиллерійскихъ орудій	192.
Пѣхоты	73,501 чел.
Конницы	13,546 —
Инженеровъ и артиллеристовъ	7,775 —
<i>Пруссія</i> , по Германскому Союзу:	4, 5, 6 корпуса.
Артиллерійскихъ орудій	192.
Пѣхоты	61,418 чел.
Конницы	11,319 —
Инженеровъ и артиллеристовъ	6,497 —
<i>Баварія</i> (королевство) 7 корпусъ.	
Артиллер. орудій	72.
Пѣхоты	27,813 чел.

Конницы	5,068 чел.
Инженеровъ и артиллеристовъ	2,919 —

Всего въ семи армейскихъ корпусахъ 424 пушки, 162,732 чел. пѣхоты, 29,933 чел. конницы, 17,191 инженеровъ и артиллеристовъ.

8-й корпусъ составленъ изъ учапковъ:

Виртембергскаго (королевства).

28 пушекъ,
10,816 чел. пѣхоты,
1,994 — конницы,
1,145 — инженеровъ и артиллеристовъ.

Баденскаго (Великаго герцогства)

20 пушекъ,
7,751 чел. пѣхоты,
1,429 — конницы,
820 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Гессенскаго (Великаго герцогства).

12 пушекъ,
4,802 чел. пѣхоты,
885 — конницы,
508 — артиллеристовъ и инженеровъ.

И того: 60 арт. орудій, 23,359 чел. пѣх., 4,308 чел. конн., 2,473 чел. артилл. и инженеровъ.

9-й корпусъ арміи Германскаго Союза составляется изъ учапковъ:

Саксонскаго (королевства).

24 пушки,
9,302 чел. пѣхоты,
1,714 — конницы,
984 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Гессенскаго (курфиршества).

10 пушекъ,
4,402 чел. пѣхоты,
811 — конницы,
466 — артилл. и инженеровъ.

Нассаускаго (герцогства).

8 пушекъ,
2,710 чел. пѣхоты,
— — конницы,
318 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Всего: 46 арт. орудій, 18,395 чел. пѣх., 2,800 чел. конн., 1,978 чел. артилл. и инженеровъ.

10-й армейскій корпусъ составляется
изъ слѣд. участковъ:

Ганноверскаго (королевства).

26 пушекъ,
10,118 чел. пѣх.,
1,865 — конницы,
1,071 — артил. и инженеровъ.

Голштейнъ-Лауэнбургскаго (герцогства).

6 пушекъ,
3,091 чел. пѣхоты,
514 — конницы,
295 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Брауншвейга.

4 пушки,
1,625 чел. пѣхоты,
299 — конницы,
172 — артил. и инженеровъ.

Мекленбургъ-Шверинскаго (Вел. герцогства).

6 пушекъ,
2,775 чел. пѣхоты,
511 — конницы,
294 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Мекленбургъ-Стрелицкаго (Великаго герцогства).

612 чел. пѣхоты,
71 — конницы,
59 артиллеристовъ и инженеровъ.

Ольденбургскаго (Вел. герцогства).

4 пушки,
1,999 чел. пѣхоты,
179 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Любека, Бремена, Гамбурга.

4 пушки,
1,699 чел. пѣхоты,
312 — конницы,
179 — артиллеристовъ и инженеровъ.

Всего въ 10-мъ корпусѣ 50 артиллерійскихъ орудій,
20,919 чел. пѣхоты; 3,572 чел. конницы, 3,219 чел.
артиллеристовъ и инженеровъ.

Резервный корпусъ арміи Германскаго
Союза состоитъ изъ нижепоимено-
ванныхъ участковъ:

Великаго герцогства Саксенъ-Веймарскаго . 2,338 чел.

Герцогства Саксенъ-Мейнингенскаго	1,375 чел.
— — — Саксенъ-Кобургскаго	1,543 —
— — — Алтенбургскаго	1,152 —
— — — Ангальтъ-Дессаусскаго	612 —
— — — Ангальтъ-Бернбургскаго	408 —
— — — Ангальтъ-Кѣстенскаго	367 —
Княжества Шварцбургъ-Зондерсгаузенскаго	525 —
— — — Шварцбургъ-Рудольштадтскаго	620 —
— — — Гогенцоллернъ-Гехингскаго	215 —
— — — Гогенцоллернъ-Сигмарскаго	428 —
— — — Лихтенштейнскаго	61 —
— — — Рейсъ (старшей линіи)	250 —
— — — Рейсъ (младш. линіи)	599 —
— — — Липпе-Дипмольдъ	} 1,034 —
— — — Липпе-Шавенбургъ	
— — — Вальдекскаго	565 —
Ландграфства Гессенъ-Гомбургскаго	229 —
Вольнаго города Франкфурта	540 —

Вся армія Германскаго Союза заключаетъ въ себѣ
362,815 человекъ и 580 артиллерійскихъ орудій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

60.

Почтеннѣйшій *В. В. В.* погрѣшилъ не-
множко, написавъ, будто бы я, нижеподпи-
савшійся сочинитель *Литературныхъ замѣ-
токъ*, ловлю съ жадностью въ *Б.* для *Ч.*
пипографскія опечатки и спрою на нихъ,
съ удивительнымъ спараніемъ, огромный
обвиненія въ незнаніи грамматики, логики,
наукъ, искусствъ и въ недоспаикъ здра-
ваго смысла. Конечно, я человекъ маленькій,
мои литературныя заслуги передъ безсмерт-
ными твореніями г. *В. В. В.* какъ камалъ
въ море опущенная: ему легко задавить ме-
ня огромностью своей репутации; но спра-
ведливо ли это будетъ?

Во первыхъ, осмѣливаемся представить на
высокое благоусмотрѣніе его, что огромныя
обвиненія въ *Лит. Прибавленіяхъ* ни прошивъ

кого бытъ не можеть: ибо весь ихъ объёмъ заключается въ одномъ печатномъ листѣ, въ которомъ постоянно находимъ какой нибудь рассказъ, повѣсть, или сказку; эпиграфъ, стихотвореніе, шараду, новѣйшія извѣстія о модахъ и изъясненіе карпинки. Гдѣ же тушь помѣстишь *огромную* крипическую спашью? Грѣхъ вамъ, почтеннѣйшій *В. В. В.*, нападать на меня, да еще и понапрасну! Вы бы вели войну съ равными себѣ—съ *Жуковскимъ*, *Пушкинскимъ*, *Грегомъ*, *Кукольниковымъ*, *Марлинскимъ*: эпо сдѣлало бы вамъ честь; но что я? Литературное пасъкомое, издавшее нѣсколько переводныхъ повѣстей, которыя (каюсь!) присвоилъ себѣ и пустилъ въ свѣтъ подъ чужимъ именемъ! Что я? Крипикъ, рецензентъ, оцѣнщикъ чужихъ трудовъ, не смѣющій даже подъ ними опкликнуться своимъ настоящимъ именемъ; прусь, бросающій въ прохожихъ изъ-за угла грязью!—

Однако же, осмѣливаюсь вмѣнить себѣ въ достоинство то, что я, прежде появленія первой книжки *С. О.* на 1836 годъ, удичалъ гг. *Тю-Тюнджи-Оглу* и *Морозова* въ новомъ призрастіи.

1-е. Я неоднократно и всегда съ прискорбіемъ указывалъ Публикѣ на безопчепный похвалы барона *Брамбеуса* беспалажному стихотворцу г. *Тилофеву*.

2-е. Много разъ громко изъяснял я негодованіе противъ грубыхъ насмѣшекъ надъ сочинителемъ трагедіи *Баторій и Россія*, и пропешу противъ того, что—«баронъ *Розенъ*, писатель извѣстный уже многими произведеніями, поставленъ ниже какова-то плохова рюмоплѣта, прудившагося надъ *Палермскими Бандитами*, ничтожною пьескою, въ которой нѣтъ сноснаго стиха. Эпо умышленное сближеніе оригинальной трагедіи съ переводною оперою, кажется намъ (также какъ и г-ну *В. В. В.*) забавною, смѣшною ошибкою, или жалкою, неудачною насмѣшкою. Поступокъ съ барономъ *Розеномъ* и г. *Тилофевымъ* объясняется очень просто (*С. О.* кн. 1, 1836): баронъ *Розенъ* не участвуетъ въ *Библиотецкѣ*, а г. *Тилофевъ* весьма часто на-

дѣляетъ её своими произведеніями, и кромѣ того написалъ посланіе къ любимому ея автору.»

—61.

Виноваты: не можемъ рѣспаться съ первою книжкою *С. О.* и съ ученѣйшимъ г. *В. В. В.*, который, Богъ въспъ почему, полагаетъ, будто бы я, въ *Литературныхъ замѣткахъ Прибавленій къ Р. И.*, «съ жадностію ловлю типографскія опечатки въ *Б. для Чт.* и спрою на нихъ съ удивительнымъ стараніемъ огромныя обвиненія.» Я бы всенижайше просилъ г. *В. В. В.* указать мнѣ на нумера, страницы и справки, на коихъ онъ замѣнилъ у меня такую мелочную придирчивость. Мы уже разъ просили объ эпомъ нашего *Виргилія*; теперь повпоряемъ наше челобитье.

Намъ кажется, напротивъ, что мы и крупныхъ-то промаховъ барона *Брамбеуса*, умышленныхъ и неумышленныхъ, не успѣваемъ заклеимить въ нашихъ замѣткахъ.

Впрочемъ, мы прежде г. *В. В. В.* пропешовали противъ приспраспнаго униженія *Ледяного дома* и вознесенія *Постоялаго двора* въ часпоупоминаемомъ журналѣ, изд. *А. Ф. Смирдинскимъ*.

По нашему мнѣнію; ихъ бы не надлежало и сравнивать: одинъ романъ нравоописательный, другой историческій. Дѣлать между ними паралель, значитъ тоже, что сравнивать пудъ съ аршиномъ. Почему же эпо сдѣлано?—«Потому,» отвѣчаетъ нашъ *Жюль-Жаненъ*—г. *В. В. В.*: «что г. *Лажениковъ* не участвуетъ въ *Библиотецкѣ*, а авторъ *Постоялаго двора* печатаетъ въ ней свои повѣсти (*). Тактика все одна и та же: мы—все, а всѣ прочіе нашего ногтя не спорять.

То же самое было и съ према повѣстями г. *Павлова*. По прочтеніи этихъ прехъ безпо-

(*) И недавно еще подарилъ въ *Библиотеку* новую повѣсть свою *Чортовъ Салазки*.—К.

добныхъ повѣстей, Крипикъ прехладнокровно сказалъ: «г. Павловъ будетъ хорошо писать.» Тупъ г. В. В. В. поставилъ (!!!) при знакахъ удивленія, а мы съ своей стороны готовы прибавить еще полдюжины. Гдѣ же тупъ разногласіе?

Еще изумительнѣе кажется г-ну В. В. В. разборъ *Арабесковъ*—г. Гоголя. Тупъ, говоритъ знаменитый нашъ *Аддисонъ*: тупъ приспращіе Крипика (спр. 57-ая 1-й книжки С. О.) является въ полномъ блескѣ, въ нагонтъ почти опврапительной. Крипикъ начинаетъ прямо съ личности: выписавъ изъ *Арабесковъ* предисловіе, онъ говоритъ: «Только *Гёте* и только *Гоголь* могутъ говорить съ публикою такимъ образомъ. Они знаютъ, что публика применитъ съ благоговѣніемъ все, что они ей выкинутъ, и что каждая ихъ строка, хоть бы въ ней, вмѣсто пользы, полку и красота, было одно только молодое, драгоценна для ней и для ея потомства,» Пропускаемъ нѣсколько строкъ и потомъ опять продолжаемъ выписку. «*Гёте* предоставилъ своимъ наслѣдникамъ и обожателямъ подобрать всѣ лоскутки его молодости, и издастъ ихъ по его смерти;» продолжаетъ язвительно-насмѣшливымъ тономъ Крипикъ *В. для Чит.*: «Г. Гоголь, не полагаясь на разборчивость наслѣдниковъ и обожателей, *нагинаятъ* (*) свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои по-смертныя сочиненія. . . .» Опять пропускаемъ нѣсколько строкъ и потомъ слѣдуемъ за славнымъ, за знаменитымъ, за безсмертнымъ г. В. В. В. — «Чѣмъ же Крипикъ мѣряетъ заслуги г. Гоголя, для опредѣленія ему мѣста въ нашей литературѣ? Подробнымъ разборъ ученыхъ спашей?» спрашиваетъ г. В. В. В., и самъ же отвѣчаетъ: «Совсѣмъ нѣтъ. Это было бы очень скучно. Крипикъ выписалъ два отрывка изъ разбираемой книги; поставилъ послѣ каждого нѣсколько восклицательныхъ фразъ, и заключилъ, что

(*) *Нагинаятъ*; сказано въ насмѣлку, надобно сказать *продолжаетъ*: ибъ г. Гоголь началъ свою литературную дорогу изданіемъ въ Свѣтъ *Вестеръ на хуторѣ близъ Дикавки*, такимъ блестящимъ твореніемъ, котораго баронъ *Брамбеусъ* не совершилъ еще. — К.

ученость не дала автору. Крипикъ говоритъ, что имя г. Гоголя совершенно неизвѣстно: можетъ ли это быть, когда въ *Новосельѣ* была напечатана *Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*? Но оставимъ эту несчастную спашью;» восклицаетъ въ заключеніе многоученѣйшій нашъ *Фреронъ*—г. В. В. В.: «она надѣлала больше зла г-ну Крипику *Библиотеки для Читенія*, чѣмъ автору *Миргорода!*»

И я нижеподписавшійся поже думаю, и въ помъ и руку приложилъ,

А. Кораблинскій.

19-е Февраля
1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б А Я Д Е Р К А.

Плѣнился брама Баядеркой,
Ея сестрой плѣнился я,
И богу Индусовъ, хоть дерзко,
Скажу: прекраснѣе моя!
Я расскажу о ней немножко:
Она какъ воздухъ нижезла,
Ея апласистая ножка
Лешучей дыма и крыла.
У ней какъ яблочко головка;
Прищурить глазки засмѣясь
Ея любимая уловка, —
Какой милѣ нѣтъ для глазъ.
Она какъ въ облако одѣша,
Кольцомъ любви охваченъ спашъ.
На ножкахъ розоваго цвѣша
Горитъ блестящій палисманъ.
Она какъ молнія летаетъ,
Стоитъ на пальчикѣ одномъ,
То ножкой съ ножкою играетъ,
То вдругъ поидетъ веревенкомъ,
Она летитъ какъ сновидѣнье,
Какъ вдохновенный восторгъ;
И сколько, сколько вдохновенья
Слѣшаетъ съ этой пары ногъ...
Когда, головкой поникая
Въ сіянье розовыхъ лучей,
Она, какъ упрю молодая,

Сіяешь прелестью своей!

Или, подь розовою дымкой
 Когда въ толпѣ своихъ подругъ
 Мелькаешь легкой улыбкой,
 Черпишь ногой воздушный кругъ!
 Всегда въ срединѣ дѣвъ блестящихъ
 Она, какъ солнце межъ лучей, —
 Всегда лепучѣ лепящихъ
 И всѣхъ живѣй и веселѣй.

За чѣмъ пѣсна поршрета рама,
 За чѣмъ и я не Рафаэль,
 За чѣмъ не я щаспливецъ брама,
 Или—за чѣмъ пью эпомъ хмель!...

Но пусть, — хоть вы до упоенья
 Напейтесь очи красотою, —
 Пролейте въ душу вдохновенье —
 И буду Брама я мечшой.

Залорейцевъ.

Мѣстечко Волгово-поле
 2 Декабря 1835.

С H A R A D E.

Mon premier, cher lecteur, chétif et méprisable,
 Vit au sein des tombeaux; mais souvent formidable,
 Agent d'alarme et de destruction,
 Il répandit la consternation
 Dans une république illustre et florissante.
 Souvent une flotte puissante,
 Gloire et sûreté des états,
 Par cent bouches d'airain vomissant le trépas,
 Assouvit sa faim dévorante.
 La voix lugubre et gémissante
 De mon dernier, vous glace d'épouvante.
 Enfin, quand les sombres frimats
 Tiennent la nature engourdie,
 Mon tout, en trahissant vos pas,
 Peut vous livrer à la Parque ennemie. (t.)

З А Г А Д К А.

Я съ крыльями, безъ крыль здѣсь въ городѣ лепаю;
 О государственныхъ подь часъ сужу дѣлахъ;
 Решивыхъ въсповицѣ въ молвѣ предупреждаю
 И гнуся и верчусь во всѣхъ почши рукахъ.
 Министръ беретъ меня, кандидеръ, а въ пракширѣ

Купецъ и мѣщанинъ бесѣдують со мной;
 Живу не по найму, а въ собственной кварширѣ,
 На Мойкѣ, — каждый день рожусь шамъ подь
 доской.

Узнали? или нѣтъ? Еще скажу въ добавокъ,
 Родилеламъ даю порядочный доходъ,
 Касаюся до всѣхъ Россійскихъ книжныхъ лавокъ,
 Язвлю писателей и славлю въ свой чередъ.

Въ No 26-мъ, помещенная шарада значить: *Гром-обой.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ 15 Апрѣля 1835 года, дня открытія Театра
 послѣ поста по 10 Февраля до закрытія вновь
 передъ Великимъ постомъ, или въ такъ называе-
 мый театральный годъ, на С. Петербургскихъ
 Театрахъ вновь были играны и возобновлены слѣ-
 дующія пьесы.

Трагедіи:

Въ первый разъ

1. *Торквато Тассо*, драматическая фантазія въ 5-ти актахъ, въ стихахъ; соч. Н. В. Кукольника.

Возобновлена

1. *Фаустъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; соч. Августпа Клингемана; пер. съ Нѣмецкаго.

Драмы,

игранныя въ 1-й разъ

1. *Свѣтскій головникъ*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
2. *Она польшана*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
3. *Дождь скупаго*, въ 2 дѣйствіяхъ; пер. съ Французскаго П. И. Валберхомъ. Г. Сосницкій чрезвычайно хорошъ въ роль скупаго.
4. *15 лѣтъ разлуки*, въ 3 картинахъ, въ стихахъ; соч. К. А. Балтурина.
5. *Отцовское проклятіе*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
6. *Венеціанская актриса*, въ 3 супкахъ и 4 отдѣленіяхъ; передѣлана съ Французскаго.
7. *Отецъ и отчество* или *Земная нога*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; изъ соч. Раупа-

ла передѣлана В. Н. Семёновымъ. — Хорошіе стихи; но пьеса холодна для сцены.

8. *Венеціанскій купецъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ; переведена съ Нѣмецкаго А. П. С...нымъ. Прекрасный очеркъ жида *Шейлока* не выкупаешь недоспаивковъ драмы; припомъ свиспокъ машиниспа, раздающійся до 40 разъ, ужасно надѣдаетъ ушамъ и разочаровываетъ душу.
9. *Избавитель*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго. Хорошо бы опъ него избавишься.
10. *Мономанъ (польшанннй)*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
11. *Матильда или Ревность*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
12. *Честолубецъ*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
13. *Живая покойница*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
14. *Евгенія или Тайный бракъ*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.

Комедіи:

Въ 1-й разъ:

1. *Саламандра или Капитанъ корвета*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго, съ принадлежащимъ къ ней прологомъ *Золотая морковка*.
2. *Мальвина или Бракъ по склонности*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
3. *Еще добрый малой*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Французскаго. Эпи добрые малые падоѣли и въ свѣпѣ, и въ романахъ, и на сценѣ.
4. *Любовь и дружба*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
5. *Тайная страсть*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.

Возобновлены:

1. *Молодость Генриха V*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
2. *Разводъ или Балъ у адвоката*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
3. *Школа злословія*, въ 5 дѣйствіяхъ; съ Англійскаго.

4. *Школа женщинъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; съ Французскаго.
5. *Скупой*, въ 5 дѣйствіяхъ.
6. *Тетушка или Она не такъ глупа*, въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ; соч. князя А. А. Шаховскаго.
7. *Двое за четверыхъ*, въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ; съ Французскаго, пер. В. А. Каратыгинымъ.

Оперы:

Представленыя въ 1-й разъ:

1. *Докторъ въ хлопотахъ*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
2. *Тайный бракъ и поединокъ*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго; музыка Геролда.
3. *Людвигъ или Любовь и ненависть*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
4. *Влюбленная Байдерка*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго; музыка Обера.
5. *Швейцарская хижина*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
6. *Семирамида*, въ 2 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; пер. съ Италіанскаго А. И. Шелера.

Возобновлены:

1. *Лодоиско*, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
2. *Изступленный*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Водевильи:

Игранныя въ 1-й разъ:

1. *Закатъ солнца*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
2. *Три шлпы*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
3. *Близнецы*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
4. *Дядя сватъ*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
5. *Жизнь и смерть*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
6. *Купцы между собою или Дешевая покупка*, въ 1 дѣйствіи; соч. актёра П. Тригорьева меньшова.
7. *Покойникъ мужъ или его вдова*, въ 1 дѣйствіи.

8. *Сынъ природы*, въ 3 отдѣленіяхъ; изъ романа *Поль-дѣ-Кока*.
9. *Ханскій гай*, въ 1 дѣйствіи; соч. Егора *Алипанова*.
10. *Погему?* въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
11. *Искусство платить долги*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
12. *Женишокъ-горбунокъ*; оригинальный водевиль въ 1 дѣйствіи; соч. г. *Кони*.
13. *Жена дѣлу всему вина*; оригинальный въ 1 дѣйствіи; соч. П. С. *Федорова*.
14. *Дѣя женщины противъ одного мужчины, или Одного вывели, другаго провели*, въ 1 дѣйствіи; каламбуръ въ заглавіи—и полько!
15. *Царство женщинъ или Свѣтъ наизворотъ*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго. Благоприспособность заспавляетъ молчанье объ эпимѣ водевилѣ.
16. *Гусарская стоянка или Еще подмосковные проказы*; оригинальный въ 1 дѣйствіи; соч. автора *Подмосковныхъ проказъ*.
17. *Провинціальный балъ*, въ 1 дѣйствіи; взяты съ Французскаго П. С. *Федоровыхъ*.
18. *Жена и зонтикъ или Разстроенный настройщикъ*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Возобновлены:

1. *Новая шалость*, въ 1 дѣйствіи.
2. *Актеръ и музыкантъ*, въ 1 дѣйствіи; соч. актѣра П. И. *Григорьева* с.
3. *Молодъ и старъ, женатъ и нѣтъ*, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
4. *Судейскій приговоръ*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
5. *Бабушкины поугаи*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.
6. *Дезертеръ, или Тоска по отчизнѣ*, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Интермедіи:

Представленные въ 1-й разъ

1. *Инвалидъ, или Не въ пору гость хуже Татарина*, въ 1 дѣйствіи.

Возобновлены:

1. *Театральное фойе, или Сцена позади сцены*. Заманчивое названіе; но ошибепесь, если захопшите узнашь изъ неѣ всѣ пайны закулисныхъ инпригъ.
2. *Деревня на берегахъ Воли*, въ 1 дѣйствіи.
3. *Сантиментальный помѣщикъ въ степной деревнѣ*, въ 1 дѣйствіи.

Балеты:

Въ 1-й разъ:

1. *Сильфида*, въ 2 дѣйствіяхъ; соч. г. *Тальони*, представленный *Титусомъ*.
2. *Возстаніе въ Сераль*, въ 3 дѣйствіяхъ; соч. г. *Тальони*, представленный *Титусомъ*.

Возобновлены:

1. *Отгаланіе Жюкриса*, въ 1 дѣйствіи.
2. *Венгерская хижина*, въ 4 дѣйствіяхъ; соч. г. *Дидло*.
3. *Альмавива и Розина*, въ 3 дѣйствіяхъ; соч. г. *Блаша*.

Диверсисементы:

Въ 1-й разъ

1. *Шотландцы*, въ 2 отдѣленіяхъ; изъ пантомимы панцовъ и капанья на конькахъ; соч. г. *Блаша*. (Какая блажь не придетъ въ голову.)

И того вновь представлено пьесъ и балетовъ. 48.

Возобновлено. 22.

Всего 70 пьесъ.

M O D E S.

Il faut se hâter, ma chère sœur, de décrire les toilettes d'hiver; encore quelques jours, et la fin du carême va clore les bals; aussi se succèdent-ils avec une profusion surprenante; et l'on danse comme par enchantement, sans s'interrompre. Les robes d'organdi se portent en grande quantité; c'est l'aurore du printemps. On ne peut rien voir à cet effet de plus joli et de meilleur goût, que les organdis des magasins *Delisle* et *Brousse*. Ces broderies de laine, imitant les

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 29.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 8 ДНЯ 1836 ГОДА.

«Что за коммисія, Создатель,
Бывъ взрослой дочери опцомъ!»

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНЫЕ БРАТЯ.

Повѣсть.

Что можетъ быть прелестнѣе Флоренціи? Непешественникъ, посѣдившій её однажды, возвращается, чтобы еще разъ взглянуть на неё, надышавшись ея благораспоряденнымъ воздухомъ, налюбовавшись ея широкими улицами, пышными адеями, зеркальною рѣкою и мраморными паладами, которыми нѣтъ подобныхъ въ мірѣ.—Всѣ эти великолѣпные дворцы украшены во внутренности дворовъ колоннами, которыхъ капители сіяютъ позолотою.— Они отдѣлены отъ улицы каналомъ, огражденнымъ цѣпью; иные же изъ нихъ имѣютъ на верху зубцы и походятъ на укрѣпленные замки.— У каждаго виситъ огромное желѣзное кольцо, которое вдѣлано въ вѣковыя стѣны его, и свидѣтельствуетъ какъ о древности зданія, такъ и о знатности его владѣльца.— Церкви по большей части отличаются однимъ богатствомъ украшеній; но соборная, называемая храмомъ Діаны, поражаетъ величиемъ и смѣлостью архитектуръ своей.

Мраморная колокольня ея, или, лучше сказать, башня съ узкими окнами, расположенными между небольшихъ колоннъ изящной опдѣлки, выстроена по плану *Мишель Анжса*; прошивъ возвышается огромная ротонда, извѣстная подъ именемъ *Крестильница* (*Baptistuire*). Она освѣщена сверху изъ купола, и славится своими бронзовыми дверьми такой превосходной работы, что, по словамъ Флорентинцевъ, онѣ могли бы затворять врата рая.— Конечно, любовь Испанцевъ къ изящному часто внушаетъ имъ слишкомъ гиперболическія сравненія, но что касается до этихъ дверей, то онѣ въ самомъ дѣлѣ прекрасны и достойны опворяться для души, очистившейся водою крещенія,

На площади, гдѣ возвышается эпопъ великолѣпный храмъ, стоитъ маленькая церковь во имя *Святыхъ Тимъ*, извѣстная подъ именемъ часовни *Черныхъ братьевъ*.— Древній и знаменитый орденъ эпопъ, издревле отличавшійся Христианскими подвигами, достоинъ быть прославленъ на земли. Къ нему принадлежали сильнѣйшіе вельможи Флоренціи, и самые герцоги Тосканскіе гордились названіемъ *Черныхъ братьевъ*. По завоеваніи Италіи Французами, *Наполеонъ*

принялъ брацѣвъ подѣ свое покровитель-ство, и при всякомъ случаѣ оказывалъ имъ уваженіе.—Мнѣ не извѣстенъ спатушъ орденъ—но вопшъ главное правило его: *Во имя Христа, помогать по возможности всѣмъ несчастнымъ, безъ исключенія.*

Благодѣнія ихъ совершаются впайнѣ, и братья не знаютъ другъ друга ни въ лицо, ни по имени. Въ собраніяхъ своихъ они являюся въ капшонахъ, которые совершенно закрываютъ ихъ, и имена ихъ извѣсны только одному наспоятелю и нѣсколькимъ священникамъ. Если случаетя пожаръ, смертоубійство, или человекъ упадетъ съ крышки и тому подобное, братья въ одну минушу являюся спасать несчастнаго. Не зная другъ друга, но одушевленные однимъ духомъ милосердія и любви, они всѣ совокупно дѣйствуютъ для одной цѣли, и бросаюся на опасность не щадя жизни своей. Кто призываетъ ихъ на помощь? Какъ являюся они съ такою непостижимою скоростію? Это загадка; я видѣлъ только въ толпѣ черныя ихъ мантіи; видѣлъ какъ они выносили на рукахъ своихъ раненыхъ или мертвыхъ, и когда въ удивленіи спрашивалъ—кто они; то мнѣ отвѣчали: «У нихъ нѣтъ имени; каждый изъ нихъ, надевая черную одежду, опказываетя опъ него, и не имѣетъ никакого званія, но всѣ вмѣстѣ они называютя *герными братьями, или братьями доброй помощи.* Вопшъ всѣ. Капшонъ всегда закрываетъ ихъ лица, и вы сквозь него можете только разсмотрѣть глаза ихъ, одушевленные огнемъ любви Христіанской.—Между ими естъ можетъ бытъ знатнѣйшіе вельможи и бѣдные ремесленники, поселяне и люди славные въ цѣлой Европѣ умомъ своимъ,—но ни вы, никто, не знаете ихъ—и сами они не извѣсны другъ другу.»

Было время, когда Флоренція и Тоскана, не зная еще чуждаго владычества, спокойно наслаждались мирнымъ правленіемъ эрцгерцога *Леопольда*, который былъ добрый государь и любилъ подданныхъ какъ дѣшей своихъ. Флоренція процвѣтала подѣ его дер-

жавою;—пышный дворъ его веселился, а народъ улыбался и пѣлъ пѣсни, когда онъ проѣзжалъ по улицамъ, окруженный блестящею свитою.

Въ это щасливое время, въ одинъ зимній вечеръ (вы знаете какъ пріятны зимы Флоренціи!), великолѣпный дворецъ, возвышавшійся на берегу Арно, было ярко иллюминированъ;—большіе окна его, казалось, плавали въ свѣтѣ, опъ блеска люстръ, освѣщавшихъ комнаты, и даже съ проотивуположнаго берега рѣки можно было различить пышное убранство залъ и богатую одежду гостей, собравшихся на праздникъ. Графъ *Леонардъ Строза* поржеспвовалъ свадьбу единственной дочери своей, наследницы нещетнаго его имѣнія, молодой и прелестной *Біанки*, которую любилъ онъ болѣе всего на свѣтѣ.—*Біанка* была воспитана въ благочестіи и скромности, подѣ надзоромъ добродѣтельной матери, которая за четыре года передъ тѣмъ возвратилась на небо, и *Біанка* въ ежедневныхъ молитвахъ своихъ призывала еѣ, какъ святую.—Нѣтъ сомнѣнія, что блаженная душа праведницы, съ высоты горней обители своей призирала милую дочь, попому что *Біанка* не знала печали и отдавала руку свою одному изъ самыхъ отличныхъ молодыхъ людей Флоренціи; стѣдовательно щастіе ожидало еѣ въ супружествѣ. *Рафаэль Кордова* соединялъ съ знатностію рода прекрасную наружность и всѣ качества сердца и ума. Графъ *Строза* выбралъ его изъ тысячи искашелей, какъ прекрасный ювелиръ выбираетъ самый лучший и драгоцѣнный бриллиантъ, чтобы украсить имъ верхъ царской короны.—Для графа *Строзы* дочь его была дороже всѣхъ коронъ на свѣтѣ.

На праздникъ, долженствовавшій предшествовать брачному обряду, графъ *Леонардъ* созвалъ весь знатный кругъ столицы и прекраснѣйшихъ женщинъ Флоренціи, которые наперерывъ старались превзойти другъ друга великолѣпіемъ; но *Біанка* въ простомъ платьѣ, блѣдомъ и чиспомъ какъ душа ея, превосходила красою всѣхъ, и занималась гостями опца своего такъ спокойно и не-

принужденно, какъ будто бы дѣло шло только о свадьбѣ которой нибудь изъ подружекъ ея.

— Милая *Бianka*, — сказалъ графъ дочери, нашедъ еѣ одну: отъ чего ушла ты въ эту уединенную комнату, тогда какъ въ залѣ ужь танцуютъ.—

«Отъ того; батюшка, что я хотѣла наединѣ поблагодарить Бога за свое щастіе и потомъ насладиться немного пишиною этой ночи, прекрасной какъ судьба моя.»

— Ты права, щастіе дома нашего кажется теперь прочно; я выигралъ процессъ, по которому могъ бы лишиться всего имѣнія. Двоюродные братья мои, запьявшіе эту пѣзбу со мною, не думали, что она рѣшилась въ мою пользу.— Они въ отчаяніи и бѣшенствѣ;— такъ бываешь всегда съ вѣроломными, когда правосудіе открываетъ ухищренія ихъ.... но эпископъ *Рикарди* чрезвычайно мщительны, и еслибъ я не былъ увѣренъ, что они въ Болоніи, то бы не смѣлъ выходитьъ изъ дому безъ вооруженной свиты.—

«Ахъ, батюшка, какая ужасная мысль! — Вы добрый Христіанинъ, Богъ будетъ вамъ покровителемъ— съ нимъ бояться нечего.— Припомъ, вѣдь вы просили врагамъ вашимъ, не правда ли?»

— Милая, добрая *Bianka*, — отвѣчалъ графъ съ глубокимъ вздохомъ: не все люди имѣютъ твою ангельскую душу— и я признаюсь, что не скоро могу забыть оскорбленія, нанесеннаго мнѣ *любезными* моими родственниками. Не меня, а тебя хотѣли они лишиться имѣнія.— и ты утѣшеніе, блаженство, слава отца твоего, ты была бы жертвою ихъ злобныхъ умысловъ.... изверги! —

И тѣмъ вспыхнулъ на челѣ графа и на минушу исказилъ благородныя черты его.— *Bianka* схватила отца за руку, и увлекая его за собою, говорила съ очаровательною улыбкою: Пойдемте въ залу, батюшка; развѣ вы не хотѣли быть *любезными* и веселыми въ день свадьбы вашей дочери — вашей милой, щастливой *Bianки*?»

Въ эту минушу залы, гостинныя, галереи, все было полно;—золото и алмазы блиста-

ли на гостяхъ; свѣтъ люстръ и канделябровъ, отраженный безчисленными зеркалами, хрусталемъ, бронзами, мраморомъ—ослѣплялъ зрѣніе;— ароматы, наполняя воздухъ нѣгою, упомляли чувства; подъ окнами безпрестанно стучали кареты, обгоня одна другую; слуги бѣгали, суежились у крыльца, скороходы прѣсли факелами; лошади ржали и били копытами о мостовую;— народъ кипѣлъ передъ домомъ, на мосту, на набережной и даже въ сосѣднихъ улицахъ. Видя это необыкновенное движеніе, шумъ, крикъ, суматоху, вы сказали бы, что самъ великій герцогъ Тосканскій выдаетъ за мужъ дочь свою; но въ Италіи народъ и вельможи не чужды другъ другу,— и всякое происшествіе въ домѣ знашнаго господина, возбуждаетъ въ немъ непримѣтное участіе.— Въ щастливой Италіи жизнь каждого, въ особенности, составляетъ часть общей жизни въ дѣломъ; богатые и бѣдные, знашныя и прослѣдующія ежедневно и ежечасно сходясь вмѣстѣ на улицѣ, въ церквахъ, на скачкахъ, на гульбищахъ;— вездѣ толпа— вездѣ сильные и слабые, покровительствуемые и покровители; благодѣтели и ихъ приверженцы;— существованіе однихъ зависитъ отъ другихъ, — слѣдовательно, высшій классъ общества въ безпрестанномъ сношеніи съ низшими сословіями, которыя составляютъ съ нимъ одну неразрывную цѣпь. И такъ не удивляйтесь, что у палаты графа *Леонарда* собралось такое множество любопытныхъ. Праздникъ, который давалъ онъ, былъ нѣкоторымъ образомъ семейнымъ праздникомъ для бѣдныхъ жителей квартала.

«Знаешь ли, что *догга* наша *Bianka* выходитъ сегодня за мужъ?» сказала одна добрая женщина сосѣдкѣ своей.

— Какъ же не знаешь? Мы даемъ ей столько-то приданаго.—

«Дай Богъ ей всякаго щастія,» сказала молодая крестьянка. «Она была и чиста какъ цвѣтокъ на горахъ Апеннинскихъ!»

— И набожна какъ святая, — прибавила старушка: наши дѣвушки должны учиться у неѣ благочестію и скромности. —

Вдругъ, кто-то закутанный въ широкій плащъ, спросилъ у другаго человека, сплывшаго въ полнѣ: О комъ говорятъ эти женщины?

— О комъ! — закричало нѣсколько голосовъ вмѣстѣ: какъ о комъ? да развѣ вы не слышали, сударь, что благородная графиня *Бianка*, дочь знатнаго *Строзы*, идетъ за мужъ? . . . Видно вы не здѣшніе, а то бы какъ кажется не знаешь? —

При имени графа *Строзы*, незнакомецъ вздрогнулъ, и тихими шагами, но часпо озираясь назадъ, удалился — и скоро исчезъ изъ виду. Однакожь одинъ изъ просполоудиновъ пошелъ за нимъ.

Графъ *Леонардъ*, занимался госпями и принимая поздравленія, примѣнилъ, что одинъ изъ людей его спарался къ нему подойти. Человека эпопъ былъ блѣденъ и казался въ чрезвычайномъ смущеніи. Графъ подозвалъ его къ себѣ и вышелъ съ нимъ въ коридоръ.

«М. г.» сказалъ слуга: «одинъ изъ работниковъ, которые приходятъ сюда, опдалъ мнѣ вопъ эту бумагу, въ то время, какъ я всходилъ на парадное крыльцо.»

Графъ схватилъ записку, и прочелъ слѣдующее:

— М. г., какой-то незнакомецъ, очень подозрительной наружности, безпрестанно ходилъ около палатъ вашихъ, съ другимъ человекомъ, одѣтымъ въ такую же плащъ какъ и оцъ. Я подслушалъ, что они говорили о васъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ другому: Въ полночь назначена свадьба въ церкви *Купола*. Мы будемъ сплывать въ полночь, и когда спануть выйдете изъ церкви, ты долженъ броситься на него съ кинжаломъ, и если онъ опъ одного удара не умретъ, то я дамъ ему другой, и потомъ убьемъ вмѣстѣ. Услышавъ эти слова, я поспчасъ пересказалъ ихъ друзьямъ моимъ. Они также и ваши друзья, м. г., слѣдовательно будутъ присматривать за этими людьми, которые, судя по выговору ихъ, должны быть изъ Болонн. —

«Злоды!» закричалъ графъ, задрожавъ опъ ярости; но скоро, воспоржеспвовавъ надъ

собою, спокойно сказалъ слугѣ: «поблагодари опъ меня этого работника; проси, чтобъ онъ не выпускалъ изъ виду людей, о которыхъ онъ говоритъ, и скажи ему, что я его не забуду.»

Попомъ вошелъ онъ въ залу и искалъ глазами дочь, знал, что одинъ взглядъ на неѣ укрощилъ буйное спремленіе его гнѣва. — *Bianка* подошла, посмотрѣла на опца съ кропкою улыбкою — и злоба въ ту же мину спуща исчезла въ сердце *Леонарда*. *Bianка* поняла все и сладкимъ голосомъ своимъ начала упшшать его, истощая все ласковыя выраженія звучнаго и прекраснаго языка своего. Она обладала непоспжимымъ искусствомъ угадывать все, что происходило въ душе графа и всегда укрощала порывы спрасспей его.

— Что съ вами случилось, бапюшка? — говорила она: развѣ вы находите, что праздникъ нашъ не довольно великолѣпенъ? . . . О, успокойтесь! все наперерывъ хвалитъ его. —

И она пихонько вывела опца на балконъ, уславленный цвѣтами и померанцовыми деревьями.

— Чпожь — продолжала она шупливимъ пономъ: узнаю ли я наконецъ причину вашего неудовольствія? или вы все намѣренны смотрѣть на бѣдную дочь вашу опуща на прекрасные ваши глаза эти густые черныя брови, которые меня дугаютъ? да скажите, нѣтъ ли какого-нибудь недоспата въ буфетѣ? не дурно ли мороженое, или шербенъ? не фальшиво ли играетъ музыка? или нѣтъ! . . . можете быть управитель вашъ не довольно роздалъ милоспийн. . . . О, бапюшка! за это надобно его очень побранить, и потомъ вдвойнѣ наѣлнить сегодня для бѣдныхъ друзей нашихъ. . . . Что жъ, бапюшка, вамъ не угодно удоспоща мѣся опвѣпомъ? —

Графъ, погруженный въ глубокое размышленіе, долго не говорилъ ни слова, — накопецъ, посмотрѣвъ на неѣ съ нѣжною улыбкою, сказалъ въ полголоса:

«*Бianка* — сокровище — жизнь моя! пивой ангельскій голось разогналъ печальныя мои мысли и успокоилъ мое сердце; но признаюсь, мнѣ приходило въ голову, потчасъ послѣ пивоей свавьбы ѣхашъ путешествовать; съ побой оспанелся покровипель, и ласки *Рафаэля* могушь замънишь мою любовь, мои попеченія.... припомъ же кто знаетъ? можешь бышь пупъ мой на землѣ окончанъ и Всевышній скоро опзсвелтъ меня къ себѣ.»

— Батюшка! батюшка! что вы говорите! какъ вамъ не жаль раздирать мою душу! О! на колѣнахъ умоляю васъ, сказапъ мнѣ, что все это значитъ? не ужьли враги ваши грозятъ вамъ смертью?—

«Ты знаешь, *Bianka*, что я презираю угрозы;» отвѣчалъ графъ съ пакою веселою улыбною, что дочь его совершенно успокоилась.

— Какъ вы испугали меня! — сказала она обнимая отца. Онъ прижалъ еѣ крѣпко къ груди своей — и горячая слеза упала на брачную гирланду невѣсты.

Между пѣмъ наспупилъ часъ, назначенный для церемоніи; *Bianka* удалилась къ себѣ, заперла дверь, и павъ передъ расплатіемъ, долго молилась со слезами. Наконецъ вошла въ залу, гдѣ давно кончилисъ пѣанцы, и госпи, принявъ скромный видъ, голповилисъ слѣдованъ за невѣспкою въ церковь, гдѣ ровно въ полночь ожидалъ еѣ кардиналъ-епископъ, долженствовавшій благословитъ бракъ. — Дамы и мушпны, какъ водитъся въ подобныхъ случаяхъ, перешепывалисъ сходя съ парадной лѣспшпцы; графъ *Леонардъ* велъ дочь, кланяясь на право и на лѣво, и лишь только показался съ нею на подьѣздѣ, какъ громкія восклицанія раздалисъ въ народъ: вивашъ! вивашъ! кричали на улицѣ, на набережной, на мосту — и въ одну мицушу толпа окружила *Леонарда*. Всякой хотѣлъ пожашъ руку графу, и онъ, пропягивая еѣ, кому только могъ, съ прудомъ сълъ въ карету, гдѣ сидѣла уже дочь его съ почепными дамами. Наконецъ, великолѣпный экипажъ, запряженный цугомъ превосходныхъ лошадей, окруженный лакеями, несшими факелы,

пронулся съ подьѣзда, въ сопровожденіи золотой кареты *Рафаэля Кордовы* и множеспва другихъ блестящихъ экипажей.

(*Оконганіе въ слѣд. листкѣ.*)

РЕЛЯЦІЯ БОЛЬШОЙ АРМІИ.

Релляція изъ Большой арміи! провозглашали крикуны по улицамъ Парижа. — Описаніе о взятіи Москвы его величеспвомъ императоромъ и королемъ *Наполеономъ I-мъ*, — кому угодно купить? — Господа и госпожи, вотъ *релляція изъ Большой арміи!*

Въ шопъ часъ, когда толпа выходитъ изъ псапра, когда запираются магазины и заманчивыя гризепки выходятъ на улицу, съ узелкомъ въ рукахъ или рука объ руку съ услужливымъ кавалеромъ, въ эпошъ часъ молодая, спашная, черноволосая дѣвушка пробиралась одна по прощурару улицы Сенпъ-Оноре, и шла очень скоро.

Всякой при свѣтѣ фонарей, освѣщавшихъ лавки, могъ чипашъ на лицѣ ея то глубокое опчаяніе и душевную скорбь, копорыя обнаруживалъ смупный взглядъ ея и поспѣшная походка.

Дѣвушка оспановилась у подьѣзда большаго дома, постучалась и, опворивъ дверь, бросила еѣ почти въ лицо какому-то повѣсь, копорый съ четверпъ часа прѣслѣдовалъ еѣ глупыми своими привѣспствіями; — но она не отвѣчала ни слова.

Она взобралась въ пяпый этажъ и наконецъ достигла скромнаго чердака, гдѣ была бѣдная ея комнапка; — войдя въ неѣ, она припворила дверь и почти безъ памяти упала въ спарыя кресла.

Долго сидѣла она молча, предавшись гореспнымъ мыслямъ. Потомъ вдругъ она вспала, какъ будто опомнившись или переведя духъ; зажгла лампу, вынула изъ кармана *Релляцію Большой арміи*, и, перечипавъ вслухъ имена всѣхъ жерпвъ эпош. пагубной войны, громко зарыдала.

Черезъ пѣсколько мицупъ она подняла голову, провела рукою по лбу, опустила еѣ

на глаза, оперла рѣсницы, омоченныя слезами, и подошедъ къ двери, заспавила её спудомъ.

Потомъ, съ какою-то дикою радостью, подбѣжала къ комоду, выпатила изъ него нѣсколько плашевъ, и выбрала изъ нихъ самое лучшее изъ бѣлаго флѣра, по самое, въ копоромъ она такъ часно танцовала на мѣщанскихъ балахъ.

Она надѣла его на себя — и шуалеть ея продолжался не долго, потому что она спѣшила кончить его; однакожь, по какой-то неизъяснимой женской прихоти, несчастная подошла къ маленькому своему зеркальцу и долго любовалась въ немъ своими прекрасными волосами, чѣрными глазами, опущенными длинными рѣсницами, нѣжною бѣлизною лица, не уступавшею бѣлизнѣ шюлевого покрывала, копорое она накинута себѣ на голову.

Налюбовавшись собою, дѣвушка горько улыбулась и, опойдя отъ зеркала, простерлась передъ Распяиёмъ, споявшимъ въ углу у изголовья постели, и долго молилась Ему съ пламеннымъ усердiемъ.

Потомъ передвинула она кровать свою и поставила на неё кресла, для того, чтобы достать до мѣднаго кольца, вбитаго въ потолокъ для занавѣски.

Спукъ упавшей мебели разбудилъ ея съядку, копорая давно спала, и не слыхала возвращенiя молодой дѣвушки; эта добрая женщина спала прислушивающаяся; потомъ спучанъ въ перегородку; но ей не отвѣчали — и одно смертное хрипѣнiе раздавалось въ комнашѣ.

Тогда страхъ овладѣлъ ею: она вскочила съ постели и спала смопрѣшь въ щель двери. Лампа горѣла еще у Распяиѣ и освѣщала горенку. Надъ опрокинутыми креслами качался прущъ несчастной, висѣвшiй на плашкѣ, въ мѣдное кольцо продѣломъ. Лицо самоубийцы было сине, глаза выкапались, и окровавленный языкъ былъ списнутъ между зубами.

Спарушка полкнула въ дверь, заспавленную спудомъ — онъ упалъ. Вошедъ въ ком-

напу, она перерѣзала плашокъ и приняла въ свои объятiя тѣло несчастной; попомъ положила руку на сердце ея и сказала съ глубокимъ вздохомъ:

— Она умерла! —

На сполѣ лежала *Реллиа Большой арлин*, еще мокрая отъ слезъ, пролипыхъ надъ нею.

— Бѣдняжка умерла отъ любви! — молила спарушка, обливаясь слезами.

Т.

ДѢТСКIЕ БАЛЫ.

У докпора *И.* былъ данъ прекрасный дѣпскiй балъ. Англiйская королева *Емсавета* явилась на немъ, окруженная блестящимъ своимъ дворомъ, и нельзя было довольно налюбоваться на любимца ея *Лейстера*, увѣшеннаго лентами, съ бантами на башмакахъ, въ орденъ Голубой подвязки, — на шшапсѣ-дамъ и фрейлинъ въ длинныхъ вуляхъ, и на всѣхъ Англiйскихъ вельможъ и кавалеровъ того вѣка, въ маншiяхъ, вышитыхъ золотомъ. Нѣтъ ничего прелестнѣе дѣпскаго бала; кокетство маленькихъ дѣвчекъ такъ невинно, что онѣ сами не подозреваютъ его. Оно внушено имъ природою, и попомъ мило и привлекательно. Мальчики думающъ только веселились и прыгали. Какая имъ нужда до богатаго ихъ платья? Они нимамо не заботятся о томъ, къ какому вѣку принадлежитъ оно, какую важную, имъ неизвѣстную еще особу оно напоминаетъ: они радуются шуму, полѣтъ платьей, и довольны тѣмъ, что могутъ хохотать, сколько имъ угодно, и рѣзвиться до успалосiни.

Т.

Я У М Е Р Ъ.

Вольтеръ написалъ одному изъ своихъ знакомыхъ, копорый наскучилъ ему своими письмами: «для васъ я умеръ, государь мой, и слѣдовательно впередъ не буду имѣть чести отвѣчать вамъ на ваши письма.» — Но потомъ, почитая себя обиженнымъ, еще на

писалъ къ нему одно письмо, съ надписью:
Вольтеру, въ Елисейскихъ поляхъ. —

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА. САРДИЦСКІЯ МОРСКІЯ СИЛЫ.

5 фрегатовъ.

6 бриговъ.

12 кононерскихъ лодокъ.

Всего 23 судна.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

62.

Знаменимый *В. В. В.*, въ одной изъ безчисленныхъ крипическихъ своихъ спатеекъ, нѣсколько неоспорочно выразился на щѣпъ *Московского Наблюдателя*, увѣряя, будто бы онъ основался съ одною цѣлью: подкопать репутацію барона *Брамбеуса мухатниковъ* въ *Библиотеку для Чтенія*. Мы согласны, что издатели *Моск. Наблюдателя* не много значатъ въ глазахъ шакова великаго писателя, какъ *В. В. В.*, что *Гоголевы* повѣсти блѣдны въ сравненіи съ сочиненными имъ повѣстями, переведенными съ Французскаго, также какъ повѣсти *Паглова, Погодина и Мельгунова*; мы согласны, что философическія творенія князя *В. О. Одоевскаго* лепетъ младенца передъ высшренними философическими выводами г. *Строева*, что *Языковъ* и *Холмковъ* ничего не произвели равнаго съ его одами и диетрамбами, и что въ книжныхъ разборахъ своихъ профессоръ *Шевыревъ* только горячится, какъ боецъ и выказываетъ свои недостатки, между шѣмъ, какъ почтеннѣйшій г. *В. В. В.* выказываетъ блестящія достоинства и высокія добродѣтели; однакожь, всё надлежало бы говорить о нихъ немножко повѣжливѣе, повоздержнѣе.

Съ другой спороны, мы, со всѣмъ нашимъ уваженіемъ къ г. *В. В. В.*, полагаемъ,

что онъ слишкомъ щадитъ временнаго *Издавателя Молвы и Телескопа*, г-на *Бльинскаго*, слишкомъ съ нимъ церемонится. Напр: *В. В. В.* утверждаетъ, что эти два журнальчика подкопываютъ, всѣ возможныя репутаціи; кругъ ихъ работы грезвгайно обширенъ; всякая извѣстность равно ненавистна *Телескопу* и *Молвѣ: Ломоносовъ, Державинъ, Пушкинъ, Жуковский, Кукольникъ, мертвые и живые*, всѣ равно подвергаются благонаимьренной критикѣ этихъ журналовъ, гдѣ вы никогда не встрѣгали никакого извѣстнаго имени, и потому ненависть ихъ къ извѣстнымъ именамъ огенъ понятна. Къ чему шакая нѣжность съ г-мъ *Бльинскимъ*, который никого не щадитъ, никого не уважаетъ?

А. Кораблинскій.

20-е Февраля

1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С. И. ЗУЕВУ.

(На игру его романа *Алябева: Ты прости нашъ соловей*).

О милый соловей, папомнили вы мнѣ
Мои забышья надежды, радости, муки,
Уврачевали духъ, испоргни въ пининѣ
Алябева плѣнительные звуки.

Спасибс... Понялъ я напѣвы соловья;
Мнѣ близокъ шонъ его по пихій, по унылый;
Спасибо, ошъ души еще прибавлю я,
За соловья, вамъ, соловей мой милый.

Какъ много думъ и образовъ былыхъ
Гармонія мнѣ ша напоминаетъ;
Я слушаю еѣ, я вспоминаю ихъ —
И на сердцѣ шогда свѣтлѣй бываетъ.

М. Демидовъ.

LOGOGRIPHE.

Je disposais jadis de la nature entière
Et j'inspirai long-temps le respect et l'effroi;

Mais aujourd'hui, lecteur, plains-moi.
 Je ne puis renverser la plus faible chaumière.
 Pris en détail, mes huit pieds te font voir
 Une ville aux confins d'Italie et de France ;
 Chez les Orientaux un homme de savoir ;
 D'un marchand le flatteur espoir ;
 L'objet dont un amant désire la présence ;
 Une prison; ce qui fait ma puissance;
 Et ce qu'on tend pour recevoir,

Въ NN^o 27 и 28-мъ, помѣщенные значать: шарада *Ver-
glas*, загадка *Сверная Птица*.

М О Д Е С.

Une belle et grande dame avait l'autre jour au magnifique bal donné par M. *Rotschild*, une robe que je dois vous citer: la jupe de dessous en satin blanc était bordée par le bas d'une haute broderie de perles et de canetille d'or. La robe de dessus en gros de Naples blanc était garnie d'une dentelle d'or et ouverte sur le côté de manière à faire croire qu'elle était relevée dans les poches; ces ouvertures étaient fermées de distance en distance par des roses saillantes en perles au fond desquelles se voyait un gros diamant. Le corsage était juste, à pointe, garni d'une dentelle d'or. Les manches courtes serrées aux bras avaient au bas un rang de perles, et une large manche ouverte en gaze lamé d'or recouvrait en partie la manche courte. Aux oreilles et au cou des perles et des diamans. Sur la tête un petit chapeau tenant le milieu entre les *poufs* et les *Marie Stuart* en velours blanc avec une grande plume nacarat dont le pied était retenu par une étoile en diamans. Cette toilette a été remarquée par tous les gens de goût comme une des plus belles qui aient paru cet hiver.

J'aurai bientôt à vous entretenir de toilettes moins éclatantes; mais les violettes sont souvent préférées aux roses, et mes légères mousselines de printemps ont bien leur prix. Un beau ciel, de jolies promenades foulées par de petits pieds chaussés d'un brodequin gris dessinant la cheville, ont souvent autant de

mérite qu'un soulier de satin glissant sur un parquet luisant....

Adieu; vous voyez qu'en philosophe, je prends le temps comme il vient et que je me crée des jouissances pour toutes les saisons.

Votre affectionnée, — *Sarah*,

М О Д Ы.

Прекрасная и высокая ростомъ дама, на величественномъ балѣ г-на *Ротшильда*, была въ платьѣ, которое я должна тебѣ описать: нижняя юбка была апласная, была вышита снизу широкимъ узоромъ бусами и золотой канителью. Верхнее платье было гротенаплевое, обшито было золотымъ кружевомъ, и открыто на боку такъ, что можно было подумать, что оно прoderнуто въ карманы; эти прорѣзки схвачены были въ непорочномъ разстояннiи возвышенными розами изъ бусъ, внутри которыхъ были крупныя брилліанты. Лицо гладкой, съ мыскомъ, одѣлано золотымъ кружевомъ. У короткихъ рукавовъ, обтапанныхъ около руки, внизу былъ рядъ бусъ, и широкіе рукава изъ газа, съ золотыми полосками, прикрывали частію короткіе рукава. Въ ушахъ и на шеѣ жемчугъ и брилліанты. На головѣ маленькая шляпка, составляющая средину между *poufs* и *Marie Stuart*, изъ бѣлаго бархата, съ большимъ перомъ цвѣта *nacarat*, у которой корень прихваченъ былъ брилліантовой звездой. Этотъ нарядъ замѣченъ былъ всеми людьми со вкусомъ, какъ красивѣйшій изъ всѣхъ нарядовъ, какіе видны были нынѣшней зимою.

Я скоро буду говорить тебѣ о нарядахъ менѣе блестящихъ; но фіалки часто предпочитаютъ розамъ; и мои легкія весеннія кисеи имѣютъ такъ же свою цѣну. Прекрасное небо, красныя мѣста для гулянья, попираемые маленькими ножками, обутыми въ сѣрые сапожки, обозначающими щиколку, имѣютъ иногда не менѣе достоинства, какъ апласный башмакъ, скользящій по блестящему паркету.

Прощай; ты видишь, что я, какъ философъ, довольствуюсь временемъ каково оно есть, и что составляю себѣ наслажденіе на все времена года.

Любящая тебя — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 30.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Апрѣля 11 дня 1836 года.

Видалъ я чудаковъ, копорые ѣзжали
За придевять земель
Смопрѣшь, какъ солнышко *заморское* садится,
Иль слушать, какъ шумитъ *заморской* вѣперокъ,
Иль любоваться, какъ *заморской* ручеекъ
По камнямъ и песку *заморскимъ* же спруится.
Какъ будно на Руси не спало ручейковъ
И солнце Русское садиться не умѣешь!....

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРІЯТНОСТИ ДУРНОЙ ПОГОДЫ.

Всѣ тѣ, которые чувствуютъ живо и лю-
бятъ размысленіе, согласятся, что ничто
въ природѣ не приноситъ столько удоволь-
ствія, какъ противуположности; но это
пріятное ощущеніе дѣлается въ насъ еще
сильнѣе, когда мы сравниваемъ прошедшія
бѣдствія наши, истинныя или придуманныя,
съ тѣмъ спокойствіемъ, копорымъ насла-
ждаемся въ настоящую минушу. *Лукрецій*
говоритъ о удовольствіи смолрѣшь на бур-
ное время съ пихой и безопасной приспани;
Виргилій любилъ вспоминать о прошлыхъ
горестяхъ, — а я въ свою очередь намѣренъ
хвалить и описать *пріятности дурной погоды*.

Когда просыпаясь поуспру, я слышу, что
въперъ свиснитъ въ каминъ моему и косою
дождь стучитъ въ стекла, то я съ какимъ-
то особеннымъ чувствомъ говорю себѣ:
слава Богу! сегодня можно немного подѣ-

нисься. Попомъ вспаю и подхожу къ окну.
Небо покрыто сѣрою пеленою, дождь какъ
рѣка льетъ изъ жолобовъ и по улицѣ нѣтъ
проходу. Хорошо! повтораю я: вѣдь не всё
же свѣтитъ солнцу, — дурная погода бываетъ
вездѣ, не у однихъ насъ. Однакожь по улицѣ
бѣгутъ нѣсколько человекъ скорчасъ, на-
гнувъ голову, закутавшись въ изорванные
шинели и спряпавъ руки въ оба кармана.
Мнѣ вдругъ спановишься грустно — и я, ло-
жась опять въ постелю, думаю засыпая: бѣд-
ные люди! вѣроятно они спѣшались къ долж-
ности или по дѣламъ своимъ — не хотѣлъ бы
я быть пеперь на ихъ мѣстѣ!

Послѣ завпрака я опять сажусь у окна,
любоваться на дождь, копорый въперъ го-
нитъ передъ собою. Опять смолрю на ули-
цу и вижу тамъ занимательныя сцены:
здѣсь дворникъ изо всей силы мячетъ мо-
стовую и шрудится понапрасну; тамъ не-
щастная щеголиха, поднявъ по щиколку
бѣлое платье, украшенное бахрамою изъ

грязи, пробирается на цыпочкахъ по камнямъ и почти понепъ въ грязи и лужахъ; далѣе на углу, какой-то франтъ борется на смерть съ своимъ зонпикомъ, который вырываясь у него изъ рукъ, мчитъ его за собою во всѣ стороны—и въперъ грозится переломать ему кости, изорвать шафшу и унести съ собою на воздухъ, оставя владѣльца зонпика съ одною голою проспью. Насмотряся досыпа, удаляюсь въ кабинетъ свой, размышляя о бѣдспвіяхъ человѣчества; распаливаю каминъ, бросаю радоспный взглядъ на свою библиотеку—и развалясь въ Волперовскихъ креслахъ, положи ноги на рѣшетку камина, начинаю соспавлять планы, какъ провести день мой.

Иногда принимаюсь за поэзію, читаю какую нибудь эклогу—и для меня свѣпипъ лучезарное солнце, вѣетъ лѣпный вѣшерокъ; у ногъ моихъ журчитъ зеркальный ручей и южное голубое небо покрываетъ меня лазурнымъ шапромъ своимъ. Всѣ это прелестно, когда закрывъ книгу, вы взглянете въ окно и увидите, что въ эту минуту дѣлается въ вашей атмосферѣ.

Наскучивъ поэзіей, раскрываю исторію—и читаю великіе уроки, которые спрогаля философія преподаетъ намъ въ живой картинѣ прошедшаго. Пробираюсь скъвозь лабиринтъ полиптики, слушаю народныхъ ораторовъ, слѣдую за легионами, присутствую при сраженіяхъ, бесѣдую съ плѣнными, съ изгнанниками, стараюсь узнать причины возвышенія и упадка царствъ—и, размышляя о вѣчномъ волненіи народовъ, ужасномъ соперничествѣ вождей и ихъ необузданной спраспи къ завоеваніямъ, спрашиваю: къ *чему все это привело ихъ?* Тогда обращаюсь вдругъ къ самому себѣ, сравниваю высокій жребій ихъ съ пишиною скромной моей жизни—и улышаюсь мыслию, что если имя мое не гремитъ въ свѣтѣ, то по крайней мѣрѣ я, въ уединенномъ пріютѣ моемъ, наслаждаюсь безопасностію и спокойствіемъ совѣспи.

Въ другой разъ читаю путешеспвія—плаваю по морямъ—посѣщаю неизвѣспные и далекія земли, и вижу вездѣ природу, все-

гда новую, разнообразную—и человѣка, измѣняющагося съ климатомъ. Иногда пальнть меня жгущее солнце пропиковъ, иногда зноблять льды полюса—и я, испытавъ превратности спраннической жизни, благодарю себя за то, что въ награду за всѣ безпокойспва долгаго и спруднаго путешеспвія, пригоспвилъ себѣ теплый, уютный уголокъ, въ которомъ не боюсь ни вьюгъ свѣвввв, ни урагановъ юга.

Иногда, но изрѣдка, углубляюсь я въ непроходимые дебри метафизики—продираюсь скъвозь густыя сплешпшіяся вѣтви, которыя на каждомъ шагу затрудняютъ путь мой, прыгаю черезъ глубокіе рвы—бросаюсь зажмуря глаза въ лужи—вязну въ шпнѣ и болотахъ—и наконецъ прихожу опять на то же мѣсто, откуда пошелъ, жалѣя о напрасномъ спрудѣ своемъ, который не принесъ мнѣ никакой пользы.

Непроспипельно было бы не упомянуть объ одномъ изъ величайшихъ наслажденій, которымъ обязаны мы дурной погодѣ. Я говорю о чтеніи хорошаго романа. Занимательность разсказа, описанія—полныя огня, характеры разспительные, списанные съ самой природы, вопъ что въ бурный вѣшеръ и проливной дождь заспавляетъ насъ особенно любипть опрадную теплоту камна и свободу уединенія.

Однакожъ не думайте, чтобы я одинъ въ домѣ моемъ наслаждался выгодами ненаспной погоды. Нѣтъ; когда съ упря небо обложится облаками и предвѣщаетъ дождь на цѣлый день, тогда добрая сеспра моя яляется къ завтраку съ какимъ-то важнымъ и торжеспственнымъ видомъ, обыщающимъ исполненіе великихъ намѣреній. Знал, что навѣрное никто не заѣдетъ къ ней съ визитомъ, она посвящаетъ все преждеобѣденное время хозяйспственнымъ занятіямъ, и посѣщаетъ всѣ углы дома, отъ чердака до погреба, приказывая вездѣ меспи и чистипть безъ милосердія. Одинъ кабинетъ мой, который я объявилъ *вольнымъ городомъ*, остается свободнымъ отъ общаго мыпья,—и какъ я знаю, что всѣ предспавленія и запрещенія мои не имѣли бы никакой силы пропипть

сестры моей и ея женщинъ, по—для болъшей безопасности—я не оставляю кабинета моего ни на минуточку, или запираю на ключъ, когда выхожу изъ него. Остальныя комнаты дома заняты непріятелемъ, и вода, которую ежедневно льютъ въ нихъ, часто не уступаетъ той, которая падаетъ съ неба.—Полъ, столы, ковры, постели—все въ эти пасмурные дни подвержено мытью и чищенью;—все старыя пятна на мебели вытираются, все самыя незначущія недостатки исправляются, — посуда выдерживаетъ строгій смотръ, и если найдется испорченная, то въ ту же минуточку отдается въ починку или замѣняется новою.

Зоркія глаза милой сестрицы моей могутъ разсмотрѣть на бѣлѣхъ или плахѣхъ дырочку, проколотую хоботомъ мухи, спущенную петлю на чулокъ, или несчастную путовицу, которая печально клонитъ внизъ нѣжную головку свою—и въ ту же минуточку искусная рука горничной, вооруженная иглою и длинною ниткою, исправляетъ на васъ эпоху небольшой безпорядокъ. Въ эти же достопамятные дни происходятъ освидѣтельство варенья, желе, наливокъ — и если первое засахарилось, то его поспѣшь перевариваютъ, перемѣняютъ сплѣткі—бушлы, — выбрасываютъ изъ кладовой ненужную дрянь, разставляютъ по шкафамъ фарфоръ, бранятъ слугъ и служанокъ, повѣряютъ щепъ кухарки, отвѣчаютъ на письма;—словомъ, дѣлаютъ въ одинъ ненастный день все то, съ чѣмъ не могли справиться въ цѣлую недѣлю хорошей погоды.

Одно только существо въ домѣ моемъ не разделяетъ общей радости при видѣ дождя и ненастья. Это маленькій племянникъ мой, веселый, здоровый мальчишка, который не можетъ быть безъ движенія, и потому очень неперпѣливо сноситъ необходимость сидѣть въ комнатахъ. Чтобы удержатъ его на мѣстѣ, мать задаетъ ему большіе уроки, или заставляетъ повпорять старыя; но не смотря на это, бѣдный ребенокъ не можетъ сидѣть на мѣстѣ и безпрестанно мѣшаетъ сестрѣ моей заниматься хозяйствомъ. Тщепно я браню еѣ за ея строгость, представляя

ей, что дѣлательность въ ребенкѣ есть благодѣяніе, за которое она должна благодарить природу: ибо она ведетъ человека къ познаніямъ.—Поди ты съ своими познаніями, — отвѣчаетъ *Юдифь*: Эпоху сорванецъ разбилъ Кипайскую вазу, а ты, баловникъ, еще хвалишь его дѣлательность!—Наконецъ, чтобы избавишься отъ рѣзвости сына своего, она вздумала заставлять его помогать имъ въ ихъ хозяйственныхъ занятіяхъ; но я боюсь, что безпрестанный надзоръ и страхъ, чтобы шалунъ чего не разбилъ или не испортилъ — удвоитъ заботы бѣдной сестры моей въ дождливые и пасмурные дни.

Можетъ быть читатель скажетъ мнѣ, что удовольствія, которыя я здѣсь описалъ, происходятъ отъ эгоизма, отъ чувства радости быть въ покоѣ, когда другіе лишены его.—Но я долженъ сказать, что такое предположеніе кажется мнѣ слишкомъ высканымъ. Нѣтъ, это не эгоизмъ; покрайней мѣрѣ я отвѣчаю за себя. О нѣтъ! когда я въ ненастную погоду смотрю изъ окна на людей, менѣе меня надѣленныхъ дарами счастья, которые безъ ропота и даже весело переносятъ все непріятности непогоды, тогда я принимаю въ нихъ неизъяснимое участіе и нерѣдко спрашиваю себя: чѣмъ я лучше этихъ несчастныхъ, и за что мнѣ даны тѣ блага жизни, которыхъ лишены они?

Дай Богъ, чтобы эта мысль какъ можно чаще посѣщала богатыхъ, но бѣдныхъ не приходила бы никогда въ голову.

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНЫЕ БРАТЯ.

(Окончаніе).

Въ полночь соборная церковь *Купола* сіяла блескомъ десяти тысячъ свѣчъ и нещепнымъ множествомъ лампадъ, висѣвшихъ передъ образами; позолоченныя ступени главнаго алтаря усыпаны были цвѣтами, и мраморный полъ церкви покрытъ бархатными подушками. Наконецъ вышелъ кардиналъ-епископъ во всемъ облаченіи, въ богатой

миръ, съ посохомъ въ рукахъ, и окруженный многочисленнымъ духовенствомъ. Въ эту минуту громъ органовъ и торжественные звуки голосовъ человеческихъ попрясли древніе своды храма, и священное таинство бракосочетанія началось при усердныхъ мольбахъ вѣрующаго. На колымажкахъ, у ногъ епископа, *Бianka* съ благоговѣніемъ внимала святымъ поученіямъ церкви о должностяхъ супруги и матери—и собирала ихъ въ сердце свое.— Уже служитель престола надѣлъ кольца на новобрачныхъ и церемонія приходила къ концу, какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что графа давно не было въ церкви, и что онъ вышелъ изъ нея за слугою, пришедшимъ сказать ему что-то на ухо. Маркизь N... немедленно пошелъ узнать, что случилось, и дошедши до главныхъ дверей, услышалъ, что кто-то въ толпѣ говорилъ другому: я приказываю тебѣ сей часъ же бѣжать въ погоню за своими поварницами, и сказать имъ, что они отвѣчаютъ мнѣ за жизнь его. Маркизь не могъ разсмотрѣть въ темнотѣ лица говорившаго, который поспѣшь удалился. Но ему показалось, что на мраморномъ помостѣ церкви раздались скорые шаги и какъ будто кто-то пробѣжалъ по плитамъ. Возвращаясь на свое мѣсто, онъ увидѣлъ родъ какого-то чернаго привидѣнія, которое скользнуло мимо стѣны храма; онъ бросился въ ту сторону, но призракъ исчезъ съ быстротою молніи, и маркизь размышлялъ объ этой странности, какъ вдругъ въ церкви Черныхъ брагьевъ раздался печальный колоколъ.—Звонъ этотъ всегда возвѣщалъ пожаръ, смертоубійство, или какое нибудь ужасное приключеніе въ городѣ; слѣдовательно маркизь, который самъ принадлежалъ къ ордену Черныхъ брагьевъ, въ эту же минуту побѣжалъ туда, куда требовала его должность.

Между тѣмъ въ припѣворѣ соборной церкви происходило ужасное смятеніе;—народъ толпился у дверей между зажженными факелами, общество бросилось искать графа; колоколъ Черныхъ брагьевъ наводилъ ужасъ на всѣ сердца. Когда раздался онъ, всѣ лица поблѣднѣли, и никто не сомнѣвалъ

ся въ какомъ нибудь спрашномъ несчастіи. *Bianku* вынесли безъ чувствъ на рукахъ и положили въ карету.— Въ это самое время, длинная процессія Черныхъ брагьевъ, съ высокими зажженными фонарями вышла изъ воротъ часовни, и попянулась по улицѣ.— Многие изъ брагьевъ оправились было, какъ сказывали, на помощь какому-то несчастному, который на берегу Арно боролся съ убійцами; но они ошиблись: преступленіе въ эту ночь должно было совершиться на городскомъ валу, у воротъ Сень-Галло и человеколюбивые брагья спѣшили туда.

Быль часъ по полуночи; луна уже сошла съ горизонта, но при яркомъ свѣтѣ звѣздъ можно было видѣть у воротъ Сень-Галло двухъ человекъ, изъ которыхъ одинъ лежалъ на правѣ, а другой, накрытый чернымъ кашшономъ, спарался сорвать съ него одежду—и не успѣвая въ своемъ намѣреніи, вздыхалъ и жаловался, что пришелъ слишкомъ поздно.—Лежащій пошевелился и проспоналъ; тогда другой человекъ поднялъ руки къ небу и потомъ приподнял голову умирающаго, который слабымъ голосомъ попросилъ пить. Товарищъ его подбѣжалъ къ фонарямъ, почерпнулъ горстью немного воды и принесъ ему.— Онъ ходилъ за нею прижды, и больной, котораго внутренно заливала кровь, пилъ съ удивительною жаждою. Онъ получилъ при удара кинжаломъ, и въ опчальщи, капаясь по правѣ, рвалъ её зубами. Товарищъ схватилъ его въ свои объятія и не допускалъ биться головою о землю. Нѣсколько разъ онъ покушался поднять его на плеча свои, но силы ему измѣнялись.

Наконецъ, употребя послѣднее усиліе, онъ схватилъ его на руки и понесъ по Сень-Гальской улицѣ до небольшой площади, гдѣ остановился и громко закричалъ. На этотъ условный крикъ прибѣжали два человека съ фонарями и за ними цѣлая толпа Черныхъ брагьевъ, которые, окруживъ больнаго, спрашивали другъ друга: есть ли между ними хирургъ?

Одинъ изъ брагьевъ вышелъ впередъ, велѣлъ положить больнаго на носилки, которыя были всегда съ ними въ запасъ, осмо-

прѣлъ рану, и сдѣлавъ первую перевязку, объявилъ, что рана не опасна. — Это былъ хирургъ. — Больной открылъ глаза, и ужаснулся, увидя около себя эпитхъ людей, совершенно закрытыхъ черными капишонами! Въ эту минуту братъ, принесшій его на плечахъ, упалъ отъ усталости въ обморокъ — и чтобы помочь ему, надобно было непременно открыть ему лицо. — При свѣтѣ фонарей, Иоаннъ *Рикарди* узналъ графа *Строза!*

Пришедъ въ себя, графъ сказалъ на ухо врагу своему: братъ! ты прѣхалъ изъ Бодоніи, чтобы убить меня, но друзья мои, бѣдные ремесленники, узнали о томъ и побѣ за меня опмспили. — Слава Богу, что я услышь спасши тебя! — Братъ! примиримся; да погибнетъ вражда въ сердцахъ нашихъ; дай мнѣ руку во имя Христа Спасителя. —

Покрывало на носилкахъ зашевелилось — и окровавленная рука, высунувшись изъ подъ него, крѣпко схватила руку *Леонарда*. Графъ просилъ опнести больного въ домъ свой, что было исполнено; и когда съѣхались докпора, тогда Черные братья удалились, щипая себя болѣе ненужными, выполнивъ долгъ свой. — Одинъ изъ нихъ однакожь оспался, опвелъ графа къ окну, и не открывая лица своего, сказалъ ему:

«Братъ! ты посупилъ похвально и слѣдуя ученію Христа Спасителя. — О, возлюбимъ другъ друга и даже враговъ нашихъ! Братъ! мы всѣ благодаримъ тебя!»

Графъ узналъ эпитхъ голосъ и низко поклонился; — братъ подаль ему руку, которую *Леонардъ* хотѣлъ поцѣловать съ почтениемъ, но онъ не допустилъ его до того, и прижалъ его къ груди своей. — Потомъ знаменитый братъ вышелъ изъ графскаго дома, и пошелъ пѣшкомъ до герцогскаго дворца, называемаго *палатили Пити*.

На другой день графъ *Леонардъ* сказалъ дочери и зятю: милые дѣти, обнимите дядо вашего Иоанна *Рикарди*, который шеиерь спалъ лучшимъ другомъ моимъ. — Довольна ли ты наконецъ мною — *Бianка* моя?»

Ж.

ИСЧИСЛЕНІЕ ЖЕРТВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

У *Шатобриана* мы находимъ слѣдующее любопытное исчисленіе жертвъ первой Французской революціи. «Республиканецъ *Прюдомъ* (*Prudhomme*),» говоритъ онъ: «который ненавидѣлъ революцію и писалъ по горячей еще крови, оспавилъ намъ шесть помовъ подробностей о ней. Двѣ изъ сихъ книгъ заняты словаремъ, въ которомъ каждый преспущникъ внесенъ въ алфавитный списокъ, съ означеніемъ фамилій, именъ, лѣтъ, мѣста рожденія, званія, мѣста жительства, ремесла, времени и причинъ осужденія, дня и мѣста казни. Изъ эшаго лексикона видно, что гильотинировано всего 18,613 чел. Въ томъ числѣ:

Мушницъ дворянскаго происхожденія.	1,278.
Женщинъ дворянскаго происхожденія.	750.
Женщинъ изъ класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ.	1,467.
Монахинь.	350.
Священниковъ.	1,135.
Людей разнаго сословія, кромѣ дворянъ.	13,633.

И того. 18,613.

Женщинъ, умершихъ отъ послѣдствій преждевременныхъ родовъ. 3,400.

Женщинъ, умершихъ во время беременности въ родахъ. 348.

Женщинъ, убитыхъ въ Вандеѣ. 15,000.

Дѣтей — — — — — 22,000.

Всего погибло въ Вандеѣ. 900,000.

Казнено въ проконсульство *Каррье*, въ Нантъ. 32,000.

Въ томъ числѣ:

Дѣтей разспрѣяно 500.

— — упожено 1,500.

Женщинъ разспръляно	264.
— — — уполено	500.
Священниковъ разспръляно	300.
— — — — — уполено	460.
Дворянъ уполено	1,400.
Ремесленниковъ уполено	5,300.
Въ Лионѣ казнено	31,000.

Въ сихъ числахъ не включены умерщвленные въ Версали и въ разныхъ пюрмахъ, разспръленные въ Тулонъ и Марсели, послѣ осады сихъ двухъ городовъ, и убитые въ провинціальному городкѣ Бедуанъ (Bedoin), котораго народонаселеніе погнбло все до послѣдняго челоука.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ПОМПЕѢ.

Недавно расчищена совсѣмъ новая улица, отъ храма *Фортуны* къ воропамъ *Изиды*, проходящая почти по срединѣ города. Дошедъ до половины еѣ, откуда нѣсколько улицъ ведутъ къ театрамъ и спѣнамъ, найденъ жертвенникъ, установленный передъ геніемъ - покровителемъ города, который предспавленъ въ образѣ змія. Эпопъ жертвенникъ украшенъ живописью, изображающею жрецовъ, дѣлающихъ возліанія и жертвоприношенія. — Въ очищенныхъ двухъ лавкахъ на улицѣ *Фортуны*, найдены бронзовыя вѣсы съ гирами въ видѣ грушъ, большое бронзовое блюдо съ ручками, попорикъ и нѣсколько цилиндрическихъ вещей изъ кости. — Эли вещицы просверлены; они, какъ должно думать, служили для какихъ-нибудь женскихъ рукодѣлій или для щеповъ. Опкрытъ позади большаго мозаика домъ, содержащій съ себъ переднюю, нѣсколько спальныхъ, просто убранныхъ, и залъ, украшенный прелестнѣйшими карпинами на гипсѣ. Въ эпому домъ найдены бронзовал раковина прелестнѣйшей работы, лампа, ваза съ красками, деревянный ящикъ, опдѣланный желѣзомъ и окруженный мѣдными изображеніями.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ГАНОВЕРСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Народонаселеніе 1,557,000 чех.

Пѣхота.

- 1 гвардейскій гренадерскій полкъ.
- 1 — — егерскій полкъ.
- 9 полковъ армейской линейной пѣхоты.
- 1 полкъ легкой пѣхоты.

Во всѣхъ 15,920 чех.

Конница.

- 1 полкъ конной гвардіи.
- 1 — кирасирскій.
- 4 полка гусарь.

Всего 5,688 чех.

Артиллерія.

- 1 полкъ артиллеріи, въ немъ 10 ротъ пѣшихъ и 2 конныхъ 1,244 чех.

Инженерство.

- Инженеровъ и піонеровъ 79 чех.

Всего 20,961 чех.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

63.

Г. В. В. В. въ одной крипической статейкѣ своей наложилъ руку на крапкіл библиографическія спашья, печатаемые въ фельетонѣ *Военныхъ вѣдомостей*; а какъ Россія—отъ Торнео до Абассъ-Абада, и отъ Спнхи до Спржалкова (въ царствѣ Польскомъ) имѣетъ неограниченную довѣренность къ эпому великому писателю: то я за нужное щипаю во всеуслышаніе всея Россіи напечатать оправдательную спашью и показатъ 57,000,000 жителей Россійской Имперіи, что сей великій писатель, произнося свой жестокій приговоръ, поступилъ нѣсколько опрометчиво.

Онъ изволилъ говорить, будто бы—скрипика *Ивалида* не можетъ быть подвергнутому никакому разспрънню потому, что не имѣетъ никакихъ правилъ, никакого по-

спояннаго образа мыслей. Ему мнился, будто бы она носить свою, довольно спранныю форму, и будто бы соспоятъ изъ выписки всего оглавленія книги, съ прибавкою фразы: *сія полезная книга весьма хороша или сія хорошая книга весьма полезна.*)

Передо мною лежатъ въ переплѣтъ 2 части *Военныхъ вѣдомостей* 1835 года, въ продолженіе котораго объявлено въ нихъ о выходѣ полупораспа новыхъ книгъ, или нѣсколько болѣе. Развернемъ на-удачу! Вотъ Библиографическое объявленіе о книгѣ.

1. *Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ, съ XV-го столѣтія до настоящаго времени.* Соч. монаха *Іакинва (Бигурина)*, съ каршою. С. II. б. 1834.

«Сія книга есть собраніе матеріаловъ, относящихся до исторіи Калмыцкаго народа;» говоритъ редакторъ *Русскаго Инвалида*. «Въ ней всѣ событія расположены по годамъ, двойнѣ показаннымъ. Въ концѣ сочиненія приложены: содержаніе книги и собщвенныя имена, вошедшія въ сіе сочиненіе, расположенныя по алфавиту. Кто не помнитъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ искомомъ происшествіи, тотъ можетъ видѣти въ содержаніи указаніе на самыя событія. Сей новый трудъ уважаемаго всею ученою Европою Россійскаго ориенталиста, отца *Іакинва*, заслуживаетъ особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что у насъ исторія Калмыковъ совершенно необработана и представляетъ обширное поприще, до котораго почтенный отецъ *Іакинв* прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Сочиненіе его необходимо для любителей и знатоковъ исторіи, какъ матеріалъ, почерпнутый изъ источниковъ, однимъ только ориенталистамъ доступныхъ.»

Это что-то дѣльное и не похоже на шу выкройку, по которой, по словамъ г. *В. В. В.*, выкроены всѣ объявленія такой газеты, которая, подобно *Свѣ. Пчелѣ*: «ограничивается краткими извѣстіями о вновь выходящихъ книгахъ.»

Но вотъ объявленіе о новомъ журналѣ. Тутъ-по поймаетъ мы г. *Воейкова* съ его двумя любезными фразами!

2) *Московскій Наблюдатель.*

«Слѣднимъ извѣстиемъ нашихъ читателей,» сказано въ вѣстникѣ № 14 Р. II.: «что въ Москвѣ съ Марша мѣсяца нынѣшняго (1835) года будетъ издаваться журналъ энциклопедическій *Московскій Наблюдатель*».

Цѣлю журнала поставляется наблюдать за тѣмъ, что является въ Россіи достопримѣчательнаго по части наукъ, словесности, изящныхъ искусствъ, промышленности сельской, технической и торговой; модъ и новостей всякаго рода, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ и распространеніи просвѣщенія и образованности.

Въ изданіи эпата журнала будутъ приниматься постоянные участіе *Баратынскій, Гоголь, М. А. Дмитриевъ, П. В. Кирьевскій, Мельгуновъ, князь Одесскій, Павловъ, Погодинъ, Холматовъ, Шевьревъ, Языковъ*, и многіе другіе извѣстные Русскіе литераторы, поэты и ученые. Редакторомъ назначень *Андросовъ.*»

Тутъ нѣтъ ни слова, изъ тѣхъ, кои г. *В. В. В.*, по благорасположенію своему къ г. *Воейкову*, ему на шею навязываетъ. А есть все для того, чтобы читатели составили себѣ полное и вѣрное понятіе о содержаніи, цѣли и достоинствѣ новаго журнала: имена редактора и сопридниковъ его — для эпата лучшее средство!

Перевернемъ нѣсколько страницъ! Можетъ быть напьемся на то, чего ищемъ. И развернулось еще объявленіе о другомъ периодическомъ изданіи.

3. *Журналъ Общеполезныхъ свѣдѣній.*

Редакторъ, увѣдомля своихъ читателей о выходѣ 2-го и 3-го номеровъ его, въ новомъ улучшенномъ видѣ, новыми редакторами своего времени выданныхъ, говоритъ:

«Сей журналъ достоинъ благоволенія публики.»

Содержаніе номера *третьяго* есть слѣдующее: I. Огненные изверженія Гаитскихъ горъ. II. Планеты, составляющія солнечную систему. III. О плугахъ. IV. Оптическое явленіе. V. Мгновенное бѣденіе строй морской соли, безъ помощи огня, для домашняго употребленія. VI. О писаніи живописныхъ. VII. Мертво-живые цвѣты. VIII. Средство исправлять опущенія, причиняемыя градомъ въ молодой конопль. IX. Способъ окрашивать деревянные почечныя издѣлія. X. Новый родъ назѣма. XI. Оптическое опытъ. XII. Крашеніе хлопчатой бумаги въ нанковый цвѣтъ. XIII. Дешевый и вкусный домашній кофе.

Приложеніе. Первый номеръ *Ж. Общеполезныхъ Свѣдѣній* состоитъ изъ двухъ листовъ; второй изъ одного; третий изъ полутора листа!» —

Что за спраннысть! И это не то! И это не согласно съ словами почтеннѣйшаго г. *В. В. В.*! Онъ увѣряетъ, будто бы г. *Воейковъ* выписываетъ оглавленіе новыхъ книгъ, а здѣсь выписано и содержаніе, и сказано, что *Ж. О. С.* получилъ новаго редактора, что онъ является въ новомъ улучшенномъ видѣ и своевременно.

(Продолж. 62-й Лит. Залѣтки въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М А Т Ъ.

(*Посвящено моему доброму другу, С. А. Гренъ.*)

У груди матери, какъ ангелъ благодатный,
Малюшка-крошка отдышается ;

И мать, вперивъ свой взоръ пріянный,
Съ улыбкой гордоюзираетъ

На полсебя, на свой кумиръ ;
Она безъ жизни и не дышетъ ,

Не видитъ ничего, не слышитъ :
Въ ея малюшкѣ цѣлый міръ.

Возьмите счастье ея прекрасныхъ дней ,
Возьмите все, что сердцу мило,
Оставьте вы малюшку ей ,
Чѣмъ сердце и живетъ и жило.

О, какъ мила младая мать :
Въ ней все прекрасное, святое!
Безмолвно должно почтять
Ея призваніе благое.

А. Гренъ.

ОМОНИМЪ-АНАГРАММА.

Въ верѣвочку, въ банкъ, въ экарпе, въ горѣлки,
Въ гулячки, жмурки, посидѣлки
Я въ праздникъ веселюсь ;

А въ будничные дни съ крестьянами вожусь :
Имъ помошникъ и вѣшь пособляю,
И ихъ и хлѣбъ отъ вьюги защищаю.

Въ No 29-мъ, помѣщенный логотифъ значить: *Magicien*,
въ коемъ заключается: *Nice, tage, gain, amie, cage, ta-*
gie и *main*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Первый день Свѣтлаго Праздника.
Сог. Л. Я. 1836 г. С. II. буръ. Въ тип. Гуп-
пенберга, въ 16 д. л. 172 стр.—Ц. 2 р. ()*

Издательница книги: *Полезное чтеніе для*
дѣтей—есть сочинительница этой испинно

(*) Въ книжномъ магазинѣ *И. Т. Лисенкова*, въ домѣ Па-
жекаго корпуса NNo 3 и 4.

прелестной книжечки, которую рекомен-
дуемъ родителѣмъ, какъ опмѣнно хорошій
подарокъ для маленькихъ читателей. Вы-
мысль малѣйшой повѣсти; слогъ, рассказъ,—
все чрезвычайно мило и вполне соотвѣт-
ствуетъ дѣтскимъ понятіямъ; изданіе очень
чистенькое, все на веленовой бумагѣ, а роз-
вая оберточка весьма искусно липографиро-
вана въ заведеніи г. *Селезнева*. Эта книжеч-
ка будетъ имѣть успѣхъ огромный, чего
мы опъ всей души желаемъ милой издавате-
лицѣ, посвятившей пруды свои тому воз-
распу, для котораго нельзя довольно рабо-
тать всѣмъ нашимъ господамъ литерато-
рамъ. Мы слышали, что дѣвица *Л. Я*—
намѣрена издавать для дѣтей *Путешествіе по*
Россіи. Желая ей успѣха и надѣясь, что
она будетъ умѣть обработать этотъ
прудный предметъ, мы долгомъ считаемъ
предупредить еѣ, что издаватель *Прогулки по*
земному шару (которая печатается теперь
впорымъ изданіемъ) и ревностный сотруд-
никъ *Дѣтскаго журнала* готовилъ книжку
подъ названіемъ: *Прогулка съ Русскими дѣт-*
ми по отечеству. Книжка эта будетъ состо-
ять изъ 4-хъ небольшихъ помочковъ, съ липо-
графированными виньетками, рисованными
извѣстнымъ художникомъ. Впрочемъ, но
жесть бытъ два одинакихъ изданія будутъ
имѣть равносильный успѣхъ при равносиль-
ности талантовъ издавателей.

1. 3.

ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ МОДЪ.

Pl. No 11. Redingote garnie de velours et à pannes.—
Gilet de cachemire.—Pantalon de velours à côtes petite
polonoise à brandebourg passementis. — Pantalon de
casimir.

Карш. No 11. Реденготъ, опдѣланный баръ-
шомъ.—Кашемировый жилетъ.— Бархатный па-
талонъ съ бранденбургскими.— Кашемировые па-
талонъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 31.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ моды, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Апрелья 15 дня 1836 года.

Не дѣвѣ небеснаго очи твои,
Не розы—уста твои, дѣва!
Не дѣлѣи—перси и плечи;
Но чѣмъ за весна въ споронѣ шой быда,
Гдѣ-бъ розы такія, такія дѣлѣи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ;
И небо и все, что подъ небомъ,
Близко—какъ очи твои голубыя!

В. Туланскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ ВЪ ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Разсказъ.)

Нѣсколько молодыхъ людей, чиновниковъ и офицеровъ, или, пожалуй, спанскихъ и военныхъ, собралось на холостой, пріятельскій вечеръ у общаго друга ихъ, Александра *Витрова.*

Но что такое *холостая бесѣда?*

Это небольшая комната, освѣщенная не болѣе какъ двумя сальными огарками, въ самыхъ незапѣливыхъ подсвѣчникахъ,—гдѣ нагорѣвшая свѣшля набрасывается на предметы какія-то безпечныя, длинныя фантасмическія пѣни,—гдѣ нѣтъ ни порядка, ни шой внимательной, обдуманной распановки мебели и дорогихъ бездѣлокъ, чѣмъ опличаются бальныя залы вельможъ, пиршественныя палаты богачей, госпиныя модныхъ

красавиць. — Тамъ, напрошивъ, всё разбросано не нарочно, прибрано безъ намѣренія. Тамъ скромная софа не опличается опрятноспію, а нѣсколько разнокалиберныхъ березовыхъ спудбевъ не носятъ на себѣ оппечатка современности и изящности вкуса. Тамъ, на сплахъ, вы не увидите сберегающей ихъ клеѣнки—но спой пыли и кучи пепла опъ сигаръ красуются на нихъ. Спекло небольшого зеркала не опражаетъ въ себѣ спнихъ веселыхъ, опкровенныхъ лицъ: оно запусткло, запотѣло опъ гостепрїимнаго самовара, разыгрывающаго на ломберномъ спотѣ своенравныя, дикія фантасіи, на подобіе завывающаго вѣпра. Тамъ не слышно благовоній, спамъ не накурено заранее пріятными для обонянія маспиками: за сп густой спбачный дымъ распилалась по комнате въ волшебныхъ, неосязаемыхъ, шуманно-вьющихся кругахъ, образуемъ какую-то особенную спмосѣру, въ которой не могла бы пробыть и минуны нѣжная, слабо-

нервная поспешительница модныхъ магазиновъ Невскаго проспекта.

Въ такой-то комнатѣ пировало за спаканами чаю пять-шесть молодыхъ весельчаковъ. Умы ихъ, разогрѣтые горячею, душистою влагою, съ примѣсю небольшой пропорціи не менѣе ароматическаго *рому*, также закипѣли оспропами; шупки и забавности полились блестящею, разноцвѣтною, песпрою спруею, въ волнахъ непринужденнаго, живаго разказа. Мало-по-малу, однакожь, разговоръ становился медленнѣе, лѣнивѣе, беспраснѣе, и, пакъ сказаць, засыпаль; оспропы прищуплялись на камнѣ невниманія и сладкой полудремоты,—а шупки переспали вызываць громкій смѣхъ собесѣдниковъ; холодныя, безжизненныя, казанныя улыбки замѣнили сообщительныя перекапы увлекающаго хохота; кое-гдѣ еще пересыпались словца два-три въ интервалахъ удерживаемыхъ зѣвковъ и вздоховъ какого-то празднаго довольства; за то недоспапокъ звуковъ доспапочно вознаграждался полною свободныхъ движеній и потягиваній. Иной, наскучивъ неподвижностію, балансируя, качался на легкомъ, непрочномъ стулѣ, который ежеминутно угрожалъ съдоку своему системою разрушенія, — тогда какъ товарищъ его, вѣрояпно другъ спокойствія и нѣги, роскошно пропянувъ ноги, сложивъ философически на груди руки и вопкнувъ подбородокъ въ воропникъ широкаго сюртука,—сопѣлъ себѣ подъ носъ; претій, военный, барабанилъ пальцами по сполу, нависывая какую-то казарменную арію и носясь мыслию въ пылу фронтальныхъ построений. Такимъ образомъ, водворилось почти общее молчаніе, прерываемое изрѣдка повелительнымъ, рѣзкимъ возгласомъ: «Эй, малый, прубку!»

—Ты засыпашь, кажется, любезный *Парфеній!*—сказалъ хозяинъ офицеру, развалившемуся на диванѣ.

«Не моя вина, милый *Саша!* это проклятый опиумъ моего сосѣда;» отвѣчалъ потъ, лукаво взглядывая на длинное, какъ рецешъ, лицо молодаго лекаря, только что выпущеннаго изъ Академіи.

Новый Эскулапъ не замедлил оппарировать.

—Мы, врачи, знаемъ также средство, которое не дастъ вамъ уснуть цѣлую ночь.—

«Средствъ этихъ очень много,» возразилъ офицеръ: «и они извѣсны каждому... Но, господа, мы кажется играемъ въ молчанку... Кто скажетъ слово, потъ плащитъ фантъ... Право, друзья, было бы весьма занимательно, еслибъ каждый изъ насъ разказалъ, по очерѣдно, свои любовныя проказы.»

Разумѣется, предложеніе не было отпнуто; и потъ-то, послѣ долгаго молчанія, посыпался съ разныхъ споронъ доморощенныя, квартирныя повѣсти и поэмы, одна другой забавнѣе.

Когда претій окончилъ свою исторію, общество разскащиковъ обратилось къ одному изъ членовъ своихъ, который, не смотря на то, что наспувила его череда, упорно хранилъ мрачное безмолвіе, не оставившее его въ продолженіе цѣлаго вечера. Это былъ юноша лѣтъ двадцати прехъ, средняго роста, стройный и прекрасный собою. Глубокая задумчивость врылась, пакъ сказаць, во всѣ черты блѣднаго лица его, на которомъ можно было, однакожь, замѣнить легкой оппѣнокъ бывшаго румянца, чуть-чуть рисовавшагося на нѣжныхъ, какъ у дѣвушки, округлостяхъ щекъ; померкшій взоръ очей молодаго человека выражалъ какую-то привычную безнадежность; уста сомкнуты были улыбкою грустной укоризны: по всему замѣпно было, что жребій щастія не достался на его долю. Онъ сидѣлъ въ отдаленіи отъ другихъ, у окна, и, опершись на него рукою, полузакрывавшею высокое, волнующее превожными думами чело, смотрѣлъ съ участіемъ на пусклый мѣсяцъ, который, долго скрывался въ облакахъ, иногда, на мгновеніе показавшись, освѣщалъ привѣпливо пасмурное небо,—и снова прятался за тучи. Быть можетъ, въ этомъ созерцаніи небеснаго, печальный юноша находилъ опрадное подобіе земной своей судьбы.

—Что ты тамъ ворожишь, философъ?—вскричалъ потъ же офицеръ. — Господа,—

прибавилъ онъ, обращаясь къ другимъ: мнѣ кажется, нашъ *Эльской* пужилъ о томъ, что онъ не родился *Наполеономъ*. —

«Я бы сожалѣлъ, еслибъ родился пѣтъ чепвероногимъ, котораго спавялъ въ при-мѣръ *мудрости!*» перебилъ запальчиво *Эльской*, вставъ и подходя къ офицеру.

— Не о томъ дѣло, кто чѣмъ родился, — возразилъ хозяинъ, въ добромъ намѣреніи перерывающаго начинающіяся личности. — *Эльской*, ты долженъ разсказать намъ про свои любовныя похождения. —

«Только, сдѣлай милость, не залепи съ ними на луну!» началъ опять неугомонный офицеръ: «я перпѣть не могу rendez-vous при звѣздахъ.»

— Не потому ли, что звѣзда твоя вѣчно на закатѣ? — возразилъ съ колкостию молодой человекъ.

«Да, да, дѣйствительно на закатѣ и луна и звѣзды,» всупилъ снова миролюбивый хозяинъ: «и это пѣтъ хуже, что еще про-мѣ оспалось разсказывать. Повпоряю тебѣ, *Эльской*, что все мы неперпѣливо желаемъ услышать подвиги твои подъ знаменами Амура.»

— Лукавый божокъ подспрѣдилъ меня слишкомъ рано. Лѣтъ десять тому.... — началъ *Эльской*.

«Десять лѣтъ тому!!!» прервалъ его одинъ изъ собесѣдниковъ: «Помилуй, любезный, да ты тогда былъ ребенкомъ!»

— Очень ясно: мнѣ было тогда прина-дцать лѣтъ. —

«А! такъ ты вѣрно хочешь разсказывать намъ про своего бумажнаго буцефала; признайся, это очень любопытно! Нѣтъ! сдѣлай одолженіе, оставь свое дѣтство, съ его гулючками, жмурками и жгухами. — Мы, напропивъ, ожидаемъ отъ тебя повѣсти о разгульи твоей юности. Ты долженъ разсказать намъ про свою первую любовь.»

— О ней именно я и хочу говорить! —

«Но не ужели ты любилъ въ принадцать лѣтъ?»

— Любилъ, и такъ любилъ, какъ никогда уже любить не буду. Вы удивляетесь, господа: но я не шучу. Своенравная природа въ иныхъ раскрываетъ слишкомъ рано пѣ чувствованія, которыя, по естественному ходу ея, свойственны возрасту позднѣйшему; слишкомъ рано знакомилъ она ихъ съ чувствами лѣтъ совершенныхъ. Такъ и во мнѣ опроческое сердце до срока забилось спрашными юности, и я, младенецъ, полюбилъ со всемъ пламенемъ кипучей молодости, со всемъ поспоянствомъ годовъ зрѣлыхъ. Воспоминанія, сладостныя воспоминанія, раскиньте предо мною минувшее волшебнымъ шапромъ; раскройшесь предъ глазами моими въ разноцвѣтныхъ узорахъ каршины прошедшаго; оживитесь въ памяти моей невинные, безгорестные дни ребячества; а ты, всеильное, чародѣйственное воображеніе—возврати меня въ щастливые годы дѣтства, на берега безвѣстной, не романической М—ы, подъ мрачное небо Новгородское, въ спрану древней, первобытной Руси.

— Но, оставивъ эти пылкія восклицанія, скажу просто, что въ Новгородской губерніи, при этой рѣкѣ спойшъ неисторическій, непримѣчательный городокъ Б—и, и что въ окрестностяхъ его, въ 182* году, расположенъ былъ полкъ опца моего.... Люблю вспоминать эпогу заслуженнаго шпабъ-офицера, на груди котораго такъ величественно блистала золотой Эйлаускій крестъ и скромно серебрилась медаль до-спомятнаго двѣнадцатаго года.— Помню эпо высокое, пасмурное чело, украшенное рубцомъ Аусперлицкимъ; это мужественное лицо, осыненное густыми бакенбардами; эпо прямо воинскую осанку; эпошъ шагъ пвердый и полный; эпошъ звучный голосъ ветерана, который такъ часто съ живѣйшимъ чувствомъ передавалъ молодымъ офицерамъ своимъ ужасы боя Бородинскаго, за-спавлялъ ихъ переноситься мысленно на поле кровопролитной битвы подъ Фридландомъ.— Помню, какъ онъ, бывало, послѣ длиннаго военнаго разсказа, всегда заключалъ его, съ горькою улыбкою какого-то обманушаго самолюбія, словами: «Конечно, я

былъ въ эпомъ дѣлѣ лицо самое незначи-
тельное.... судьба не жезла мнѣ.... ТОВА-
рищамъ моимъ болѣе пощасливилось. Мой
Эйлаускій юнкеръ, которому я первый далъ
понюхашь пороховаго дыму, теперь гене-
ралъ-лейтенантомъ. — Впрочемъ, я никому
не завидую,—и эпомъ крестъ, который не
сдѣлалъ меня даже кавалеромъ, не промѣняю
ни на какія блага.» — Простите, гос-
пода, эпому небольшому опспушенію, какъ
сыновней слабости, не дозволителней мнѣ еще
начашь пребуемой вами повѣсти. Она не-
продолжителна, какъ зимняя ночь, не за-
пушанна, какъ романъ *Виктора Гюго*. И
такъ слушайте:

— Лѣтъ десять тому, въ одинъ осен-
ній, непогодный вечеръ, отецъ мой, весь
измокшій, возвратился изъ названнаго горо-
да, на зло проливному дождю, въ самомъ
лучшемъ расположеніи духа. Причиною по-
му было неожиданная встрѣча его съ ка-
кимъ-то Нѣмцемъ-лекаремъ, котораго онъ
знавалъ еще въ Пруссіи, во время кампаніи
1807 года, и который теперь, по нѣкоп-
рымъ обспоятельствамъ, переселившись въ
Россію, занималъ мѣсто уѣзднаго врача.—
«Вотъ, право, удивительная встрѣча,» гово-
рилъ отецъ мой. «Не думалъ я никогда бо-
лѣе увидѣшь эпаго добраго Пруссака, ко-
торый такъ усердно лечилъ мою Эйлау-
скую рану и забавлялъ меня своими простоду-
шными разсказами.»

На другой день отецъ мой поѣхалъ въ
городъ къ эпому доктору, и взялъ меня съ
собою. Пара лихихъ Вятокъ примчала насъ
къ миловидному домику, выспроенному въ
саду со всею Нѣмецкою акуратностію. На
крыльцѣ встрѣшилъ насъ прекрасный юно-
ша, лѣтъ шеснинадцати. Эпо былъ старшій
сынъ хозяина; онъ ввелъ насъ въ гостиную,
куда вскорѣ явился и отецъ его.

Видали ли вы эпни добрыя, Нѣмецкія лица,—
съ радушною, гостеприимною, какъ бы пред-
лагающею вамъ всѣ услуги свои, физіоно-
мією?—Видали ли вы эпнихъ привѣтливыхъ,
довѣрчивыхъ спариковъ, добродушныхъ и
чистосердечныхъ, какъ ребенокъ; спарич-
ковъ опрятныхъ, правильныхъ и почныхъ,
какъ математика: но взмекательныхъ при

всей добротѣ своей, но строгихъ къ самимъ
себѣ и другимъ, при всей мягкости сердца;
щедрыхъ и ращепливыхъ вмѣстѣ, осмоп-
рительныхъ, однако и предприимчивыхъ,—
осторожныхъ при рѣшительности; подѣ
часть шупливыхъ, подѣ часъ важныхъ и се-
рѣзныхъ; умѣренныхъ и презвухъ; но ино-
гда, при всей воздержности своей, не оп-
казывающихся опъ лишняго спакана пива,
или рюмки вина,—и копорымъ нерѣдко слу-
чается быть на веселѣ?

Таковъ былъ докторъ-Пруссакъ, старин-
ный знакомецъ отца моего. Я никогда не
забуду эпой медленной, обдуманной поход-
ки; эпой сухощавой, длинной фигуры, въ
спаромодномъ коричневомъ фракѣ, въ узкихъ
панталонахъ свѣтлосиняго цвѣта, въ розо-
выхъ шѣлковыхъ чулкахъ, въ шупоносыхъ
башмакахъ съ блестящими пряжками; эпой
продолговатой шеи, копорая, кажется, бол-
ся измятъ шуго накрахмаленный галспухъ;
эпихъ классическихъ манжетъ, направ-
ленныхъ въ одну спорону,—и, наконецъ,
эпаго длиннаго жилена пике, копорый бѣ-
лизною своею превосходилъ самое серебре-
ное крыло лебедя.

«А, поручикъ, эпо вы, я васъ ждалъ!»

Такъ привѣсповалъ отца моего старшій
докторъ.... «Поручикъ!.. Поручикъ!...»
повторилъ онъ смѣясь. «Извините, полков-
никъ: мнѣ все кажется, что эпо еще въ
Эйлау. Тамъ знавалъ я васъ молодымъ, ли-
химъ поручикомъ!...»

—Правда, правда,—опвѣчалъ отецъ мой,
съ чувствомъ пожимая руку хозяина.—Но
съ тѣхъ поръ, любезный докторъ, много
пропекло времени, многое перемѣнилось въ
судьбѣ государствъ и частныхъ людей....
Грозный побѣдителъ тогда, насъ Русскихъ
и вашихъ соопечеспвенниковъ, уже не сму-
щаешь болѣе спокойствіа Европы. Престо-
лы и царства не препещупъ уже болѣе со-
крушителнаго меча его. Смиренно, какъ
послѣдній смертный, опочилъ изгнанный.
свѣта на уединенной, далекой скалѣ, и на
пупи къ ней въпры пустыннаго океана не
сорвали съ чеда его славнаго оппакка оп-
паннахъ подѣ конецъ лавровъ.... Да, подѣ
Лейпцигомъ звѣзда Маренгская не посвѣпи-

да Корсиканцу, и бѣглець Эльбскій—не могъ уже вызвать изъ-за роковыхъ пучъ Ваперлоо солнца Аусперлицкаго, озарившаго нѣкогда первую побѣду императора. Оспровишанинъ сразился съ оспровишаниномъ—и *Веллингтону* пощасливилось: я никогда не соглашусь, что онъ побѣдилъ *Наполеона!* —

«Оставимъ въ покоѣ эпого прошлеца. Пусть его, жадный, получишь на томъ свѣтѣ миліонъ войска подъ команду: по крайней мѣрѣ я навѣрное знаю, что эпотъ солдатъ въ другой разъ не разоритъ такъ нашей бѣдной Пруссіи—и моей аптеки... Расскажи-ка лучше, полковникъ, про себя: ну, какъ вы?»

— А какъ видите: ни куда не сосланъ; состою на лицѣ; все благополучно; правда, крѣпко посѣдѣлъ. Давно уже за сорокъ. Женился, нажилъ дѣшей... —

«Вижу, вижу,» прервалъ докшоръ, глядя меня по головѣ. «Надобно же и намъ чпо-нибудь оставишь попомспву; а эпо живность, право не худо!—Ну, малюшка, я позабочусь, чтобы ты не соскучился у меня. Дій, *Юлій*, *Карль*, *Фридрихъ*, *Морицъ*, *Вильгельмъ*, *Густавъ*—сюда, скорѣе!... Постой, дружокъ, они расшевелишь тебя!» И въ минушу группа пригожихъ мальчиковъ выбѣжала изъ боковыхъ дверей, а черезъдесять я познакомился съ ними какъ нельзя короче.

«Вотъ эпо кабинетъ бапюшки,» говорилъ одинъ изъ нихъ, пѣща меня за руку. «Вотъ комната, въ которой мы учимся;» кричалъ мнѣ другой въ ухо. «А эпо спальня сесприцы!» за пайну сказывалъ прешій.

Последнее свѣдѣніе показалось мнѣ любопытнѣе прочихъ; и я, мимовольно, механически, спросилъ: такъ у васъ есть и сесприца?

Едва успѣлъ я вымолвить эпо, какъ меньшей сынъ докшора кричалъ уже изо всей силы: *Катинька*, *Катинька*, бѣги сюда скорѣе, тебя спрашиваютъ! —

«Помилуйте,» прервалъ я его, опоропѣвъ. «Я вовсе не спрашиваю сесприцы вашей, я совсѣмъ не по сказалъ, я несмѣю спрашивать еѣ!»

— Такъ вы не хотише видѣть сесприцы? —

«Напрощивъ, для меня эпо будетъ очень пріятно; но я не имѣю права беспокоить еѣ; можетъ быть она занята.»

— Послушай, *Фрицъ*, — сказалъ *Густавъ* съ неудовольствіемъ брату своему: эпотъ госпъ говоритъ точно такъ какъ городничій съ бапюшкой. Я перцѣть не могу пакихъ учпивыхъ! —

И маленькій *Густавъ* въ досадѣ скрылся. Между тѣмъ бѣлое плащѣ мелькнуло передо мною. Эпо была дѣвушка лѣтъ двѣнадцати. Я поклонился ей, помнился очень неловко, а мнѣ опвѣчали самымъ милымъ книксеномъ.

Въ эпо минушу я пересталъ быть ребенкомъ; въ одинъ мигъ цѣлые годы пролетѣли надо мною, вдругъ закипѣли спраши въ душѣ моей, огонь пробѣжалъ по жиламъ, зажегъ сердце какими-то невѣдомыми до того мнѣ чувствованіями и освѣпилъ въ душѣ моей новые помыслы. Тупъ я впервые узналъ потребность любить, узналъ, что можетъ дѣлать человекъ щасливимъ и нещаснымъ. Таково было дѣйствіе красопы дѣвической на мальчика въ принацпашъ лѣтъ!

Но предесипное видѣніе скрылось, очаровательница исчезла, и я слышалъ только какъ за перегородкой бранила она въпренаго *Густава*. Какой голосъ! Какъ сладки были для слуха моего эпо звуки, выражавшіе неудовольствіе!... Какова же должна быть мелодія ласковыхъ рѣчей ея!

Море новыхъ ощущений волновало мою внутренность, когда четырнадцатилѣтній *Карль*, который по возрасту своему сходнѣе другихъ сыновей докшора могъ быть моимъ поварищемъ, — сказалъ мнѣ: «По-видимому, вы не охотникъ играть; да и дѣйствитель-но эпо прилично только семилѣтнему ребенку. И такъ мы займемся разговоромъ.»

Мнѣ показался смѣшнымъ эпотъ важный шонъ *Карла*.

Онъ продолжалъ:

«*Юлію* пеперь надобно быть въ бапюшкиной аптекѣ. *Фридрихъ*, *Морицъ* и *Вильгельмъ* спанутъ только мѣшають намъ своимъ реблчествомъ: пойдемъ одни въ мою комнату—я поразскажу вамъ кое-что о нашемъ городѣ.»

Такая короткость сколько удивила меня, сполько же и понравилась мнѣ. Я последовалъ за *Карломъ*. Въ самомъ дѣлѣ *Юлій*, высокий, спройный *Юлій*, представлявшій изъ себя

уже молодого человека, извинился недосугомъ; а рѣзвые меньшіе братья его вспрѣчали еще какихъ-то гостей ихъ возраста.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ЖИВОПИСЬ НА ВОСКУ.

(Анкостическая.)

Живописецъ находить въ природѣ множество веществъ яркихъ, имѣющихъ способность изображать переливы свѣта. Но масло, которое онъ смѣшиваетъ съ этими веществами, затемняетъ ихъ болѣе или менѣе, а со временемъ еще болѣе чернитъ. Древніе не употребляли его для живописи. Народы восточные не употребляють его и до сего времени. Художники ихъ обыкновенно употребляли воскъ, который, оживляя краски, производилъ въ нихъ и сырости. Таковъ былъ способъ Грековъ, въ продолженіе всей ихъ изящной школы. Онъ получилъ названіе *анкостического* потому, что краски накладываются и сливаются посредствомъ огня. Это слово, независимое отъ вещества, не возбуждаетъ въ умѣ другой мысли, какъ только мысль вжиганія, т. е. какой нибудь степени жара, производимаго жаровнею или *cauterium*. Живопись по воску не имѣетъ удобности въ лакъ; яркая и прозрачная, она имѣетъ силу и упругость, свѣжесть и естественность. Краски употребляются холодныя, какъ въ обыкновенной живописи, посредствомъ обыкновенной палистры, съ совершенно одинаковыми кистями; наконецъ, практика совершенно сходна съ работою на маслѣ, только она еще легче и обрабатываніе ею удобнѣе. Художникъ можетъ непрерывно смѣрять, наблюдать, поправлять; онъ можетъ переписывать то или другое, не дѣлая пятна; ничто его не затрудняетъ, онъ всегда властенъ удовлетворять своему пребыванію, своему чувству. Черезъ *cauterium*, новая работа сливается съ старою.—Соединеніе веществъ, посредствомъ воска и тепла, полно и совершенно.—Воскъ не боится ни сильнаго холода, ни сильнаго жара; картина можетъ быть вычищена и вымыта, не подвергаясь никакой порчѣ; од-

нимъ словомъ, живопись на воску неизмѣнна. Слава этаго блистательнаго и прекраснаго открытія принадлежитъ г. *Контаберу*; оно уже употреблено съ величайшимъ успѣхомъ при украшеніи королевскаго замка въ Фонтенебло. Нѣсколько церквей въ Парижѣ будутъ вскорѣ расписаны подобнымъ же образомъ.

Не нужно доказывать чинамелю, какъ важно такое открытіе для расписыванія иконостасовъ въ Россійскихъ церквяхъ, поверженныхъ великимъ переходамъ отъ тепла къ холоду.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА ВЪ ТУРЦІИ.

Монетный дворъ находится недалеко отъ Греческой церкви св. *Ирины*. Здѣсь чеканятъ одни пары, пиастры и мелкую разнѣнную монету, съ примѣсю мѣди и цинка. Цѣнность ихъ только именованельная: потому, что пиастръ, который составлялъ во время Французской экспедиціи въ Египетъ 25 паръ, нынѣ щипается во 127, или, другими словами, пиастръ, котораго первоначальная цѣна была около 5 рублей на Русскую монету, теперь стоить не болѣе 30 копѣекъ.

Такое пониженіе цѣнности, единственно служащее въ пользу саррафовъ, или султанскихъ банкировъ, ошущипельно также и въ золотой монетѣ, которую измѣняютъ они и въ видѣ и въ тяжесть; такъ что *Махмуде*, чеканенный въ 1808 году и составлявшій тогда 25 пиастровъ, теперь увеличилъ свою цѣнность вдвое. Средствомъ прежнихъ сдѣлокъ съ Вѣнскими банкирами, Турецкое правительство получаетъ разъ каждыя двѣ недѣли съ почтою извѣстное количество Венеціанскихъ и Голландскихъ червонцевъ, которые потомъ перечекаиваются въ Турецкую монету, съ чрезвычайными для себя барышами. Когда Персіяне приходятъ съ караванами изъ Арзерума, Багдада, или проѣзжаютъ черезъ Трапезунтъ, гдѣ особенно торговля начинается процвѣтаетъ: то должно непременно представлять правительству свѣдѣніе, сколько ввозятъ они съ собою звонкой монеты и тотчасъ мѣнятъ еѣ на Турецкія деньги. Впрочемъ, эти факты показываютъ, что, не смотря на безпрестанныя возмуще-

нн, которыя возникають въ Европейскихъ и Азіатскихъ обласпяхъ Турецкаго государства, дороги тамъ гораздо безопаснѣе, нежели какъ вообще думаютъ, и что при всемъ пониженіи мѣны, или, другими словами, не смотря на поспешный упадокъ Турецкой имперіи, торговый балансъ все еще оспаеися въ ея пользу. Причиною этому не сполько географическое положеніе Турціи, споль сильно благопріятствующее транзитной торговлѣ, сколько по обстоятельству, что не во власти человеческой состоятъ уменьшить плодородіе такой богатой почвы и лишитъ еѣ обилія ежегодныхъ произведеній.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ГЕССЕНСКАГО КУРФИРШЕСТВА.

Народонаселеніе 652,271 душа.

Пѣхота.

1 полкъ лейбъ-гвардіи, двухъ-баталіонный.	} 6,900 чел.
3 пѣхотные, трехъ-баталіонные полка.	
1 баталіонъ стрѣлковъ	

Конница.

1 полкъ кирасирскій	} 1,250 —
1 полкъ драгунскій	

Артиллерія.

1 бригада артиллеріи изъ 4-хъ ротъ	304 —
Во всей Гессенскаго курфиршества арміи по- считанъ	8,454 чел.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

63.

(Продолженіе).

Изъ трехъ, приведенныхъ нами въ предыдущемъ листкѣ *Литературныхъ Прибавленій*, ни въ одномъ не оказалось справедливыхъ мнѣніе славнаго писателя и самоспятавшаго мыслишеля нашего *В. В. В.*, увѣрившаго, будто бы всѣ крапкія извѣстія о новыхъ книгахъ, помѣщаемыя въ *Русскомъ Ивалидѣ*, ограничиваются фразами: *сія полезная книга весьма хороша, или, сія хорошая книга весьма полезна*. Не уже ли почтеннѣйшій

В. В. В. былъ несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ? Не вѣримъ! Ну спанетъ ли такой выпренній писатель грѣшишь пропивъ императорской испины? Пороемся еще, поищемъ.

Въ Но 19 мѣ *Р. И.* 1835 года, редакторъ сей газеты даетъ своимъ читателямъ отчетъ о книгѣ:

4) *Краткое изложене главныхъ доводовъ и свидѣтельствъ, неоспоримо утверждающихъ истину и Божественное происхождение Христіанскаго откровенія.*

Сочиненіе Лондонскаго епископа *Портюса*, доктора Богословіи. Переводъ съ шестнадцатаго изданія Англійскаго подлинника. Перевелъ *Я. Бардовскій*. С. П. Б. 1834 года.

«Книга благочестивая, хотя крапкая, однако удовлетворительно опровергающая всѣ сомнѣнія дерзкихъ и нечестивыхъ. Въ ней всего лучше написана глава о пророкахъ и пророчествахъ, не оставляющая ни малѣйшаго сомнѣнія о томъ, что сіи святыя мужи были Боговдохновенны и, будучи сохранены Евреями, врагами Христіанской вѣры, пѣмъ убдипельнѣе говорятъ въ пользу единой испинной религіи.»

Въ сей книжкѣ объяснены и доказаны важнѣйшія Христіанскія испины. Она можетъ быть употреблена съ величайшею пользою при обученіи дѣтей Закону Божию, а для взрослыхъ послужитъ разрѣшеніемъ многихъ недоумѣній.»

Очень бы намъ хотѣлось видѣшь, чпобы больше, сильнѣе, удовлетворительнѣе сказалъ намъ г. *В. В. В.* въ пользу эпои пресходной книги?

Въ Но 27-мѣ *Ивалида* объявляется о книгѣ:

5) *Награда добродѣтели и благонравія, или новыя сказки Булли, для юношества обоего пола*; переведены съ Французскаго Ореспомъ *Соловьямъ* и Владиміромъ *Бурнашевьямъ*; 2 части, съ 5-ю гравированными и раскрашенными картинками. С. П. Б. 1835.

Г. Воейковъ, желая дать ходъ эпои прекрасной книгѣ, и поручая еѣ въ благосклонность родителей и наставниковъ, даетъ имъ о ней идею слѣдующимъ образомъ:

«Кто не знаетъ *Булли*? Кто не читалъ *Булли*? Кто не уважаетъ вполне ашаго почтеннаго спарца, посвптившаго жизнь свою юношесству всѣхъ сословій, на которое онъ обратилъ самое тщательное вниманіе? *Простонародныя сказки*, сушь послѣдній прудъ его въ семь родѣ; но, къ сожалѣнію, онъ будучи хороши для Французовъ и для ихъ образа мыслей, не хороши для насъ Русскихъ. Почему, покойный *О. М. Соловъ*, переведшій одну изъ этихъ повспей, избралъ лишь нѣкоторыя, и пѣ однако, по причинѣ своей смерти, онъ перевести не успѣлъ.»

Г. Бурнашевъ докончилъ прудъ эпога почтеннаго днперапора. Издашели (бр. Заикины) напечапали книгу эпо съ Французскимъ подлинникомъ, что придаешъ много цѣны переводу: ибо чрезъ сие самое онъ пѣмъ пруднѣ спановителъ пошому, что чнпашелъ можешъ слнчашъ правнльносшь перевода. *Награда добродѣтели и благодравнл* еспъ шакал книга, копорая можешъ служншь руководспвомъ при заннпнхъ переводами и, въ особенноснн, при преподаваннн по методѣ *Жакото*, копорая нннѣ дѣлаешъ успѣхи и у насъ въ Росснн. Въ эпои книгѣ *пль повѣспей: Фанн и Розалнл; Жорусъ и Теодоръ, или разлннѣ востнпталнл; Бланка, Режонъ и Босскнѣ близнецы*. Мы не спанемъ говорншь о содержаннн; скажемъ лншь, что кажда л повѣспъ преисполнена нравшвенноснн, благочнннн и любви къ добру и порядку.»

Проснмъ нашихъ почтенныхъ чнпашелей опшкровенно сказашъ, гдѣ шупъ фразы: *снл книга полезна, потому что хороша, снл книга хороша, потому что полезна?* Э, г. В. В. В., вѣрно вы не чнпашл эпохъ спрокъ, когда сочнннл эпо несправедлнвое обвиненнѣ на редактора Р. И.? Надлежало пѣмъ болѣе бышь справедливымъ въ приговорѣ крнпическомъ, что вы сами сознаешъ (No 1-й С. О. 1836. спр. 47), что у насъ критика *нлпешъ на чнтателей болѣе влнннл, глншь въ другнхъ государствлх.* (Окончаннѣ 62-й Лнт. Залптъжн въ слѣд. лнстѣ.)

Въ No 30-мъ, помѣщенннн омоннмъ анаграмма значншь: *Игра, Рига.*

M O D È S.

Si les arbres avaient leurs feuilles, ma chère sœur, nous pourrions nous croire au mois de juin tant la température est chaude et le ciel pur; hélas! c'est un mauvais tour que nous joue la Providence, en nous faisant goûter de ce beau temps qui ne peut pas durer... Et combien le froid et la pluie vont nous paraître pénibles après le beau temps. Au moins puisse-t-il durer jusqu'à Longchamps!

Le rendez-vous de la bonne compagnie, pour le moment, est le *Salon* (de l'exposition), c'est là où les élégantes vont déployer tout le luxe et la fraîcheur de leurs premières robes de promenade. Samedi dernier, jour consacré, on ne pouvait pas s'y remuer; et, disons-le, c'était bien peu l'amour de l'art qui conduisait là toute cette brillante foule. Pour mon compte, j'y ai fait des remarques qui n'avaient aucuns rapports avec *Raphaël* ou *Michel-Ange*, aussi je me classe dans la catégorie des profanes.

J'ai vu là des chapeaux de paille, pour la première fois de l'année; ils étaient simples et presque tous ornés de rubans blancs, plusieurs étaient doublés de vert. La majorité des robes était des redingotes de gros de Naples à *carreaux Ecossais*, à *lozanges* ou à *rayures*. Ces robes ferment sur le côté avec une échelle de nœuds de rubans ou une rangée de larges pattes boutonnées au milieu. Les corsages justes ou drapés devant en cœur. Je n'ai pas vu à ces sortes de robes, une seule manche juste, seulement plusieurs femmes n'avaient pas de gigots sous leurs manches larges, de sorte que la manche retombait en applatissant les épaules.

М О Д Ы.

Если бы на деревьяхъ были листья, любезная сестра, то, по теплой погодѣ и чнстому небу, можно бы было полагашь, что у насъ Июнь хѣсляць; увы! Судьба нгрешъ съ нами худую шупку, давая намъ наслаждашься хорошимъ временемъ, копорое не можешъ бышь продолжнтельно... И какъ холодъ и дождь будутъ для насъ лнгносны послѣ такой погоды! Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобъ она продолжнлась до Логчанскаго гулнньл.

Теперь сбнраешъ хорошее общешво въ задѣ выспавкн; памъ щеголнхн выказывашъ роскошь и свѣжешъ первыхъ платьевъ для прогулокъ. Въ прошедшую субботу, назначенннн день, было ужасно пѣсно, и можно сказашъ, что не любовь къ художешвамъ прнвлекала шуда эпо блестящую шолпу. Я, въ свою очередь, дѣлала замѣчаннл, не нмѣвшнл никакнхъ опношеннй къ *Рафаѣлю* или *Мнхель-Анжелю*, пошому и спавлю себя въ рядѣ *профановъ*.

Я видѣла памъ въ первый разъ въ нннѣшнемъ году соломенныя шляпки; онѣ были просты и почшн всѣ опдѣданы бѣлыми леншамн; многн были подложены зеленымъ. Большая часть платьевъ были редингошы изъ гроденапль, съ Шопландскнми клѣпками, кружками или полосками. Эпш платья схватывашъся на боку лѣсенкою башшовъ изъ леншъ или шрокнхъ клапановъ, заспегнутыхъ въ срединѣ. Лнфы гладкнѣ, или драшрнрованные спередн сердцемъ. Я не видала нн у одного изъ эпохъ платьевъ узкнхъ рукавовъ, шолько у многнхъ дамъ не было жеспнкнхъ рукавовъ, опшново рукава висѣли плоско на плечахъ.

(Продолженнѣ сего пнсьма въ слѣд. лнстѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ,

№ 32.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Апрелья 18 дня 1856 года.

Мени любила ты, я жизнью веселился,
День каждый пробуждалъ меня къ воспоргамъ вновь;
Я потерялъ тебя, и съ щастіемъ проспихся:
Ахъ, щастіемъ моимъ была швоя любовь!

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ ВЪ ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Продолженіе.)

Мы вошли въ небольшую зелёную комна-
пу, два окна которой обращены были въ
садъ. Въ проспектѣ между ними сполалъ
письменный столъ; на немъ разложены
были красивыя бездѣлки въ особенномъ по-
рядкѣ и обдуманной симетріи. Маленькій ди-
ванъ, два ломберныхъ стола и нѣсколько
креселъ составляли оспальную мебель; на
спѣнкахъ висѣли карпинки, по-видимому до-
машней работы; душистые цвѣты разлива-
ли по комнатѣ пріятный запахъ. Всё пока-
зывало хорошій вкусъ, разборчивость и лю-
бовь къ порядку юнаго хозяина.

«Садитесь, и познакомимся покороче;»
сказалъ *Карлъ*. «Простите моей откровен-
ности: съ перваго взгляда вы мнѣ очень
понравились — я бы желалъ приобрести друж-
бу вашу.»

— Благодарю васъ за такое обо мнѣ доброе
мнѣніе, и постараюсь оправдать его! — оп-
тѣчалъ я.

Можете вообразить всю забавность подоб-
ныхъ привѣтствій между дѣтьми.

Однакожь оба мы вовсе не принимали себя
за дѣтей, что *Карлъ* тотчасъ же доказалъ,
сообщивъ мнѣ разныя подробности обо всѣхъ
знакомыхъ ему въ городѣ дѣвицахъ.

«*Аннушка Скоблина*,» говорилъ онъ: «была
бы совершенна, еслибъ уняла свою болтли-
вость; *Вѣра Холмовская*, при всей красотѣ
ея, нестерпимо глупа; *Аделаида Раббахъ*,
эпопъ профессоръ съ ошкрыпою шеей и съ
гребѣнкою на головѣ, — откровенно безо-
бразна... Вотъ *Надинка Эльмина*... *Надинка*,
что за милочка, наспопщій ангель!»

— Она должна быть неподобна, если ка-
жется ангеломъ въ присутствіи сесиприцы
вашей! — замѣтилъ я съ жаромъ.

«Къ сожалѣнію, какъ братъ, я не думаю
объ эпопъ сравненіи. Припомъ, *Катинка*
пакая домосѣдка, что маменька почли на-
сильно беретъ ея въ гости. Однако же она
ѣдетъ въ маскарадъ, который обычалъ
давать на слѣдующей недѣлѣ городу предво-
дипель дворянства... Вашего батюшку

вѣрно приглашаютъ: надѣюсь тамъ увидѣться съ вами.»

— Сесприца ваша будетъ замаскирована? —

«Нѣтъ; ей шьютъ костюмъ Швейцарской пастушки.»

— О, какъ бы я желалъ быть пастушкомъ ея! —

«Поздравляю, поздравляю, вы влюбляетесь по военному.... Но помилуйте, да вы и не могли рассмотреть ея порядочно!»

— О, довольно одного взгляда, чпобы никогда эпопѣ божественный образъ не изгладился изъ моей памяти! — возразилъ я, повторя фразу изъ одного недавно прочитаннаго мною романа.

«Вы мечтатель!»

— Я имѣю сердце. —

За эпимъ я объяснилъ *Карлу* чувствованія мои къ сеспрѣ его — и умолялъ доставить мнѣ ея расположеніе. Намъ позвали къ обѣду.

О восхищеніе! Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ *Катинькою*. Я могъ ловить ея дыханіе, почти прикасался къ ея колымамъ; переселилъ взоръ свой на ея дѣвственныя, нѣжно-румяныя ланиты, пилъ очарованіе съ розовыхъ губокъ ея, видѣлъ небо въ очахъ ея — и черныя локоны ея бросали на меня тѣнь свою.

Безмятежный, незнакомый еще съ горечью жизни, безпечный ребѣнокъ, — я вдругъ увидѣлъ, что чего-то недоспаешь уже къ совершенному моему счастью, что у меня родились новыя желанія, что кровь какъ-то иначе, пламеннѣе спала переливается въ моихъ жилахъ, что сердце было будпо не на мѣстѣ....

«Если бы отецъ швой порядочно высѣкъ тебя за швою любовь, — то все у тебя опять очутилось бы на своемъ мѣстѣ!» прервалъ рассказъ *Эльсаго* извѣстный офицеръ. «Я, право, не поспигаю, какъ могъ тринадцатилѣтній мальчикъ предаваться такимъ жаркимъ порывамъ!»

— Есть много въ природѣ болѣе непостижимаго, — возразилъ разскащикъ. — Чпю же касается до моей спраспи въ такомъ раннемъ возрастѣ, по я съ своей стороны не понимаю, чпю можно находить въ ней удивительнаго. Чувствительность весьма рано, даже всего прежде, открывается въ челоуѣкѣ, чему особенно подвержены характеры пыкіе и сложенія полнокровныя, къ какимъ принадлежу я; прекрасное независимо отъ возраста; оно всегда болѣе или менѣе дѣйствуетъ на насъ. Какъ часто случалось мнѣ видѣть пяти-шестилѣтнихъ мальчиковъ, которые въ игрѣ предпочипали хорошихъ ровесницъ своихъ дурнымъ собою. Не есть ли эпо доказательство возможности принимать въ самыхъ ребяческихъ годахъ впечатлѣнія красоты? Въ тринадцать же лѣтъ игрушки перестаютъ уже занимать насъ; приближающаяся юность съ каждымъ часомъ развертываетъ въ насъ новыя понятія и чувствованія, и если обстоятельство способствуютъ, — то спраспи незамѣтно вкрадываются въ душу, и не успѣешь оглянуться, какъ уже весь въ когняхъ ихъ.

Какъ бы то ни было, я передаю вамъ истину, а не сказку. Прошу не перебивать болѣе: иначе, не узнаете конца, — а эпо будетъ для васъ большая потеря!

Послѣ обѣда докторъ заспавилъ дочь свою играть на фортепiano. Но чпю значили мертвые звуки искусственныя въ сравненіи съ тѣмъ живымъ голосомъ природы, который услышалъ я тогда! Я слышалъ, послѣ, *Каталани*, слышалъ и самую *Зонтагъ*, восхищался ими.... Но ихъ тѣніе было упонченное, усовершенное искусство.... Пѣсня же *Катиньки* простая, безыскусственная, выливающаяся прямо изъ сердца, отъ чувствованій.

Но какъ много было истинно прогательнаго въ самой простотѣ эпо! Какой голосъ очаровательный!... Съ какою вѣрностью, безъ замѣтнаго однакожь старанія, выражалъ онъ чувствованія поэта, изливался мыслію его! — Сопровождаемый звуками фортепiano, онъ доставлялъ слуху какое-то

неизъяснимое наслаждение: не земное, совершенно плафоническое.

(Но не совѣтую смотрѣть на хорошенькую дѣвушку, когда она поетъ: только слушайте; иначе наслаждение ваше сдѣлается неизъяснимымъ и не совѣмъ плафоническимъ.)

Обвороженный пѣніемъ *Катиньки*, я жилъ, казалось, однимъ только слухомъ.

Бываютъ минуны, когда одно чувство господствуетъ надъ всѣмъ бытіемъ человѣка, или, правильнѣе, когда не ощущаешь въ себѣ другихъ чувствъ, когда всѣ они въ одно соединяются, п. е. эпо одно подавляетъ ихъ могуществомъ своимъ.

Кто изъ насъ не встрѣчалъ красавицы, по крайней мѣрѣ пригожей женщины?

Устремивъ на неѣ жадный, неподвижный взоръ, можно ли пользоваться тогда иными способностями человѣка, кромѣ одной: видѣть,—и не наглядѣться, можно прибавить... Глаза наши, созерцая красоту, бываютъ тогда нашею волею, нашимъ разсудкомъ, умомъ, памятью, нашимъ вниманіемъ, слухомъ—нашею жизнію. Всѣ мы тогда: зрѣніе.

И гововъ поклясъя Пепербургскою пылью, которая въ самую лучшую погоду ослѣплена прохожимъ зрѣніе, что въ эпи минуны владычества глазъ, неудобно разслушивать ни пушечной пальбы, ни даже грома.

Находились ли вы въ цвѣтникахъ, — и благовоніе фалки, гвоздики, резеды, коснувшись тончайшихъ фибръ обонянія вашего, не соединяло ли въ немъ тогда всѣхъ вашихъ ощущений?

Или, успа ваши не сливались ли съ успами дѣвы въ одинъ продолжительный, испуленный поцѣлуй? и не были ли вы тогда слѣпы, глухи, безъ обонянія, безъ вкуса?

Что касается до вкуса, то и онъ имѣетъ минуны своего эффекта, исключительно господствующія. Удостоверьтесь въ эпюмъ у гастрономовъ, у ѣдочковъ, у прожоръ — по Русски.

Но слухъ нравственное, невиннѣйшее, можетъ быть, единственное невинное чув-

ство человѣка, какъ минуны владычества всѣхъ другихъ чувствъ ничтожны предъ своимъ!...

Кто, внимая звукамъ, испоргаемымъ артистомъ изъ бездушнаго инструмента, или голосу дѣвы, когда онъ несется изъ сердца къ сердцу, — не испыталъ блаженства слуха, божественнаго воспора его?...

И кто щастливѣе, кто нещастнѣе — не разъ спрашивалъ я самаго себя: слѣпецъ или глухой: кто не видитъ, или кто не слышитъ?

Правда—первый не видитъ голубаго неба, неба мрачнаго, предбурнаго, непогоднаго; не видитъ ни лучезарнаго, ослѣпляющаго глаза солнца, ни помнаго, но болѣе величественнаго свѣта луны, когда она среди ночи, царица ея, освѣщаетъ цѣлый міръ и бросаетъ на землю, на могилы печальныя тѣни.

Онъ не видитъ ни цвѣтовъ, полей поэзіи, ни изумрудной зелени луговъ, ни горъ высокихъ, ни океана безбрежнаго; но за то слышитъ шумъ грозный валовъ его, преволгу, завыванье бури, свистъ вѣтра и шелестъ деревьевъ, рокопанье грома. Онъ слышитъ все, внимаешь всему величественному, всей гармоніи природы... А пѣснь жаворонка въ высотѣ поднебесной, пѣснь работающаго селянина, и многое, многое,—и голосъ дѣвы упоительный!!!

О, я согласился бы быть слѣпцомъ, чтобъ только еще разъ услышать пѣсню *Катиньки*!...

Я не запомнилъ самихъ куплетовъ, но содержаніе ихъ сохранилось еще въ памяти моей..

То были глубоко-философическіе стихи, въ которыхъ своеюравная фантазія какого-то Нѣмецкаго поэта представила въ спрашныхъ картинахъ разрушеніе вселенной, послѣдній день пворенія.... Все погибло, все исчезло—и самое воспоминаніе о минувшемъ потонуло въ неумолимыхъ волнахъ Лепы, рѣки забвенія.... Тогда, посреди пустыннаго міра, среди безмолвія могильнаго, во мракъ ничтожества, будто изъ праховой урны

вселенной, — раздался грозный, паинспвенный голосъ: «Всему, всему конецъ!» — И въ мгновение ока ничего не спало: ни жизни, ни смерти, — ни времени, ни проспранспва, — ни суши, ни водъ, — ни земли, ни неба, — ни дня, ни ночи. . . . Всѣ, всѣ слилось въ одно — ничто!

И *Катинька*, какъ духъ невидимый, провозглашала въ плбннпелнѣйшнхъ звукахъ такую ужасную судьбу міра. Исполненный какого-то препеннаго благоговѣнія, я внималъ имъ, будто поржеспвенному гласу будущаго, — какъ вдругъ докшоръ вскричалъ: «И, полно, полно, *Катинька*, оставь эту глупую пѣсню; что въ ней описано, тому никогда не бывашь!»

— За всѣмъ пѣмъ въ ней много самой высокой поэзіи! — возразилъ мой отецъ.

«Ядъ, сущій ядъ для юношества! Набивашь голову мыслями о ничтожеспвѣ! Гдѣ тутъ нравспвенность?»

— Не входя въ разбирательство этаго, должно признашья, что дочь ваша поетъ превосходно. —

«Это дѣло другое — я съ эпимъ согласенъ. Ну, что же ны, *Катинька*, не благодаришь полковника за привѣспвіе?»

Румянецъ смѣдливоспн вспыхнулъ на щечкахъ малюпки, и она, пошупивъ глазки, послышала сдѣлать опцу моему книксенъ. Старый воинъ поцѣловалъ ея въ лобъ. Въ эту минушю я былъ спрахъ — какъ золь на опца своего: почему не мнѣ достался эпотъ поцѣлуй!

Я глядѣлъ на *Катиньку* пакъ умильно, пакъ пожиралъ глазами пригожее ея личико, что она, кажешья, сжалившнсь надо мною, спросила меня: «Вы не поете?»

— Онъ маршируетъ! — перебилъ отецъ мой въ то самое время, когда я собирался опвѣчать.

Милая дѣвушка улыбнулась, и спусня минушю, прододжала: «Почему же вы не занимаетесь пѣніемъ?»

Я пригосовлдьясь сказашь ей что-то въ родѣ сенспменнальдомъ; но вдругъ смѣшал-

ся и опвѣчалъ: Нѣтъ, сударыня, я пою иногда: «За горами, за долами. . .» —

Не смопря на то, что слова эпн пропнесены были мною въ смущеніи, въ ннхъ заключалась какая-то бойкоспъ, удалоспъ — эпго видимо понравилось *Катинькѣ*.

— Что же дальше? — спросила она лукаво.

«Занимаясь пеперь пѣмъ, что гораздо ближе, я право не припомню. . .»

— Плохая же у васъ память! —

«Увлеченный настоящнмъ — могу ли не забыть прошедшаго!»

— Эта фраза, сударь, изъ книги. Мнѣ кажешья даже, что я слышала ея, когда брапецъ *Юлій* чнпалъ какой-то романъ. —

«А мнѣ — пакъ бапюшка запрещаетъ чптать романы! . . . Правда, иногда случаетья украдкой!»

— О, воровство большой порокъ! — смѣдлась *Катинька*, привязываясь къ словамъ моимъ. . . — Впередъ я не спану вѣрнш хорошенькимъ личикамъ. —

Я вспыхнулъ при такой невинной похвалѣ. Лучъ надежды зароннлся мнѣ въ сердце, и я нѣжно взглянулъ на *Катиньку*.

Этого было довольно для перваго знакомства; я упопалъ въ мечпаніяхъ, возвращался домой. . . .

Карлъ не ошибся. На другой день послѣ посѣщенія докшора, отецъ мой получилъ опъ предводителя дворянства прещеремонное ннсьмо съ приглашеніемъ въ маскерадъ. Неперпѣливо ожидалъ я дня, для него назначеннаго, беспреспанно думая между пѣмъ о моей прекрасной знакомкѣ. При эпой новой заботѣ, я забылъ спарннхъ своихъ любимцевъ — голубковъ. Голодные, уныло ворковали они, привычно ожидая всегдашняго ихъ попечнтеля. Когда, — напослѣдокъ, я вспомнилъ ихъ и занялся ими, увидѣлъ, что одной голубки не спало. Голубокъ ея не хопѣлъ приннать опъ меня пиши. Печально повѣснвъ головку, и завернувъ ея въ пушокъ лазоревой шейки своей, горько посковалъ онъ о невозвратной утратѣ. Я понималъ долю его: онъ лишился любимой подруги.

Наспалъ, наконецъ, желанный вечеръ маскерада.

Обширная зала кипѣла многолюдствомъ, и какимъ многолюдствомъ—не въ обыкновенномъ, не во всеневномъ нарядѣ! Тупъ, думалось, представили всѣхъ народовъ собрались похвастать своимъ одѣянiемъ. Здѣсь выступалъ молодецки, въ національномъ своемъ нарядѣ, нашъ Русской деревенскiй паренъ, въ синемъ щегольскомъ кафтанѣ, на распашку, въ ситцевой, съ блестящею запонкою, рубашкѣ, поверхъ плисовыхъ шароваръ, перехваченной красивымъ пестрымъ поясомъ, въ кучерской шляпѣ на бекрень, украшенной павлиньимъ перомъ. . . . И объ руку съ нимъ его подруга, въ голубомъ шелковомъ сарафанѣ, въ вышитомъ золотомъ кокошникѣ, въ бѣдой, какъ снѣгъ, кисейной сорочкѣ съ коропками рукавами, съ шею, унизанною жемчугомъ. . . . Тамъ переваливался упкой безобразный, карикапурный Цѣмчура, съ поддѣльнымъ брюхомъ на поненъкихъ, кривыхъ ножкахъ; надмѣнно прохаживался гордый Испанецъ въ богатомъ плащѣ, въ шляпѣ съ огромнымъ пукомъ разноцвѣтныхъ перьевъ,—и Еврей. . . . только не презрѣнный. . . въ своемъ длинномъ сюртукѣ, въ ермолкѣ и съ песиками, торговалъ персеньками, серѣжками, духами,—а Цыганка предлагала поворожить. . . . Персианецъ, въ своей черной бараньей шапкѣ—и чернобородый, важно поглядывалъ на собранiе. И смуглый, шучный Индѣецъ, спрашалъ выкапомъ блестящихъ, воловьихъ глазъ своихъ. . . . Я бы продолжалъ еще маскерадную сапиру, но каждый изъ васъ, господа, бывалъ не разъ въ маскерадахъ и самъ наряжался. . . . Предоставляя рапоборсповоать вполнѣ на поприщѣ подобныхъ описыванiй цѣховымъ писачкамъ альманачныхъ и журнальныхъ спашеекъ, скажу только, что въ полнѣ масокъ я искалъ глазами моей Швейцарской паспушки—и скоро увидалъ еѣ, съ корзинкою плодовъ въ рукѣ. Она ишло поклонилась мнѣ и любовалась моимъ блестящимъ гусарскимъ нарядомъ. . . . «О, еслибъ я въ самомъ дѣлѣ былъ уже взрослымъ, усапнымъ гусаромъ, а не ребенкомъ, котораго нѣтъашъ этною красвою одеждою!» проговорилъ я съ пылкоестiю.

—Зачѣмъ вы такъ горячо этаго желаете?—

«Тогда милая, несравненная Катинька, я безъ спыда могъ бы сказапъ: люблю, люблю васъ! . . . И также могъ бы, смѣль бы спросипъ: любите ли вы меня?»

—Ахъ, Боже мой, что это вы говорите?— Вы ужаспъ какъ смѣшны.—

И она быспро скрылась.

«Вы ужаспъ какъ смѣшны!» опдавалось въ ухахъ моихъ. Я сполтъ какъ вкопанный. Слова эти вдругъ образумили меня. Я увидалъ смѣшную въ самомъ дѣлѣ спорону моего положенiя, всю горечь насмѣшки, всю спранность любви моей. Но, —на зло разсудку, сердце вспуалось за меня—и часпымъ, громкимъ бiенiемъ своимъ доказывало, что дѣйствительно пупъ нѣтъ ничего смѣшнаго, что любипъ можно и въ принадцатп лѣтп; и что я въ самомъ дѣлѣ влюбленъ. . .

Груспный, прислонился я къ спѣнѣ, и машинально, безчувспенно спопрѣлъ на проходившiя мимо меня группы, какъ вдругъ кто-то провелъ по губамъ моимъ поненъкими, бѣленькими пальчиками, и вмѣстѣ съ пѣмъ заигралъ пѣтпшительный голосокъ: «Что вы такъ призадумались, господипъ влюбленпый гусаръ?»

—Напрошивъ, сударыня, мптъ ужаспъ какъ смѣшно!—опвѣчалъ я Катинькѣ съ колкостiю.

«Сударыня!» повпорила она улыбалась. «Сдѣлайте одолженiе, не называйте меня такъ;—я еще не большал. . . .»

—Насмѣшница!—прервалъ я еѣ.

«Ахъ, какъ вы злы, господипъ гусаръ. . . . а всѣ кавалериспы такiе великодушные!»

—Нѣтъ, я не золь, Катинька! Но кому не больно будепъ, если его опкровепность, простое, смѣлое признанiе его чувспвоанiй—назовутъ смѣшнымъ. Прекрасная награда за благородную спраспъ. . . за любовь! . .

«За любовь? . . . И такъ, вы любите меня? Но скажите, что это такое любовь?»

—Это то, что мнѣ прiятно спопрѣвъ на васъ, еще прiятнѣе было бы цѣловати

вашу руку, ваши уста, щёчки, обнять вашу спройный спайнъ. —

Такъ въ принадацапъ лѣпъ я опредѣлялъ любовь.

Катинька покраснѣла, очень покраснѣла.

Я продолжалъ:

— Любовь боится разлуки: мнѣ грустно, скучно, горько безъ васъ. . . . —

«Я знаю,» перервала она: «я часпо слышу, что влюбляюся, но это только бываетъ между большими.»

— Между большими—большая любовь, между маленькими — маленькая; — возразилъ я съ улыбкою. — Но, *Катинька*, мы съ вами уже не дѣши.

«Ахъ, господинъ гусарь, вы хопите врубитьсь въ сердць мое!» вскричала невинная дѣвушка съ плѣнительнымъ чиспосердечіемъ, которое ясно показывало, что и она ко мнѣ не равнодушна.

(*Оконганіе въ слѣд. листкѣ*).

ОПАСНОСТЬ ЛЕТАТЬ НА ВОЗДУШНЫХЪ ШАРАХЪ.

Безпрестанно читаемъ въ вѣдомостяхъ объ огромныхъ воздушныхъ шарахъ, на которыхъ предполагается сдѣлать дальнее и долговременное путешествіе со всѣми дорожными удобствами и съ соннею пассажировъ.

Занимающіеся такими опасными мечпями, вѣроятно забыли, что и для одного путешественника воздушная дорога не безопасна.

Въ 1806 году *Мосманъ*, молодой воздухоплаватель, погибъ отъ того, что пуспилъ въ пупъ въ легкой лодочкѣ съ низкими краями, слишкомъ длинно и небольшимъ числомъ верёвокъ привязанной къ сѣпкѣ, копорю опупанъ былъ шаръ. *Мосманъ*, выбрасывая собачку съ парашюпомъ, уклонилъ отъ прямой опвѣсной линіи; лодочка потеряла равновѣсіе, стала качаться и выбросила его. *Пилатръ дѣ Розеръ* соединилъ способъ *Монгольфьера* созновъ изобрѣщеннымъ, по еспъ огонь съ горючимъ газомъ; покрылъ свой шаръ позолотою, копорая, находясь

между облаками, привлекла къ себѣ электрическую матерію. Шары позолоченные и посеребренные красивы, но очень опасны: *Пилатръ дѣ Розеръ* сторгъль подъ небесамъ.

Залібескори, подражатель предыдущаго, всякой разъ подвергался почти неизбѣжнымъ бѣдспвіямъ. Онъ обязанъ особенному щастію, что не погибъ.

Люнарди—въ Лондонѣ, наполняя шаръ газомъ, велѣлъ его держать молодому человеку, копорый пособлялъ ему. Эпопъ, по вѣтренности, обмолпалъ себѣ руку верёвками; шаръ внезапно поднялся на воздухъ и унесъ его съ собою. Руки молодого нещасливца выпупались изъ верёвокъ погда уже, когда шаръ залепъль подъ облака. Онъ упалъ—и ушибся до смерти.

Буишъ—въ Испаніи, рѣшилъ летѣль на *Монгольфьеровомъ* шарѣ. Передъ самымъ пѣмъ временемъ, какъ шаръ совсѣмъ изгопвленъ къ спуску, поварищи его опказались ему спупспивовать. *Буишъ*, испугавшись, рѣшилъ одинъ совершить воздушное пупешествіе; но въ замѣшательствѣ забылъ перерѣзать верёвку, копорю шаръ былъ вверху привязанъ. Снарядъ, поднявшись, вдругъ опскочилъ назадъ, *Буишъ* упалъ и переломилъ себѣ обѣ ноги.

Оливари—въ Орлеанѣ, поднялся на бумажномъ шарѣ, сидя въ лодочкѣ, въ копорой былъ спиртъ и другія горючія вещества. Очень понятно, что все это должно было вспыхнуть. И эпопъ неосторожный воздухоплаватель погибъ, умножа собою число жертвъ чуднаго изобрѣшенія и отваги, изобрѣшенія, по сихъ поръ остающагося просто любопытнымъ, но бесполезнымъ.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА. СУХОПУТНЫЯ СИЛЫ ЦЕРКОВНОЙ ОБЛАСТИ.

10 баталіоновъ пѣхоты	8,000 чел
1 баталіонъ егерей	700 —
2 Швейцарскихъ полка	4,400 —
Провинціальная гвардія	400 —
1 полкъ драгунъ	800 —
2 полка карабинеръ	2,500 —

Вся армія Церковной Области проспирася до 16,800 чел

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

63.

(Окончаніе.)

Весьма сожалѣю, что спашья моя, копорую полагалъ я вписнуть въ одну полосу, распространилась на при нумера. Но гдѣ идешь дѣло объ оправданіи отъ напраслины писателя, придицашь лѣтъ въ потъ лица работающаго на нивѣ словесности: памъ нельзя ограничиться нѣсколькими словами; невольнo входишь въ жаръ, исполняешь негодованіе; мысли толпящя, доказательства развиваются изъ доказательствъ, въ гнѣвъ пѣснишь смлтеннаго пропивника изъ позиціи въ позицію, приводишь въ замѣшательство—и заставляешь положишь несправедно поднятое оружіе.

Однако мы поспараемъ держась себя, сколько возможно, въ границахъ умѣренности, и для эпаго выписываемъ здѣсь изъ Р. И. нѣсколько книжныхъ объявленій, не дѣлая къ нимъ, съ нашей стороны, никакихъ доясненій, никакихъ примѣчаній.

Новыя книги:

6) *Метти и жизнь; были и повѣсти; соч. Николаемъ Полевымъ, въ 4-хъ томахъ, 1834 года.*

«Содержаніе оныхъ: томъ I, *Блаженство безумія.* — *Разказы Русскаго солдата.* Часть I-ая, *Крестыянинъ.* Томъ II, *Живописецъ.* Томъ III, *Эмля.* Томъ IV, *Мѣшокъ съ золотомъ.* *Разказы Русскаго солдата.* Часть 2-ая, *Солдатъ.*

«Есть люди,» говоришь г. *Воейковъ*: «есть люди, копорые думаютъ, будто бы издастель *Лит. Прибавленій* слишкомъ строга и даже пристрастно судишь о сочиненіяхъ Н. А. Полеваго. Напрасно! Онъ первый гоповъ сознашься, что сіи чепыре повѣсти прекрасны; особливо *Живописецъ* и *Разказы Русскаго солдата.* Въ обнхъ видно знаніе Русскаго быта и чедовѣческаго сердца; слогу, если не совѣмъ правилень, — покрайней мѣрѣ не тѣменъ, не напыщенъ, живъ, горячъ, увлекателень! Въ *Эмль* и въ *Мѣшкѣ съ золотомъ* есть необыкновенныя мысли и возвышенныя чувствованія; языкъ, сообразно предметамъ, хитро измѣляется; но хитросшь сія скрыта—и кажется природою.»

7) *Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши,* преимущественно во время Самозванцевъ. Памятники XVII вѣка. Собралъ и издалъ на Россійскомъ и Польскомъ языкахъ гвардіи полковникъ Павелъ Мухановъ. Съ приложеніемъ въ концѣ

книги опципографированныхъ многихъ рукописей. 1834.

«Всякой древній документъ, всякая старинная рукопись, заключающая въ себѣ объясненіе какой-либо доспомаятной години—для Русскаго испорика, или случая, досель остававагашаго тѣмнымъ, неразгаданнымъ, есть важный подарокъ опчественной литературы;» говоришь г. *Воейковъ* въ фельетонѣ № 33-го *Воешыхъ вѣдомостей.* — «Польскіе историки первыхъ вѣковъ Россійскаго государства запоздали и баснословны; но съ XIV-го вѣка они необходимы, хотя и пристрастны. Изъ нихъ надобно черпать съ крайнею осторожноспью.»

8) *Исповѣдь Англичанина, употреблявшаго опиумъ;* соч. *Матюрина,* авшора *Мельмота.* С. П. б. 1834.

Вошъ, какъ извѣщено въ Р. И. объ эпой замѣчательной книгѣ:

«*Матюринъ* извѣстенъ въ литературномъ мрѣ своими романами, наполненными самыми спранными грѣзъ воображенія. Его произведенія оплччаются особенною изобрѣпательностью происшествій и событий, самыхъ необыкновенныхъ и часно выходящихъ изъ предѣловъ возможнаго. Въ своей *Исповѣди* онъ описалъ свою бурную жизнь, исполненную дѣйствительныхъ спраданій, могущихъ служить поучительною картиною для читателей. Его Лондонская жизнь возбуждаетъ живѣйшее любопытство, какъ вѣрная картина современныхъ Англійскихъ нравовъ. Описание видѣній, происшедшихъ опъ употребленія опиума, совершенно ново: пбо до сихъ поръ объ эпомъ предметѣ мы не имѣли почти никакихъ сочиненій. *Матюринъ* первый извѣдалъ наслажденія и муки, порождаемыя опиумомъ, симъ цибельнымъ средствомъ, коимъ многіе думаютъ развеселиться безъ вреда для умспвенныхъ способностей. Книга *Матюрина* есть вмѣстѣ и назидательный нравственный урокъ, и замѣчательный литературный романъ.»

9) *Заѣмныя жены, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго* (Les femmes d'emprunt). С. П. б. 1834.

Акшѣръ *Императорскаго* С. Пешербургскаго театра, г. *Каратыгинъ меншой,* безспорно принадлежишь къ небольшому числу хорошихъ Русскихъ водевилесповъ.

Въ эпомъ, вновь имъ передѣланномъ, разговорный языкъ чистъ и благородень; почти всѣ куплеты оспры, итвивы. А чего же болѣе претбовать опъ эпой театральнoй игрушки?

10) *Дѣтскій разказчикъ, или собраніе повѣстей изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ,* какъ-то: *Бланшарда, Беркеня, Бертрана, Зонтанга* и многихъ другихъ. Пер. съ Франц. 1834.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 33.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 22 ДНЯ 1856 ГОДА.

Блаженъ, кому всегда печаль и скука чужды;
Блаженъ, кто не имѣлъ въ родныхъ ни разу нужды;
Блаженъ, кто не ропсать во вѣки на судьбу;
Блаженъ, ровняющій съ Расиномъ Коцебу;
Спо краше блаженна та судебная Палата,
Котора презвыми подъячими богата!

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ ВЪ ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Окончаніе).

—Съ эпой минутой начался союзъ нашихъ юныхъ сердець. Каждый разъ, когда отецъ мой вызжалъ къ доктору—и я бывалъ тамъ. Пріятно проводилъ я время въ домѣ эпомъ, съ добрымъ, милымъ, умнымъ Карломъ; часъ съ прелестною сестрою его. Куда дѣвалась дѣтская безпечность ея, ея невинная игривость? Я былъ поэтъ щасливецъ, который похитилъ у неѣ эти блага неощененныя.... попому что невозвратныя. Она любила меня не такъ какъ брапа, хопя не могла опдать себѣ вѣрнаго опчета въ свойствѣ своей привязанности. Не рѣдко, когда мы бывали одни, она позволяла мнѣ говорить ей о любви моей, слушала съ удовольствіемъ—даже не опнимала руки своей, не запрещала цѣловать еѣ. Непонятный жаръ спраски разжигалъ мою вступренность; спранное, безопчетное желаніе палило кровь. Была какая-то смѣсь

любви земной съ небесною, какъ впоследствии я выразумѣлъ—любовь души и плѣта, мысли и чувствѣ, любовь очей и ощущенія; словомъ—любовь какъ любовь, а не по, что видящъ въ ней иные: совершенное опсупствіе матеріальности.

Каждый влюбленный имѣетъ свои виды, свои надежды, свои упованія, наконецъ свою цѣль. Одинъ, не находя прѣящспвій, и согласуясь съ желаніемъ сердца—предлагаетъ любимой особѣ руку свою, и такимъ образомъ упрочиваетъ, упверждаетъ связь законными, священными узами. Другой, спрашасъ цѣлей брачныхъ, и прельщасъ болѣе удовольствіями мимолѣтными, убивая, такъ сказать, время въ искапельспвахъ необдуманыхъ, въ знакомспвахъ по-случаю, не располагаетъ женишься: ищетъ только забавы въ волокитствѣ,—хопя сердце его испинно занято одною. Третій, котораго едва ли спопитъ подводитъ подъ эту категорію, убѣгая опношеній постоянныхъ, не имѣлъ въ душѣ ни добродѣтели, ни соспрананія—безжалостно прелѣдуетъ неопытную, слабую, лег-

ковёрную невинность. Словомъ, у каждаго изъ нихъ есть свои причины, своя мѣша, свой кругъ дѣйствія. Но я, принадлежащій къ некоему среднему между опркомъ и юношею, не-во-время, должно быть нечаянно, подстрѣленный *Купидономъ*, — чего могъ добиваться, между тѣмъ какъ весь спрадалъ, горѣлъ чувствованіями, желаніями неопредѣленными? Я видѣлъ, что любилъ напрасно, — что возрастъ мой не позволяеть мнѣ ничего надѣяться въ будущемъ. И кпо бы предугадалъ, чтобы въ то время, когда едва развертывающійся умъ мой занимали только еще самыми началами наукъ, сердце полно было спрасми лѣтъ позднѣйшихъ, — чтобы ребѣнокъ, покинувъ игрушки и дѣтскія зашты, уединенно посковалъ о милой дѣвушкѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, я совершенно измѣнился. Пропама моя ребяческая веселость, задумчиво грустила молодая душа, поблекъ свѣжій румянецъ дѣвственныхъ щекъ — и уста, которыми бы слѣдовало лепетать привѣтны сыновней нѣжности родителю — запеклись отъ жара любви другаго рода. Отецъ мой скоро замѣнилъ эту перемену, и видя ясно, что нельзя её приписать болѣзни, спарался открыть настоящую причину. Зналъ, что я вель дневникъ, онъ, въ одинъ вечеръ, потребовалъ его и — всё обнаружилось. (*Владимиръ!*) сказалъ онъ строго: «ты болѣе не поѣдешь со мною къ доктору, потому что не умѣешь вести себя. Ты предался слишкомъ рано и неумѣстно склонности, которой не понимаешь. — А всё это отъ романовъ: ты не слушаешься отца — и продолжаешь читать ихъ. Зная твою пылкость, мнѣ слѣдовало бы прежде принять мѣры: но будь увѣренъ, голубчикъ, что тебѣ не видать больше *Катиньки*, какъ ушей своихъ!»

И быспро взглянулъ въ зеркало, словно говорилъ: выходишь прошивное!

Это не ускользнуло отъ вниманія бапюшки, и оспрота движенія моего невольно навлекла улыбку на строгое лицо его. Гораздо мягче уже, онъ спросилъ меня: «Скажи, одна-кожъ, что ты чувствуешь къ этой дѣвушкѣ?»

— Можесть быть то, что нѣкогда вы чувствовали къ матери моей! —

Отецъ задумался.

«Ты слишкомъ молодъ еще, *Владимиръ*, чтобы дѣлать подобныя сравненія,» сказалъ онъ наконецъ. «Совѣтую тебѣ впередъ быть осмоприпелнѣе въ словахъ и поступкахъ, — да выкинуть изъ головы глупую любовь... Садись-ка, сударь, за алгебру.»

Я повиновался... но въ длинныхъ математическихъ уравненіяхъ мнѣ видѣлся голубой поясъ, охватывающій спройный спаль *Катиньки*, — и на аспидной доскѣ, вмѣсто цифръ, я черпилъ нѣжные спишки...

На другой день слѣзы навернулись у меня въ глазахъ, когда я смопрѣлъ въ окно на отпѣзжающаго къ доктору отца моего.

Онъ ѣздилъ туда и другой, и третій, и четвертый разъ — и всё одинъ, безъ меня. Я спалъ выходя изъ терпѣнія: почти два мѣсяца, какъ я не видалъ *Катиньки*, хотя въ мечтахъ ни на минуточку не разсвавался съ нею... Ахъ, глупенькой, зачѣмъ искалъ я свиданій дѣйствительныхъ, существенныхъ, — развѣ они не такъ же были невинны, мечтательны, воображаемы?

Я выдумывалъ тысячу хипроспей, чтобы увидѣться съ моею любезною. Часто рѣшался я обратиться къ прямому, ближайшему способу, — упросить отца моего снова брать меня къ доктору: но съ одной стороны боялся отказа, съ другой демонъ вертѣвшихся въ головѣ моей романовъ подучалъ меня на тайное свиданіе, въ которомъ опасность и скрытность сосваляли главную приманку.

Наступала весна. Снѣгъ паялъ и, вмѣсто его, чаще выпадалъ дождикъ. Солнце стало сильнѣе грѣть обнажавшуюся землю, и лучи его, не игралъ больше въ искрахъ мороза, отражались спранно въ мутныхъ лужахъ. Вспава рано, упреннею порою я любилъ прогуливаться въ хорошую погоду, по дорогѣ къ Б — мѣ, и часто заходилъ на городское кладбище, — гдѣ мнѣ опрадно было читать унылую мою мечтательность...

Разъ, часовъ въ шесть утра, я неохотно оставилъ мягкую, спокойную постель, чтобы, по обыкновенію, пойти бродить. Благо-распворенный, свѣжій воздухъ весны; ясное

небо, на которомъ нельзя было найсти ни одного облачка, опѣняющаго чистый, голубой его сводъ; пріятное, разнообразное пѣніе жильцовъ воздушныхъ; румяный воспокъ, общающій прекрасный день; мѣстами пробивавшаяся на поляхъ зелень, посреди завялой, желтой травы, остатковъ прошедшей осени; журчаніе вѣчно-говорливыхъ ручьевъ, освободившихся изъ ледяной рамы: — всё, всё маняло душу къ упоительному наслажденію природою, — трогало сердце, разлученное съ его жизнію, потому что любовь есть жизнь сердца....

Задумчиво, но скоро прошелъ я двѣ версты — и очутился на кладбищѣ. Тамъ не было пѣхъ дорогихъ, художественныхъ памятниковъ надгробныхъ, которыми нагромождены Смоленское и Волково: тамъ подъ печальнымъ наклономъ елей и сосенъ, возвышались скромныя дерновыя могилы, деревянныя кресты, или выкрашенныя подъ мраморъ доски, съ уѣздными надписями, нерѣдко довольно забавными. За то, быть можетъ, праху человѣческому легче исплѣвать тамъ, чѣмъ подъ тяжелыми камнями, подъ тысячными пирамидами, — гдѣ вѣчное царство тьмы безжалостно разлучено съ привѣтливымъ свѣтомъ денницы, куда не проникаетъ лучъ солнечный, не доходитъ эхо громовыхъ ударовъ.....

Однакожь вдали примѣтилъ я памятникъ довольно красивый, хотя и не богатый. Подойдя ближе, я увидѣлъ дѣвушку, которая украшала его цвѣтами, вѣроятно взлѣбляемыми въ горшечкахъ на окошкахъ комнашки ея. Къ довершенію такой романтической сцены, узнайте, что это была *Катинька*, на гробницѣ доброй своей матери, которой лишилась за годъ передъ тѣмъ.

Дѣвушка вскрикнула; увидѣвъ меня, она испугалась, и этакъ испугъ предалъ её прямо въ мои объятія.

«За чѣмъ вы здѣсь, что вы тутъ дѣлаете?» были первыя слова ея.

—Какая щастливая встрѣча! — вскричала я, вмѣсто отвѣта.

«Скажите, что васъ такъ давно не видали у насъ?»

Я рассказалъ ей всё.

«Не-правда-же!» сердито вскричала *Катинька*. «На-зло ему мы будемъ видѣться.»

— Гдѣ же? —

«Здѣсь, или по вечерамъ въ бесѣдкѣ нашего сада.»

Въ эти минуты небо спало покрываться тучами. Солнце, свѣтившее во всемъ блескѣ своемъ, и разливавшее веселіе даже на кладбищѣ, вдругъ спряпалось въ черныхъ облакахъ; сдѣлалось сумрачно; понкій, душистый воздухъ смѣнился влажнымъ и тяжелымъ. Птички искали пріюта на деревьяхъ. Пошелъ рѣдкій дождь, и крупныя капли его, ударяясь о могилы, казалось, щитали время.

Мы принуждены были разстаться — въ надеждѣ свиданія при первомъ удобномъ случаѣ.

«Гдѣ это ты шлялся, негодный?»

Такъ чеснулъ меня отецъ мой, видя изъ окна, какъ я возвращался весь измокшій.

— Я гулялъ, бабюшка! —

«Въ такую погоду?»

— Погода была превосходная, когда я вышелъ со двора. —

«Хотя бы и такъ: да кто позволилъ тебѣ выходить-то со двора?»

— Прежде, бабюшка, вы не были такъ строги. —

«А теперь хочю, чтобы ты безъ моего спросу не смѣлъ оплучаться.»

Я слѣпо повиновался такому приказанію, т.е. чрезъ два дни послѣ того, такъ же упрямъ, едва разсвѣтъ успѣлъ прогнать сумракъ ночной, — былъ уже вновь на кладбищѣ — и поджидалъ *Катиньку*.

Она показалась черезъ часъ.....

Въперъ шумѣлъ колючими елями, и могильный шелестъ ихъ покрылъ нескромные звуки перваго поцѣлуя.

Бесѣда была полна невинныхъ воспорговъ безпечной взаимности и сердечныхъ изліяній.

Могилы матери *Катинькиной* сдѣлалась алтаремъ любви нашей. Здѣсь произнесены были клятвы вѣчной вѣрности, заимствованныя изъ чувствительныхъ повѣстей гжи *Жан-*

лись. Здѣсь прелестная дѣвушка, съ дѣвскою безпечностію, порхала на колыни мои; шея моя часто находилась въ кругу ея пушистыхъ ручёнокъ — и въ этомъ положеніи уста наши невольно касались одни другихъ... Какое сладкое соприкосновеніе!...

На этотъ разъ, возвращаясь домой окольными пропинками, я успѣлъ избѣжать бдительности отца, копорый, съ нѣкопорого времени, спалъ особенно замѣчавъ за моимъ поведеніемъ. По-этому пребывалась величайшая осторожность въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ къ свиданіямъ съ *Катинькою*. Мы условились не сходимся болѣе на кладбищѣ, потому что иногда памъ показывались поспороніе. Въ саду же докпорскомъ можно было видѣться только вечеромъ... Впрочемъ, намъ немного предспояло свиданій: въ скоромъ времени полкъ отца моего долженъ былъ выступить изъ окрестностей Б—чь и слѣдовать въ ***скую губернію. — Сердце замирало у меня при мысли, что это неизбежно... Прощай, *Катинька!*...

Еслибъ какому нибудь современному писателю пришлось раскрашивать мое похождение, то онъ, дойдя до насоящаго мѣста, вѣроятно, въ подражаніе *Вальтеръ-Скотту*, продолжалъ бы слѣдующимъ образомъ:

«Въ одинъ темный вечеръ, кто-то, небольшого роста, закутанный въ широкій плащъ, въ надвинутой на глаза шляпѣ, скоро, но робко пробирался задними дворами, къ саду небольшого одноэтажнаго домика. Лучъ мѣсяца, выплывшаго изъ-за-облаковъ, упалъ на лицо незнакомца и освѣтилъ его юныя — не болѣе какъ тринадцатилѣтнія черны.»

Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ видѣ разъ прокрадывался я на таинственное rendez-vous. Послѣ двухъ-трехъ легкихъ ударовъ въ садовую дверь — она отворилась, и *Катинька* ввела меня за руку въ бесѣдку. — Въмѣсто всегдашнихъ милыхъ привѣтспвій, я услышалъ протгательныя рыданія дѣвушки. «Ахъ, *Вольдемаръ!*» говорила она: «сладкія мечты наши не сбудутся: намъ никогда не принадлежать другъ другу! Вчера пріѣхалъ къ бапюшкѣ, изъ Мѣсєвы, какой-то молодой во-

енный лекаръ, — и мнѣ-то черезъ прігода назначено быть женою его!...»

Я согласился лучше бы, чтобы отецъ мой поймалъ меня на мѣспѣ, нежели услышать такое извѣспіе. Такъ мнѣ, ребенку, суждено было испытать и другую спрасть — ревность, впрочемъ всегда почти соупницу любви. Я часто читалъ о поединкахъ — и признаюсь, если бы рука моя уже мужеспвенна, если бы могла уже владѣть оружіемъ — она сразила бы своего соперника. Но въ насоящемъ случаѣ злоба оспавалась беспоною; однакоже, не смотря на то, жагда мщенія пекла кровь мою своимъ ядовитымъ жаромъ. — Щаспливая мысль мелькнула вдругъ въ головѣ моей...

Полковымъ адъютантомъ былъ очень молодой офицеръ, недавно произведенный изъ юнкеровъ, умница, образованный, но проказникъ, удалая голова, опчаянный искатель приключеній, готовый на все, для того только, чтобы обыкновенную прозу жизни опспѣнить полосою чрезвычайности. Такъ какъ въ возрастѣ между нами разницы было не болѣе чепырехъ лѣтъ: то сношенія наши были довольно коротки. Онъ любилъ меня за мою пылкость и опкровенность; приходилъ, казалось, бесѣду со мною пріятною — и ему-то одному, подъ спрашнымъ обшномъ тайны, повѣрилъ я о моихъ свиданіяхъ съ *Катинькою*. Къ нему-же теперь рѣшился пріѣтгнувъ съ просьбою избавить меня отъ ненавистнаго соперника. Вотъ какое я выдумалъ средство.

Предположено было, чтобы адъютантъ и молодой лекаръ, сойдясь гдѣ нибудъ въ общеспвѣ, непременно поссорились — причины не искавъ долго между молодежью — и дрались. Ребяческиво избобръпательно; дѣлать лучше взрослыхъ умбюпъ спройпъ воздушные замки: имъ ни что не въ диво, все легко и возможно. Я воображалъ уже доктора плавающимъ въ крови, при послѣднемъ дыханіи. Надобно признаться, что въ этихъ челоуѣколюбивыхъ мечтахъ сердце мое не выказывало своей хорошей споронь. —

Сказано, сдѣлано. Молодой лекаръ явился въ городскомъ собраніи, введенный семей-

спвомъ доктора-Пруссака. Адьюпантъ случился пугать же. Танцовали. Соперникъ мой опускалъ въ фигурахъ Московскія выходки; адъюпантъ придрался къ этому, и насмѣшливо просилъ врача, пустишь ему кровь, горь, чпо, поспѣвая за нимъ съ своею парюю, онъ совсѣмъ задохся. Докторъ принялъ это какъ молодой человекъ съ понятіями о гести. Сверкнули шпаги—и, если хопите, чпобы и выразился высокопарно, серебристый клинокъ одной изъ нихъ окрасился багровою влагою. . . . Молодой лекаръ получилъ опасную рану и, по предварительному условію, прямо съ мѣста боя опвезенъ былъ въ Москву. Поединокъ совершился въ глубокой пайнѣ—и въ Б—ахъ не спало нареченнаго жениха моей Катиньки. . . .

Однако жъ, разлучившись съ нею, можесть быть навсегда—было неминуемо, и въ самомъ непродолжительномъ времени. Насупилъ, наконецъ, день—и самый часъ, въ который влюбленный ребенокъ долженъ былъ оставить свою милену. Бапюшка поѣхалъ прощиться съ фамилією доктора и, для послѣднго раза, взялъ и меня съ собою.

Полкъ уже выступилъ за городъ—и удалые пѣсенники запягивали памъ веселую пѣснь походную, сопровождаемую звуками бубенъ и разливающимися прелями молодцака свистка. Опець спѣшилъ къ полку,—и вопъ, на крыльцѣ домика докторова, мы прощаемся, цѣлуемся, обнимаемся со всѣми членами семейства его. Юлій и Карлъ рыдають; спарикъ, опець ихъ, спокойно докуривая сигару, ворчитъ сквозь зубы и дымъ: Adieu, adieu, mein lieber! Катинька хочеть, кажеться, подражать равнодушію опца своего, но она блѣднѣе упренняго мѣсяца—и напрасно веселою улыбкою думаеть она остановить наворачувшіяся на глазахъ ея слезы. . . . Такъ иногда лучъ солнечный щепотно силится разогнать собирающіяся на небѣ тучи—и только блескомъ своимъ серебришь капли дождевыя. . . .

Я не хотѣлъ сказать ей безнадежнаго прощанія, но упованельнымъ до свиданія распался съ нею. Болѣзненно сперлось дыханіе въ груди моей, когда я съ припворною безпеч-

носпію вскочилъ въ коляску за опцомъ моимъ, копорый насвисывалъ уже одинъ изъ любимыхъ маршей своихъ.—«Сегоднишнее упро похоже на Аусперлицкое!» замѣшилъ онъ, и вслѣдъ за пѣмъ громогласное: «пошелъ!» быспро двинуло лошадей съ мѣста—и понесло коляску во весь опоръ. . . . Я обернулся назадъ, чпобы еще разъ взглянуть на Катиньку: она неподвижно бѣлѣлась на крыльцѣ, какъ прелесная спашуя на пѣдеспаль, прислонивъ къ челу правую руку, въ копорой развѣвался плапокъ, можесть быть увлажненный слезами: по-крайней мѣрѣ мнѣ леспно такъ думаеть!—Скоро проспранство скрыло опъ взоровъ моихъ несравненную дѣвушку: но, вещеспвенное, оно безсильно было раздѣлить меня съ нею мыслию и сердцемъ. . . .

Живописныя окрестности Б—чъ, вода, бѣгущая съ горъ и холмовъ, опъ шающаго снѣгу, обнажающіяся жѣлтые поля, на копорыя рука весны не успѣла еще набросить пѣспраго ковра зелени и цвѣшовъ, шумъ игривый быспрыхъ потоковъ, заглушаемый щебепаніемъ крылапаго племени; словомъ, живал картина обновляющейя природы, не могла усладить моего одиночества: попому чпо красота матеріальныхъ способны только увеличивать грусть, когда сердце испытываетъ лишеніе.

Мы скоро нагнали полкъ, въ копоромъ, вѣроятно, было много войновъ, также оставившихъ на зимнихъ квартирахъ предметы своихъ разгульных наслаждений—красныхъ дѣвушекъ деревенскихъ; но лица ихъ не выражали горести разлуки, можесть быть, опъ увѣренности—найти на первомъ ночлегѣ и прилпный опдыхъ и новую любовь. Солдатъ не роптлся подъ планетою поспоянства.—

Чрезъ годъ по прибытіи на новое мѣсто квартированія полка, я опредѣленъ былъ опцомъ моимъ въ полкъ его, юнкеромъ. . . . Семнадцати лѣтъ произвели меня въ офицеры. Это время радости было для меня эпохою и жесточайшаго горя: я лишился нѣжно-любимаго родителя! . . . Еще и теперъ опдаются въ ухахъ моихъ—и грустные звуки похоронной музыки—и раздрающій душу, медленный, печальный бой барабана—и всё конча-

ющій, прикратный выспрьль—надгробная пѣснь усопшему воину!...

Съ креповою повязкою на рукѣ, взялъ я опускѣ и поскакалъ на почтовыхъ въ Б—и, чпобы подѣ обожаемой *Катиньки* облегчить сыновнюю поску мою...

Быспро пронесся я по городу, и съ прудомъ можно было удержашь разгорячившихся коней, когда повозка поровнилась съ домикомъ доктора. Но что мнѣ представилось!—Спавни заколочены; зелѣная плесень покрыла нѣкогда опрятныя стѣны; на доскахъ, сорвавшихся съ кровли, прыгають сорокѣ; на дворѣ нечистота и кучи навоза; опустѣлыя комнаты распорены и кой-какая мебель валяется въ пыли.—Иду въ садъ—деревья поломаны, заборъ разобранъ на дрова,—а бесѣдки нѣтъ и слѣду!—Гдѣ я надѣялся найти утѣху горести моей—гдѣ недавній ребенокъ думалъ блестящими эполепами изумить пріятно бывшихъ, милыхъ, знакомыхъ жильцовъ,—тамъ вспрѣшило его печальное разрушеніе и тамъ пустоша могильная!—

Осправляюсь къ городничему—развѣдашь о докторѣ Пруссакѣ, и узнаю, чпо его нѣтъ уже на свѣтѣ, а семейство выѣхало неизвестно куда,—вѣроятно на родину.—Досада и грусть бѣсновались въ душѣ моей; я не зналъ, что предпринять: въ Пруссію ѣхать было невозможно...

Гонимый грустію къ мѣстамъ печали и уединенія, я побрѣлъ на кладбище, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ, на могилѣ матери *Катинькиной*,—я проводилъ съ нею безцѣнные часы. Прошедшее не возвращалось, а только сирое воспоминаніе о быломъ щастіи еще болѣе увеличивало печаль мою въ эптомъ пріютѣ смерти... Я уронилъ искреннюю, горячую слезу на прахъ добраго доктора, соединившійся въ лонѣ одной земли съ прахомъ подруги его жизни.

Оставивъ будущее на произволь судьбы, я возвратился въ полкъ, не переславая питать мечтами въ сердцѣ моемъ образъ незабвенной дѣвушки.

Открылась Польская война. Нашъ полкъ, въ числѣ другихъ войскъ, двинулся на усми-

реніе буйнаго возстанія. Тревоги военные, бивачная жизнь, бипвы за правѣ опечества—заславили меня забышь на время личныя заботы. Но часто въ пылу сраженій, въ туманахъ дыма пороховаго, носился предо мною неясный очеркъ дѣвы, воодушевлявшій меня къ подвигамъ мужества. Я радовался двумя радостями, когда ближе и ближе мы подвигались къ сердцу самой Польши—въ предѣлахъ Пруссіи, мнилось мнѣ, ждала меня она!

На присупѣ Варшавскомъ я получилъ жестокою рану, за которой послѣдовало совершенное и продолжительное безчувствіе. Очнувшись, я увидѣлъ себя въ небольшой, опрятной и удобной комнатѣ; передо мною споялъ человекъ съ анапомическимъ инструментомъ. Я приспально вглядываюсь въ черны его, и, къ великому удивленію, узнаю въ немъ соперника моего, молодого лекаря, котораго щипалъ погибшимъ отъ руки адьюпанта.

Я усавилъ на лекаря неподвижный, изумленный взоръ; но двери опворились въ эту минушу, и вошла женщина, съ чашою супу въ рукахъ.. Она подходилъ къ моей постель, хочеть поставилъ на столъ чашу, но та выпадаетъ изъ рукъ ея, разбивается въ дребезги, и пронзительное *ах!*—воскличаніе испуга и неожиданности—поражаетъ слухъ мой.—Знакомый, милый голосъ; я различу тебѣя и при трубѣ *Архангела!*... Короче, это была *Катинька*—жена молодаго лекаря: она узнала меня.

Вошѣ, господа, исторія любви моей. Остається сдѣлать только маленькое объясненіе. Адьюпантъ вовсе не имѣлъ поединка съ моимъ соперникомъ, а выдумалъ его для успокоенія моей ребяческой ревности. Семейство доктора, послѣ смерти его оставшееся въ самой крайней бѣдности, исполня послѣднюю волю отца, немедленно отправилось въ Москву, гдѣ *Катинька*,—крутая, беззащитная сирота—для спасенія братьевъ своихъ отъ нищеты, рѣшилась пожертвовать собою—и вышла за мужъ за молодаго лекаря, человека весьма доспапочнаго.

Она несчастлива—и потому что любилъ другаго, и потому, что мужъ ея, узнавъ о

прежнихъ нашихъ отношенійхъ, перзаесть еѣ безпреспанно неумѣспными и грубыми укоризнами.

Но щаспливѣ ли я? — Невольная измѣна *Катинки* не омрачаесть еѣ презрѣнїемъ любовника: жертва великодушїа, — она еще милѣе спала въ глазахъ моихъ. Образъ невинной спрадалицы не оставляесть меня ни въ день, ни въ ночь. Напрасно спараюсь изгнать его изъ души моей, — напрасно не хочу любить *гужой*: голосъ сердца впорипъ мнѣ: *Она твоя, твоя изъ дѣтства!* Тщешно въ другихъ связяхъ ищуща забленїа прошедшаго; щещешно думаю полюбипъ иную — съ пѣмъ же пламенемъ, съ пѣмъ же очарованїемъ. Сердце не охотно бѣенся для впорой любви, и хощеъ

Не вдругъ увянесть наша младоспъ,

Не вдругъ воспорги бросяпъ насъ, —

И неожиданную радоспъ

Еще обниместь мы не разъ!

Но вы, живыя впецаплѣнья,

Первоначальная любовь,

О, первый пламень упоенїа —

Не придеспае вы вновь! —

Л. Брантъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

64.

Извѣспно всѣмъ, что наспоящїй издапель журнала *Телескопъ* и при немъ газетпы: *Молва*, ѣздилъ въ прошедшемъ 1835-мъ году въ чужїе краи, и что безъ него сїи перїодическїа издапїа продолжаемы были нѣкїимъ *Виссарїономъ Бѣльнскимъ*, который, какъ спрavedливо замѣспилъ *Сынъ Отечества* (№ 1, 1836, спр. 47-ая): прїятно занимался подкапыванїемъ всѣхъ возможныхъ репутацїй; кругъ его работы былъ грезвыгапно обшїренъ; всякая извѣстность равно ненавистна *Телескопу* и *Молвѣ*: *Ломоносовъ*, *Державинъ*, *Пушкїнъ*, *Жуковскїй*, *Курькольникъ*, мертвые и живые, всъ равно подвергаются благонамьренной критики этихъ журналовъ, едь въ никогда не встрѣгали никакого извѣстнаго имени, и потому ненавистъ ихъ къ извѣстнымъ именамъ огенъ понятна.

Г. Надеждинъ возврапился въ отечество, съ нимъ и надежда наша видѣпъ въ журналъ что нїбудь, кромѣ рзкихъ пропївурѣчїй и промаховъ. Увы! ожданїа наши не сбьлись: въ № 14, уже подъ глазами сааго *Надеждина* соспа-влявшемся, находимъ въ *Отрывкахъ изъ путе-выхъ записокъ* одного Русскаго путешеспвенника, что онъ (спр. 202) въ *Дрезденѣ* поклонился праху генерала *Моро*, между пѣмъ, какъ мы, жїпели Пепербурга, кланяемся ему въ здѣпней Римско-Каполической церкви, на Невскомъ проспектѣ. Тѣло сего славнаго полководца закладено въ церковной спѣнѣ, съ правой спороны; памъ и бронзовая доска съ надпїсью находптся. Не ужели г-нъ издапель не зналъ этаго? Возможно ли печатапъ въ журналъ такїа нѣлпспїа?

Въ № 1-мъ *Телескопа*, на 1836 годъ изданнаго, еще горше этаго! *Г. Надеждинъ*, упрямо поддерживая своего уподномоченнаго *Виссарїона Бѣльнскаго*, въ длинномъ разсужденїи, которое окреспиль онъ именами — *Европеизмъ* и *народность*, доказываесть, будпо бы поэзїа *Ломоносова* еспъ *Лапїнская*; *Богдановїа*, *Хелмїцера*, *Фонъ-Вїзїна*, *Озерова*, *Княжїина* — Французская; *Жуковскаго* Нѣмецкая, *Пушкїна* и *Батюшкова* Италїанская. Спарая погудка на новый ладь!

Не спанемъ распроспраняпъся въ опроверженїяхъ: споры эспї сколько же надоблї читающей публикѣ, сколько споры профессора *Кагеновскаго* о Банномъ спроенїи и жалкїа вылазки *Сергѣя Скромненки* пропївъ безмерпнаго *Нестора* и *Карамзїна*.

А. Кораблїнскїй.

1-ое Марта
1836.

СТИХОТВОРЕНІА.

ЭПИГРАММА.

Прочесъ бѣда-бѣ не великá

Твои спїхи, да вопъ помѣха:

Боюсь прагическаго смѣха

И водевильнаго зѣвка.

Фонъ-Бейеръ.

M O D E S.

J'ai assisté ces jours-ci à une séance qui m'a paru offrir un grand et immense intérêt pour les mères de famille; ce sont des *exercices calisthéniques*, (ou gymnastiques), professés, par *Madame Martini, Cité-Bergère n. 8*. Ces *exercices calisthéniques* consistent en une suite, en un ensemble de mouvement divers dirigés avec une telle habileté, que tous les muscles du corps humain se trouvent successivement mis en état de contraction. Cette contraction est produit avec tant d'entente, tant de grâce, que ce n'est pas le muscle entier qui fonctionne brusquement, mais les fibres musculaires qui le composent, une à une, jusqu'à ce que l'organe en masse ait acquis l'intensité d'action dont il est susceptible. Puis ces exercices tels que les enseigne *Madame Martini*, sont tout à fait dans le sens d'un développement qui rapproche le plus possible du type de la beauté. Une des merveilles de la *calisthénie*, c'est la simplicité de l'appareil. Un triangle suspendu au plafond et une longue baguette, sont les seuls instrumens dont se sert *Madame Martini*. Je crois qu'il est peu de mères, qui ayant comme moi assisté à une de ces séances, ne désire confier sa fille à *Madame Martini*, dont le maintien modeste, la bonne grâce et l'élégance des manières, sont des garanties qui témoignent en sa faveur, sous tous les rapports moraux. Quant à l'utilité de l'art qu'elle enseigne, les nombreux succès qu'elle a obtenus dans les capitales de l'Europe, où elle a formé des élèves, ne laissent aucun doute sur ceux qui l'attendent à Paris; car la vie sédentaire que mènent les jeunes personnes, rendra bien précieux ces exercices, si simples, si fortifiants pour la santé et qui donnent au corps une souplesse et une grâce, que toutes les leçons de danse ne peuvent jamais remplacer.

Je vous ai peu entretenue de modes aujourd'hui, ma chère *Nancy*, mais pour le moment il règne un *calme plat*. L'orage ne gronde pas encore, mais il grossit; les nuages s'amoncellent; encore un peu de temps et il éclatera; heureusement, la foudre en sortira vêtue de rose, ornée de rubans et de fleurs et sous les traits d'une jolie femme; c'est un tonnerre qui n'a je crois jamais effrayé personne?....

Adieu; tout à vous d'esprit et de cœur. — *Sarah*.

Pl. No 12. Chapeaux de gros d'orient. — Redingotes de satin, à manches plattes.

M O Д Ы.

Я была сегодня въ одномъ собраніи, которое, какъ мнѣ казалось, должно быть весьма занимательно для матерей семействъ. Это упражненія *калистеническія* (или гимнастическія), преподаваемая г-жею *Мартини*. Эти *калистеническія* упражненія состоятъ изъ разныхъ движеній, направленныхъ такимъ искусствомъ, что вся мускулы человеческого тѣла приводятся постепенно въ сопряженіе. Это сопряженіе производится съ такою ловкостью, что не весь мускулъ разомъ опправляетъ свое дѣло, но фибры, составляющіе его, одинъ по одному, покуда весь органъ въ массѣ получишь силу дѣйствія по его способности. Сверхъ того эти упражненія преподаются г-жею *Мартини* совершенно въ смыслѣ развитія, приближающаго сколько возможно къ совершенству красоты. Слранность *калистеники* состоятъ въ прошломъ приговорахъ. Треугольникъ, подвѣшенный къ пополку и длинныя палочки, вотъ вся инструменны, употребляемые г-жею *Мартини*. Я думаю, мало найдется матерей, которыя побывавши тамъ какъ я, не пожелали бы вѣрнѣе своихъ дочерей г-жѣ *Мартини*; ея скромная осанка, ловкія и щеголеватыя тѣлодвиженія, служатъ вѣрными залогамъ въ ея пользу, во всѣхъ нравственныхъ отношеніяхъ. Что же касается до искусства, ея преподаваемаго, то многочисленные успѣхи ея въ столицахъ Европы не оставляютъ никакого сомнѣнія объ ожидающѣхъ ея въ Парижѣ, потому что сидячая жизнь молодыхъ дѣвушекъ дѣлаешь эти упражненія драгоценными; они такъ просны, такъ укрѣпляютъ здоровье, и придаютъ тѣлу гибкость и ловкость, которыхъ никогда не замѣняшь танцовальныя уроки.

Я сегодня мало говорила тебѣ о модахъ, милая *Нанси*, но теперь царствуетъ *плоская тишина*. Буря молчитъ еще, но собирается, тучи скопляются; еще не долго — и она разразится; но къ щасцію, громъ упадетъ одѣтый въ розовый цвѣтъ, убранный лентами и цвѣтами, и въ видѣ пригожей женщины; такой громъ, я думаю, еще никого не пугалъ?...

Прощай, вся шволя умомъ и сердцемъ. — *Sara*.

Карш. No 12. Шляпки изъ gros-d'orient. — Шаковые рендегопы съ плоскими рукавами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ,

№ 34.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 25 ДНЯ 1836 ГОДА.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ шужихъ,
Пришло время, начало сердце крушить;
Съ воздыханья бѣлой груди пѣжело!
То-ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло:
Полюбя дружка, опъ горести изныть,
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СУДЪ БОЖІЙ.

(Повѣсть недавнихъ временъ.)

Глава 1-я.

Душъ великихъ сладострастье,
Совѣсть, зоркій стражъ сердець!
Безъ тебя, ничтожно счастье,
Гибель — злато и вѣнецъ.

К. Батюшковъ.

Въ залѣ древняго готическаго замка пи-
рвала группа молодыхъ, веселыхъ офице-
ровъ. Это было наканунѣ сраженія подъ
Прейсишъ-Эйлау. Всѣ они съ неперпвнѣемъ
и тайнымъ, непоняннымъ сердцу Русскому
въ бою и предъ боемъ, спрахомъ ожидали
мпнута, когда раскапнтся ужасно-веселымъ
громомъ дрожащій, съ унылыми перекапами
и опголосками, звукъ вѣсповой грозной, ра-
достной пушки съ главнаго аванпоста. Всѣ
они ожидали эшаго звука и никто изъ нихъ
не думалъ о смерти, о смертномъ часѣ, о

разрушеніи пѣла, брэнной оболочки высо-
каго духа; никто не думалъ, что памъ за
смертію, за доскою гроба, будущность—
ужасная, грозная, неумолимая, неизмѣня-
мая вѣчность... вѣчность съ своими спра-
хами и надеждами... Они, какъ всегда, были
веселы, шумливы, шуштливы, шаловливы; они
обнимались дружески, шушили дружески,
цили и пѣли дружно...

Но посмотрите въ глубину залы: какою
удивительную, рѣзкую противоположность
эпою буйной, рѣзвой, необузданной радости
вы увидите въ двухъ лицахъ, которыхъ си-
дѣтъ вдали опъ прочихъ, и не видѣтъ ни-
чего, что окружаетъ ихъ. Одинъ — воинъ,
посѣдвшій въ бояхъ, съ угрюмою важно-
стію на челѣ и съ холодною, ращѣпливою
философію въ сердцѣ — эпо роммиспръ
Гранинъ; другой блѣдный, исхудалый мо-
лодой полковникъ; подъ блѣдностію и худо-
бою скрыпы привлекательныя черпы пре-
краснаго лица; черные волосы вились кудрями;
черныя, живыя, быспрыя очи оспановлены

были безъ движенія на ропмиспрѣ, кажешся, первомъ предметѣ, попавшемся этому пронцапельному взору; не рука времени, но рука горестей и безнадежной любви положила на чель полковника печать своего присущствія въ его высокой, благородной душѣ.

«Вѣришь ли ты предчувствіямъ? спросилъ вдругъ полковникъ *Гранина*: «Можно ли вѣришь этому шайному голосу сердца, этому чудному, непонятному, непоспижимому чувству души о скоромъ разлученіи ея съ тѣломъ.»

— Не спорю, — отвѣчала *Гранина*: душа наша имѣетъ въ себѣ силу предчувствія, или лучше, предугадыванія будущаго; но дѣйствіе эпой силы зависитъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ человекъ находится; отъ наспроенія его духовной природы, отъ различнаго отношенія его духа къ матеріи, отъ чувствъ, которыми занятъ, во время дѣйствія силы предчувствія, духъ его... —

Но полковникъ не слыхалъ продолженія рѣчи *Гранина*; онъ опять погрузился въ размышленіе, и, казалось, задумчивость для него сладка была. Долго молчалъ полковникъ, потомъ произнесъ глухимъ голосомъ:

«Я чувствую, *Гранина*, конецъ мой приближается, шайная грусть лежитъ на моемъ сердце, давитъ грудь мою; я долженъ предъ тобою, одному тебѣ объяснить ужасную шайну моей жизни... можетъ быть завпра, съ разсвѣтомъ, я паду жертвой перваго непріятельскаго ядра, можетъ быть...»

— Смерть, перервалъ его *Гранина*: смерть!... для кого изъ насъ не спрашна... Что я говорю! Кому изъ насъ извѣстенъ приходъ эпой незваной, чудной гостыи, которал пакъ самовольно, пакъ нахально, пакъ рѣшишельно все рушитъ, къ чему лишь коснешся... но доскажи!... —

«Да, другъ мой, если я пролью кровь за мое опечесство, то кто донесетъ мое благосл.... ему... нещ... сир...» — Полковникъ не могъ договорить словъ, онъ рыдалъ какъ ребенокъ и не спыдился слезъ своихъ.

Ропмиспрѣ молчалъ.

«Нѣтъ!» продолжалъ полковникъ: «я пехочу скрывать стыда своего предъ смертію! я покаюсь предъ смертію, — и покаюсь не шайно, одному Богу, — покаюсь предъ всѣми, кто здѣсь есть!.. пусть всѣ услышатъ ужасную повѣсть моей шайнственнной жизни! пусть всѣ узнаютъ, какъ Провидѣніе казнитъ преступниковъ Его закона...»

Полковникъ вспалъ. Быспрый взоръ его однимъ разомъ окинулъ залу; онъ увидѣлъ друзей, — неизмѣнныхъ поварищей въ бипвахъ и за чашей круговой; вспомнилъ прошедшее — и сердце его облилось кровію и очи его наполнились слезами, эшими жемчужинами чистаго раскаянія. Онъ хотѣлъ иппи обнять всѣхъ до одного, но ноги ему измѣнили; онъ упалъ въ кресла и только могъ сказать: «товарищи, ко мнѣ!»

Всѣ сбѣжались къ любимому полковнику и окружили его съ дѣпскою заботливостью.

«Друзья! произнесъ полковникъ швердымъ голосомъ: «я знаю, изъ васъ никто не откажется исполнить моей просьбы, можетъ спашься, уже послѣдней въ эпой жизни; но прежде, вы должны узнать меня, узнать жизнь мою... Садитесь и слушайте!... Я не жду вашего отвѣта: я его знаю.»

Всѣ молча наклонили головы, придвинули стулья и сѣли кругомъ полковника и *Гранина*. Ропмиспрѣ не говорилъ ни слова.

Глава 2-я.

... Ему былъ спрашенъ взоръ людей,
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры;
Спирадальцу мнилось: ты злодѣй!
Въ глухихъ опзывахъ впорятъ горы.
Злодѣй, казалось вопіюпъ
Ему льсовъ дремучихъ сѣни!

Такъ началъ полковникъ рассказъ свой:

«Я немного, друзья, опниму у васъ времени моимъ рассказомъ. Я не спану говоритъ вамъ о моемъ воспитаніи, горькіе плоды котораго вы будете примѣчать въ сѣмой большой половинѣ моей жизни. Довольно будетъ, если я вамъ скажу, что воспитаніе мое было таково, что я не могъ ни когда забыть о томъ, что я человекъ, созданный Богомъ, и что я долженъ быть ему благодаренъ за все, что онъ далъ мнѣ. Я не могу забыть, что я человекъ, созданный Богомъ, и что я долженъ быть ему благодаренъ за все, что онъ далъ мнѣ. Я не могу забыть, что я человекъ, созданный Богомъ, и что я долженъ быть ему благодаренъ за все, что онъ далъ мнѣ.»

шапелемъ моимъ былъ иностранецъ. Иностранцы въ наше время были въ модѣ, значить я воспианъ былъ по модѣ. Недокончивъ курсъ воспианія, (окончанія копорого я никогда бы не дождался), я поступилъ юнкеромъ въ армейскій гусарскій полкъ. Дядюшка и бабушка спарались за меня, и я чрезъ три мѣсяца былъ корнетомъ въ томъ же полку. Съ этого времени началась истинная жизнь моя; до сего времени я не жилъ. Гусарь, офицеръ, съ блестящими эполетами, я думалъ: все могу дѣлать. Какъ жестоко я ошибся! О, дорого я заплачилъ за такое право своихъ поступковъ! полжизни горести и безнадежности не искупили и одного преступленія, которое тяготитъ меня, которое съзываетъ на меня казнь Правосуднаго.

«Первое проявленіе во мнѣ жизни было желаніе любить. Я полюбилъ прекрасную, молодую, невинную дѣвушку; съ прекраснымъ овальнымъ личикомъ, съ розовыми щечками, съ кашпановыми локонами, которые, прелестными, стѣнными группами, разсыпалась на перловую, лебединую шею моей красавицы. Я любилъ её, но, если бы вы знали, какова была любовь моя. Это была не любовь, а мгновенная вспышка молодого, неопытнаго сердца, которому нуженъ былъ предметъ для испытанія себя, нуженъ былъ опытъ для того, чтобы теорію любви, хорошо мнѣ извѣстную, приложивъ къ практикѣ, для того, чтобы научиться любить не истинно, не всѣмъ сердцемъ и душою, а всѣми словами, выражающими самую пламенную любовь. Я такъ и любилъ. Я вамъ сказалъ, каковъ былъ предметъ моей испытательной любви, но не сказалъ, кто была моя любезная. Она была дочь помещика *Видова*, сосѣда моего, добраго и смирнаго; маперя она не имѣла, они жили вдвоемъ. Я жилъ въ деревнѣ одинъ; меня не кому было удерживать.

«Однажды, въ прекрасный Майскій день, мы, т. е. я и *Лиза*, пошли прогуляться по берегу рѣки, которая раздѣляла наши селенія. Мы шли тихо. День вечеръ. Природа раскинула всѣ красоты свои, какъ будто для того, чтобы завлечь насъ далѣе въ

прогулкѣ. Ночь начинала закидывать темное покрывало свое на лазоревое небо и солнце спало скрываться за горами. *Лиза* замолчала, обратила прекрасныя очи свои къ небу и тихо, невинно наслаждалась зрѣлищемъ захожденія солнечнаго. Въ головѣ моей мелькнула мысль пагубная, злодѣйская: «опять удобная минуша къ побѣдѣ надъ дѣвушкой! Не робѣй, не будь ребенкомъ—и она твоя!» Но, она невинна! говорилъ мнѣ разумокъ и совѣсть, бойся погубить её, спрашай лишись её земнаго щастія! Но опять та же убійственная мысль: она твоя, лови, лови минушу! такія мгновенья рѣдки.... И я безъ мысли, безъ чувства, схватилъ за руку *Лизу*, остановилъ её, и не зналъ, что говорить... но, она, она несчастная, она сама помогла свершиться всему.

«Вы уснули, *Николай Андреевъ*, сидѣть здѣсь!» произнесла она, и дрожь пробѣжала по всему тѣлу моему, и холодъ коснулся души моей.

Я съелъ и опивчалъ:

—Да, вы угадали: я уснулъ, только не опъ дороги, я уснулъ.... уснулъ...—и глаза мои блистали преспушнымъ пламенемъ.

«Опъ чего? опъ чего? скажите мнѣ...» вскричала она съ нѣжнымъ любопытствомъ, и ея мягкая, бѣлая рука обвила мою шею.

—Я уснулъ скрывать мои чувства. Я люблю тебя, милая! я весь міръ готовъ повергнуть къ стопамъ твоимъ, моя ненаглядная! я всю жизнь отдаю за одинъ поцѣлуй твой, мое солнце красное, за другой—всѣ богатства и щастіе.... Люби меня, моя милая! дай прижать тебя къ груди моей!...—И она съ тихимъ пренетомъ склонилась на грудь мою—и уста ея прильнули къ устамъ обольстившей.

—О, не сожги меня, очаровательница, поцѣлуемъ пламеннымъ!...—И она оппрядала опъ груди моей, какъ волна опъ скалы каменной. Голубые очи ея дышали нѣгою, уста, опорванные опъ уснѣ моихъ, горѣли лобзаніемъ.

.....

Свершилось!... Она бросилась ко мнѣ, повисла на шеѣ губишеля и, какъ змѣя, впиалась въ уста мои....

«О, не покидай меня, другъ мой милый,» говорила мнѣ жертва моей испытательной любви.

Свершилось!... и небо нахмурилось.... мѣсяць красный выглянулъ изъ-за сѣрыхъ пучъ, громъ грянулъ надъ главою преспушника и молнія освѣтила мое преспушленіе... и она ближе прижалась къ груди моей.

Скоро, скоро приближалось время, въ которое должна была разразиться гроза надъ главою преспушника.

«Ты такъ холоденъ,» часпо мнѣ говорила несчастная: «сны не любишь меня!..» и уста ея лобзали меня, какъ друга и любовника.

Наконецъ я сдѣлался опцомъ дѣтями, сына преспушленія. *Видовъ* узналъ поношеніе дочери: она открыла преспушника. Но какъ былъ благороденъ *Видовъ*, какъ кропокъ ко мнѣ въ укоризнахъ... На другой день рожденія сына, я получаю письмо отъ *Видова*; я вамъ прочишаю его.

Полковникъ опспегнулъ мундиръ, вынулъ медальонъ съ портретомъ, раскрылъ его, взялъ изъ него бумагу и чипалъ:

«Извергъ, недостойный имени человека! Ты погубилъ дочь мою! она родила сына тебѣ и внука мнѣ. Приди, полюбуйся своею игрушкою! Приди, взгляни на жертву своего безумія и коварства... но приди съ пѣмъ, чтобы загладить преспушленіе. Если ты имѣешь еще каплю благородства, ты исполнишь всё, что сказалъ тебѣ несчастный опецъ.—*Видовъ.*»

—Да, добрый спарикъ,—сказалъ я: я пойду къ тебѣ, и съ пѣмъ, чтобы избавить тебя и, болѣе, дочь твою отъ позора... Но опецъ мой, мой опецъ, помѣшанный на планахъ честолубія и ращетахъ корысти, согласился ли онъ на эпотъ бракъ; на бракъ, который не принесетъ ему никакихъ выгодъ; на бракъ, чрезъ который не получишь онъ никакого чина, ни кучи золота?... Но Богъ поможетъ... иду къ почтенному спарцу,

опцу моей возлюбленной! брошусь къ ногамъ его и испрошу прощеніе.—Я такъ и сдѣлалъ: пошчасъ явился къ спарику, палъ предъ нимъ на колѣна и поклялся предъ нимъ....

—Я спрашлся опкрыть вамъ,—говорилъ ему я: позоръ вашей дочери и свою безумную любовь къ ней, я ждалъ, когда само время опкроетъ мое преспушленіе. —

Спарикъ повѣрилъ словамъ моимъ. Обручилъ меня кольцомъ съ дочерью и оппустилъ въ Пепербургъ. Несчастный спарець, ты и умеръ, не видавъ исполненія моей кляпвы!

Слѣзы навернулись на глазахъ полковника.

Я уѣхалъ. Предлогомъ моего опѣзда въ Пепербургъ было: свиданіе съ опцомъ и родными. Въ первый день моего появления въ Пепербургъ, я, по рекомендаціи бабушки, былъ приглашенъ на балъ къ графинѣ, на другой, на претій... всякій день: вечеръ, балъ, пирушка, разговоры, танцы, вино... Въ чаду свѣтской веселости, въ вихрѣ танцовъ, я забылъ все, въ пѣнѣ искриваго Шампанскаго я попопилъ все; обручальное кольцо было потеряно—и съ нимъ потеряно все: всѣ кляпвы, всѣ обѣты и любовь. Какъ будто въ немъ заключалась очарованная сила, влекшая меня къ погубленной мною дѣвѣ; какъ будто съ потерей его рушилось всё очарованіе, пропала вся обворожительность, и чародѣйка не могла снова приковать меня къ себѣ.

Я искалъ новой любви въ Пепербургъ; но лишь только приближался къ женщинѣ съ мыслью о любви—и бѣдная *Лиза*, съ груднымъ младенцомъ на рукахъ, и сѣдовласый спарець, съ грознымъ, укоризненнымъ взоромъ, являлись мнѣ посреди шума бального и при блескѣ тысячи свѣчей.

Уже зоркій глазъ мой примѣнилъ, что одна изъ молодыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, очень приспально глядитъ на меня, приятно, иногда безъ надобности улыбаются мнѣ; она охотно разговаривала со мною, чѣмъ съ другими кавалерами; видно было желаніе ея всегда танцовать со мною. Но я боялся и подумалъ о любви. Теперь... Боже, дай силъ досказатъ всѣ мои преспушленія!... Теперь

я долженъ открыть вамъ, что побудило меня раскаяться. Извините, я забылъ сказать вамъ, что я уже былъ въ гвардіи въ чинѣ подполковника. Въ четвергъ каждой недѣли назначался балъ у графини Б..., я тамъ бывалъ въ числѣ первыхъ, не потому, чтобы я былъ слишкомъ красивъ; а потому, что я былъ богатъ, въ чинахъ и имѣлъ покровителей. Тутъ должна была быть и она, впрочемъ жертва моей любви, къ счастью, не совсемъ погубленная. Вечеромъ, мы двое съ нею (имени ея я вамъ не скажу) удалились въ самую темную и дальнюю алею сада графскаго. Скажите, можно ли быть съ любимой дѣвицею наединѣ и не сказать ей ни слова о любви? Любить ея и вдали взоромъ и языкомъ людскихъ не сорвать ни одного поцѣлуя съ успѣхъ возлюбленной! Трещать сердцемъ и не дать ощущать ей шага трепета!

«Я люблю тебя!» произнесъ я, и тайный страхъ объялъ душу мою, и невѣдомая горестъ вѣснулась въ грудь мою, и морозный холодъ обдалъ всѣ чувства мои.

«Я люблю тебя!» и поцѣлуемъ хотѣлъ сжечь возлюбленную... Но вдругъ раздался въ ушахъ моихъ хриплый голосъ спарца, того спарца, чья дочь...

— Измѣнникъ, другая жертва! — воскликнулъ величавый спарикъ... Я оппрянулъ отъ ней — и спарець спалъ межъ нами.

«Другъ мой, другъ мой, куда пы? За чѣмъ оставляешь меня?» кричала она.

— Смѣтри, смѣтри! — отвѣчалъ я: смѣтри, какъ грозенъ эпопѣ спарикъ-дьяволъ, онъ пришелъ смѣяться надо мною... — Но спарикъ снова произнесъ: Измѣнникъ, гдѣ дочь моя? куда дѣвалъ пы ея?... Да, она тамъ, — отвѣчалъ онъ спокойнымъ голосомъ, указывая на небо.

«Смерть!» вскричалъ я, и бросился бѣжать, не знаю куда и какъ бѣжалъ я.

Я былъ въ горячкѣ. Черезъ двѣ недѣли я пришелъ въ память, и мнѣ говорили, что нашли меня безъ чувствъ, безъ памяти, распростертаго при гробѣ Александра Невскаго; подлѣ меня споялъ монахъ-спарець, и открѣпшійся міра, онъ плакалъ о мнѣ. Вы-

здоровѣвъ, я былъ въ монастырѣ, но спарца тамъ не было; — я только могъ узнать, что за двѣ недѣли предъ симъ, какой-то спарець-монахъ ушелъ въ Кіево-Печерскую лавру на богомолье. Это былъ онъ монахъ-спарець! это былъ опецъ погибшей дѣвы! Это былъ сѣдовласый спарець, удержавшій меня отъ новаго преступленія.

Я молился предъ гробомъ Священнаго Невскаго — и душа моя возродилась въ новую жизнь и раскаяніе пролилось въ душу мою живымъ, цѣлительнымъ бальзамомъ; я плакалъ предъ гробомъ князя Праведнаго — и сладкія слезы согрѣвали душу мою теплою чудотворною; я проспиралъ руки къ небу, и, мнѣ казалось, Ангелы небесные, слуги Бога Вышняго, открывали мнѣ свои объятія и принимали въ лоно свое; я падалъ ницъ предъ гробомъ Чудотворнаго, и мнѣ чудилось, будто надо мною выпалъ Ангелъ хранитель мой и благословлялъ меня благодатию Всевышняго

. Молчаніе.

Черезъ три дня послѣ шаго я былъ въ отставку, на четвертый выѣхалъ изъ Петербурга, и быстрые кони мчали меня на мѣсто, гдѣ я свершилъ преступленіе. Но уже напрасно! Ея не было въ здѣшнемъ мірѣ, она обитала въ мірѣ горнемъ. Я пошелъ къ мѣсту преступленія — и что же? На томъ мѣстѣ — курганъ — на курганъ — слова: *Лиза Видова*.

«Здѣсь пшвей прахъ!» произнесъ я: «душа пшвая покоится на лонѣ Авраама. Прости своего оболстателя и молись за него Всевышнему. Именемъ Сердцевѣдца клянусь быть вѣрнымъ тебѣ до самаго гроба и, если можно, то клянусь любить тебя и въ самой вѣчности любовью святою и чистѣйшею. О, молись, молись!.. Полковникъ оперъ глаза, полные слезъ, и продолжалъ:

«Сына своего я нашелъ у священника. Онъ и теперь у него. Въ это время объявлена война, и я, чтобы попопить горе въ чемънибудь, вступилъ въ вашъ полкъ. На могилѣ *Лизы* я поклялся, быть вѣрнымъ ей до самой вѣчности — и, теперь, какое-то шѣмное

предчувствіе говоритъ мнѣ, что вѣчность скоро наступитъ для меня, несчастнаго. Просьба моя къ вамъ, поварищи! кто останется изъ васъ живъ послѣ войны, найдите священника Н. въ селѣ ***, а опъ него узнайте о *Николаѣ Волховскомъ*; опнесите ему благословеніе опца и опдайте ему... вопъ все, что я имѣю.»

Полковникъ подалъ *Гранину* пакепъ и замолчалъ. — Слѣзы, крупныя слѣзы текли по щекамъ его.

Молча разошлись офицеры.

*

Кпо съ богомъ брани въ брань поидеть?
Мерзляковъ.

На другой день послѣ *Эйлава* сраженія, высокій, черноволосый гусаръ ходилъ на мѣстѣ боя, между прупами убитыхъ, и съ жадностію кого-то опыскивалъ. Наконецъ одинъ прупъ, кажется, болѣе привлекъ его вниманіе. Онъ былъ окруженъ кучею пруповъ непріятельскихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрубленная голова и дважды протрѣденная грудь доказывали, какъ упорно онъ защищался. Онъ лежалъ на прупѣ Французскаго офицера, въ правой рукѣ его закопчелъ сабля, вонзенная въ грудь Француза. На немъ былъ подковничій гусарскій мундиръ. Долго рошмиспръ *Гранинъ* (это былъ онъ) всмапривался въ черпы лица убитаго, такъ были онъ обезображены; наконецъ произнесъ: «*Судъ Божій* надъ побой свершился; Провидѣніе, наказавшее тебѣ въ здѣшней жизни, помилуетъ въ будущей»

Очи добраго *Гранина* наплались слезами; онъ поднялъ тѣло несчастнаго, положилъ его на свои руки и опять произнесъ: Несчастный, надъ побой свершился *Судъ Божій*.

Вк...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

65.

Гамильтонъ въ своемъ путешествіи по Сѣверной Америкѣ не очень доволенъ тамошнею свободою книгопечатанія, которая превратилась въ своевольтво.—«Газеты въ Америкѣ такъ дешевы, что попадаются во многія руки и, слѣдствено, ихъ читаютъ

люди и изъ самаго низкаго званія. Для пріобрѣтенія большаго числа подписчиковъ между чернью, надобно и писатъ языкомъ ей понятнымъ. Люди, упражняющіеся весь день въ пляжкой работѣ для снисканія насущнаго хлѣба, не разумѣютъ языка образованныхъ людей; щеголеватостъ и благородство слога не производятъ на нихъ впечатлѣнія. Ежели хотите заслужитъ похвалу такихъ читателей: то не надобно скупиться на ругательства и насмѣлки; впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе самыхъ *грубыхъ* оспротъ; брань замѣняетъ доказательства. Самый послѣдній негодій, которій можетъ завести маленькую типографію, начинается любимыми выраженіями народа привлекаетъ читателей; и если попадетъ въ тонъ и заслужитъ одобреніе мѣстной черни: скоро пріобрѣтетъ значительное количество подписчиковъ.»

Такъ вопъ какими средствами увеличиваютъ журналисты число своихъ подписчиковъ въ Америкѣ! Да это и въ Европѣ пригодилось бы. А я всё думалъ, что тысячи людей, плавающихъ за журналъ сотни тысячъ рублей—неопровергаемо доказываютъ высокую нравственную цѣль, разборчивость въ выборѣ спашей, слогъ и языкъ ободьспительный и полько въ *образованной бесѣдѣ* употребляемый.—Какой же я глупецъ!

А. Кораблинскій.

20-ое Марта
1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭКСПРОМПТЪ.

Давидъ, дурно пѣвшей романсъ: Я жду тебѣ,

Вы ждѣте? . . . Ждать, душъ мученье

Такожь точно, какъ ушамъ!

Теперь и мы ждѣмъ: скороль вамъ

Угодно будетъ кончить пѣнье?

Въ № 32-мъ, помѣщенная загадка значить: *Етѣ.*

НОВЫЯ МОРСКІЯ КНИГИ.

Опъ начала кораблестроенія въ Россіи до настоящаго времени, не было у насъ и

десяти сочинений по части Корабельной Архитектуры, как вдруг пеперь явилось по этому предмету пять новых книг: одно сочинение и четыре перевода. — Начало славное, дай Бог хорошаго продолженія!

Вопль новички учено-Морской литературы нашей:

1) *Опытъ сочиненія чертежей военнымъ судамъ*, составленный для кондукторскихъ ротъ Учебнаго Морскаго Рабочаго экипажа корабельнымъ инженеръ-подпоручикомъ *Окуневильмъ*. С. П. Б., 1836, (8), 368 стр. и 6 листовъ чертежей; цѣна 7 р. 50 к.—Книга эпа, первая въ своемъ родѣ, напечатана съ одобренія Ученаго Комитета Главнаго Морскаго Штаба и состоить изъ двухъ отдѣленій: Въ 1-мъ заключается теорія сочиненія чертежей, а во 2-мъ практика эпаго искусства для судовъ четырехъ родовъ: *линейныхъ, корсаровъ, коммерческихъ и парусовъ*,—на которые авторъ раздѣляетъ всѣ главные роды мореходныхъ судовъ, и по этому въ книгѣ находится болѣе, нежели что объщаетъ ея заглавіе. Для образованія подводной части судовъ предложены три способа: параболической, прогрессивческой и эллипсической. Въ концѣ приложенъ примѣръ всѣхъ вычислений, для сочиненія чертежа большаго фрегата.—Вообще сочиненіе г-на *Окунева* есть трудъ самый добросовѣстный и очень дѣльный;—первое доказываетъ его предисловіе, а впроее самое содержаніе книги, которая бы сдѣлала честь автору и спарѣйшихъ мореходныхъ Державъ, нежели Россія. Изданіе книги очень хорошее.

Изъ четырехъ переводовъ, при сдѣлалъ корабельный мастеръ *Берковъ*.—Честь и слава его трудолюбію, успѣхъ и успѣхъ дѣламъ его!—Онъ перевелъ съ Англійскаго:

2) *Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ парусовъ*. С. П. Б., 1836, (8); цѣна 5 р.—Начинается крапкою исторіею парусовъ, потомъ слѣдуетъ описаніе оплчнаго Англійскаго парусова *Brillant*; далѣе, размѣренія парусовъ, способъ составлать ихъ чертежи, скрѣплять ихъ, и отчасти говорится о плаваніи на парусовъ. Отдѣльно описаны колеса и другія части механизма, выдвигающіе кили и сила машины; по-

томъ средство находить еѣ по данному грузу и пр.—Все эпо пояснено искусными чертежами; но жалѣ, что обо всемъ говорится очень коротко; впроемъ эпо вина сочинителя—г-на *Гедервикъ*,—а не переводчика, который съ своей стороны виноватъ только въ упущеніи книжной техники; на прим. въ книгѣ его нѣтъ оглавленія, чертежи не разнумерованы; а отъ эпаго, при чтеніи, трудно справляться съ ними,—и еще кое-что.

3) *Начальныя правила или Теоретическія основы Корабельной Архитектуры*. Сочиненіе *Давида Стиля*. С. П. Б., 1836, (4), 206-стр.; цѣна 8 р.—Классическое сочиненіе, котораго передана намъ только одна 1-я часть, содержащая двѣ главы: 1-я. О жидкихъ тѣлахъ и дознанномъ опытами дѣйствіи ихъ на тѣла плавающія, и 2-я. О видѣ и образованіи кораблей и судовъ вообще, и о способахъ сообщать онымъ всѣ нужныя для плаванія качества, съ замѣчаніями о различіи Англійскихъ судовъ.—Особенно замѣчательны помѣщенные въ эпомъ переводъ опыты Лондонскаго Общества усовершенствованія Корабельной Архитектуры, произведенные съ 1793 по 1798 годъ, надъ сопротивленіемъ жидкихъ тѣлъ на тѣла твердыя разныхъ формъ.—Также описаніе *Летугей проа*, лодки острововъ *Ладронскихъ*,—какъ быспрѣйшаго изъ извѣстныхъ судовъ (проа ходитъ до 35 верстъ въ часъ!); описаніе выдвигающихъ килей капитана *Шанка* и спасительнаго бота, устройства *Гретгеда*. Ко всѣмъ эпимъ описаніямъ приложены подробные чертежи.

4) *Собраніе статей, относящихся до Корабельной Архитектуры*. С. П. Б., 1836, (4), 216 стр. и 7 листовъ чертежей; цѣна 12 р.—Въ эпой книгѣ помѣстивъ г. *Берковъ*, извлеченныя имъ изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, слѣдующія десять статей: 1) Взглядъ на постепенный ходъ Корабельной Архитектуры; 2) О замѣнѣ полупоршниковъ на фрегатахъ и корветахъ воздухоиспительными трубами между надводными наборными деревьями и плоскими илюминаторами во вѣншей обшивкѣ; 3) Замѣчанія объ уклонѣ корабельныхъ мачтъ; 4) Замѣчанія о ходѣ кораблей

подъ парусами, объ оспойчивости, о боковой и килевой качкѣ; 5) О пропорціи между длиною, шириною и глубиною коммерческихъ судовъ; 6) Описание новаго способа крѣпленія кораблей для пропивоудѣйствія перегибу, *Зутермеера*, Голландскаго корабельнаго мастера; 7) О крѣпости дерева, желѣза и веревокъ; 8) О выдѣлкѣ цѣпныхъ канатовъ; 9) О пропорціи и размѣреніяхъ споячаго пакелажа, и 10) О вѣсѣ якорей и канатовъ.— Сколько шупъ полезнаго и любопытнаго для мореплавателя военнаго и особенно купческаго! Опячь повторю—честь и слава г-ну *Беркову*—и полная ему благодарность и признапельность всѣхъ моряковъ, любящихъ свое искусство.—Оба послѣдніе перевода напечатаны по Высочайшему повелѣнію и изданы очень, очень хорошо.

5) Четвертый переводъ естъ «преложеніе» сдѣланное еще въ 1833 году, напечатанное въ 1834 и въ 1836 году здѣсь явившееся. Въпѣ, полное его заглавіе: «*Правила, на коихъ основано познаніе о линейныхъ корабляхъ. Сочиненіе Шведскаго адмирала Чапмана, 1795 года. Съ Французскаго перевода на Россійскій языкъ переложилъ 5-го класса Сиверсъ.*»—*Николаевъ. 1834, (4), 72 стр.*—Давно ожидаемое классическое сочиненіе знамениаго *Чапмана* теперь передъ нами («на Россійскомъ языкѣ») но все таки оно, во многихъ мѣстахъ, также непоняпно—какъ Шведскій оригиналъ для незнающихъ этаго языка. О наружности этой книги и говоримъ нечего, она совершенно характеризуетъ и внупреннее ея достоинство.

Сергій Крашенинниковъ.

1836 года,
Апрѣля 13-го.

М О Д Е С

Hélas! que vous dire? ma chère sœur, si ce n'est que l'homme propose et Dieu dispose, et que ce proverbe aidant après toutes nos attentes et nos préparatifs, nous avons eu en Longchamp fêté par toutes les

cataractes du ciel. Le premier jour, pluie et vent; le second jour pluie, vent et un rare soleil, le troisième jour, le beau, le fashionable jour, pluie *continue*. Il y avait cependant encore quelques voitures, mais pas une *seule toilette*, à l'exception de plusieurs chapeaux très jolis et très-frais, qui se laissaient apercevoir à travers les glaces des voitures hermétiquement fermées; pour le reste de la parure, des manteaux, des pélerines de fourrures, en dérobaient entièrement la vue, et d'ailleurs on voyait qu'on n'y avait apporté aucun soin. Les piétons isolés et malencontreux qui se promenaient dans les contr'allées des Champs-Élysées, étaient affublés de parapluies et bottés jusqu'à l'échine; les pauvres femmes, qui sans-doute n'avaient pu faire autrement que de se trouver là, (car je ne crois pas que sans une absolue nécessité on patauge ainsi), avaient les cheveux éméchés sur la figure, à la manière des pleureuses; les vêtements et les chapeaux empreints d'une humidité *collante et appaisante*, enfin c'était pitié de les voir. . . .

М О Д Ы.

Увы! что сказать тебѣ? любезная сестра, какъ развѣ шо только, что человекъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ; и что съ помощію этой пословицы, мы праздновали Лонгшамское гулянье при водападахъ съ неба. Первый день, дождь и вѣтеръ; второй день, дождь, вѣтеръ и изрѣдка солнце; третій день, прекрасный, щегольской день, непрерывный дождь. Было однако нѣсколько каретъ, но никакихъ нарядовъ, за исключеніемъ множества красивыхъ, новыхъ шляпокъ, которыя видны были сквозь плотно закрытыя стекла; оспадные же наряды совершенно были закрыты плащами и мѣховыми пелеринками; сверхъ того видно было, что о нихъ шло не заботились. Нещастные, одинокіе пѣшеходы прогуливались въ боковыхъ алеяхъ Елисейскихъ полей, съ зоншиками и въ сапогахъ; бѣдная женщины, которыя вѣрно не могли не быть памъ (потому что я не могу вообразить, чтобы безъ крайней необходимости можно было шляндать въ грязи), были съ распущенными волосами по лицу въ видѣ плѣзевовъ; на платьяхъ и шляпкахъ были слѣды клейкой сырости; наконецъ жалко на нихъ было смотрѣть.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 38.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 9 дня 1836 года.

Блаженъ, кто опъ стиховъ своихъ разбогашѣтъ ;
Блаженъ, кто вѣрную любовницу имѣетъ ;
Блаженъ, кто Канповы писанья разумѣетъ ;
Блаженъ ревнивой мужъ, прожившій безъ роговъ!

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ОДИНЪ ИЗЪ РѢДКИХЪ СЛУЧАЕВЪ, ПО
КОТОРЫМЪ ВЫХОДЯТЪ ВЪ ЛЮДИ.

Не правда ли, что опъ умѣнія выйши въ люди, зависипъ, болѣе или менѣе, благополучіе наше на сей планетѣ? По мнѣ, я опкровенно сознаюсь, что душевно бы желалъ, чпобъ какой нибудь глубокомысленный ученый, безъ педантства и выпреннаго краснорѣчія, написалъ книгу о наукѣ выходипъ въ люди. Да, о наукѣ: для того, чпобъ выйши въ люди, необходимо дѣйствовать по извѣстнымъ и положительнымъ правиламъ, копорыя часпо измѣняются опъ игры случайности или обстоятельство, но могутъ быть приведены въ систему — слѣдовательно и обработаны въ видѣ науки.

Но пока философы, утверждающіе, что человекъ долженъ поспавипъ себя въ возможность повелѣвать обстоятельствами, пользоватьсѣ ими и подчинять ихъ своей волѣ, выдадутъ въ свѣтъ ученыхъ разсужде-

нія свои о возможности невозможнаго, я вамъ опишу жизнь моего покойнаго пріятеля N., сдѣлавшаго быспрую и блестящую каріеру самими собою, или лучше сказавъ своимъ умомъ и любовію къ долгу.

Молодой N., сынъ Италіанскаго дворянина, безплодно прожившаго значительныя помѣстья, воспитывался въ Падуйскомъ Университетѣ. По окончаніи курса наукъ, пріѣхалъ онъ во Флоренцію и опредѣлился въ службу по администраціи; но не имѣя протекціи, поневоля долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ канцелярскаго чиновника (scriba). Эпо скромное званіе, копорымъ иной новичекъ гордился, крайне унижало честолюбіе молодаго N., съ надменною душою, образованностію и быспрымъ соображеніемъ. Но какъ бытъ! для достиженія своей цѣли слѣдовало на время покориться обстоятельствамъ. И такъ N. скрылъ свои чувства, принялся усердно работать, хотя по природѣ былъ лѣнивъ, и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своего начальника. На эту пору пригоповляли, какъ дѣлается у насъ, опчетъ о годовомъ кругѣ дѣйствій министер-

ства и списокъ о наградахъ чиновниковъ. N. былъ представленъ и получилъ подарокъ. На другой день онъ идетъ благодарить своего начальника за оказанное ему внимание—и въ то же время проситъ объ увольнении, объявляя, что ему обещано мѣсто въ канцелярїи князя B. . . .

—Напрасно вы туда переходите (говоритъ ему начальникъ): тамъ служатъ только богатые люди; и какъ вы не имѣете сильной *протекции*: по васъ завалитъ работою, и, что всего хуже, не обрапятъ вниманія на ваши труды, развѣ только для того, чтобъ вашими трудами доставить вашимъ товарищамъ награды, между тѣмъ какъ вы останетесь безъ всего. —

Эти слова нисколько не подѣйствовали на молодого N.; онъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, и спустя нѣсколько дней, занимался уже въ канцелярїи князя.

Пророчество прежняго начальника N. сбылось; однакожъ прїятель мой опнюдь не скучалъ.

—Ты увидишь,—не разъ говорилъ онъ мнѣ: что я успѣю снискать милости князя, заслужить его благоволеніе и сдѣлаться ему необходимымъ. Съ моими товарищами, которые теперь чуждаются меня потому, что не встрѣчаются со мною въ высшемъ кругѣ (*nella società dei principi e dei conti*), и потому, что я не такъ щегольски одѣтъ, какъ они,—непремѣнно подружуся. Я часто за нихъ работаю: это имъ прїятно, а мнѣ еще болѣе, ибо я скорѣе успѣю достигнуть своей цѣли, которая есть моя тайна, пока не сбудутся планы мои. Будь увѣренъ, что я дѣйствую по непреклоннымъ и положительнымъ правиламъ, безъ чего я конечно не вздумалъ бы служить у князя. —

Этотъ языкъ былъ для меня не совсѣмъ понятенъ, а будущія надежды моего прїятеля казались совершенною мечтою.

Черезъ годъ, молодой N. былъ въ большой милости у князя; но эта милость однакожъ ограничивалась только тѣмъ, что онъ иногда обѣдалъ съ нимъ въ кругу его семейства

и былъ приглашаемъ на парадные вечера. При общемъ же представленіи о наградахъ не было объ немъ въ поминѣ.

Однажды сидя у него, развалившись на диванѣ, между тѣмъ какъ онъ усердно занимался дѣлами службы, напомнилъ я ему прежній нашъ разговоръ.

Онъ положилъ перо, улыбнулся, и весело сказалъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ ты увидишь, какъ разительнo перемѣнится мое состояніе. На дняхъ князь перебирается на дачу (*nella sua villa*).—Тутъ онъ задумался, потомъ значительно кивнулъ головою, и сказалъ: да, будетъ по моему!—Послѣ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: когда наступитъ осень, я буду жить въ богатой квартирѣ, на набережной рѣки Арно, развѣзжая въ коляскѣ, и одинъ день въ недѣлю буду роскошно угощать своихъ прїятелей,—словомъ, я стану проживать до 10 п. scudi въ годъ. Если же это мнѣ не удастся, то отправлюсь въ Америку. Но до времени должно молчать. И такъ оставимъ эту спашью. —

Вскорѣ послѣ того пришли ему сказать, что князь пребудетъ его къ себѣ, и мы дружески расстались.

Въ одинъ дождливый осенній вечеръ, возвратившись домой, я нашелъ на своемъ письменномъ столѣ записку, отъ которой благоухало Аравійскими духами; распечатываю и читаю: «Ты кажешься совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи; завтра соберутся у меня друзья, потому что этотъ день постоянно посвящается мною дружбѣ и веселію. Обрадуй меня своимъ посѣщеніемъ.»

Весь твой

N.

P. S. Я живу на набережной рѣки Арно, въ домѣ *Бартолетти*.

На другой день, около одиннадцати часовъ вечера, я поѣхалъ къ N. Въ передней попалось множество слугъ въ ливреѣ; коннапы были убраны роскошно и съ боль-

шимъ вкусомъ. Кенкеты, кандеабры и алебастровыя лампы изливали яркій свѣтъ по всѣмъ покоямъ. Эпзурскія вазы, дорогія бронзы и изящныя карпины плѣняли взоръ.— Госпи сидѣли уже за карточными сполами. Я тихо пробрался въ кабинетъ, гдѣ нашелъ N., весело бесѣдующаго съ нѣсколькими отборными фашіонаблями и молодыми офицерами.

Хозяинъ принялъ меня радушно, осыпалъ комплименстами, посадилъ подлѣ себя, и продолжалъ прежній разговоръ съ удивительною бѣгlostію, игривостію и оспроптою.

Спустя нѣсколько времени, начали играть въ quindis; всѣ офицеры и фашіонаблн приняли участіе въ эпои игрѣ. Тогда N., который вмѣстѣ со мною оспавался зрительемъ, взялъ меня за руку и повелъ въ спальню.

—Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ,—сказалъ онъ: и слѣдовапельно, я исполню данное мною тебѣ обѣщаніе, открою тебѣ мою тайну, копорую ты одинъ не знаешь, между тѣмъ какъ она уже извѣстна всему городу.—Слушай:

—Я давно желалъ бытъ введенъ въ домъ князя и сдѣлаться тамъ домашнимъ. Для эпого не было другихъ средствъ, разумѣется для человека, не имѣющаго состоянія, какъ только служить въ его канцеляріи и посредствомъ постоянныхъ трудовъ снискавъ его благосклонность. Тебѣ извѣстно, что въ теченіе года я успѣлъ; но эпо былъ только первый шагъ къ достиженію моей цѣли. Сблизясь съ нимъ такимъ образомъ, я не переспавалъ работать прилежно — и мало помалу сдѣлался для него необходимымъ. Постоянство мое увѣнчалось успѣхомъ — я занимаю теперь значительный постъ, получаю большое жалованье и какъ видишь, живу въ изобиліи. Въ чемъ же заключается моя тайна? въ неупомимомъ трудѣ и постоянствѣ.—«Признаюсь,» отвѣчалъ я: «это рѣдкій случай; немногіе эпоимъ путемъ выходятъ въ люди.»—Немногіе,—сказалъ мнѣ мой пріятель: однакожь ты видишь, что не однимъ ухищреніемъ можно достигнуть эпого на свѣтѣ: еспь уголокъ

и для пвердой воли знанія.—При сихъ словахъ онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и пошелъ медленными шагами въ комнаты, гдѣ сидѣли госпи.

Съ Италіан. Ю. Дж — ни.

СЛОВЕСНОСТЬ.

21 МАРТА 1804 ГОДА.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1804 года, глубокой ровъ Венсенскаго замка былъ сценою поидспрашной, кровавой драмы, которая оспавила въ сердцахъ нашихъ вѣчную и неуптѣшную скорбь о смерти герцога Англенскаго.

Кто изъ насъ не слыхивалъ въ дѣлствѣ своемъ о всѣхъ подробностяхъ эпого плачевнаго происшествія? Кому не памятны частые рассказы о немъ — вопоряемые по вечерамъ, въ кругу семьи—съ намѣреніемъ поселить въ юныхъ сердцахъ нашихъ любовь къ несчастной жертвѣ властолюбія и ненависть къ ея гонителямъ? Помните ли, съ какимъ невыразимымъ душевнымъ волненіемъ, внимали мы эпои спрашной повѣсти, копорой каждое слово опдается еще въ сердце моему, — каждое обстоятельство такъ живо въ моей памяти, какъ будто я самъ былъ всему свидѣтелемъ.

Вотъ ѣдетъ карета, съ подпятыми спорами, окруженная конвоемъ; войско сопровождаетъ еѣ въ молчаніи и съ поникшею головою;—она ѣдетъ—ѣдетъ,—но никто не знаетъ опкуда, никто не смѣетъ спросить куда? — Какая-то непроницаемая, ужасная тайна, наложила печать свою на мрачныя лица воиновъ, еѣ провожающихъ, и любопытство не дерзаетъ проникнуть еѣ.— Она ѣдетъ, ѣдетъ, — минуя города, не останавливаясь въ селеніяхъ, какъ человекъ, скрывающій пресупные замыслы. Мирный земледѣлецъ, споя у воротъ хижины своей, качаетъ головою и говоритъ самому себѣ: кого везетъ эпоа печальная карета, мрачная какъ пемница, безопвѣтная какъ гробъ? — И карета все ѣдетъ — ѣдетъ! — она знаетъ

назначеніе свое; она повинуется волѣ пого, кто велѣлъ ей ѣхать, и остановился въ свое время.— При приближеніи ея, невинныя дѣтви со страхомъ бѣгутъ прочь съ дороги, и матери, по какому-то тайному внушенію, крѣпче прижимаютъ ихъ къ груди своей. Но она ѣдетъ—все ѣдетъ и нечувствитель-но подвигается впередъ, какъ дума преступника, за которою тихими шагами идетъ вдали позднее раскаяніе.

Вотъ, изъ мрака ночи, поднялись печальныя башни Вейсенскаго замка. Онъ возвышается одиноко—спрашенъ, какъ огромный камень надъ уединенною могилою, какъ мысль о смерти въ душѣ грѣшника!—Ужасный спражь темницъ, вѣранныхъ надзору его, онъ сползъ надъ ними, храня тайны ихъ, о которыхъ никто вопрошать не дерзаетъ! Наконецъ карета вѣхала въ замокъ, гдѣ еѣ ожидаютъ;—она загремѣла у подъѣзда—остановилась, изъ неѣ вышелъ юный воинъ;—благородное чело его украшено лаврами, и по нихъ вы узнаете въ немъ опрасль славнаго поколѣнія героевъ, попомка великаго *Конде*,—молодаго, прекраснаго герцога Англенскаго.— Знаменитый предокъ его былъ также привезенъ въ эти ужасныя спѣны, и скоро оставилъ ихъ, чтобы спасти славу Франціи при Рокруа и Сенефъ; но онъ, не менѣе знаменитый, не менѣе великодушный, обреченъ быть жертвою кровавой полиптики пришельца! Пѣтъ! не пемница, не судъ ожидаютъ его здѣсь, но могила, заранѣе для него приготовленная,—но смерть скорая и неминуемая. О! какъ гореспно умираетъ во всей полноптѣ жизни, и такъ рано опказаться отъ славной будущности, отъ дружбы—любви и всего, что дѣлаетъ жизнь драгоцѣнною!

И опцы наши досказывали печальную повѣсть свою—и мы блѣднѣли, внимаая ихъ рассказамъ!—Вотъ въ полночь, идущъ будити судей, и велѣтъ имъ готовиться къ преступленію. Вставайте! говорятъ имъ, вставайте, чтобы осудити на смерть попомка великаго *Конде*, который сейчасъ же долженъ быть разстрѣлянъ;—невинный, или преступный, онъ равно обреченъ пасть

отъ пули, для него назначенной, и властелинъ Франціи рѣшилъ его погубель. Вставайте—вставайте не мѣшкая; когда исполните кровавый долгъ вашъ, вамъ останется время для успокоенія... Но—гдѣ же сонъ? увы! его уже нѣтъ для очей ихъ! Видите ли эпаго блѣднаго юношу? Опнынъ онъ спанетъ посѣщать ихъ въ спрашный часъ полуночи—и пѣтъ его будетъ носиться надъ изголовьемъ ихъ и превожитъ ихъ сповидѣніа. Никогда кровь мученика не смоепся съ преступныхъ рукъ убійцы его!

Драма началась—судьи явились,—и всѣ эти голоса, покорные одному слову, послушные волѣ одного человека, съ препетомъ вторятъ одинъ другому: *къ смерти!* Лица судей блѣднѣе лица жертвы ихъ; они вспомнили, что неправедный приговоръ ихъ свершался вблизи древняго дуба, подъ вѣтвями котораго благочестивый *Лудовикъ IX* вѣроу и правдою судилъ народъ свой.

Наконецъ все рѣшилось... Тамъ, во мракѣ—изъ грозныхъ спѣнъ замка, вышли молчаливыя пѣтви, и тихо спустились въ глубокій ровъ, его окружающій; среди ихъ, идетъ кто-то благородный, величавый, спупая смѣло, какъ человекъ, привыкшій владѣть собою, и рожденный повелѣвать другими. Къ груди его привѣшенъ фонарь, чтобы смерть могла яснѣе видѣть цѣль свою; глаза его подняты на небо—и лицо выражаетъ тихую покорность Провидѣнію.— Вотъ пришли, остановились,—шопотомъ вѣрно подать сигналъ,—раздался ужасный ружейный залпъ—и несчастный герцога Англенскій палъ съ величіемъ героя, умирающаго на полѣ чести, съ спокойствиемъ того, кто знаетъ, что ни мракъ ночи, сокрывшій тайну смерти его, ни глубина рванни чпо не укроетъ злодѣяніа отъ прощательнаго ока испоріа—и грознаго суда попомспва.

Наполеонъ! Наполеонъ! эпа ночь будетъ вѣчнымъ пяпномъ на славу пвоей,—эпа невинная кровь помрачитъ память пвою въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній—и застапятъ ихъ проклинаетъ имя пвое! *Наполеонъ!* въ эпу ужасную почъ, ты показалъ себя

истиннымъ сыномъ Корсики: его сердце билось въ груди пвоей и внушало тебѣ варварскіе свои замыслы! — Нѣтъ, въ эпхи мнупы спрашнаго забвенія—ты былъ не герой, копорый на поляхъ брани призывалъ славу посредницею между побоею и народами; не великодушный покоритель Монгабора и Арколы; не попь великій человекъ, копорый, въ степяхъ Египта, являлся гениемъ благоспи для побѣжденныхъ, и раздѣлялъ послѣднюю каплю воды съ спраждушимъ войскомъ своимъ. Нѣтъ! но дикій, мспительный, злобный Корсиканецъ, вышедшій ночью изъ спѣнъ Аякціо, чпобъ на поворотѣ дороги умершвишь врага своего; — и кно знаетъ, не небесное ли мщеніе, за кровь невиннаго, опредѣлило тебѣ умерепъ на уединенной скалѣ, далеко отъ ближнихъ, не вздохнувъ въ послѣдній разъ на груди сына! — Ты въ Германіи преслѣдовалъ юнаго попомка великаго *Конде*, ты сорвалъ эпху послѣднюю цвѣтущую вѣтвь роднаго лавра Франціи, и бросилъ еѣ въ глубокій ровъ Венсенскаго замка; — но Германія, въ свою очередь, похитила юнаго орла изъ высокаго гнѣзда его, и другой голосъ, опвѣчая на пвой, сказала изгнаннику Шёнбруна: *Умри и ты!*

Прошло придцать при года послѣ эпаго происшествія, и буря революцій всё еще не переспала бушевать надъ могилою падшихъ жерпвъ ея. — Она испребила знакъ, споявшій на помъ мѣспъ, гдѣ умерщвленъ герцогъ Ангіенскій—и почпи все благородное попомство *Конде* исчезло или въ Венсенѣ, или въ тайныхъ подземельяхъ не мѣте ужаснаго Сен-Лескаго замка. Опецъ и сынъ имѣли равную учаспъ.

И такъ, два преступленія заключаютъ безсмертную исторію *Наполеона*,—двѣ черныя спраницы вклеены въ блестящую книгу жизни его, и попомство прочтетъ ихъ съ содроганіемъ! Тѣ, которые подняли корону, упавшую съ головы *Карла X*, наслѣдовали также имѣніе, принадлежавшее попомкамъ принца *Конде*, но они не опмсмили за смерть опца—и прахъ сына до эпихъ поръ ждетъ еще надгробнаго камня.

T.

Ей Богу, эпхи господа оцѣнщики новыхъ книгъ въ *Библиотекъ для чтенія*, съ своими несправедливыми полками, уроняпъ эпху превосходное періодическое изданіе, копораго первая мысль родилась въ головѣ профессора *О. И. Сеньковского* и приведена въ исполненіе книгопродавцемъ *А. Ф. Смирдинымъ*, единспвеннымъ по любви къ просвѣщенію и готовности споспѣшествоватьъ всіми своими силами изданію книгъ полезныхъ. Со всімъ моимъ къ *Библиотекъ* добрымъ расположеніемъ, я немогу не замѣшипъ, чпо она въ 1835 году спала хуже, чѣмъ въ 1834; а въ 1836 хуже, чѣмъ въ 1835-мъ.

Посмотриде, съ какою презрительною насмѣшкою опзывается одинъ изъ эпихъ оцѣнщиковъ о г. *Надеждинѣ* и о книгѣ его:

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей: *Бальзака, Бальоля, Блугенбаха, докпора Гаррисона, Е. Гино, Гобмана, Александра Дюма, Жюль-Жаненя, Вашингтона-Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентима, Тика, Цшоке, Ф. Шалл* и другихъ. Москва. 1836; въ двѣнадцать часпяхъ. Изданы *Николаемъ Надеждинымъ*.

«Означенный г. *Надеждинъ*,» говоритъ рецензентъ: «пробывъ, какъ самъ извѣщаетъ, чептыре мѣсяца среди Европейской образованности, объѣхавъ съ своимъ наблюдательнымъ окомъ Францію, Германію, Италію, и прочая, и прочая,—объѣхавъ землю, море и небо,—изучивъ на мѣспѣ всѣ достопримѣчательности оныхъ, понялъ духъ времени, возвратился въ Москву, обобралъ всѣ книжки прошедшихъ годовъ своего *Телескопа*, — такъ, кажеспя, если мы не ошибаемся, зовупъ Московскій журналъ, издаваемый означеннымъ г. *Надеждинымъ*, — и вопъ явилось цѣлые двѣнадцать помовъ спарыхъ повѣспей, подѣ замѣчательнымъ названіемъ: Сорокъ одна повѣспь самыхъ лучшихъ иностранныхъ писателей въ самомъ дурномъ *Русскомъ переводѣ*, и прочая, и прочая. Заглавіе, какъ вы изволили видѣпъ, очень длинно.

«Что прикажете сказать объ этомъ переводе? Педантизмъ и безвкусіе дышатъ въ немъ всею своею прелестію; школьный слогъ, испещренный *силами, оними, означенными* и *вышеказанными*, является въ полномъ блескѣ и величіи; дѣйствующія лица хорошаго общества говорятъ такъ, какъ только семинарные *Делмосены* и люди безъ всякаго чувства подлинной изящности Русскаго языка въ состояніи писать на бумагѣ, забывши, что Русскій языкъ и хорошее общество есть на свѣтѣ. Мы были пронуты усиліями и пайнспвенными изворопами, среди которыхъ мысли «лучшихъ иностраннхъ писателей» просятъ, по-Русски, здраваго смысла, какъ милосыни, Христа ради. Быть можетъ, есть въ нашемъ языкѣ переводы съ лучшихъ иностранныхъ писателей столь же безобразные, какъ это; но безобразіе навѣрное нѣтъ ни одного. Охота же означенному г. *Надеждину* такъ коверкать вышеупомянутыхъ лучшихъ писателей! О, бѣдные лучшие писатели! для того ли спарались вы говорить какъ можно милѣе и изящнѣе на своихъ діалектахъ, чпобъ блестящій, свѣтскій языкъ вашъ, легкій и *пажуий, какъ воздухъ будуаровъ* (1), былъ превращенъ означеннымъ г. *Надеждинымъ* въ самый грубый и неуклюжій глаголъ Русскаго повыщника, поднимающагося на кудрявый слогъ? *Perera umanita, clove si perde!* Мы говоримъ по Италіански для того, что означенный г. *Надеждинъ*, послѣ своего четырехъ-мѣсячнаго путешествія по разнымъ частямъ свѣта, иначе и не изясняется какъ на семь діалектѣ, такъ что, напримѣръ, слова *vendetta*, «мищеніе», онъ уже и не переводитъ по-Русски, но пишетъ прямо Русскими буквами—вендепта.

«Означенный г. *Надеждинъ* также и поэтъ, какъ сіе видно изъ вышеупомянутыхъ двѣнадцати часпей *лучшихъ иностранныхъ писателей*. Вотъ прелестныя, звучныя стихи, исполненныя Нѣмецкой чувствительности и Италіанской нѣги:

« Уединенье
Не всѣмъ дано, —
Мнѣ наслажденье,
Мнѣ рай оно!
Сегодня, завтра,
Всегда равно,
Всегда одно
Мнѣ упражненье:
Хвалить и пѣть
Уединенье. »

Или, напримѣръ, сіи стихи:

« Уединенье
Ты далеко!
Но сожалѣнье
О пресупленѣ
Не далеко,
Хоть далеко
Уединенье. »

Или, напримѣръ, стихи нижеслѣдующіе:

« Уединенье
Мое опять,
И наслажденье
Со мной опять;
И подозрѣнье
Здѣсь не живешь;
Бѣды мнѣ пѣнье
Не навлечешь
Въ уединеньѣ. »

Изъ сего явствуетъ какъ-нельзя болѣе, что вышеупомянутый г. *Надеждинъ* имѣетъ столько же дарованія въ поэзіи, сколько вкуса и чувства изящности въ прозѣ.»

Недѣли черезъ при вышла рецензія на эту же книгу въ другомъ Петербургскомъ журналѣ. Какая разница въ изложеніи, пошъ и доводахъ! На каждой спрочкѣ видно уваженіе къ писателю, занимающему почетное мѣсто по учебной части, извѣстному хорошими сочиненіями, искусными переводами, совершившему хопя короткое, но полезное путешествіе по Европѣ. Не распространяясь въ похвалахъ эпои послѣдней рецензіи, пропивоположу еѣ неблагонамѣренной криптикѣ, напечатанной въ журналѣ А. Ф. *Смирдина*, вѣроятно, безъ его вѣдома.

(1) Сравненія употребляются для того, чпобы пояснить мысль, а у *Брамбуса* они еѣ вовсе затемняютъ.—К.

Вторая рецензія.

Почти всё издатели нашихъ журналовъ, начиная съ *Карамзина*, собирали, по окончаніи своихъ временныхъ изданій, помѣщенные въ нихъ повѣсти, и издавали особо. Журналы перяются, разрозниваются, а въ нѣкоторыхъ есть списки, достойныя сохраненія. Это самое сдѣлалъ нынѣ г. *Надеждинъ*: собралъ повѣсти, напечатанныя въ пяти годахъ *Телескопа*, и издалъ въ пользу любителей легкаго чтенія. Не возможно требовать, чтобы переводы, изгоповленные къ срочному изданію, гдѣ очень часто должно спѣшить прудомъ, чтобы не предупредили насъ другіе, были совершенныя и классическія! Припомъ и содержаніе большей части журнальныхъ повѣстей такъ легко, что тяжеленкій переводъ не много придастъ имъ грузу. По сей причинѣ не станемъ привязываться къ обработкѣ этого изданія: скажемъ, что эти повѣсти можно прочесть разъ и два съ удовольствіемъ. Если, съ одной стороны, мы не можемъ сказать, чтобы изданіе это было превосходное и классическое, по съ другой, должны признаться, что прудъ въ составленіи его былъ добросовѣстный. Сопрудники *Телескопа* переводили эти повѣсти по крайнему разумнію, какъ Богъ послалъ, безъ урѣзокъ, безъ поправокъ, безъ прибавленій. Они, въ этомъ случаѣ, не слѣдовали спранному обычаю нѣкоторыхъ журналистовъ, которые передѣлываютъ иностранныя повѣсти для вящаго ихъ уразумѣнія Россійскою публикою (2). Этимъ незванымъ опекунамъ и благодѣтелямъ могли бы мы сказать: «Милостивые государи! Не думайте, чтобы Русскіе читатели были люди безполковыя, которымъ не вятенъ простой, близкій переводъ съ иностранныхъ языковъ. Увѣряемъ васъ, что они не имѣютъ нужды въ вашихъ поясненіяхъ, и могутъ обижаться этимъ снисхожденіемъ. У насъ—въ провинціяхъ, мало говорятъ на иностранныхъ

языкахъ, не много выписываютъ заморскихъ книгъ; но умъ прямой, сужденіе здравое, вкусъ не испорченный, неподдѣльное чувство *Русское* господствуютъ памъ во всей своей силѣ, и многое, что въ шумѣ и движеніи сполитъ проскакиваетъ незамѣченнымъ и ненаказаннымъ, памъ подвергается справедливому суду и безприспартному приговору.» Помните это господа писатели сполитные!

С. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М О Я З В Ъ З Д А.

(А—и—о—у.)

Среди полночной тишины,
Когда окрестность утихаетъ,
Она съ бездонной вышины
Привѣтомъ радости сверкаетъ.

*

Она хранитель—ангелъ мой
Меня прелѣдуетъ лучами,
И освѣщаетъ предо мной
Мой путь, сокрытый за годами.

* -

И свѣтелъ вѣкъ грядущій мой;
Блестящъ, какъ діамантъ безцѣнный,
И вознесусь я надъ полпой,
Какъ гордый фениксъ возрожденный.

*

Сіяй, сверкай моя звѣзда
Средь неба темнаго высоко,
И поведи меня туда
Въ спрану желанную, далеко!

М. Демидовъ.

1835.

(2) Такъ поступаетъ О. И. *Сеньковский* со всеми повѣстями, которыя предлагаетъ онъ на Россійскій языкъ—для журнала А. Ф. *Смирдина*. — К.

M O D E S.

Savez-vous, ma chère sœur, que voici un temps qui fait rentrer chacun dans sa coquille, et que ce qu'il y a de plus à la mode pour le moment c'est le coin du feu? Cependant les autans, les frimas n'ont point glacé l'amour; et, comme chez certaines gens l'amour conduit au mariage, on se marie, à preuve Mme de T..., la petite-fille de l'infortuné maréchal M., qui s'est mariée ces jours-ci à *Saint-Philippe-du-Roule*. C'était une fashionable noce, je vous assure, et les voitures de la cour que l'on distinguait au milieu de tous les autres brillans équipages, attestaient du haut rang des époux. La mariée était vêtue avec la simplicité qui convient toujours à une fille de haut rang dans un jour solennel, et surtout à l'église, en présence de celui qui accueille aussi bien la prière d'un cœur caché sous des haillons que celui que recouvre le brocart d'or et d'argent. Mlle de T... avait une robe de tulle blanc uni, avec un dessous de satin blanc, le corsage drapé et montant jusqu'à la naissance du cou. Les manches larges et longues; une ceinture de satin blanc à bouts flottans. Pas un bijou, pas un ornement, qu'un magnifique voile d'Angleterre, retenu sur le haut de la tête par l'aigrette de fleurs d'oranger; c'était la jeune fille dans toute sa pureté! Une grande partie des dames de la noce étaient vêtues de robes lilas: c'étaient des parentes encore en demi-deuil du maréchal; elles portaient presque toutes des chapeaux blancs ornés de plumes. Je dois dire que, parmi toute cette société élégante, il n'y avait pas une seule robe à *manches plates*: je n'en conclus rien, je dis seulement un *fait* que j'ai vu. Si la mode des manches plates s'établit, il faudra supprimer les pelerines, ou les faire très petites; car rien ne sera plus désavantageux que ce grand collet, qui, n'étant plus retenu par les manches, flottera et plissera tout autour des épaules et de la poitrine.

Pl. No 14. Costumes d'hommes.

M O Д Ы.

Знаешь ли ты, любезная сестра, что наступают время, заставляющее всякого убраться въ свою раковину, и что теперь болѣе всего въ модѣ сидѣть въ шепломъ углу у камина. Однако

служка не заморозила любовь, и какъ у нѣкоторыхъ людей любовь ведетъ къ жениху, въ такомъ случаѣ женился; доказательствомъ тому служитъ, что дѣвица T..., внука несчастнаго маршала M..., вышла на дняхъ замужъ за *Saint-Philippe-du-Roule*. Это была щегольская сватья, и придворныя кареты, ошличавшіяся между другими блестящими экипажами, удостоивали о высококомъ санѣ жениха съ невѣстой. Невѣста была одѣта съ простотою, всегда приличною дѣвицѣ высокаго сана въ споль торжественный день, и особливо въ церкви, въ присутствіи того, кто принимаетъ равно: молитву, изливающуюся изъ сердца, прикрытаго рубищемъ, какъ и золотую парчею. На дѣвицѣ T... было платье изъ гладкаго бѣлаго тюли, на бѣдомъ апласъ; лифъ драпированный, оканчивающійся при началѣ шеи, рукава широкіе длинныя; поясъ бѣлый апласный съ длинными концами. Никакой драгоценной вещи, никакого украшенія, только великодушный вуаль изъ Англійскихъ кружевовъ, прихваченный наверху головы въшкою *fleurs d'oranger*. Это была дѣвушка во всей ея чистотѣ! Большая часть дамъ, принадлежавшихъ къ сватьбѣ, были въ лиловыхъ платьяхъ; онѣ, какъ родныя, были въ полу-праурѣ по маршалу; на всѣхъ почти были бѣлыя шляпки съ перьями. Я должна сказать, что во всемъ этомъ щеголеватомъ обществѣ не было ни однихъ плоскихъ рукавовъ: я не дѣлала изъ того никакого заключенія, а говорю только что видѣла. Если мода на плоскіе рукава утвердится, то надо будетъ оставить пелеринки, или дѣлать ихъ меньше; потому что ничего не будетъ красивѣе этаго большаго воротника, который, не будучи поддерживаемъ рукавами, будетъ болтаться и висѣть складками на плечахъ и на груди.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

Карш. No 14. Мужская одежда къ свѣтлому празднику.

П о п р а в к а.

Въ No 32-мъ сей газеты, страница 255, столбецъ 1, на строкѣ 11-й сверху, напечатано: *исполнешь негодованіе* а надобно читать: *исполнешься негодованіемъ*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 39.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 13 дня 1856 года.

«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,»
Вдохнувь я самъ себѣ сказалъ:
«Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;
Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.»
Когда же злостъ ея узналъ.
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вдохнувь, я самъ себѣ сказалъ.

Карамзинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БУДУАРЪ.

Пока академія Модъ не пріискала еще названія для того кабинета, въ которомъ женщины большаго Свѣта принимаютъ короткихъ друзей своихъ, или посвящаютъ нѣсколько часовъ уединенію, мы принуждены назвать его *будуаромъ*, хотя, правду сказать, онъ не есть будуаръ въ настоящемъ значеніи слова, — а просто *маленькая гостиная*. Будуаръ, вмѣстѣ съ пудрою и фижбенами, принадлежитъ исключительно къ прошедшему столѣтію и правамъ того времени. — Нынче женщины не жеманятся — напропивъ того онъ чрезвычайно просты, и верхъ кокетства состоитъ теперь въ самомъ близкомъ подражаніи природы. Въ старину *будуаромъ* называлась маленькая услащенная комнатка, гдѣ модная щеголиха проводила жизнь свою въ праздности

или пусыякахъ. Входя туда, она бросалась въ длинныя кресла свои (*chaiselongue*), чинила *Мармонтеля* или жаловалась на ваперы.

Нынче никто не жалуется на ваперы — потому что и слово и болѣзнь давно уже вышли изъ моды.

Правда, нынѣ спрадаютъ нервическими припадками, но они ужасны и слѣдовательно нисколько не забавны. — Самая мигрень перестала возбуждать участіе и бысть приманкою кокетства.

Каждый въкъ имѣетъ свою физиономію.

Нынче маленькая госпоиня называется также учебнымъ кабинетомъ, и въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ имя это. Красавица проводитъ пущь цѣлыя часы въ полезныхъ занятіяхъ, образуя умъ свой и таланты, данные ей природою.

Она знаетъ, что принадлежності науки и искусства, которыя окружаютъ ея, возвы-

шають прелести ея гораздо болѣе, чѣмъ пошлая роскошь, не имѣющая никакой поэзіи.

Въ учебномъ кабинетѣ нѣтъ нигдѣ холодной симетріи, но во всемъ видна какая-то гармонія; намъ украшенія среднихъ вѣковъ не мѣшаются съ тѣми, копорыя принадлежатъ ко временамъ регенствва, и глаза ваши не вспрыскаютъ древняго барельефа на модной гипсовой вазѣ. Главныя мебели обиты одинаковою матеріею съ обоями; но подвижныя спульчики-пабурепы, скамейки, маленькіе канапе—разнообразны и цвѣтомъ и формою и родомъ дерева, всё это распавлено—гдѣ и какъ попало, между нужными и ненужными сполами—по угламъ или посреди комнаты—у камина, у оконъ. Вообще самую большую прелесть этого маленькаго щегольскаго кабинета, составляющаго прихоть во всѣхъ видахъ,—фанпазія, принимающая фізіономію всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ Свѣта.—Здѣсь видите вы Индѣйскаго пагода—тамъ Китайскую куклу—далѣе фарфоровую чашу Севрской фабрики; словомъ, хозяйка соединила пупъ дань всѣхъ земель—всѣхъ народовъ—всѣхъ временъ; и ничто такъ ясно не обнаруживаетъ ея характера, вкуса, склонностей, какъ эти прекрасныя бездѣлки, собранныя ею въ любимомъ ея безжищѣ.

Приподнимемъ этою занавѣзъ, копорыя закрываетъ входъ въ спальню, и войдемъ въ небольшую продолговатую комнату съ балкономъ въ садъ.

Она обита зеленою шелковою матеріею съ апласными разводами.—Толстый шелковый шнуръ малиноваго цвѣта составляетъ кайму около спѣльн, какъ вверху, такъ и внизу, и рѣзко отдѣляется отъ карниза льняной работы, украшающаго потолокъ, къ копорому привѣшена позолоченая бронзовая люстра. На каминѣ сполы часы, выклеенныя черепахою; два канделябра одного рода съ люстрою; двѣ голубыя фарфоровыя вазы, росписанныя золотомъ—*Помпадурской* формы; бронзовая курильница и пакал же коробочка съ Бразильскими ароматическими палочками для куренья.

По обѣимъ сторонамъ зеркала сполы двѣ прекрасныя шана съ полками и съ спе-

клянную дверью—сверху до низу нагроможденные склянками съ духами, фарфоровыми и бронзовыми игрушками и бездѣлками всякаго рода. Шкапы эти запираются на ключъ, и на каждомъ изъ нихъ сполы огромная Японская ваза.

Главныя мебели комнаты вызолочены и обиты зеленымъ лампасомъ; спинки кресель округлены на подобіе медальона, а ножки выгнуты: эта форма мебели принадлежитъ къ времени *Лудовика XV*. Занавѣсы у оконъ и гардина, закрывающая дверь, изъ лампаса, подбитаго малиновою кисеею. Они обиты толстой шелковою бахрамою и схвачены вверху бронзовою фигурою, представляющею *Кафимскій узелъ* и украшающею также всѣ зеркала и карпинныя рамы, что совершенно напоминаетъ вѣкъ *Дюбари*, и следовательно даетъ комнатѣ истинную фізіономію того времени.—Софа, съ выхваченною до половины спинкою, поставленная возлѣ самаго камина, есть обыкновенное мѣсто хозяйки; другая, сполы на возвышеніи въ глубокое нишѣ, украшенномъ драпировкою, смутно отражается въ древнемъ Венеціанскомъ пріюмо, въ копоромъ прабабки наши любовались своими прелестями.

Множество низкихъ спульевъ съ высокими спинками, распавленные безъ всякаго порядка, ожидаютъ гостей: хозяйка сидитъ въ большихъ шпофныхъ креслахъ, передъ огромнымъ бюро, украшеннымъ бронзою и черепахою, съ подножкою, обитою бархатомъ съ золотымъ галуномъ и такими же кистями на углахъ.—На немъ вѣроятно писалъ какой нибудь министръ двора *Франциска I*, или ученая и прекрасная *Маргарита*.

Въ углу, у камина, круглый сполыкъ ждетъ или книги или спакана воды, — онъ такъ малъ, что ни къ чему другому не годится. Другой сполы, четверугольный съ позолотою, вышивкою по краямъ, — заваленъ книгами, альбомами, ящиками съ работою и пр. Далѣе у окна сполы пальцы краснаго дерева.

Свѣтъ въ комнатѣ смягченъ шполевыми спорами, подложенными малиновою кисеею; воздухъ наполненъ ароматами цвѣтущихъ

также благоуханіемъ, испаряющимся изъ ящиковъ, гдѣ лежишь бумага, и изъ фарфоровыхъ вазъ, наполненныхъ амброю.

Посреди всей этой роскоши, маркиза оплывается простополою одежды своей.—Она молода, богата, хороша, — у ней пьма нарядовъ,—но она знаетъ, что женщина, имѣющая вкусъ, должна быть одѣта по упру чистю, опрятно и безъ всякой претензіи.

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ОХОТѢ.

(Уѣздный романъ.)

«Федоръ Петровичъ! Федоръ Петровичъ! Куда это?» кричалъ сидѣвшій у окна капитанъ * *. . . егерскаго полка Р—въ проходившему по улицѣ поручику Варскому.—Куда? видишь,—отвѣчала потъ, показывая свое ружье: на охоту.—«Смотри же, братъ, пришли и мнѣ парочку дупелей, если много наспрѣляешь. Да не ходи, по обыкновенію своему, къ Зайцеву,—шамъ вовсе нѣтъ дичи.»—А я шуда-то и иду,—сказала, разсмѣявшись, Варскій,—и опошель.

«Эхъ! малому-то неймется,» продолжалъ капитанъ, обращаясь къ другому, сидѣвшему съ нимъ въ комнатѣ офицеру: «то и дѣло паскается около Зайцева,—Богъ знаетъ за чѣмъ?—Вѣдь, кажется, ему ясно сказали, что Впръ за него не выдадутъ; что она уже помолвлена за другаго.—Да ты слышала, говоряшь, что на дняхъ и свадьба?»—Слышала, капитанъ; но знаешь ли? . . . Это потъ Варскій . . . ужъ онъ даромъ ходитъ не спанепъ.—Къ опцу-то онъ вѣрно не покажесп, а къ дочкѣ . . . ну, за это я не поручусь . . . да онъ и самъ одинъ разъ что-то проговаривался . . . —«А что? чего добраго . . . помнишь, бывало, куда не придемъ . . . Этакой повѣса . . .»

И вопъ, капитанъ съ своимъ собесѣдникомъ пуспились въ дальнія разсужденія и воспоминанія о проказахъ своего поварища,—а онъ, между пѣмъ, насвистывала, пробирается полями къ Зайцеву.

Эпо Зайцево, очень хорошо воспроенное село, лежащее не болѣе какъ въ чепырехъ верспахъ отъ города,—принадлежитъ двумъ помѣщикамъ, которыхъ дома красуются у двухъ вѣздовъ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ, уже нѣсколько обветшаломъ, съ огромнымъ дворомъ, съ огромными флигелями, съ садомъ, который почти соединяется съ распущимъ на полверспы лѣсомъ, живетъ Николай Антоновичъ С—въ, 50-ти-лѣтній вдовецъ, съ своею дочерью Впрю, которая обворожила бѣднаго егерскаго поручика—и которую опецъ опдаепъ за мужъ за своего сосѣда, владѣльца другой половины селенія и обитателя дома на противоположномъ вѣздѣ, Никанора Осиповича Сулова.

Николай Антоновичъ, дочь его и щасливый женихъ сидѣли за обѣдомъ и разсуждали объ очень важномъ предметѣ,—а именно: когда звать гостей,—на вторю или на третій день послѣ свадьбы, которая должна была совершиться въ слѣдующее воскресенье.—Никаноръ Осиповичъ безпреспанно обращался съ вопросами къ своей невѣстѣ; но она была какъ-то разсѣянна, отвѣчала то да, то нѣтъ, и по-видимому вовсе не занималась разговоромъ, который долженъ быть очень занимателенъ для всякой дѣвушки.—Опецъ ея, между пѣмъ, крѣпко напала на «споржеско уѣздной кухни» бараній бокъ, набитый кашею, перемѣшанной съ кусками жира, и заивала это виномъ, привозимымъ съ благословеннаго острова Санпурина,—изрѣдка приговаривала: что, братъ, непьешь?.. истинно вино хопъ куда.—Но женихъ разглагольсповала, и не пилъ; не потому, чтобы онъ не уважалъ Санпурина, о нѣтъ! напронивъ, опъ много, очень много пивала его и всегда похваливала: «свопъ вино! и дешево, и прятно на вкусъ, и здорово . . .» не смотря на то, что у человека непривычнаго отъ этаго здраваго вина всегда дѣлаются корчи въ желудкѣ.

На дворѣ накрапывала дождикъ.—Вдругъ раздался довольно лественно ружейный вспрѣль.—Впра вскрикнула, вскочила и бросилась изъ комнаты. «Что ты?» кричалъ ей вслѣдъ опецъ.—Вы знаете, папенька, что

я боюсь грома... у меня шакъ слабы нервы...—«Да это не громъ, душенька!» Но она уже исчезла.

Если-бъ женихъ приспально смотрѣлъ ей въ лицо, когда она шакъ перепугалась, то, можетъ быть, онъ и замѣшилъ бы, что на немъ скорѣе выразилась какая-то внезапная радость, чѣмъ испугъ; но въ то время взоры его покоились на крышкѣ пабакерки, копорую замысловапый Московскій художникъ украсилъ изображеніемъ паспуха и паспушки, сидящихъ подъ сѣною розоваго куста, каждый цвѣпокъ копорого былъ вдвое больше ихъ головъ,—и окруженныхъ семьею козловъ и барановъ. Онъ обыкновенно часпо и предолжительно любовался на эту картину семейнаго шаспія, даже показывалъ еѣ *Влръ Николаевнѣ*, когда не зналъ о чемъ заговорить съ нею; но теперь онъ поспѣшно спряпалъ свою идиллію въ карманъ и обратился къ *Николаю Антоновичу*.—«Какъ онъ пугливъ...»—Эхъ, брапецъ, не знаешь,—перебилъ шопъ,—она прежде никогда и не боялась,—да вопъ какъ спала невѣспой, шакъ и модничаетъ... а все, видишь, хочется передъ шобой поинтересничать...—

Никаноръ Осиповичъ самодовольно улыбался, слушая такое объясненіе, и думалъ... нѣпъ; онъ вовсе ничего не думалъ;—а право ему не мѣшало бы подумать... не даромъ эпошъ *Варскій* бродитъ безпреспанно около Зайцева.

Съ перваго дня брака *Никаноръ Осиповичъ* замѣшилъ невыразимую грусть въ своей молодой супругѣ; какъ онъ ни былъ проспъ, однакожъ не оставлялъ безъ вниманія ея пайныхъ вздоховъ—и скоро опкрывъ, что предметомъ ихъ былъ *Варскій*. Взоры его постоянно прелѣдовали *Влру* и молодого поручика. — Онъ не сомнѣвался уже; но что же было дѣлать ему, эптому бѣдному *Никанору Осиповичу*? — Правда, онъ часпо хаживалъ съ ружьемъ, даже въ шорже-спвенные дни самъ заряжалъ всегда чугунную проржавѣвшую пушку и палилъ изъ неѣ; но писполеповъ шерпѣшь онъ не могъ и боялся ихъ какъ нельзя боль-

ше.—Что-жъ было ему дѣлать? Развѣ мочать?—и онъ рѣшилъся.

Впрочемъ, человекъ, одаренный пайими силами, что можетъ сѣдаться цѣлую половину барана со всѣмъ и съ кашей и съ ялромъ, и пить безнаказанно здоровый Саншуринъ... о! пайкой человекъ можетъ перенести многое, очень многое.

Бѣдная *Влра* не нашла въ бракѣ ни шаспія, ни покоя. Она блѣднѣла, худѣла, чакла; была въ безпрерывномъ волненіи.

Это было въ глубокую осень, когда всѣ сельскія работы были уже кончены.—Помѣщики, не находя занятія дома, проводили время въ полѣ, подъ проливными дождями, гоняясь за зайцами.—*Никаноръ Осиповичъ* былъ шакже любитель псовой охоты и не пропускалъ случая порыскапъ съ своимъ Заръзомъ, Зарѣзомъ, копорого не могла обскакать ни одна изъ борзыхъ собакъ цѣлаго уѣзда, и копорый, соспавляя славу и гордость своего господина, пользовался за то всею его милоспію и до женишбы даже раздѣлялъ его ложе.

Однажды человекъ восемь помѣщиковъ, съ кучею псарей и охотниковъ, собрались около Зайцева лѣса. Къ нимъ присоединилось нѣсколько офицеровъ, копорые обыкновенно, за неимѣніемъ собакъ, ходили съ ружьями.—Погода была хороша и шравляшла какъ нельзя лучше.—Наконецъ, уже довольно спемнѣло и хопѣли было вызывать гончихъ изъ лѣса, какъ вдругъ вся спал залилась и погнала по зрячему. «Ого!» закричалъ *Никаноръ Осиповичъ*, прихлестывая свою лошадь и принимая шправо, — «да это что-то не даромъ.—Постой, слышишь?» продолжалъ онъ, обращаясь къ спремянному: «что это? какъ Будило-то шявкаетъ,—да и Звонишка... Чу!... Эге! да это по красному...» И онъ пустился скакать сломя голову къ другому концу лѣса, куда пронеслись гончія.

Вдругъ изъ опушки выскочилъ огромный волкъ, и поле заспонало опъ крика охотниковъ. Собаки бросились за нимъ—и пять, шеспъ подоспѣли и окружили его. Но онъ задушилъ одну, больно укушилъ другую, и

когда, видя это, прочія остановились,—пустился снова бѣжать къ росшему въ 30—40 саженьхъ мелкому кустарнику.—Волкъ былъ уже довольно близко, какъ вдругъ подъ кустами блеснулъ огонекъ и вслѣдъ за тѣмъ грянулъ выстрѣлъ. Волкъ остановился и хотѣлъ было повернуть назадъ; но охотники гнались по пятнамъ, собаки неслись цѣлой стаей,—и онъ бросился прямо на выстрѣлъ. Черезъ минушу раздался крикъ и спонъ, и когда охотники подскакали, они увидѣли поручика, расплывшаго на землѣ и плавающего въ крови. Они ужаснулись.—Волкъ между тѣмъ ушелъ, потому что никто о немъ не думалъ, а всѣ бросились помогать несчастному: Его перенесли на рукахъ въ Зайцево и уложили въ постель въ домъ *Никанора Осиповича*.—Когда осмопрѣли и обмыли раны, то нашли, что горло было измято и прокушено въ трехъ мѣстахъ; но раненый былъ въ памяти и успѣлъ проговорить нѣсколько невнятныхъ словъ.—Охотники, чтобы не беспокоить больного, поспѣшь разъѣхались,—а двое офицеровъ, шувъ бывшихъ, поскакали въ городъ за своимъ полковымъ лекаремъ. *Варскій* оспался одинъ. Минуть черезъ десять, проводя гостей, вошелъ къ нему хозяинъ и сѣлъ у изголовья. «Ну что, *Федоръ Петровичъ*,» сказалъ онъ: «какъ вы себя чувствуете?» Больной прошепталъ что-то. «Я боюсь,» продолжалъ *Никаноръ Осиповичъ*: «чтобы жена не узнала объ этомъ... Она еще очень слаба послѣ родовъ... припомъ же она васъ такъ любитъ; она очень васъ любитъ, *Федоръ Петровичъ*!» Онъ остановился. Между тѣмъ больной началъ оказывать беспокойство. «Не беспокойтесь, не беспокойтесь, *Федоръ Петровичъ*!... Что?—Это пустякъ... пройдетъ.—Дайте-ка я посмотрю еще раны,»—и онъ открылъ ему шею. «Вошь видите ли, кровь идетъ уже гораздо тише... только по бокамъ видны сліянія пятна; да это ничего... Ну что же, *Федоръ Петровичъ*!.. жена-то моя очень васъ любитъ? ааа?...» *Варскій* старался повернуть голову, чтобы не сморгнуть ему въ глаза.—«Такъ вошь какъ?... Вамъ это весело, *Федоръ Петровичъ*, аа? не правда ли? Что-жъ вы не скажете ни одного слова,» продол-

жалъ онъ, видя, что эпомъ не могъ уже почтидохнуть: «аа?» И онъ нагнулся къ самому лицу задыхающагося и старался возбудить его вниманіе. «Что же, *Федоръ Петровичъ*, весело? аа? ну, ... очень радъ.»

Черезъ часъ явились назадъ офицеры. Они вошли въ комнату вмѣстѣ съ докторомъ и вскрикнули.—У постели *Варскаго* лежала хозяйка дома безъ чувствъ; безъ всякаго признака жизни.—Докторъ не могъ воскресить никого изъ нихъ.

Макаровъ.

1834.

А Н С И Л Ь О Н Ъ .

Иоаннъ-Петръ-Фридрихъ *Ансильонъ*, Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, родился въ Берлинѣ 30 Апрѣля 1766. Онъ происходилъ изъ почтенной Мецской фамилии, выѣхавшей изъ Франціи во время гоненія на протестантовъ.—Дѣдъ г. *Ансильона*, авторъ Исторіи поселенія Французскихъ выходцевъ въ Бранденбургіи (Берлинъ, 1690) и Литературно-крипической смѣси (3 ч., Баленъ, 1698), умеръ въ Берлинѣ въ 1715 году. Опець его, Лудовикъ Фридрихъ *Ансильонъ*, пасторъ Реформатской церкви въ Берлинѣ, человекъ оплѣнно умный и ученый, далъ своему сыну оплѣнное воспитаніе, которое сильно содѣйствовало развитію преждевременныхъ его дарованій. Онъ назначилъ его въ духовное званіе; однакожъ, не смотря на то, послѣ Богословіи и церковнаго краснорѣчія, началъ обучать его Исторіи, каторою онъ занялся съ величайшимъ рвеніемъ. По окончаніи ученія, молодой *Ансильонъ* поѣхалъ путешествовать по Швейцаріи; потомъ посѣпилъ Францію въ самый разгаръ революціи, и тамъ познакомился, между прочими, съ *Мирабо*.—Возвратясь въ Берлинъ, онъ заслужилъ одобреніе и приобрѣлъ покровительствво принца *Генриха*, брата великаго *Фридриха*. Онъ обязанъ былъ эпитомъ щастіемъ случаю. Однажды *Ансильонъ* говорилъ въ Рейнсбергѣ рѣчь при какомъ-то бракосочетаніи. Принцъ зашелъ въ церковь и, прельстившись краснорѣчіемъ молодаго проповѣдника,

опредѣлилъ его къ своему Двору. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, онъ былъ наименованъ пасторомъ Французской Реформатской церкви въ Берлинѣ и профессоромъ Исторіи въ Военной академіи. Онъ вскорѣ прославился своими проповѣдями, и *Фридрихъ Вильгельмъ II* всегда внималъ имъ съ удовольствіемъ. Первые сочиненія г. *Ансильона* напечатаны въ Политическомъ журналѣ, который тогда издавалъ родственникъ его, знаменитый публицистъ и государственный человекъ, г. *дѣ Генузъ*; по былъ историческій опытъ о первой Бельгійской революціи прописавъ Испанскаго короля *Филиппа II*. — Въ 1801 году онъ издалъ свою Липературную и философическую смѣсь (2 части), которая также, какъ и его Политическій опытъ, доказываетъ проницательный умъ и глубокомысліе автора. — Въ 1803 году вышла въ свѣтъ его картина перевороповъ въ политическихъ системахъ Европейскихъ государствъ съ 15-го вѣка. Въ этомъ важномъ, но, къ сожалѣнію, неокончанномъ твореніи, замѣтно глубокое изученіе историческихъ характеровъ, блестящій слогъ и проницательность, съ которою авторъ умѣлъ разобранъ политическія выгоды разныхъ государствъ въ различное время. — Въ 1810 году комиссія Французскаго Института, въ докладѣ своемъ объ успѣхахъ Исторіографіи, отзывалась съ большими похвалами о г. *Ансильонѣ*, называя его достойнымъ преемникомъ великаго *Лейбница*. «Онъ доказываетъ своимъ примѣромъ,» сказано въ семъ докладѣ: «что цѣль истинной философіи есть умножать, а не уничтожать истины; что главную свою силу извлекаетъ она изъ согласія чувствованій съ правилами, и что лучшихъ адептовъ своихъ находить она между душами возвышенными.» Въ это время г. *Ансильонъ*, наименованный членомъ Берлинской академіи и исторіографомъ, оставилъ духовное званіе. Послѣ Тильзитскаго мира, знаменитый баронъ *Штейнъ*, бывший тогда первымъ министромъ, избралъ его въ воспитатели наследнаго принца. Тутъ начинался его политическое поприще, которое впрочемъ не заставило его опкзаться опыту авторства: ибо онъ издалъ въ 1810 году по-

хвальное слово члену академіи г. *Меріану*, и надгробное слово Прусской королевѣ. — Хоть г. *Ансильонъ* Французскаго происхожденія, но онъ оказалъ себя совершенно достойнымъ госпепримства, которымъ предки его пользовались въ Бранденбургіи; онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ образованіи союза, который низложилъ *Наполеона*. — Въ 1814 году г. *Ансильонъ* сопровождалъ Августѣйшаго своего воспитанника въ Парижъ. По возвращеніи въ Берлинъ и по окончаніи образованія сего принца, онъ назначенъ начальникомъ политическаго отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Съ этого времени онъ, при обоихъ министрахъ, князь *Гарденбергъ* и графъ *Бернсдорфъ*, имѣлъ большое вліяніе на Берлинскій кабинетъ. Онъ одинъ писалъ всѣ дипломатическія ноты къ важнѣйшимъ державамъ. Онъ былъ членомъ комисіи, занимавшейся составленіемъ государственнаго Уложенія. Постынія его творенія, столь же превосходныя, какъ и первая, суть: *Sur la souveraineté et la constitution de l'état* (1816); *La science d'état* (1824); *De la Foi et de la science dans la Philosophie*; *De l'esprit des constitutions de l'état et de leur influence sur la législation* (1825); *Méditation des opinions* (1828). Г. *Ансильонъ* нынѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ и почивается въ Германіи душою и покровителемъ умренныхъ парцій.

Ог.

ОБШИРНОСТЬ АНГЛІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Англійскія владѣнія въ Западной Индіи занимаютъ 177,140 квадратныхъ Англійскихъ миль; слѣдственно, они вдвое болѣе Англии и Ирландіи, вмѣстѣ взятыхъ. Народонаселеніе простирается до 958,840 человекъ, въ томъ числѣ 74,240 бѣлыхъ и 884,600 Негровъ и другихъ цвѣтныхъ людей. Дохода эти владѣнія приносятъ 541,500 фунт. стерлинговъ (13,537,500 р.); издержки управленія составляютъ 551,600 фунтовъ стерлинговъ; поваровъ привозится на 5,806,400 ф. ст., вывозится на 8,932,500 ф. ст.; поземельныя владѣнія цѣнятся въ 126,690,000 ф. стерлинговъ.

ПРОГУЛКА ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРИЮ.

Александръ *Дюма*, *Жюль-Жаненъ* и *Жюль Леконтъ* предполагають сдѣлать поѣздку по Средиземному морю и издадутъ книгу: *Средиземное море и берега его*. Необходимые расходы для этого литературнаго предпріятія составляютъ 300,000 франковъ.—*Дюма* и *Леконтъ* уже заготовляютъ матеріалы. Они берутъ съ собою живописца *Жадена*, для снятія видовъ. Картины для гравировки они хопятъ послать въ Лондонъ тамошнимъ знаменитѣйшимъ художникамъ. Описаніе должно бы выйти черезъ годъ; но знаменитые писатели уже годъ прособирались въ дорогу—и еще не выѣхали!!!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

70.

Всѣ Россійскіе писатели, журналисты, газетчики—ропщутъ на своевольные, несправедливые приговоры того, или тѣхъ, кому ввѣрена крипическая часть *Библиотеки для чтенія*.

Всѣ благосовишанные люди негодуютъ на картины à la Paul de Kock этого журнала *), а дамы и дѣвицы не берутъ въ руки вновь выходящихъ книжекъ. Для тѣхъ и другихъ *Библиотека* не существуетъ, и почтенный прудъ основателя ея, профессора О. И. *Сеньковского* — почли потерянъ!

Топъ и другой недосмапокъ можно опнеспи или къ промахамъ, или къ личному отношенію главнаго издавателя къ писателямъ, къ его ошибочнымъ о литературѣ понятіямъ.

Но мы открыли претіи порокъ въ *Библиотецѣ*, порокъ, который и господиномъ *В. В. В.* не былъ замѣченъ, а именно: спрасятъ передѣлывать на свой фасонъ спать знаменитыхъ иностранныхъ писателей, въ ней печатаемыхъ. На прим.:

1. Приводя *Quarterly-Review*, *Библиотека* увѣдлетъ, что въ *Исповѣди Жаненя*, жена *Ана-*

(*) Всѣ еще лучшаго литературнаго періодическаго изданія. —К.

толія, ложась спать, забыла имя мужа, погда, какъ въ романѣ—*Анатолій* забываетъ имя своей жены.

2. Въ *Библиотечномъ* разборѣ драмы Александра *Дюма*—*Катерина Говардъ* закалываетъ *Этельвуда*, погда, какъ *Этельвудъ* оспаесть на сценѣ живъ-живѣхонекъ.

3. Редакторъ, под-редакторъ или соприудникъ, исчисляя драмы *Виктора Гюго*, пропустилъ лучшую изъ нихъ *Кромвель*.

4. *Библиотека для чтенія* объявила, что издаватель *Подлинныхъ свидѣтельствъ о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши*, г. *Мухановъ*, приобщилъ къ историческимъ актамъ свое крипическое разсужденіе о походѣ *Владислава* въ Россію въ 1617-мъ и 1618-мъ годахъ. А выходящъ, что *Миткевичъ* прибавилъ къ ней свой историческій очеркъ *Владиславова* похода въ Россію, что г. *Мухановъ* не присвоивалъ себѣ этого очерка, а О. И. *Сеньковский* насильно хочетъ навязать его ему на шею.

Собспвенность умспвенная, пакже, какъ и вещеспвенная, должна бытъ неприкосновенна.

А. Кораблинскій.

22-е Марта

1836.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Заря угасла. Мѣсяцъ полий

Взошелъ на небеса.

Въ Двинѣ капилась тихо волны;

Синелися лѣса.

*

Къ рѣкѣ вдругъ дѣвица приходишь

Печальна и блѣдна.—

Взглянувъ на мѣсяцъ, слѣзы ронишь,

И говоришь она:

*

«О, дсный мѣсяцъ! Ты свидѣтель

Объшовъ нашихъ былъ!

Ты не измѣнчиво все свѣдѣлъ;

А другъ мнѣ измѣнилъ!—

*

«Ты будь свидѣтель, мѣсяцъ лсной,
Кончины дней моихъ!»—
Тушь голосъ дѣвицы несчастной
Прервался и—запихъ.

*

Вода всплеснулась... нѣтъ прекрасной!
Жизнь кончила въ волнахъ,
Но, часто людямъ лѣтъ несчастной
Являлась въ шѣхъ мѣсцахъ,

Сухановъ.

О М О Н И М Ъ - А Н А Г Р А М М А .

Въ лѣсахъ расту, когда я деревянный;
Когда же мѣдный я, лужбный и проспанный:
Тогда гнашь водку пригожусь.
И въ математикѣ я также нахожусь
Товарищемъ квадрата неразлучно.
Родной я дубу братъ,
Коспрюль кумъ и свашъ....
Опгадывайше же... пора, вишь ждашь васъ скучно!

M O D E S .

Si on rétrécit les manches, on agrandit les chapeaux; les passés surtout sont immenses. On en voit qui sont entièrement liserés en couleur, comme cerise sur blanc, lilas sur paille, rose sur gris, et ainsi de suite. Les rubans alors sont assortis aux liserés. Cette mode ne fait qu'apparaître, et prendra sûrement de l'extension, car elle est jolie; mais rien n'est encore éclos, et pour parler avec sécurité, il faut attendre que les rayons d'un soleil qui se fait bien désirer soient venus sécher les promenades et faire fleurir les lilas. Les cheveux se portent comme cet hiver. Je crois que les bandeaux l'emporteront; car, avec la forme des chapeaux collans sur les joues, il est très difficile de faire cadrer les grosses touffes tombantes, et cette profusion de cheveux, très jolie quand elle est dégagée, devient laide et mal séyante quand elle est rapprochée du visage. Voici le moment où les brodequins et les souliers-guêtres vont devenir indispensables. C'est une chose si séduisante qu'une femme bien chaussée,

qu'il me semble que c'est la partie de la toilette qu'on doit le moins négliger; c'est au moins ce que j'entends dire à tous les hommes de bon goût, et j'en connais un qui m'a assuré très plaisamment que, rencontra-t-il sa mère dans la rue, si elle était sans *cothurnes*, il ne la saluerait pas: c'est porter un peu loin l'amour du *bien chaussé*!

Quant à vous, chère sœur, avec ou sans sauliers, en bas encore plus bleus que ceux qui font frémir MM. du *Corsaire*, si je vous rencontrais, je vous embrasserais de tout mon cœur.— *Sarah.*

М О Д Ы .

Рукава убавляютъ, а шляпы увеличиваютъ; поля особенно огромны. Видны нѣкоторыя съ цвѣтной выпушкою, какъ бѣлая шляпка съ алой, соломеннаго цвѣта съ лиловой, дикая съ розовой, и такъ далѣе. Ленпы тогда бываютъ подъ цвѣтъ выпушки. Эта мода только что показалась, и вѣрно распространится, потому что красна; но ничто еще не развернулось, и чтобы говорить съ увѣренностію, надо дожидаться, чтобы лучи солнца, ожидаемаго съ неперпѣіемъ, высушили прогулки и заставили цвѣсть сирень. Волосы продолжаютъ носить какъ зимою. Я думаю, что гладкіе волосы возьмутъ перевѣсъ, потому что поля, прижатая плотно къ щекамъ, трудно будетъ уладить съ густыми висящими локонами, и это множество водось, будучи красиво, когда отдѣлено, дѣлается противно и безобразно, когда близко къ лицу. Въ время, въ которое сапожки и башмаки съ шпиблетами дѣлаются необходимы. Хорошо обуваная женщина, имѣетъ нѣчто въ себѣ столь привлекательное, что мнѣ кажется эта часть туалета должна быть мѣше всего въ пренебреженіи; по крайней мѣрѣ я слышу, что это говорятъ всѣ мужчины съ хорошимъ вкусомъ, и я знаю одного, который мнѣ говоритъ, что если бы онъ встрѣтилъ сестру свою на улицѣ безъ сапожковъ, то онъ бы ей не поклонился: ужъ это значитъ простираетъ немного далеко приспращіе къ хорошей обуви.

Что же касается до тебя, милая сестра, въ башмакахъ или безъ башмаковъ, въ чулкахъ еще голубѣе, заставляющихъ содрогаться въ *Корсарѣ*, если бы я тебя встрѣтила, то разцѣловала бы опъ всего сердца.— *Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 40.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 16 дня 1856 года.

Ахъ, скучно одинокому
И дереву роспи!
Ахъ, горько, горько молодцу
Безъ мидой жизнь веспи!

А. Мерзляковъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ. ГОРОДСКОЙ ШУМЪ.

Шумъ большаго города есть гармонія, со-
ставленная изъ всѣхъ возможныхъ звуковъ,
и шопъ, кто умѣетъ слушать и понимать
её, находитъ въ ней высокую поэзію. Взой-
дите на колокольню соборной церкви Бого-
матери, Notre Dame, или на куполь Пап-
пеона, куда доходитъ глухой, неопредѣлен-
ный гулъ, поднимающійся отъ земли; закрой-
те на минуточку глаза, и вамъ представится,
что вы стоите на высотахъ Дувра или
Дведа, и слышите подъ собою неумолкае-
мый говоръ Океана, котораго волны, пле-
скаются о скалы, разбиваются у ихъ подно-
жія. Или пѣть, за чѣмъ ипши такъ высо-
ко?—Останьтесь у себя въ комнаѣ, и тамъ,
подъ вечеръ, въ тишинѣ и уединеніи, при-
слушайтесь къ человѣческимъ голосамъ на
улицѣ, къ спуту удаляющейся кареты или
лошадиному топоту на далекомъ мосту.—
Сколько воспоминаній проснется вдругъ въ
душѣ вашей! и какъ всё давно утраченное,
давно забытое, оживетъ для васъ въ перво-
бытной силѣ своей!

Льпнее солнце капится къ западу; ро-
скошный Парижанинъ, лежа на мягкомъ
диванѣ, дремлетъ подъ шумъ улицы, и по-
лусонный, полуналу, качается въ неясныхъ
мечтахъ своихъ. Вдругъ подъ окномъ его
раздался голосъ разнощицы: *Сладость! сла-
дость! покупайте дѣтушки!* кричитъ она;
это сахарные крендельки, такъ спрастно
любимые имъ въ младенчествѣ; и на это
призывный голосъ мгновенно слѣпаются къ
нему воспоминанія дѣтскихъ радостей и
тѣхъ дней невинности и блаженства, ко-
гда всѣ желанія его, всё понятіе о чувствен-
номъ наслажденіи, ограничивались сахар-
нымъ кренделькомъ, который, при малѣй-
шемъ прикосновеніи, разсыпался на мелкія
крошки!—Скоро возникаютъ въ душѣ его
воспоминанія о наслажденіяхъ другаго воз-
распа, также хрупкихъ, какъ и первые, но
съ тою разницею, что вмѣсто сладости,
они оставляютъ по себѣ одно пресыщеніе
и горечь,—и, послѣ минутнаго удовольствія,
цѣлые годы скорби и раскаянія.

Крикъ пирожицы удаляется—и скоро ис-
чезнетъ, какъ крылатый мигъ щастія. Меж-

ду пѣмъ солнѣе закатилось, и на углу улицы слышались звуки подвижнаго органа, по временамъ прерываемые рѣзкимъ голосомъ савояра, сзывающаго любопытныхъ зрительницъ смотрѣть Китайскія пѣни и кукольную комедію.— Еще воспоминанія дѣтства! Съ какимъ восхищеніемъ смотрѣлъ онъ тогда на эти жалкія представленія и какъ холодно, какъ равнодушно, слушаетъ теперь пламенныя выраженія любви, на первомъ театрѣ въ свѣтъ, тамъ, гдѣ прелестныя языка, роскошь пѣлодвиженій, искусство и поэзія, всё должно бы обворожать чувства его. Но увы! для него невозвратно прошли лѣта безотчетнаго и протупающаго энтузіазма! Разочарованный въ насмѣявшемся, онъ невольно увлекается прелестью прошедшаго — и картины, видѣнныя имъ некогда въ темномъ шалашѣ савояра, какъ легкія Китайскія пѣни, мелькаютъ передъ нимъ одна за другою на бѣломъ кругу воображенія.

Вопль забили зарю, и шихія, пропаянныя звуки трубы живо напомнили ему пѣсню, копорюю кормилица усыпляла его въ всячей его колыбели: онъ засыпалъ при барабанномъ боѣ, — при гармоніи этой вечерней зари, которая и теперь проливаетъ сладкое успокоеніе въ сердце его.

Мечтатель нашъ живетъ возлѣ церкви и часто, въ тишинѣ ночи, пробуждаетъ его призывный колокольъ заупрени. Иногда въ сумерки, сидя подгорюнившись у окна, онъ съ тайною грустью внимаетъ унылому колокольчику *могильнаго звонаря*, который, ходя по улицамъ, проситъ Христіанъ молиться — за вѣчный покой усопшаго. На глазахъ въпренаго юноши навернулись слезы — онъ вспомнилъ недавнюю кончину матери!

Колокольчикъ звонаря умолкъ — на башнѣ ударило 12 — и онъ ложится въ постелю. Мало-по-малу затихаетъ городской шумъ, но кое-гдѣ вдали слышатся еще спукъ каретъ, который спановлясь рѣже, рѣже — наконецъ исчезаетъ — и всё погружается въ торжественное молчаніе. — Спишь ли юный мечтатель на мягкомъ ложѣ своемъ? О, нѣтъ! долго еще воображеніе его слѣдитъ за одною опоздалою каретою: гдѣ бытъ, думаетъ онъ, поэтъ, кого везетъ она? — Какія спраши

превожили душу его въ эпопѣе вечеръ? — Съ какимъ чувствомъ возвращается онъ домой съ блестящаго бала — изъ театра — или можетъ быть съ пагубной игры, гдѣ гнусное корыстолобіе попеременно терзало сердце его — по спрахомъ, по надеждоу? Наконецъ карета удалась — спукъ колесъ ея замеръ въ пространствѣ — и мечтатель засыпаетъ.

Онъ просыпается вмѣстѣ съ городомъ, въ полночь часъ, когда ранняя ласточка щебечетъ на кровлѣ селянина, и заболпывая молочница выходитъ изъ хижины, съ полными своими кувшинами — и скоро разноситъ ихъ по улицамъ Парижа. Мало по малу, всё просыпается, всё встаетъ, всё приходитъ въ движеніе и принимаетъ новую жизнь. Эта разноголосица смѣшанныхъ криковъ, сливаясь въ одну общую дикую гармонію, полна прелести и поэзіи, когда мы слышимъ её почти въ просонкахъ и не сплхнувъ еще сна съ оплгченныхъ рѣсницъ нашихъ.

Вдругъ раздается барабанъ — заиграли трубы и литавры — полкъ вышелъ изъ казармъ и мѣрнымъ шагомъ идетъ къ разводу. — Эта музыка — это напоминаніе войны — эти громкіе звуки побѣды — поражаютъ, увлекаютъ воображеніе! Самыя стѣны домовъ кажутся оживились и попрысались отъ грома оружія; окна отворились, полны зрительницъ высыпали къ воротамъ — на улицу — на крышки. — Вставать! вставать! кричатъ мечтатель, и вскочивъ съ кровати, садится у окна, чптобы снова предасться мечтамъ своимъ.

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С В А Т Ъ Б А.

(Повѣсть.)

Адриенна *Мюаронъ* выходила за графа *Юлія Савьелла*, одного изъ знатнѣйшихъ жипелей Валенціи, и отецъ ея, богатый капиталистъ, выдавалъ её за него по расчетамъ самолюбія. Свадьба была великолѣпна. *Мюаронъ* не жалѣлъ никакихъ издержекъ, думалъ только

о томъ, чтобы блескъ роскоши замѣнилъ въ глазахъ зрителей неравенство состояній жениха и невѣсты. Наканунъ подписанъ былъ брачный контрактъ въ присутствіи двухъ маклеровъ и многочисленнаго собранія. Это первый краеугольный камень, на которомъ полагается основаніе цѣлой жизни будущихъ супруговъ, съ болѣею или меньшею торжественностью, судя по званію или богатству каждаго. За тѣмъ слѣдовалъ гражданскій актъ, холодная пародія, копорая никого не трогаешь и занимаетъ развѣ однихъ кучеровъ у подъезда, и болтливыхъ старушекъ, приглашенныхъ на свадьбу. Не менѣе того гражданскій актъ необходимъ, и эта комедія играется въ судѣ съ дозволенія и въ присутствіи г-на мера.

Наконецъ брачный союзъ получилъ послѣднее утвержденіе свое отъ церкви; но эпопѣй священный обрядъ, столь важный, столь торжественный, нынѣ не значитъ почти во Франціи ничего, съ тѣхъ поръ, какъ бракъ щитається памъ однимъ гражданскимъ обязательствомъ.

Новобрачные возвратились въ домъ банкира, окруженный прекрасными садами, въ которыхъ открылся великолѣпный балъ.

Лѣпный вечеръ былъ тихъ и прекрасенъ; длинныя алеи сада горѣли разноцвѣтными огнями — въ темныхъ лѣскахъ гремѣла музыка, въ павильонахъ, украшенныхъ цвѣтами, были разставлены роскошные столы и на открытой галереѣ танцовали прекрасныя женщины. Вы бы подумали, что какойнибудь сонъ перенесъ васъ въ тѣ волшебныя сады, о которыхъ говорятъ еще маленькія дѣти, потому что они одни сохранили щастливую способность върится чудесному.

Графъ Юлій былъ веселаго нрава, хороше собою, и всѣ черты его выражали самонадѣянность моднаго свѣтскаго повѣсы, копорый щитається для себя все позволимельнымъ. Въ танцахъ онъ жалъ мимоходомъ руку женщинъ, копорыхъ прежде удостоивалъ своего вниманія, желая можетъ быть успокоить ихъ на щепъ своего супружества. Онъ воображалъ, что все онъ были влюблены въ него по уши и внутренно перзались отъ опчаянія; не знаю, что ду-

мали нѣкоторыя; но по крайней мѣрѣ благородныя и добродѣтельныя женщины презирали графа Юлія и искренно жалъли объ участи нещасливой Адриенны.

Молодая казалась не весела; она улыбалась принужденно, панцовала какъ-то не-хотя, и съ пайнымъ страхомъ взглядывала на мужа своего. — Потомъ отперпывалась, давала бѣлую руку свою сама не зная кому, — опвѣчала не слушая, или слушала не опвѣчая, и походила на молодую царевну, скучающую великолѣпиемъ двора своего, или, скорѣе, на какуюнибудь иноспранку, въ чужомъ и совершенно незнакомомъ ей обществѣ.

Еѣ позвали на конпропанецъ — и она заняла мѣсто свое возлѣ шпалеру померанцовыхъ деревьевъ, копорыхъ темная зелень рѣзко опдѣлялась посреди осмѣпительной иллюминаціи садовъ.

Вдругъ она задрожала и поблѣднѣла какъ мертвая.

«Адриенна, Адриенна!» говорилъ кто-то тихо изъ-за деревьевъ. «Я пришелъ сюда, чтобы видѣть тебя одну минупу и проспиться съ побою на вѣки.»

Тутъ надобно было дѣлать фигуру; бѣдная Адриенна должна была опойти, но колѣна ея дрожали и въ глазахъ темнѣло. Не помня сама себя, она возвратилась на прежнее мѣсто.

«Адриенна,» продолжалъ потъ же голосъ: «поступокъ твой благороденъ; ты пожертвовала кляпвами любви удовольствію сдѣлать графиней; послѣ дѣтской куклы и веселыхъ прогулокъ по озеру, тебѣ понадобилась другая игрушка, и я былъ для тебя тѣмъ, чѣмъ шупы бывали при дворѣ государей нашихъ. Дурачество мое забавляло тебя и льстило швоему самолюбию. — Щастливая и безпечная, ты ласкала меня, какъ ласкають собачку, чтобы выказашъ бриліантовыя перстни на прекрасной рукѣ; улыбалась, какъ молодая красавица, хвастающая перлами зубовъ своихъ; но собачка наскучила тебѣ и ты выбросила еѣ за окно.»

Опять новая фигура — и опять Адриенна должна танцовать. Кавалеръ водилъ еѣ за собою, улыбалась ея разсѣянности.

«Ты думала,» продолжалъ незнакомецъ: «ты думала, что любовь моя для тебя нарядъ, который всегда можно бросить; ты надъеялась, что вѣяніе опахала сдуешь всё прошедшее... Онѣбаешься, *Адриенна*—и любовь моя и прошедшее живы еще, и если они безсильны наказати тебя за твое вѣроломство, по знай, что опмсипишь за меня поить, котораго ты избрала защитникомъ своимъ. О, *Адриенна*! есть кровли, которыя валяса на пѣхъ, которыхъ бы должны онѣ были охранять отъ бури; есть деревья, почашія ядъ свой на цупѣшественника, заснувшего подъ пѣнью ихъ.»

Молодая опять умчалась за кавалеромъ своимъ, который прыгалъ въ такту на свѣжей зелени лужайки. Наконецъ, она, какъ милосѣпныи, просила позволенія опдохнуть, и съла блѣдная, задумчивая, на скамейкѣ у шпалера.—Какъ она неловка и заспѣнчива! говорили молодые люди.—Немудрено, опвѣчали дамы, она опъ роду не бывала въ хорошемъ обществѣ, и графу будетъ спойтъ большого труда перевоспитать её.—

Между пѣмъ кадрилъ кончился — пошли францовацѣ въ другое мѣсто, и *Адриенна* осталась одна.

«Бѣдная женщина! ты успала, ты огорчена, — ты плачешь и закрываешь лицо руками, но подожди, это еще не всё, драма еще только начинается. О, ты не знаешь еще, что предстоитъ тебѣ! твой мужъ кажется теперь милъ и забавенъ. Увы! онъ скоро сдѣлается грознымъ, неумолимымъ повелителемъ! Знаешь ли ты, что онъ имѣетъ надъ побой власть жизни и смерти; онъ будетъ позволять себѣ всё, — но тебѣ не проститъ ничего, и за оскорбленіе чести своей, разорветъ тебя, какъ люпый звѣръ раздираетъ жертву свою.»

—О, пощади меня;—прошептала она задыхаясь опъ слезѣ.

«Нѣтъ, не жди опъ меня пощады, *Адриенна*: если ты сей часъ же не опдашь мнѣ обручальнаго кольца твоего.—Дай мнѣ его—и я на вѣки оставлю тебя въ покоѣ.»

Адриенна, не оборачиваясь, протянула руку назадъ; незнакомецъ сдернулъ съ неѣ перчатку, схватилъ кольцо,— деревья заше-

велились—и всё опять пришло въ прежнюю тишину и молчаніе.

Пока спрахъ поддерживалъ еще бѣдную *Адриенну*, она чувствовала въ себѣ какую-то лихорадочную бодрость, которая давала ей силы сдѣлать прямо и не обнаруживать своего смущенія передъ другими. Но эта бодрость наконецъ оставила её, и она безъ чувствъ склонилась на скамейку, какъ нѣжный цвѣпокъ, переломленный бурей.

—Какъ она грустна, и какъ блѣдна,—не знамогла ли она?—сказали, проходя мимо ея, какія-то знаппныя дамы.

«Ничего, это пройдетъ;» возразилъ раздушенный франтъ, съ коварною улыбкою: «можетъ быть шумъ праздника и свѣжестъ ночи безпокоитъ её.»

Въ эту минузу графъ *Юлій* прошелъ по аллеѣ—ища глазами жены своей, о которой онъ было совсѣмъ позабылъ во время бала.—Увидя её лежащею на скамейкѣ, онъ подбѣжалъ и нашелъ её въ обморокѣ.

Скоро *Адриенна* пришла однако-жъ въ чувство, и графъ повелъ её въ замокъ, какъ блѣдную жертву на закланіе. Дорогою они слышали за собою чьи-то шаги, и какал-то пѣнь скользнула на зелени деревъ—при свѣтѣ полнаго мѣсяца. *Адриенна* дрожала опъ спраху.

Въ это время, шумъ, музыка, танцы возобновились въ саду—и громкія поздравленія провожали супруговъ. Такъ радуются дикіе, когда всѣ звѣзды, капившіяся по небу, къ нещастію сполкнулись вмѣстѣ въ неизмѣримыхъ пространствахъ эфира.

Наконецъ они вошли въ спальню, и *Юлій*, съ самоувѣренностію избалованнаго волокиты, обнялъ молодую, неопытную жену свою.

Вдругъ подъ окномъ раздался писполетный выстрѣлъ; графъ подбѣжалъ къ окошку, и *Адриенна* упала безъ чувствъ на полъ.

Черезъ нѣсколько минути послѣ того слуги подняли на землѣ трупъ молодого челоѣка, заспрѣливагося подъ самымъ окномъ *Адриенны*. Голова смертоубійцы была раздроблена и лицо такъ обезображено, что никто не могъ узнать его.—Тайна его осталась неизвѣстною.

На дворъ нашли кольцо *Адриенны*, — нещасный зарядилъ имъ писпослеть свой.

Въ городъ долго говорили объ этомъ ужасномъ происшествіи, наконецъ замолчали и забыли о немъ; однако-жь оно придало *Адриеннѣ* удивительную цѣну въ глазахъ всѣхъ въпрениковъ и въпреницъ большаго свѣта. Что касается до неѣ, то она скрываетъ печаль свою, и только наединѣ молилась о нещастіи.

Въ свѣтѣ можно и должно носить глубокій прауръ по мужъ, котораго жена его презирала и ненавидѣла при жизни; но прауръ по человекъ, нѣжно любимомъ въ первыя лѣта молодости, не позволяется; печаль по томъ, который былъ предметомъ пламенныхъ сновъ юности; — эта печаль никогда не должна являться въ одеждѣ женщины, имѣвшей довольно силы, чтобъ пережить еѣ; но она носитъ еѣ въ сердцѣ своемъ и проливаетъ слѣзы наединѣ сама съ собою.

T.

ДВѢ АНГЛІЙСКІЯ КАРИКАТУРЫ.

Никогда Парижъ не представлялъ такой неспропы, такого разнообразія лицъ, одеждъ націй, какъ во время вторичнаго занятія Франціи союзными войсками. На каждой улицѣ, на каждомъ шагу, глаза ваши встрѣчали безпрестанно новые предметы: здѣсь попадались вамъ казаки на быстрыхъ лошадяхъ, съ длинною пикою въ рукъ; тамъ офицеры Русской гвардіи, обвѣшанные орденами; далѣ Австрійцы, Прусакі, Англичане въ бѣлыхъ, зеленыхъ, красныхъ мундирахъ. Прусскіе гусары, пакъ называемаго *полка смерти*, въ черной одеждѣ, съ серебряными галунами и бѣлою мерпивою головою на груди, и наконецъ воины Шотландіи, съ голыми ногами и въ шапкахъ съ перьями.

Когда первое очень грустное впечатлѣніе, произведенное всѣми этими войсками, немного понзгладилось — и Парижане, благодаря природной легкости своей, привыкли видѣть непріятеля въ самомъ недрѣ своего опеченства: тогда склонность находить во всемъ

забавную спорону, и врожденное имъ любопытство, заснутили въ нихъ мѣсто прежняго опчаянія, — и въпренные Французы стали толпами бѣганъ за пришельцами.

Однажды въ Тюльерійскомъ саду явился какой-то долговязый, неуклюжій Англичанинъ, въ маленькой шляпѣ, похожей на опрокинутую лодку, на которой развѣвались три пѣтушья пера, опустившійся опъ сырости, въ одеждѣ, которая представляла спранный смѣсь военного мундира съ фракомъ, и разинувъ ротъ и переваливаясь, прохаживался опъ по алеѣ, нимало не заботясь о томъ, что всѣ глаза были успремлены на него, и что толпа любопытныхъ слѣдовала за нимъ съ громкимъ смѣхомъ.

Признаюсь, я сама не могла безъ хохота сморѣть на этого спранныго человекъ, который представлялъ собою олицетворенный идеаль неряшества и разсѣянности.

Но, вообразите наше удовольствіе, когда на другомъ концѣ алеи показалась другая карикатура, совершенно пропивная первой; это былъ другой Брипанецъ, сполько же полспый и коропкій, какъ соопечественникъ его былъ длиненъ и сухощавъ. Они встрѣпились на срединѣ алеи, крѣпко сжали другъ другу руки, и попомъ спали разгуливанъ вмѣстѣ взадъ и впередъ, говоря съ жаромъ и ни крошечки не замѣчая, что всё около нихъ помирало со смѣху. — Между пѣмъ въ углу алеи, за деревьями, молодой художникъ рисовалъ съ нихъ карикатуру, которая скоро попомъ начала переходить изъ рукъ въ руки и умножила общую веселость. — Этомъ молодой артистѣ, былъ знаменитый Горацій *Вернетъ*.

Въ это время группа Англійскихъ генераловъ вышла изъ дворца и сошла въ садъ: еѣ соспавляли лордъ *Веллингтонъ*, который, какъ извѣстно, чрезвычайно походитъ на орла; прекрасный и въпреный *Фиц-Кларансъ*, сынъ регента; ученый лордъ *Гиль*, генералъ-аншефъ Брипанской арміи, и наконецъ молодой *Гордонъ*, который скоро послѣ того окончилъ блиспапельную жизнь свою на поединкѣ.

Зрители ахнули опъ удивленія, когда всѣ эти знаменитые воины съ опмѣннымъ по-

чтениемъ и пріязнію подошли къ парѣ оригиналовъ, надъ которой мы памъ искренно забавлялись, и когда лордъ *Велинтона*, чптобы удобнѣе разговаривать и съ тѣмъ и съ другимъ, взявъ обоихъ друзей подъ руку и пошелъ ходитъ съ ними.—Потомъ онъ пригласилъ ихъ сѣсть съ нимъ въ карету его, и друзья приняли это лестное предложеніе такъ просто и свободно, какъ люди давно привыкшіе къ уваженію и почестямъ.

Лордъ *Гиль*, замѣтивъ меня въ полкъ, опспалъ опъ *Велинтона* и подошелъ ко мнѣ.

—Ради Бога, милордъ, скажите: кпо эти двѣ карикатуры?—спросила я.

«Кпо?...» отвѣчалъ онъ немного сурово. «Я сей часъ назову ихъ вамъ, сударыня. Одинъ изъ нихъ называется *Гумфриемъ Дави*, а другой *Джемсомъ Ватомъ*.»

—Ну что-жь изъ эпаго?—

«Какъ что?» продолжалъ онъ съ удивленіемъ: «да развѣ во Франціи неизвѣстны еще имена *Гумфрія Дави* и *Джемса Вата*?—Такъ узнайте же, сударыня, что *Джемсъ Ватъ* есть поппъ благодѣтельный геній, который пособилъ злу, нанесенному Франціи войною, и открывъ новый способъ промышленности, скоро доставилъ хлѣбъ насущный бѣднымъ ремесленникамъ вашимъ. Однимъ словомъ, *Джемсъ Ватъ*, если не изобрѣлъ паровую машину, то по крайней мѣрѣ показалъ первый употребленіе и пользу ея. Вы, надѣюсь, знаете, что такое паровая машина?» прибавилъ онъ съ ироническою усмѣшкою.

—Да...я слыхала о ней;—ну, а чтожь сдѣлалъ *Дави*?—

«*Дави* знаменитый ученый, распростиранилъ царство Химіи, и выдумалъ запасные фонари, которые спасли жизнь многимъ рудокопамъ.

«И такъ, сударыня, вотъ два благодѣтеля человечества, надъ которыми Французы насмѣхаются съ такимъ легкомысліемъ, единственно по тому только, что они имѣютъ некрасивую наружность, и носятъ немного спранный мундиръ, который надѣли они для того, чптобы удобнѣе осматривать ваши заведенія и пособить вашимъ недостаткамъ. Согласитесь, сударыня, что Французы захо-

жи на школьничковъ, которые часто смѣются, сами не зная чему.»

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, я узнала мое невѣжество, и спыдилась легкомыслію, съ которымъ смѣялась надъ людьми, заслужившими безсмертную славу. Теперь нѣтъ человека въ Европѣ, который бы не зналъ *Джемса Вата* и *Гумфрія Дави* и не прославлялъ именъ ихъ.

Даже и самый горацій *Вернетъ*, нарисовавший карикатуру ихъ въ *Тюльерійскомъ саду*.

Съ Англійскаго, III—тѣ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

71.

Поспавивъ себѣ правиломъ записывать въ денникъ свой, разъ въ недѣлю, все, что особенно обратитъ вниманіе мое въ продолженіи еѣ, — а каждыя полгода — прочитывать эпу тетрадь разнообразныхъ примѣчаній и наблюденій: вотъ-чпо почелъ я излишнимъ, при послѣднемъ чтеніи, извлечь изъ неѣ, можетъ быть, нѣсколько поздно.

«Ахъ, какой прелестный журналъ эпа Библіотека г. *Смирдина*! Какія милыя въ ней повѣсти. Вѣрно вы не откажетесь прочесть намъ сегодня вслухъ одну изъ нихъ.»

Такъ говорила мнѣ молодая дама, подавая Сентябрьскую книжку. Не отвѣчая ей даже обыкновенною фразою: «съ большимъ удовольствіемъ,» я прямо развернулъ книжку и, въ отдѣленіи иностранной словесности, началъ читать спатью *Фридриха Сулле*: Карлисты и Филипписты.

Почти два часа продолжалось чтеніе, и поппому только не упомяло слушательницъ моихъ: хозяйку дома, милую, прекрасную женщину лѣтъ тридцати, сестру еѣ, едва распустившуюся розу и двѣнадцатилѣтнюю дочь, — что, не смотря на монопомность сочиненія, онъ все еще ожидали какой-то *развязки*, которая составляетъ всю привлекательность романовъ для извѣстнаго пола, носящаго *подвязки*.

Наконецъ я дошелъ до слѣдующаго очаровательнаго мѣста:

—Вотъ ваши покои, сударь,—сказала мнѣ слуга.

Въ одномъ изъ нихъ разведенъ былъ огонь, и я поселился тутъ. Эта комната, обитая желтою камкою, была очень просторна. Въ углу стояла огромная кровать съ подорожъ, а по стѣнамъ кресла.

Слуга отворила дверь въ смежную комнату, и сказала:

—Если вамъ понадобится, сударь.... —

Я подошелъ къ двери и увидѣвъ двадцать пять или тридцать *таинственныхъ креселъ*, разставленныхъ въ величайшемъ порядкѣ.

«Что это такое?» вскричала я.

—Это, сударь, для праздничныхъ дней, когда у маркиза бываетъ много гостей!!!!?—(стр. 14 и 15.)

Проворчавъ всѣ эпизоды прелеспи сквозь зубы, я не смѣлъ взглянуть на моихъ слушательницъ, по чувству приличія и разборчивости; продолжалъ чинаться, потому что сполно-же неловко было бы перестать изъ уваженія къ спыдливости ихъ, которую навѣрное оскорбилъ бы, подавъ видъ, что замѣтилъ такую благовонную краску разсказа *Библиотеки*.

Чиная и чиная, дочинялъ я до слѣдующихъ словъ, вложенныхъ въ уста дамы:

«Что касается до г-жи *Монфильмонъ*, то она: женщина испинно набожная и свѣтская, находилась въ весьма неприятномъ положеніи между абатомъ *Лоро* и другими грубыми деревенскими ханжами. То были подслыжки, которые шли каждый за двоихъ, и, садясь за столъ, поднимали похы своего плаща. Я помню, что однажды ихъ было за столомъ 11 человекъ. Одинъ изъ нихъ вызвался разрѣзать индѣйку съ приюфлями, которая стояла передъ нимъ. Г-жа *Монфильмонъ* такъ перепугалась, какъ я никогда невидывалъ, и вскричала, указывая на меня:

—Позвольте! Вотъ эпизодъ господинъ большой охотникъ рѣзать; онъ проситъ эпизодъ трудъ на себя.—

«Я совсѣмъ не умю рѣзать,» сказала я ей попихоньку.

—Нужды нѣтъ,—отвѣчала она такъ же: рѣжьте, хоть ирубните эту индѣйку, только бы онъ до нее не допрогтался. У эпизодъ господъ всегда *срязныя руки, и они ездятъ суютъ изъ!*—(стр. 25.)

Что сказала былишпературная льпопись *Библиотеки для чтенія*, если бы кто изъ насъ грѣшныхъ сдѣлалъ подобную печатную гадость?

Можете вообразить себя, какъ миль спалъ послѣ эпизода моей знакомкѣ журналъ г. *Смирдина*. Только я съ тѣхъ поръ памъ не объдаю, боясь, чтобы, при разрѣзываніи индѣйки, не вспомнили объ абатѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОСВѢТЪ.

Тайнственныхъ судебъ завѣшная звѣзда
Мнѣ новый въ жизни путь внезапно озарила,
И бурной юности нѣтъ болѣе слѣда,
Исчезла сладкихъ сновъ магическая сила!
Разсѣялся въ душѣ сомнѣній мракъ густой,
Разрушилось мечты моей очарованье
При осіяніи денницы золотой,
И благодатное слѣшело упованье
Съ небесъ—уврачевать сердечную печаль,
Которую тоска безсмертія смѣнила.
Яснѣе для меня сияющая даль,
И не страшитъ меня унылая могила:
Тогда душа рубежъ перелептя земной,
Какъ фениксъ въ бытіи чистѣйшемъ возродится,
И, обновленная, ни суепои мірской,
Ни алчной клеветой уже не омрачится!
Пусть время убѣдитъ мастипой сѣдиной
Главу мою, для бурь житейскихъ обнаженну;
Пусть опытъ многихъ лѣтъ нарушитъ мой покой:

Я сохраню въ душѣ надежду неизмѣнну,
Единственный залогъ другаго бытія,
И въ грудь, отъ грозныхъ бурь и бѣдъ изнеможенну,
Прольется свѣтлая спасенія струя!

И. Баталинъ.

Винница.

С H A R A D E.

A la fin de six jours, sur ceux de la semaine,
On trouve mon premier.
Grâces à mon dernier,
De l'ivraie on purge la graine.
A Stamboul règne mon entier.

Въ № 39-мъ, помѣщенный омонимъ-анаграмма значимъ:
Букъ, кубъ.

M O D E S.

C'est fini : ma chère sœur, les gigots ont disparu,
leur vieille gloire a pâli!... Ainsi tout passe; — «*Au-*

jourd'hui sur le trône, et demain dans les fers!» La chose ici n'est pas aussi sérieuse, puisqu'il n'est question que de l'abandon des manches de baleine ou d'édredon. Cependant ces accessoires *bouffans* supprimés, on ne peut rien préciser sur la forme des manches; la plupart sont larges et tombantes; viennent ensuite les manches à crevés, à spirales, manches plates avec un jockey garni de ruches, manches larges jusqu'au dessous du coude, et terminées par un haut poignet faisant la pointe. C'est le goût qui décide, et il en est des formes des manches comme des couleurs, chacun prend ce qui lui sied le mieux. Les pélerines ont subi aussi un changement; elles sont beaucoup moins amples, surtout sur les épaules; les corsages sont toujours les mêmes, drapés, colans, à guimpes plus ou moins décolletées. Les jupes *immenses* de largeur, sont une idée moins longues que cet hiver. Pour robes de promenades, les redingotes l'emportent de beaucoup sur les robes fermées; on les garnit en étoffe pareille; que l'on festonne sur les robes de mousseline; on met des liserés aux robes de soie; on place des nœuds au devant du jupon ou sur le côté. Les pélerines-*collets* doubles sont de très bon goût sur ces redingotes. On a vu quelques volans, mais c'est une mode exceptionnelle. La lingerie commence à être un objet essentiel du moment; car rien ne donne la dernière main à une élégante toilette de printemps, comme ces merveilleuses broderies en application sur tulle ou dessins au plumetis sur la mousseline des Indes; aussi les magasins de *la Cauchoise, des Deux Sœurs, de la Crèche*, rue Saint-Honoré, sont-ils curieux à visiter, par la variété d'objets que l'on y trouve; il n'est pas de femme qui puisse résister à l'attrait de ces bonnets si coquettement ornés de rubans, dont les nœuds, placés de chaque côté des garnitures, ont tant de grâce et de simplicité. Quand le soleil aura chassé les manteaux, les shalls et les palatines, on verra beaucoup de mantelets et de shalls de pou de soie noire, garnis de dentelle noire; c'est une mode trop avantageuse et trop distinguée, pour que tout ce qu'il y a de femmes comme il faut, ne s'en empare pas. A défaut de dentelle on peut substituer une garniture double en pou de soie; on taille les bandes en biais et on les roule avec une petite ganse; on peut aussi mettre une frange de la hauteur de la main, c'est fort joli et moins cher que la dentelle.

Все кончилось, любезная сестра, упругие рукава исчезли, их старая слава померкла!.. Так все проходитъ: «*Сегодня на тронъ, а завтра въ оковахъ!*» Здѣсь дѣло не столь важное, потому что рѣчь идетъ только о томъ, что оставлены рукава пуховые и на костяхъ. Однако безъ этихъ *пышныхъ* принадлежностей, нельзя ничего опредѣлительно сказать о формѣ рукавовъ; большая часть широкихъ висящихъ; потомъ съ прорѣзами, винтомъ, гладкіе съ эполами, обширными рюшемъ, широкіе, по шлѣ локтя оканчивающіеся широкою обшивкою съ мыскомъ. Это рѣшаетъ вкусъ, и фасонъ рукавовъ, подобно цвѣту, всякой выбираетъ какъ лучше идетъ. Въ пелеринкахъ равно произошла перемѣна; онѣ не такъ широки, особливо на плечахъ; лифы все тѣ же, драпированные, гладкіе, болѣе или менѣе открытые. Юбки опмѣнно широкі, немного короче, нежели зимою. Для прогулокъ, рединготы предпочитаютъ закрытымъ платьямъ; ихъ отдѣлываютъ такою-же матеріею. На кисейныхъ платьяхъ вымѣтываютъ зубцами; на шелковыхъ дѣлаютъ выпушку. Видно было несколько оборокъ, но это исключительная мода. Бѣлое шитье становится теперь значительнымъ предметомъ—потому что ничто не довершаетъ такъ щеголеватого весенняго наряда, какъ эти чудесныя накладныя вышиванья по тюлю или гладью по Индѣйской кисей. Весьма любопытно посѣщать магазины *de la Cauchoise, des Deux Sœurs, de la Crèche*, по разнообразію предметовъ въ нихъ находящихся. Нѣтъ женщины, которая бы противостояла прелести этихъ щеголегато-опдѣланныхъ лентами чепчиковъ: банты, пришпигленные съ обѣихъ сторонъ оборки, чрезвычайно просты и красивы. Когда солнце прогонитъ плащи, шали и палантинны, то много будетъ видно маншилей и плашковъ изъ чернаго *pou de soie*, обшитыхъ чернымъ кружевомъ; эта мода слишкомъ удобна и оплчна, чпобъ всѣ порядочныя женщины не ухватились за неѣ. Въ недостаткѣ кружева, можно замѣнить его двойною оборкою изъ *pou de soie*; полосы рѣжутъ вкось и обрубляютъ съ узенькимъ шнуркомъ; можно также обшивать бахрамою въ ладонь ширины, что весьма красиво и дешевле кружева.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листѣ)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 41.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 20 дня 1836 года.

Какъ спанешь предспавлять къ крестпщку ли, къ мѣспечку:
Ну какъ не порадишь родному челоувѣчку!...

Грибодова.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Жертва.

Я курилъ спокойно трубку въ залѣ деревенскаго практира, по дорогѣ въ Норпгамптонъ, совсѣмъ не слушая, что говорили между собой спунники мои, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, молодой челоувѣкъ довольно пріятной наружности, вскочилъ съ своего мѣста, и опкашлявшисъ, какъ обыкновенно водится, когда приготавлиешься что нибудь рассказывать и пребуешь вниманія слушателей, — сказалъ важнымъ и учительскимъ голосомъ: милоспивые государи!

«Слушайте! слушайте!» прервало нѣсколь-
ко голосовъ вмѣстѣ.

— Государи мои, — повпорилъ орапоръ: каждый изъ васъ рассказалъ въ свою очередь какой нибудь необыкновенный случай, и я слушалъ рассказы ваши съ большимъ удовольспвіемъ, потому что ни мало не сомнѣвался въ ихъ испинѣ, хотя правду вамъ сказать, иные изъ анекдотовъ вашихъ казались мнѣ черезъ чуръ удивительными. —

«Право?» возразили мы нѣсколько ирони-
чески.

Онъ припворился будто не слыхалъ на-
шего замѣчанія, и продолжалъ:

— Происшествіе, о которомъ я намѣренъ
рассказать вамъ, не изъ числа тѣхъ, кото-
рые случаются каждый день: тѣмъ болѣе,
что оно случилось со мною ночью. —

Этотъ плохой камабуръ заспавилъ всѣхъ
насъ расхохоташься.

— Въ Декабрь мѣсяцъ 1794 года, ѣхалъ я изъ
Лондона въ Девонширъ, и въ первый вечеръ
моего пупешествія оспановился ночевать
въ маленькой уединенной корчмѣ, споявшей
миль задесять отъ селенія. Ночь была пем-
ная, сырая, крупныя капли дожда начинали
уже спучать по кровлѣ, и я очень радъ
былъ, что добрался, хотя не красиваго, но
спокойнаго убѣжища. Приказавъ поспавить
лошадь мою на конюшню и убрать повозку,
я вошелъ въ общую залу практира, въ ко-
поторой можно было задохнуться отъ па-
башнаго дыму, но гдѣ довольно изрядный
каминъ замѣнялъ недоспавокъ другихъ ме-
белей, хотя свѣтъ, распроспранявшійся отъ
него въ комнапѣ, очень непріятно опра-

жался на мрачныхъ лицахъ какихъ-то прехъ челоѡкъ подозрительной наружности, которые сидѣли на скамейкѣ въ другомъ концѣ залы.

— Я не храбрець, — но и не прусь; м. г., однакожь долженъ вамъ признаться, что видѣ эпихъ прехъ челоѡкъ навелъ на меня невольный ужасъ, и я начиналъ раскаиваться, что, испугавшись дожда, не доѡхалъ до перваго селенія. — Чтобы преодолѣть внутреннее безпокойство мое—я позвонилъ въ колокольчикъ.

«Спаканъ грогу и трубку;» сказалъ я вошедшему слугѣ.

— Сей часъ, сударь, — отвѣчалъ съ отвращительною гримасою засаженный мальчишка, который опправлялъ должность конюха и буфетчика.

«Бѣдняжка!» прошепталъ одинъ изъ прехъ незнакомецъ, но такъ что я могъ слышать его: «ему оспаеша одно спасеніе выскочить въ окно.»

При эпихъ ужасныхъ словахъ я запрепелъ, ноги мои подкосились, и я, боясь упасть въ обморокъ, выпилъ цѣлый спаканъ грогу.

«Что-жь дѣлать?» продолжалъ тотъ же челоѡкъ шепотомъ: «чему бытъ, того не миновать; чортъ меня возьми, если я забочусь о томъ, что скажешь. Пускай говорятъ, что хопяшь!»

И всѣ трое вспали и вышли изъ комнаты.

— Добрый вечеръ, г. м., — сказали они въ одинъ голосъ, проходя мимо меня.

«Добрый вечеръ, государи мои,» отвѣчалъ я.—«Только мнѣ кажется, что дождь порядочно вымочилъ васъ.

— Намъ ишши недалеко—возразилъ одинъ изъ нихъ, зашворяя за собою дверь.—Дагдѣ-жь собака моя?—Не видали ли вы моея собаки,—спросилъ онъ уходя у кого-то—кто вѣроятно споялъ въ сняхъ за дверью. Но скоро они удалились и всё вокругъ меня умолкло.

Оставшись одинъ, я набилъ трубку свою, налилъ другой спаканъ грогу—и сѣлъ ближе

къ камину; слова: собака, окно, идемъ недалеко — безпреспанно раздавались въ ухахъ моихъ и приводили меня въ препетъ. Я погибъ, думалъ я, прихлебивая по-немногу грогу,—они хопяшь убить меня: это ясно; но что дѣлать? со мною нѣтъ никакого оружія,—я никогда не ношу его. Какъ спастись? Вѣроятно они увели лошадь мою съ повозкою — слѣдовательно всё кончено и я пропалъ!

Я вспалъ и подошелъ къ окну, чтобы посмотреть, что дѣлалось на дворѣ, какъ вдругъ нѣжный женскій голосъ останоилъ меня.

— Не прикажете ли нагрѣть постель вашу, сударь? —

Я оборотился и увидѣлъ прелестный цѣпокъ, который бы каждый изъ васъ, м. г., желалъ безпреспанно имѣть передъ глазами: это была прелестная молодая дѣвушка, съ черными волосами, падавшими густыми локонами по бѣлымъ плечамъ, съ выразительными глазами — и съ улыбкою ангела. Она была спройна, какъ пальма и бѣла, какъ лилея.

Не знаю, почему, но я не могу перѣтъ грѣшной постели, и потому, какъ можно учтивѣе и запинаясь, сказалъ красавицѣ: Благодарю васъ, милая, но я никогда—я не имѣю привычки... слѣдовательно...

Она поняла—и выходила уже изъ комнаты, но мнѣ не хопѣлось такъ скоро распаться съ эпимъ милымъ существомъ, и я останоилъ еѣ.

«Поспой, красавица!» сказалъ я.

— Меня зовутъ *Бетци*, сударь; отвѣчала она покраснѣвшись, и спала опять того еще прелестнѣе.

«*Бетци?*—Ну такъ, милая *Бетци*, позволь мнѣ сказать тебѣ, что ты хороша, какъ ангель.»

Вспомните, м. г., что я выпилъ цѣлыхъ два спакана грогу.

— Что вамъ угодно, сударь?—спросила она, какъ будто не слыжавъ ничего.

«Только то, чтобы ты дозволила мнѣ поцѣловать тебѣ въ алыя свои губки.»

—Что такое? — закричалъ вдругъ какой-то грозный голосъ; и въ ту же минуту дверь отворилась—и дюжій, безобразный мушкетеръ, котораго я еще не имѣлъ удовольствія видѣть, вошелъ въ комнату.

—Что ты здѣсь дѣлаешь?—закричалъ онъ дѣвушкѣ,—развѣ Лука не можетъ служить этому господину?—Пошла къ себѣ, и поспѣшь ложись спать.—А вы, сударь,—продолжалъ онъ оборотясь ко мнѣ,—если не знаете, какъ должно вести себя въ честномъ домѣ, — по скоро увидите, что здѣсь еспѣ люди, которые научатъ васъ этому.

Мнѣ показалось, что лезвіе ножа его уже заблестѣло на груди моей; слова, которые я передъ тѣмъ только что слышалъ, пришли мнѣ на память—и холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ. Эпи при человѣка, съ ужасными ихъ лицами, ихъ спранные поступки, уединенное положеніе практира—всѣ подтверждало мое подозрѣніе, всѣ—даже самая *Бетци*, которая казалась мнѣ какою нибудь несчастною дѣвушкою, похищенною изъ Лондона. Въ молодости моей я читывалъ романы, гдѣ описывались похиженія молодыхъ принцовъ, увезенныхъ разбойниками, которые должны были служить имъ какъ рабы, и нерѣдко бывали жертвами ихъ распустива.— Не ужь ли, думая, прекрасная, милая *Бетци*—терпитъ здѣсь такую же участь? О! зачѣмъ я былъ такъ неучтивъ съ нею? Если бы я не оскорбилъ её, она бы могла бытъ рассказала мнѣ свою исторію—и мы вѣрно нашли бы средство убѣжать отсюда.

Било 11 часовъ — и мальчикъ вошелъ со свѣчею.

—Вотъ вамъ свѣчка, сударь,—сказалъ онъ, поставя её на столъ. — Въ какомъ часу прикажете завтра разбудить васъ? Теперь у насъ въ домѣ немного поутихло; всѣ проѣзжіе давно спятъ крепкимъ сномъ.—

И мнѣ показалось, что при словахъ *давно спятъ*, онъ какъ-то спранны улыбнулся.

«Разбуди меня ровно въ шесть часовъ,» сказалъ я.

—Ахъ, сударь, извинише, я совсѣмъ забылъ сказать вамъ, что хозяйскій сынъ, который нездоровъ и легъ уже спать, ... велѣлъ... —

«Какъ! развѣ человекъ, который былъ сей часъ здѣсь, сынъ практирщика?»

— Точно такъ, сударь; его зовутъ *Григорьевъ*—и онъ проситъ васъ проспитъ ему, что онъ такъ грубо говорилъ съ вами; у него были гости—онъ выпилъ лишнюю рюмку, такъ... вы понимаете? —

«Понимаю, понимаю!» отвѣчалъ я, и, взявъ свѣчу, пошелъ въ приготовленную для меня комнату. *Бетци* спояла въ коридоръ, и я, проходя мимо её, хотѣлъ было остановиться и попросить у неё прощенія за глупый мой поступокъ съ нею, но ужасный взглядъ *Григорья* успремидся на меня, и я осмѣлился только поклониться ей.

—Добрая ночь!—сказала она, присѣдая.

Ахъ! гѣлосъ ея, взглядъ, который она бросила на меня въ эту минуту, никогда не изгладятся изъ моей памяти!

—Сюда, сударь, сюда, ваша комната здѣсь!—закричалъ *Григорій*, выходя мнѣ на встрѣчу, и я пошелъ за нимъ въ назначенную мнѣ горенку, на самомъ концѣ длиннаго коридора.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

Б Е Л Л И Н И.

Винченцо Беллини родился въ Палермѣ въ 1808 году. Отличнымъ своимъ музыкальнымъ талантомъ, онъ приобрѣлъ славу, которая сдѣлалась Европейскою. Первое его сочиненіе, обратившее на него вниманіе публики, была опера *Il Pirato* (Морской Разбойникъ), игранная въ Миланѣ, въ концѣ зимы 1828 года. Она принята была шамъ съ восторгомъ и, вскорѣ потомъ, играна во всей Италіи. Наконецъ, она дана въ Парижѣ, во многихъ Германскихъ городахъ—и вездѣ принята съ громкими рукоплесканіями. Слушая оперы *Беллини*, чувствуешь, что *Россини* увлекъ его за собою; но его геній любитъ подражаніе и тѣмъ вредилъ себѣ; онъ по-

винуется не голосу учителя, а модѣ, вкусу своего времени; но часпо, сбрасывая съ себя эти цѣпи, вполне предаётся характеру собственнаго своего таланта. Въ важныхъ пвореніяхъ, *Беллини*, болѣе спокойный, чѣмъ *Россини*, не столь пламенный, и не столь оригинальный, превосходитъ его прелестною и естественностію. Онъ долженъ образовать новую школу, которая, избѣгая безцѣпности сенсиментальнаго рода, не спанетъ принимая шума за силу. Онъ не столь блестящъ, но модуляціи его, пакъ сказаны, глубокомысленныѣ, естественныѣ— и благоразумнымъ сочетаніемъ инструментовъ онъ достигаетъ блестящихъ результатовъ, не производя оглушительнаго шума, которымъ грѣшитъ иногда его соперникъ.— Произведенія его, кромѣ *Il Pirata*, о которомъ мы уже говорили, суть: *Bianca et Ferrando*, *La Straniera* (чужестранка), *I Capuleti ei Montechi*: (*Ромео и Юлія*), которыя приняты съ восхищеніемъ на Европейскихъ театрахъ. *Norma*, игранная на театрѣ *de la Scala* въ Миланѣ, не имѣла такого успѣха; между тѣмъ, въ ней есть мѣста прекрасныя. *Беллини* живётъ въ Венеціи.

О.

СРАВНЕНІЕ АНГЛІИ СЪ ФРАНЦІЕЮ.

	Англія, Ирландія, Шотландія.	Франція.
Жителей	22,000,000.	32,000,000.
Пахатной Земли (гектаровъ)	20,000,000.	47,000,000.
Хлѣба, овощей въ годъ родится на . . .	5,500,000,000 фр.	4,600,000,000 фр.
Вывозится произведе- ній земли на	75,000,000 —	150,000,000 —
Потребляется внутри государ- ства на	5,500,000,000 —	4,500,000,000 —
Гражданъ, имѣю- щихъ недвижимое имѣніе	9,000,000.	19,000,000.

	Англія, Ирландія, Шотландія.	Франція.
Помѣщичьихъ се- мей	1,800,000.	3,800,000.
Гекторъ земли приноситъ дохода въ средній годъ . . .	270 фр.	117 фр.
Земледѣлецъ производитъ круг- лымъ числомъ	600 —	250 —
Людей, занятыхъ на фабрикахъ, ма- нуфактурахъ и за- водахъ	11,500,000.	6,500,500.
Фабрики произ- водятъ на	3,600,000,000 фр.	1,800,000,000 фр.
Каждый фабрич- ный круглымъ чи- сломъ производитъ на	300 фр.	286 фр.
Въ чужіе краи вывозится фабрич- ныхъ издѣлій на . . .	800,000,000 —	260,000,000 —
Внутри государ- ства потребляет- ся на	2,750,000,000 —	1,600,000,000 —

Каждый житель ежегодно потреб- ляетъ произведе- ній земли на	125 —	50 —
Фабричныхъ на	250 —	140 —

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

72.

Главный редакторъ журнала, издаваемаго *А. Ф. Смирдинымъ*, увѣренъ, что издаваніи *Сѣверной Пчелы*, *Московскаго Наблюдателя*, *Сина Отчества*, *Молвы*, *Телескопа*, *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду* нападаютъ на него напрасно, приспирасно. Жаль, что онъ ошибается; но мы не въ состояніи просвѣпить его. По крайней мѣрѣ, наша обязанность открывать глаза Русскимъ нашимъ братьямъ. Пустьъ они уви-

дѣль его ошибки и промахи въ липературныхъ дѣлахъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ вышла въ Москвѣ любопытная книга, подъ заглавіемъ *Рукопись Жолкъвскаго*; въ Юлѣ получили мы одиннадцатый (Юльскую) томъ *Библиотеки для Чтенія* и нашли въ ней другой переводъ двухъ прешей *Рукописи Жолкъвскаго*.

Вопль мнѣніе *Библиотеки* о семъ историческомъ документѣ:

«Записки *Жолкъвскаго* можно почитать важнѣйшимъ изъ всѣхъ пріобрѣтеній, какія польско опечесивенная исторія сдѣлала опносительно эпохи Самозванцевъ.» Мы въ полной мѣрѣ согласны съ мнѣніемъ *Библиотеки*, и по этому щитаемъ, что разборъ перевода этого важнаго историческаго документа не только полезенъ, но и необходимъ, дабы любители опечесивенной исторіи, незнакомые съ Польскимъ языкомъ, могли основать свое мнѣніе и пользоваться съ большею или меньшею довѣренностію эпимъ документомъ въ Русскомъ переводѣ.

Переводъ, напечатанный г. *Мухановымъ*, разсмотрѣвъ издавателями *Библиотеки для Чтенія*; переводъ же г-на *Миткъвигга* до сихъ поръ не былъ разсмотрѣвъ: займемся имъ.

1) *Жолкъвскій*, слѣдуя погдашнему обычаю Польскихъ писателей, испестрилъ свои Записки Латинскими фразами; переводчику слѣдовало бы сдѣлать одно изъ двухъ: или сохранить ихъ всѣ въ томъ видѣ, какъ онъ у автора, или перевести; но г. *Миткъвигг* избралъ другую методу и поступаетъ съ ними деспотически; онъ по оставляетъ Латинскія выраженія (сп. 3 и др.), по переводитъ (сп. 3 и друг.), по совершенно выбрасываетъ (сп. 4 и друг.).

2) У *Жолкъвскаго* часто слово, а иногда и фраза, поставлены въ скобкахъ; переводчикъ вносилъ и свои поясненія въ текстъ и ставилъ ихъ также въ скобкахъ. Теперь предстоитъ вопросъ: какимъ образомъ узнать, что дѣйствительно принадлежитъ тексту, и что г-ну *Миткъвиггу*?

3) Гепманъ ни одного раза не употребилъ выраженій *Русской*, *Русскіе*; переводчикъ, вѣроятно не зная, что въ погдашнее время Русскихъ называли Московичанами, весьма часто опспускаетъ опъ спекса и употребляетъ слово: *Русскіе*.

4) Для тѣхъ, копорые желаютъ знать, каковъ слогъ переводчика, приводимъ здѣсь нѣсколько фразъ, взятыхъ наудачу:

Произвели *гвалъ* (44).—*Шуйскій* опщупывалъ средства (46).—*Шуйскій* до такой спешени *раздулся* эпимъ успѣхомъ и эпимъ *гужестраннымъ войскомъ* (26).—По произведеннымъ мною распросамъ (25).—Нѣчто въ родѣ того какъ (48).—Очистилъ дѣло съ Самозванцемъ (51).—Былъ въ великомъ значеніи (*) (4).—*Не алга ихъ крови*.—Особенно *тль*, кто мечпалъ (57).—Чернь, *ни всть* съ чего взбунповала и убила его (57).—

5) Мы сначала подумали, что въ переводѣ г-на *Миткъвигга* неровностъ слога испускается почностію перевода;—однакожь, къ сожалѣнію, сравнивая оный съ подлинникомъ, нашли совершенно пропивное, — и въ доказательство приводимъ нѣсколько изъ числа замѣченныхъ нами ошибокъ (**):

Спр. 2. Г-нъ *Миткъвигг* перевелъ слѣдующую фразу: «*idnakozé nie rodło sie byt urodził*,» — но онъ былъ и не *подлаго* племени: пупть слово *rodło* ни коимъ образомъ нельзя перевести Русскимъ словомъ *подмгй*, надобно было сказать: но и не изъ низкаго происхожденія. Опкуда взялъ г-нъ *Миткъвигг* въ Россіи *подлое племя*? Это выраженіе могъ бы употребить Индійскій браминъ, подразумевая каспу Парія.

Спр. 3. «Самъ онъ (*Борисъ*) и многія знапнѣйшія особы, должны были *положить головы*

(*) Т. е. уваженіи.

(**) Мы щитаемъ не излишнимъ прибавить, что при сличеніи перевода г-на *Миткъвигга* съ подлинникомъ, мы сличали съ подлинникомъ и переводъ, сдѣланный г. *Бльецкимъ* и *Шпакомъ*, подъ руководствомъ г-на *Муханова*, и въ семъ послѣднемъ переводѣ не нашли ни одной изъ ошибокъ, сдѣланныхъ г-мъ *Миткъвиггомъ*, и приводимыхъ нами въ этомъ разборѣ.

на плаху.» Дѣйствительно, фраза: «положишь головы на плаху» живописнѣе простыхъ словъ: смертная казнь, но какъ первой фразы въ подлинникѣ не находилъ, по кажется и не слѣдовало бы переводчику изобрѣсти.

— «Князя *Мстиславскаго*, — *Никиту Романовича*, князя *Шуйскаго*, которыхъ, отецъ «*Феодора Царь Иоаннъ, видя недоспапки своего сына, назначилъ ему опекунами;*» не видя; но зная (wiedzae).

Выраженіе: «назначилъ ему опекунами» слишкомъ опредѣлительно, *Жолквскій* пишетъ: *Takoby za opiekuu naznaczył*, т. е. какъ бы опекунами, или въ видѣ опекуновъ.

— «На свою сторону склонилъ онъ (*Борисъ*) одного только канцлера *Щелкалова*.» *Жолквскій* не только не говоритъ, но даже и не намѣкаетъ, чтобы *Годуновъ* склонялъ *Щелкалова*, да кажется *Борисъ* и не имѣлъ нужды склонять; ибо всѣ и безъ того покорствовали всемогущему *Годунову*, — у *Жолквскаго* сказано просто: *z tym (Щелкаловымъ) Borus wsialsie za jedno*, т. е. *Борисъ* съ нимъ былъ за одно.

— «И какъ препятствіемъ къ тому (*) могъ «быть еще царевичъ *Димитрій*, родившійся «отъ царя *Иоанна* и *Маріи Нагой*, то это дѣтсващійшее дѣтя воспитывалось въ *Угличѣ*, «и *Борисъ* помощію великаго и хитраго злодѣянія постарался, чтобы оно тамъ поггло.» Мы прочли этотъ періодъ въ оригиналѣ съ большимъ вниманіемъ, и никакъ не могли понять, откуда переводчикъ взялъ, что, дабы *Борису* не было препятствіемъ къ достиженію Престола *Димитрій* царевичъ, это дитя воспитывалось въ *Угличѣ*; кажется ясно, что *Годуновъ* приказалъ умертвить царевича *Димитрія*, потому что онъ былъ ему препятствіемъ къ достиженію Престола; Польское слово *postaralsia*, совсѣмъ не кспати переведено *постарался*.

— О двухъ боярскихъ дѣтяхъ, отправленныхъ *Борисомъ* для убіенія *Димитрія* царевича, *Жолквскій* говоритъ: хотя они и были *intimi* *Бориса*, г-нъ же *Митквичъ* слово

intimi неизвѣстно почему переводитъ: «хотя были душой преданы *Борису*;» эпо не только опсупленіе опъ оригинала, но и пропивоичіе описываемому *Жолквскимъ*; и дѣйствительно, если бы эпи боярскіе дѣти были *душой преданы Борису*, по исполнили бы его приказаніе, — а мы видимъ пропивное. *Борисъ* принужденъ былъ вести ихъ къ царю и обманомъ заставилъ самаго царя дать имъ приказаніе. Слѣдующей фразы: «устрашились однако подобной мысли» не находилъ въ подлинникѣ; эпо вставка; въ подлинникѣ сказано просто: *tworsyli się*, что значить: вспревожились или ужаснулись, «кровь царская была у нихъ въ высочайшемъ уваженіи.» Не у нихъ, но у *tego Narodu*, т. е. у этого народа.

— Въ подлинникѣ: *Борисъ* не зналъ этого примѣра изъ книгъ, потому что не зналъ ни читать, ни писать; переводчикъ нашелъ нужнымъ, не знаю почему, слова: *изъ книгъ* выбросить, и сдѣлалъ періодъ непонятнымъ. «Онъ (*Борисъ*) приказалъ выйти *всѣхъ* изъ покоя, оставивъ только двухъ боярскихъ дѣтей.» Если оставилъ двухъ, то уже не всѣмъ приказалъ выйти; у *Жолквскаго* *in szum*, т. е. прочимъ.

«А этотъ человекъ (*Иванъ Петровичъ Шуйскій*) былъ въ великомъ значеніи у всего Московскаго народа.» Въспло слова *значеніи*, надо читать *уваженіи* (*powagu*).

Спр. 5. «...съ *Гришкою*, или, какъ *Москва* называетъ его, *Разстригою*.»

Здѣсь дѣло идетъ не о *Москвѣ*, но о *Москвичьянахъ*; переводчикъ могъ замѣтить, что германъ, Россіанъ не называетъ *Москалями*, но *Moskioa*.

Спр. 9. «Въ то самое время появился въ *Стародубѣ* другой обманщикъ, человекъ ни чьимъ не замѣчательный, кроль того что не похожій на перваго. Выраженія «человекъ ничьимъ не замѣчательный» вовсе въ подлинникѣ не находилъ; послѣднюю часть періода переводчикъ не понялъ. Возстановилъ текстъ; вовсе не похожій на перваго (развѣ тѣмъ, что былъ человекъ).

(*) Т. е. къ достиженію Престола.

Спр. 11.... «съ паномъ Брацлавскимъ воеводою Яковомъ Потоцкимъ.» Двухъ послѣднихъ словъ въ подлинникѣ не находилъ.

Спр. 13.... Смоленскъ, замокъ съ давнихъ лѣтъ укрѣпленный, а теперь еще болѣе обстроенный *Борисомъ*, ...» слово *wagowany* переведено: *обстроенный*, вмѣсто *укрѣпленный*; здѣсь ошибка противъ Польскаго языка и противъ смысла; гешманъ уговариваетъ короля нейти на Смоленскъ, представляя о силѣ укрѣпленій сего города; но кто бы могъ подумать, чтобы во время военныхъ дѣйствій причиною нейти на какой нибудь городъ было то, что сей городъ *хорошо обстроены*.

—...«Взятіе же Смоленска *открытою силою*.»
Послѣднія слова прибавлены переводчикомъ.

Спр. 16....«Уже вмѣспѣ съ *квартирнымъ сборомъ*, съ *жалованнымъ староствѣ*.»

О «Жалованныхъ старостахъ» нѣтъ въ подлинникѣ ни полслова; вѣроятно не знакомый съ Польскою исторіею переводчикъ не зналъ, что значило въ Польшѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ слово: *квартианныя*, и передѣлалъ оное въ *квартирный сборъ*; о квартирахъ шутъ и помину нѣтъ.

Слово *квартианный*, *квартиный* (*Kwarsiany*) происходитъ отъ *кварти* (*kwarta*), четвертой части имѣній или староствъ, изъ коей отпускалось жалованье регулярному или *квартианному войску*, учрежденному въ царствованіе *Сигизмунда Августа* въ 1562 году.

Спр. 17....«Осправилъ къ нему Якова *Понтуса Делагарди*.» Послѣдняго слова въ подлинникѣ не находится.

«Передъ эшимъ бочка ржи (*два гетверти*) стоила....» Здѣсь переводчикъ самопроизвольно перемѣняетъ слова гешмана и впадаетъ въ погрѣшность; въ оригиналъ словъ: «*два гетверти*» не находилъ, но послѣ словъ «бочка ржи» поставлено въ скобкахъ: «равняющаяся чепыремъ Краковскимъ корцамъ.» Переводчикъ зачеркнулъ выкладку гешмана и вставилъ свою; кажется, такія вставки въ переводахъ не допускаются, но если и вздумалось г-ну *Миткiewicz* дѣлать свои аріеметическіе выводы—то надобно, по крайней

мѣрѣ, спараться, чтобы они были вѣрны,—мы находимъ пропавшее: бочка равна не двумъ чепвертямъ, но одной (*).

«О Смоленскѣ, и прог. и прог.»

Послѣднія чепыре слова прибавлены г-мъ переводчикомъ.

(Продолж. 72-й Лит. Записки въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Ч И.

Въ альбомѣ . . . т . . .

Что за очи у васъ! Что за милыя очи!
Нашъ *Пушкинъ*, какъ будто объ нихъ разъ сказалъ,
Что свѣтлѣй они дня и чернѣй темной ночи;
Но онъ бы и лучше того написалъ,
Когда бы волшебникъ-поэтъ увидалъ
Хоть разъ ваши ясныя очи.

Диво очи у васъ! Что за пламень прелестный!
Въ немъ щаспье земное, въ немъ спраспи кипящъ.
Какъ черный брильянтъ блещетъ свѣтъ ихъ
чудесный;

Лазурныя-жь очи, какъ звѣзды блестящъ,
Но сердца не грѣютъ и хладно горящъ,
И какъ-то ужъ слишкомъ небесны.

Д.и. П . . . л . вѣ.

ДОГОГРИФЪ - АНАГРАММА.

Вамъ въ ропъ въ объдѣ не пойдушь:
Ни спермидъ золотая,
Ни соусъ съ прюфлями, ни сунъ,
Ни куропапка молодая,
Когда вы сядете объдаться безъ меня.
Я, вкусъ вашъ щекоча, маня,
Охоту кушать подспрекаю.
Но подождите, я перемѣшаю
Себя теперь —
И сдѣлаюся звѣрь:

(*) Обыкновенный корецъ содержитъ въ себѣ 32 гарнца, Краковскій же, содержащій польскою половиною, п. е. 16 гарницевъ, равняется чепвертой доль Русской чепверти или двумъ чепверткамъ; ergo бочка равна одной Русской чепверти, а не двумъ, какъ говоритъ г-нъ *Миткiewicz*.

Копытами и гривую, и съ рожи,
 На лошадь очень схожий,
 А по хвосту—корова я, или быкъ.
 Живу я шамь, гдѣ лѣсъ высокъ, дремучь и дикъ.
 Но вишь не всё, еще немного подождите,
 И дайте кончить рѣчь.
 Когда я голову свою снимаю съ плечъ:
 Тогда на мнѣ вы въ дрожкахъ мчипесь;
 Безъ насъ бы не было карешъ,
 Не двинулся-бъ и пушечный лагерь,
 Тѣлега не скрипѣла,
 Въ пень спалъ бы пароходъ
 Среди глубокихъ водъ—
 И мѣльница-бъ осиротѣла!

Въ No 40-мъ, помѣщенная шарада значить: *Divan*.

MODÉS.

Puisque je suis si bien en train de vous décrire de jolies choses, je vous parlerai du *Minaret*, boulevard Poissonnière. Je ne puis mieux vous donner une idée de ce magasin qu'en vous le désignant sous le nom d'*Ecrin*: car tout ce qu'il contient est un choix si admirable de choses précieuses, qu'on ne peut le comparer qu'à une boîte contenant des bijoux. Imaginez-vous des mousselines-laine d'un tissu admirable, à palmes de cachemire, puis à dessins étranges, imitant le point des tapisseries des *Gobelins*. Les couleurs sont assorties d'une manière si contrariée, que l'effet qu'elles produisent est merveilleux. — Des foulards de Chine d'une grande beauté, à petits carreaux, pour robes de promenade. Viennent ensuite les mousselines imitant les mousselines anglaises, mais avec une telle perfection, qu'en pensant à nos mousselines si renommées de Londres, je ne pouvais en faire la différence; la dimension des dessins, l'assemblage et le ton des couleurs, tout est d'une imitation parfaite. — La chose la plus curieuse à examiner sont des jaconas imprimés avec d'anciennes planches, mais anciennes tout-à-fait, de sorte que l'on a, dans toute sa pureté, les dessins de nos grand-mères, si recherchés dans ce moment: c'est le type de l'étoffe avec laquelle on faisait le séduisant *vertugadin* et la coquette robe *détroussée* dans les poches. Je ne vous énumérerai pas les charmans

schalls brochés à hautes franges de soie, les écharpes si légères, si fraîches et les mille fantaisies de bon goût qui se trouvent au *Minaret*; mais en somme je vous dirai que c'est un *fashionable* séjour dont la grâce du maître est en harmonie avec tout ce qu'il contient.

Pl. No 15. Bonnets de blonde.—Redingote de gros de naples.

МОДЫ.

Какъ я сегодня въ необыкновенномъ расположении описывать все хорошее, но скажу тебѣ нѣсколько словъ о *Minaret*, на бульварѣ *Poissonnière*. Я не могу передать лучшаго понятія объ этомъ магазинѣ, какъ назвавъ его d'*Ecrin*, потому что все, въ немъ заключающееся, составляетъ такой оплчный выборъ, что нельзя ни къ чему его сполько приравовать, какъ къ ящичку съ драгоценными вещами. Вообрази себѣ шерстяныя кисеи оплчной шкани, съ Турецкими пальматъ, попомъ съ спранными узорами, на подобіе Гобеленевыхъ обой. Краски подобраны такъ противоположно, что видѣ, ими производимый, чудесенъ. Китайскіе фулары чрезвычайной красоты, съ мелкими клѣпками, на платья для прогулокъ. Попомъ кисеи на подобіе Англійскихъ; но въ такомъ совершенствѣ, что думая о нашихъ славныхъ Лондонскихъ кисеяхъ, я не могла сдѣлать никакого различія; размѣръ узоровъ, подборъ и тѣнь красокъ—все превосходно. Всего любопытнѣе видѣть жаконеты, печатные старинными досками, не совсѣмъ старинными, отъ того, что мы имѣемъ во всей точности узоры нашихъ бабушекъ, опыскиваемые теперь съ такими стараніемъ: это *первообразъ* (type) матеріи, изъ которой дѣлался обольстительный *vertugadin*, щеголеватое платьѣ, продѣтое въ карманы. Я не буду вычислять тебѣ прелестныхъ запканныхъ плапковъ съ широкою шелковою бахромою, легкихъ шарфовъ, и тысячи прихотливыхъ вещей въ изящномъ вкусѣ, находящихся въ *Minaret*. Но вообще скажу тебѣ, что это щегольской магазинъ, гдѣ ловкость хозяина согласуется со всѣмъ прочимъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 15. Блондовые чепчійки.—Грѣнаплевый рѣденготъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 42.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 23 дня 1836 года.

Злонрава наконецъ распалась съ бѣлымъ свѣтомъ;
Лиха была... Грѣшно намъ говорить объ эптомъ.
Пусть наслаждается спокойствіемъ она.
Какъ! развѣ вмѣстѣ съ ней скончался—Сатана?

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Окончаніе).

—Что будетъ шеперь со мною? думалъ я, бросившись на спуль: у меня не было никакого оружія, и въ комнапѣ я не находилъ ничего, чѣмъ бы можно было оборониться въ случаѣ нападенія; ничего, даже кочарги, которою мѣшаютъ уголья. Слова: *войти герезъ окно*, вертѣлись у меня на умѣ, и я вспалъ, чтобы осмопрѣть горницу; но окно было безъ спавень; оно очень теплоно зашворилось, и, къ несчастію, вмѣстѣ выбитыхъ спеколь, было во многихъ мѣспахъ заклѣбно бумагою; возлѣ окошка въ спѣнѣ была какал-то дверь, которая вела Богъ знаетъ куда, и которую силился я отворить, но тщетно; наконецъ я рѣшился раздѣться и хопѣлъ уже лечь спать, какъ подойдя къ кровати, услышалъ, что кто-то тяжело вздохнулъ, такъ какъ будто спарался освободиться отъ какой-то тяжести. Я опсключилъ, и устремилъ глаза на кровать; вдругъ одѣло зашевелилось—я окаменѣлъ отъ спра-

ха, ожидая ежеминутно, что полъ опустится внизъ и кровать провалится въ западню, какъ обыкновенно происходитъ въ романахъ, гдѣ описываются починья приключенія въ прапширь. Между тѣмъ опять кто-то проспоналъ, опять зашевелилось одѣло; я задрожалъ, въ глазахъ у меня пошемнѣло, и въ ту минушу, какъ я хопѣлъ закричать рѣжущъ! помогите... въ эту минушу одѣло упало и съ кровати....

«Соскочилъ разбойникъ?...» Перервали мы въ одинъ голосъ.

—Нѣтъ, милоспивые государи, а собака, ужасная Тернѣвская собака, распомъ почпи съ меня.—

Мы всѣ захохотали и спросили вина; послѣ чего спутникъ нашъ продолжалъ разсказъ свой.

—Я отворилъ дверь и выпустилъ собаку; она была та самая, которую спрашивалъ одинъ изъ прехѣ подозрительныхъ чело-вѣкъ, видѣнныхъ мною въ залѣ; я послѣ узналъ, что онъ обыкновенно ночевалъ въ эптой комнапѣ и спалъ на эптой самой кровати.»

Это смѣшное окончаніе моего приключенія совершенно разсѣяло страхъ мой, и я, осмопрѣвъ еще разъ всѣ углы комнаты, легъ и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Я спалъ часа съ два, какъ вдругъ скрыпѣ двери, находившейся у окошка, разбудилъ меня; я вспрепенулся и посмопрѣлъ вокругъ себя. Облака, пробѣгая по небу, по временамъ разсѣивались—и погда полная луна освѣщала часть комнаты и фигуры, нарисованныя на бумажныхъ обояхъ. Всѣ онѣ, казалось мнѣ, плясали, махали руками и манили меня къ себѣ; я закрылъ глаза и спарался уснуть, но вдругъ послышался опять спукъ возлѣ окна, и воображеніе, государи мои, что сдѣлалось со мною, когда у эшаго окошка я увидѣлъ споящаго человѣка!—Свѣтъ мѣсяца падалъ прямо на лицо его—и я узналъ въ немъ одного изъ шрехъ спрашнхъ незнакомецѣвъ, о которыхъ я говорилъ вамъ.—Онъ далъ знакъ рукою—и въ шу минуту явились поварищи его, неся на рукахъ что-то похожее на мертвое тѣло; по крайней мѣрѣ мнѣ казалось такъ;—силы мой меня оставили—я обмеръ отъ страха, дыханіе мое остановилось, кровь приспустила мнѣ къ сердцу—и я захрипѣлъ какъ умирающій.

Они влѣзли въ окно, подошли къ маленькой двери, и я понялъ, что она вѣроятно вела въ погребъ, куда сносили они тѣла несчастныхъ жерпѣвъ своихъ.—Участіе моя рѣшена! думалъ я—и можетъ быть черезъ нѣсколько минутъ прущъ мой будетъ опнесенъ туда же.

Одинъ изъ эшихъ людей шелъ впередъ съ фонаремъ и говорилъ другимъ шепотомъ: пише, пише! вы его разбудите, онъ вѣрно давно ужъ спитъ. —

Потомъ онъ вынулъ изъ кармана ключъ, опперъ дверь—и всѣ шрое скрылись.

Теперь, не теряя времени, надо бѣжать, сказалъ я самъ себѣ; но лишь только хотѣлъ соскочить съ кровати, какъ свѣтъ показался опять, и разбойники, вѣроятно сложивъ свою ношу, вошли въ комнату и подошли прямо ко мнѣ.

Боже, умилосьрдись надо мною! проговорилъ я—и лишился чувствѣвъ.

Не знаю, сколько времени продолжалось мое безпамятство—но когда пришелъ въ себя—всѣ перемѣнилось.—Въ комнатѣ было свѣтло—и солнце, во всемъ великолѣпнн своемъ, сіяло на небѣ.—Я одѣлся и сошелъ въ залу, куда Лука принесъ мнѣ завтракъ.

—Хозяйскій сынъ проситъ, сударь, позволенія у вашей милости, припши поговорить съ вами,—сказалъ онъ съ вѣчною своею улыбкою.

«Пусть придетъ,» отвѣчалъ я, и черезъ нѣсколько минутъ Григорій вошелъ въ залу.

—Извините, сударь, что я осмѣлился припши къ вамъ,—сказалъ онъ, посмопрѣвъ вокругъ себя и удосповѣряясь, что не было никого съ нами: я надѣюсь, что васъ не очень беспокоили въ нынѣшнюю ночь.

Я былъ безъ памяти радъ, что остался живъ и потому отвѣчалъ ему ласково: «О, нѣтъ, не очень!—Хотя правду сказать, здѣсь происходило что-то странное.»

—О, сударь, будьте увѣрены, что мы все стараніе наше прилагаемъ только о томъ, чтобы проѣзжимъ было у насъ хорошо и покойно.—Я надѣюсь, что вы довольны нами... Что, грогъ былъ не дуренъ?—

«Очень хорошъ!»

Онъ помолчалъ—и потомъ продолжалъ зачинаясь: надобно вамъ сказать, сударь, что мы иногда по случаю скупаемъ напшки, провезенные безъ пошлины.—

«Для чего-жъ ты не сказалъ мнѣ эшаго вчера?—Я право думалъ, что здѣсь хотишь убить меня, и если бы со мною были пшполепы, то вѣрно я заспрѣлилъ бы или по крайней мѣрѣ ранилъ кого нибудь изъ поварищей пвгихъ.»

—Ваша правда, сударь, и я виноватъ.—Но воптъ, изволите видѣть: Блассонъ и его поварищи вчера только выгрузили бочку славной водки; мы съ ними спорговались—и боюсь, чтобы они не продали еѣ въ другія руки, поспѣшили взять и привезли бочку

сюда.—Подъ вашу комнату естъ погребъ, куда мы спавимъ повары эпаго рода, и никто, кромѣ насъ, даже *Лука* не знаетъ эпаго.—Вчера, боясь васъ попревожипъ, я было уговаривалъ пріятелей своихъ, спряпать эпу водку куда нибудь въ другое мѣсто, но на эпо требовалось время, а имъ надобно было чѣмъ-свѣпъ ѣхать, по мы и рѣшились тихонько опнеспи еѣ въ погребъ. Извините, сударь, если эпо васъ обезпожило.—

И *Григорій*, съ низкимъ поклономъ, вышелъ изъ залы.

Правду сказать въ признаніи господина *Григорія* не было ничего хорошаго, и его безъ ошибки можно было назвать мошенникомъ, но въ эпу минупу я былъ расположенъ простишь ему не только эпо, воровство, но даже какое нибудь важнѣйшее пресупленіе: такъ мнѣ было легко и весело, послѣ ужаснаго спраха, которій онъ навелъ на меня.

Кто же *Бетци*, и что сдѣлалось съ нею? думалъ я, не понимая опъ чего она не показывалась.

—Повозка ваша гопова!—закричалъ *Лука* у дверей залы.—Попомъ подойдя ко мнѣ, продолжалъ кланяясь въ полъ: Ваша милость найдешъ всё въ порядкѣ, колеса были всё въ грязи—я вымылъ ихъ, вымазалъ и онѣ теперь блестятъ какъ зеркало. Хомуны, сударь, также вычищены.—

Я понялъ смыслъ эпихъ словъ и далъ ему шилингъ, которій онъ принялъ съ благодарностію.

—Вопъ, сударь, боченочекъ заморской водки, которую я и поварищи мои просимъ васъ прійять опъ насъ на память.—Куда прикажете поставипъ его?—шепнулъ мнѣ *Григорій*, когда я садился въ коляску.

«Благодарю,» отвѣчалъ я: «но водка мнѣ ненужна, — оставь еѣ у себя — и будь увѣренъ въ моей скромности.»

—Повѣспъ моя кончилась, государи мои; я скажу только въ заключеніе, что, спуспя нѣсколько щасливыхъ для меня лѣтъ, спарикъ прапирщикъ умеръ, раздѣливъ имѣ-

ніе свое между *Григоріемъ* и племянницею своею *Бетци*.—*Григорій*, разбогатѣвъ, бросилъ конпробанду и уѣхалъ въ Кенпъ; что же касается до *Бетци*. . . . —

«Ахъ! что съ ней сдѣлалось?»

—Она вышла за мужъ. —

«За кого же?» спросили мы.

Разскачикъ посмотрѣлъ вокругъ себя — сълъ, закурилъ трубку и, попуя скромный взоръ, отвѣчалъ: «За меня, государи мои!»

—Браво! браво!—За здоровье *Бетци*, —закричали мы, наполня спаканы—и спѣны залы задрожали опъ громкаго ура, которое раздалось во всѣхъ углахъ ея.

T.

БАРОНЪ ШТЕЙНЪ-АЛТЕНШТЕЙНЪ.

Баронъ *Штейнъ-Альтенштейнъ*, Прусскій министръ Народнаго Просвѣщенія, Духовныхъ и Медицинскихъ дѣлъ, родился въ 1760 году, во Франконіи. Окончивъ курсъ наукъ, онъ служилъ въ вѣдомствѣ министра *Гарденберга* и послѣдовалъ за нимъ въ Берлинъ. Онъ занималъ мѣсто совѣтника въ департаментѣ финансовъ, когда началась война между Пруссіею и Франціею. Впослѣдствіи, онъ былъ опправленъ въ Кѣнигсбергъ и наименованъ, въ званіи спатскаго совѣтника, членомъ комиссіи, которой поручено было составипъ планъ преобразования государственнаго управления. Баронъ *Альтенштейнъ* соединяетъ возвышенный умъ съ обширными познаніями и независимымъ характеромъ. Благодаря его усиліямъ, многія злоупотребленія уничтожены. По возвращеніи его въ Берлинъ, онъ съ величайшею дѣятельностію занимался разными поручаемыми ему дѣлами. Въ 1813 году управлялъ онъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ; въ 1815 ѣздилъ съ канцлеромъ *Гарденбергомъ* въ Парижъ; въ 1818 былъ въ числѣ прехъ комиссаровъ, которымъ правительство поручило объѣхать Нижне-Рейнскія провинціи и Вестфалію, чтобы собрать свѣдѣнія о старинныхъ коренныхъ узаконеніяхъ сихъ странъ. По исполненіи эпаго порученія, онъ

быль наименованъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Духовныхъ и Медицинскихъ дѣлъ. Въ эпозъ высокомъ званіи, баронъ *Штейнъ-Альтенштейнъ* оказалъ важныя услуги опеческству и наукамъ, въ особенноти учрежденіемъ Бернскаго университета. Университеты, училища и вообще всѣ учебныя и ученныя заведенія обращаютъ на себя его неуспынное вниманіе, и ежели народное просвѣщеніе находится нынѣ въ Пруссіи на столь высокой степени развитія, то эпозъ обязано оно наиболѣе мудрой попечительности сего министра-филантропа.

Оз.

ЖИВОПИСЬ И МОЗАИКА.

Главное преимущество Мозаики передъ Живописью есть прочность. Можно чистить картины и придавать имъ новую свѣжесть, не боясь испортить колоритъ. Неудобство Мозаики есть продолжительность работы и огромныя издержки, которыхъ она преобусть. По уваженію эпоза, Живопись масляными красками на холстѣ всегда будетъ въ большемъ употребленіи. Въ Римѣ и Флоренціи Мозаика никогда не была бы доведена до нынѣшней степени совершенства, еслибъ не производилась на деньги папы и герцога Тосканскаго.

До нашесствія Французовъ Московскій университетъ имѣлъ въ своемъ музеумѣ нѣсколько превосходныхъ Мозаическихъ картинъ, подаренныхъ ему, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями, княземъ *Урусовымъ*.

УЧАСТЬ ЖЕНЩИНЪ.

Альзира была освистана. *Пиронъ*, выходя изъ театра, сказалъ *Вольтеру*, съ обыкновенною своею язвительною усмѣшкою: ну, мой другъ, твою Альзиру славно ухаживали. — «Чтожь дѣлать!» отвѣчалъ *Вольтеръ*: «паче ухаживать всѣхъ прекрасныхъ женщинъ!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

72.

(Продолженіе.)

Спр. 18. «Но какъ вопреки Московскому обычаю съ посланцемъ обошлись глупо (въ Смоленскѣ) *по-людски*, по» и пр. Действительно въ Польскомъ подлинникѣ находится слово *ludzko*, но оно не значитъ *по-людски*, а ласково, снисходительно, гостеприимно; *przyjął go ludzko*: онъ принялъ его ласково; переводчикъ можетъ въ эпозѣ увѣряться, заглянувъ въ любой Польскій словарь.

Спр. 19. «Въ день св. *Михаила* ($\frac{1}{2}$ Сентября).» Здѣсь переводчикъ дѣлаетъ опять свою вставку, но и тутъ весьма неудачно; въ 1609 году разница между новымъ и старымъ стилемъ была не 12 дней, а только 10. «На видъ же, (т. е. положеніе Смоленска) довольно пріятно.» Вмѣсто *пріятно*, въ подлинникѣ обширно (*obszerny*).

—«Не щипала *наружныхъ частей*» — читайте, не щипая окружности башенъ (*wież*).

—«Между башнями есть стѣны, длиною по *полтора*ста и болѣе локтей.» Вмѣсто *полтора*ста, должно поспавить сто и нѣсколько десятковъ локтей.

—«Замокъ Смоленскій имѣетъ *фундаментъ* съ *контрфорсами*, въ десять локтей вышины надъ землею и бытъ можетъ локтемъ менше.» Здѣсь что ни слово, то ошибка; слово *fundament* и *na gorze* (т. е. въ верху) переводчикъ не понялъ; слова же *контрфорсы* и *надъ землею* прибавилъ; объ нихъ въ подлинникѣ и помину нѣтъ.

Мы согласны, что періодъ эпозъ съ перваго взгляда глупень. Вопъ его настоящій смыслъ: стѣны Смоленской крѣпости имѣютъ толщину въ основаніи десять локтей, на верху же съ обсадомъ (1) можетъ бытъ однимъ локтемъ менше (2).

—Князя Якова *Борятинскаго* переводчикъ передѣлалъ въ *Барятинскаго*; удивительно,

(1) Върочно зубцы, между коими бойницы.

(2) Мы выписываемъ эпозъ періодъ изъ перевода започнутаго *Жолывскаго*, изданнаго въ Москвѣ; дѣлая поже и въ другихъ мѣстахъ эпозъ исправленія.

что Польскій авпоръ записокъ правильнѣе писалъ Русскія имена, чѣмъ Русскій переводчикъ; у *Жолтвскаго* находимъ Bogatyński.

21). «И то наклонясь подъ нижнія крѣпостныя орудія» *наклоняются подъ*—это не по-Русски; и къ тому же эту фразу врядъ ли можно понять; надобно перевести: «и то наклоняясь, по причинѣ орудій, находившихся внизу спѣсны.»

23). Слово Strzelba г-нъ *Митклевигъ* переводитъ: «бомбардированіе.» Strzelba значитъ артиллерія и также значитъ спрѣльба, пальба. Къ тому же еще не доказано, чтобы въ 1609 году въ Польской артиллеріи бомбардированіе было дѣломъ обычайнымъ, по крайней мѣрѣ *Жолтвскій*, *Масклевигъ* и *Янъ Сапга* въ своихъ запискахъ ни слова не говорятъ о бомбардированіи.

24). Начала *рваться изъ своего лагеря*; переводчикъ не понявъ Польскаго слова się rwać, п. е. раздѣляться, перевелъ его словомъ *рваться*; но какъ оно разрушало смыслъ всего періода, то переводчикъ прибавилъ слова: *изъ своего лагеря*, которыхъ въ подлинникѣ не находимся.

Здѣсь мы удивляемся малой смѣпливостіи переводчика: если онъ не зналъ значенія словъ się rwać, ему стоило только вникнуть въ смыслъ періода. Князь *Рожинскій* умеръ. Поляки не думали умѣрить своихъ прѣбываній и начали *раздѣляться*: часть перешла на сторону короля, другая часть отправилась къ Самозванцу. Какимъ образомъ возможно было вспавить шупъ слово *рваться*?

25). *Скопинъ - Шуйскій*... «но какъ послѣ оказалось по произведеннымъ мною разспросамъ, проспо опъ горячки.» Изъ подлинника не видно, чтобы авпоръ записокъ самъ производилъ разспросы о причинахъ смерти *Скопина*. Можно сказать: произвести слѣдствие, но *произвести разспросы*, кажется выраженіе не совсѣмъ Русское.

—Въ Можайскѣ находился не князь *Данило Мышецкій*—но князь *Данило Мезецкій*.

—Опять *Баратынскій* вмѣсто *Борятинскій*.

27). «Въ Вязьмѣ былъ полковникъ панъ *Марцінъ Калиновскій*» должно читать: *Казановскій*.

29). У *Жолтвскаго* мы вездѣ находимъ Woluef; такъ писалъ это имя и *Карамзинъ*, но переводчикъ пишетъ *Валуевъ*.

30). «Гепманъ придвинулъ свое войско къ Цареву-Займищу. Лагерь расположился на шой горѣ, откуда было видно мѣстечко; пѣхотѣ приказано спать на выгорѣвшемъ проспранспвѣ, у конца плошины, казаки поселились на другой споронѣ мѣстечка, ниже, надъ болопомъ.»

У насъ перебивало въ рукахъ довольно военныхъ записокъ, описаній, походовъ, реляцій и проч.; но мы до сего времени нигдѣ не находили, чтобы о войскѣ, которое располагается лагеремъ, было сказано: войско *поселилось*; дѣйствительно есть *военныя поселенія*, но это совсѣмъ другое.

Впрочемъ, да не обвиняетъ чинапели въ семъ выраженіи гепмана, — у него проспо сказано: stanowi się, п. е. спали.

Спр. 32. «а Moskiewski narod są bardzo pertinaces do bronienia,»

Переводчикъ передѣлалъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «и припомъ Московскій народъ весьма способенъ къ защитѣ за стѣною.» Здѣсь двѣ ошибки; въ подлинникѣ не сказано *способенъ къ защитѣ*, но упорно защищается; о защитѣ же *за стѣною*, ни слова не упоминается—это прибавка переводчика.

—Слово *taustra* переведено «спорба,» тогда когда оно значитъ суму или ранецъ. Были ли тогда у Русскихъ сумы или ранцы, это не наше дѣло; обязанность переводчика—переводить, а не вспавлять свое.

—«Онъ (гепманъ) узналъ опъ плѣнныхъ, что Русскіе имѣютъ мало продовольствія,—только то, что принесли съ собою въ порбахъ или саквахъ, и хотѣлъ принудить ихъ къ сдачѣ осадою.»

Если бы переводчикъ взялъ Польскій словарь, онъ бы нашель, что Польское слово oblężenie значитъ: осада, обложеніе, окруженіе какого нибудь укрѣпленнаго мѣста войскомъ для завоеванія онаго. Переводчикъ выбралъ именно то значеніе, котораго бы здѣсь не слѣдовало употребить. Изъ самаго

разказа гепмана видно, что онъ не намѣревался дѣйствовать своею артиллеріею (которой у него почти не было, ибо мы видимъ, что въ генеральномъ сраженіи при Клушинѣ, онъ имѣлъ только два фалконета). Гепманъ хотѣлъ *обложить* принудить городокъ къ сдачѣ.

— a rowem one gródki okrane byli saracés sto ezteka, osobliwe przeciwo temze mieyscu, gdzie wody dostawali. Ozadzil one gródki częsc piechota, częsc kozaki; вотъ самый точный переводъ: эти городки, окруженные рвами, могли вмѣщать до ста человекъ, особенно пропивъ того мѣста, откуда брали воду. Въ этихъ укрѣпленіяхъ помѣстили часпю пѣхоту, часпю казаковъ.

Г-нъ *Митквичъ* передалъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

«Окопаны рвами (городки) и заняты каждый сотнею человекъ, часпю изъ пѣхоты, часпю изъ казаковъ, и *лучшими людьми* пропивъ того мѣста, окколь осажденные *доставали* воду.»

Тутъ нѣсколько ошибокъ; городки не были *заняты* сотнею человекъ, но могли вмѣщать (saraces) 100 человекъ; эти городки въ другихъ мѣстахъ, можетъ быть, были и не столь обширны, но тамъ, гдѣ брали осажденные воду, городки дѣйствительно могли вмѣщать 100 человекъ. Слово saraces, непонятое переводчикомъ, заставило его все переименовать по своему, и совершенно измѣнить подлинникъ.

33). «Въ войскѣ пошли пропивъ гепмана *разныя поговорки*, что ему свѣтъ опрокинуть и что для этого онъ хочетъ погубить вмѣстѣ и себя и людей.

Слова *rosmaite* тому ни въ какомъ случаѣ нельзя было перевести словомъ *поговорки*.

Гепману оставалось одно изъ двухъ: или въ занятой имъ позиціи ожидать Русскую армію, или встрѣпить неприятеля во время его марша: bo *receptus* nie tylko ni *eucztiwy*, ale i *bespieczku* *nés* *mogł* *być*, п. е. ибо отступленіе не только было бы поспыдно, но и опасно; переводчикъ не понялъ Лашинскаго

слова *receptus* (которое тутъ значить отступленіе) (1) и Польскаго слова *nieucztiwy*, которое никогда не значило *неблагодарный*, но соотвѣтствуетъ Русскимъ словамъ: безчестный, срамный, поспыдный, недобровѣстный, и передаетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «*По возвращеніи, приелъ ео отъ короля* *могъ* быть не только *неблагодарный*, но даже и опасенъ» и продолжаетъ такъ: «опъ того онъ, черезъ наблюдательные отряды, непрерывно собиралъ свѣдѣнія о движеніи князя *Шуйскаго* отъ Можайска.»

Отъ того, что король могъ принять гепмана *неблагодарно* — гепманъ посылалъ безпрестанно разъѣзды и папрули!!!

Не понимаемъ, какъ эта несообразность заставила переводчика подумать, что тутъ дѣло идетъ не о *возвращеніи*, не о *приелъ*, не о *король* и не о *благодарности*.

35). «*Осадный лагерь*.» Этого выраженія мы не встрѣчали ни въ одной военной книгѣ; говорятъ: осадный корпусъ, осадная артиллерія, но не осадный лагерь.

36). *Pontus*. . . *był* *na* *Wolmierzu* *Karolusowymi* *wzięty*; тутъ переводчикъ, вѣроятно потому, что не могъ добраться что значить съ *Karolusowymi* (п. е. съ войсками *Карла*), выбросилъ это слово и перевелъ: «вспомнилъ, что подъ *Вольмаромъ*, когда онъ (*Понтусъ*) былъ взятъ въ плѣнъ съ своимъ войскомъ.»

37). Было еще около чепырехъ сотъ человекъ легко вооруженныхъ казаковъ, называемыхъ *Погребищанами*, потому что они изъ помѣстья князей *Зборовскихъ* *Погребищъ*: *въ этой станицѣ ихъ* *наибольше*.

Слѣдовало бы перевести такъ, назывались *Погребищанами*, потому что въ этомъ отрядѣ *наибольше* было людей изъ *Погребищъ*, имѣнія князей *Збаражскихъ*. *Жолкъскій* говоритъ объ отрядѣ, а не о *станциѣ*; князей же *Зборовскихъ* въ *Польшѣ* не было, а были князья *Збаражскіе* (2).

(1) Въ чемъ можно удостовѣриться, взглянувъ въ Лашинскій словарь и если угодно въ записки Кесаря.

(2) Мѣстопребываніе князей *Збаражскихъ* было на *Волынѣ* въ городѣ *Збаражъ*. См. *Opis Strarożytney Polski* przez T. Święckiego. Tom. 11. p. 86.

38). «...и ударили на эту иносстранную кавалерію въ копія—а кто еще имѣлъ, попоѣ дѣйствоваль палашемъ и кончаромъ.»

Здѣсь Польскій пекспѣ вывороченъ на изнанку; палаша и кончары были у всѣхъ, но не всѣ всадники имѣли копыя, попереявъ оныя въ началѣ дѣла (1).

«...Что только малая ихъ (Русскихъ) часть держится у обоа князя *Димитрія*, въ деревушкѣ, окруженной рогатками, гдѣ и самъ онъ находилса.» Польское слово обоа значить спань, лагеръ—а не *обозъ*.

—Далѣе опяпѣ находимъ *обозъ* вмѣсто спана.

«Кн. *Димитрій*, хопя и немногіе его пре-сѣдовали, уходилъ *славно*.» Гепманъ былъ слишкомъ хорошій воинъ, чпобы бѣгспво могло ему когда нибудь казаться *славнымъ*—и слишкомъ великодушный человекъ, чпобы изъясняпся иронически, говоря о нещаспїи своего врага; и дѣйспвипельно эпого *славно* мы въ подлинникѣ не находимъ: памъ поспавлено ротежіе, копорое пупѣ значипѣ спшно, очень, весьма.

—«Онъ (кн. *Димитрій*) потерялъ лошадь, на копорой сидѣлъ, и обувь въ болопѣ, и на другой креспьяпской кляченкѣ *прокатилса* подѣ *Мажайскѣ*, въ монаспырь.» Лошадь, на копорой сидишь, попереяпѣ въ болопѣ — совсѣмъ не по-Русски. *Прокатитса* подѣ *Мажайскѣ*, и не по-Русски и не кспани; въ подлинникѣ сказано проспо: *прїѣхаль*.

(*Оконганіе 72-й Лит. Залїткѣ въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДУША.

(*М. А. Клапшову.*)

Кто ты душа, въ семь мірѣ спранница?
Огонь свяпшой,

Или небесная изгнанница
Въ предѣлѣ земной? *

(1) ...Видѣспѣ съ силами *мы* потеряли и необходимыя *для гусарѣ копыя*, коими вредили неприятели. *Дневникъ Масквѣвца*, спр. 42.

Или чистѣйшій духъ спанспвенный,
Иль свѣспѣ во тьмѣ,
Иль призракъ, иль алмазь единспвенный
Въ дурной корѣ? *

Не знаешь ты пространспва, времени,
Вездѣ ты вдругѣ.

Чпо-жь ты, случайное явленіе,
Иль вѣчный духъ? *

Ты постигаешь всѣ пвореніе;
И на землѣ

Чудесный мигъ свяпсаго вдохновенія
Знакомъ тебѣ. *

Но въ груспной клѣпкѣ духъ божеспвенный
Ты заключенъ,

И оболочкою вещеспвенной,
Увы! спѣсенъ. *

Но часъ придетъ блаженный, радоспный,
И въ прахъ погда

Падешь сосудъ сей бранный, спягоспный,
А ты шуда, *

Любовью чистой, возрожденная,
Взлещишь, какъ дымъ,

И все постигнешъ съединенная
Съ Творцомъ своимъ.

М. Демидовъ.

1835.

LOGOGRIPHE.

Soyons de notre siècle, a dit un imbécile;
Et les niais soudain répétant ce bon mot,
Ont dit, car répéter est toujours très-facile:
Soyons de notre siècle... Eh! si le siècle est sot!
Mais, puisqu'il faut toujours obéir au proverbe,
Prenons le mot du jour, et sur un ton superbe,
Voyons quel résultat il peut avoir pour nous.
Ah! si j'osais mêler l'altière politique
A nos délassemens si naïfs et si doux;
Moi qui de contrôler parfois aussi me pique,
Je dirais: Là, voyons, messieurs, devinez-vous
Ce que ce mot puissant aura pour nous d'utile?

Non... Eh bien! laissons donc un travail si futile;
 N'allons pas rechercher ce qu'y peuvent gagner
 Le Français, l'Espagnol, luttant pour deux prin-
 cipes,
 Voyons ce qu'il contient, pour nous, bénins OEdipes,
 Et pour être vainqueurs, sachons le deviner.
 D'abord nous trouverons ce qui produit l'orage;
 La liqueur où souvent la raison fait naufrage;
 Ce que jamais tortue ou n'ose ou n'osera;
 Ce qui, chez les humains, t'immortalisera;
 Ce qu'il faudra t'ouvrir si la fièvre te brûle;
 Une bête aquatique à la voix ridicule;
 Ce qui te fait souffrir s'il est ou rude ou faux;
 La couleur qui de l'œil répare les défauts;
 Ce que l'homme sensé porte sur son épaule;
 Ce qu'on doit avouer si l'on n'est pas un drôle;
 Ce que femme jamais ne dit à son amant;
 Ce que perdit l'amour; un fauteuil enivrant;
 Un traiteur qu'aujourd'hui Paris encor renomme;
 Ce qu'avec désespoir voit s'en aller tout homme;
 Ce que dans un naufrage on désire toucher;
 Cet homme dont le vrai ne saurait approcher;
 Son épouse; un moment de fureur dangereuse;
 Une peur d'un moment; une erreur précieuse,
 Lorsqu'elle offre au mortel de son sommeil éperdu,
 Ou les biens qu'il espère, ou ceux qu'il a perdus;
 Ce que tu trouveras bien souvent dans ma bourse;
 Le pas le plus aisé pour une longue course;
 Ce que donne aux enfans la joie et la santé;
 Une note; le plat à la flamme apprêté;
 Ce qu'il faut toujours faire en voulant prendre femme;
 Ce qu'on écrit, l'on chante, et souvent l'on dé-
 clame;
 Enfin le mot divin, le seul digne de prix,
 Que doit toujours chercher le sage en ses écrits,
 Et qui, soutenant seul l'honneur d'une couronne,
 Sauve peuples et Rois s'il approche du trône.

Въ № 41-мъ, помѣщенный омонимъ-анаграмма значить:
Соль, лось, ось.

M O D E S.

Le soleil, auquel nous commençons à ne plus croire, vient de se rem-ontrer; — les ombrelles se sont déployées aux Champs-Élysées et aux Tuileries: elles sont, cette année, en pou de soie blanc, écru, gris ou vert, en taffetas écossais à grands carreaux dont toujours un est blanc; — le manche, très élégant, est en bois de rose ou d'ébène; avec de petites ganses, un anneau, une pomme ou une petite tête d'or très délicate; sous ces ombrelles, beaucoup de chapeaux de paille cousue et de paille d'Italie avec des rubans jaune-paille, dans les calèches beaucoup de plumes sur les chapeaux. J'ai remarqué aussi plusieurs jolies petites voitures découvertes, à quatre roues, traînées chacune par une chèvre, et traînant de petits enfans dans les contr'allées des Champs-Élysées: c'est un moyen de transport qui semble à la mode pour les enfans.

Adieu; aimez-moi toujours bien, et ne me trouvez pas trop bavarde. — *Sarah.*

М О Д Ы.

Солнце, копорому мы начинали было уже не вѣривъ, опять появилось. — Въ Елисейскихъ поляхъ и въ Тюльерійскомъ саду развернулись омбrellи; нынѣшній годъ, дѣлають ихъ изъ *rou de soie* бѣлаго, суроваго, дикаго или зеленаго, изъ Шопландской ташты съ крупными клѣтками, въ копорыхъ непременно должны быть и бѣлыя; — ручка весьма щеголеватая изъ розоваго или чернаго дерева, съ узенькимъ шнуркомъ, кольцомъ, золошою головкой или шарикомъ весьма легкой работы; съ эшими омбреллами много сшивныхъ и Италіанскихъ соломенныхъ шляпъ съ лентами желто-соломеннаго цвѣта; въ коляскахъ много перьевъ на шляпахъ. Я замѣтила также много маленькихъ раскидныхъ карешъ, на четырехъ колесахъ, въ каждую запряжена была коза: въ эшихъ карешочкахъ возили маленькихъ дѣтей по боковымъ аллеямъ Елисейскихъ полей. Эшотъ родъ перевозки кажется въ большомъ употребленіи.

Прощай; люби меня всегда, и не щипай бо-
 пушкой. — *Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИШВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 43.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 27 дня 1856 года.

«Мушны щасливы, а женщины несчастны,»
Селеста милая пвердишь:
«Судьба прелестною свободой ихъ дарить,
А мы всегда подвластны.»
—Такъ чпожь? поспорю въ помъ, прекрасная, съ побой,
Я вольность не всегда блаженствомъ почиаю:
Скажи: *ты сердцу миль!*—свободу и покой
Тотчасъ на цѣпи промѣняю.—

В. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МЕКСИКУ.

Сочиненіе г-на Шарпеня въ 2 частяхъ.

Я раздѣляю путешественниковъ на два класса; къ первому принадлежатъ тѣ, которые дѣйствительно путешествовали; къ второму люди, которые никогда не выходили изъ своего кабинета.

Нѣтъ никого ученѣе *непутешествовавшаго* путешественника. Онъ истинный гражданинъ вселенной; онъ всякой мѣсяцъ издаетъ по крайней мѣрѣ при пома путешествій своихъ, каждый въ осьмую долю листа; не щипая съ полдюжины мелкихъ повѣстей, сочиняемыхъ имъ для разныхъ журналовъ, и за которыя онъ беретъ по 25 к. съ спроки.

Непутешествовавшій путешественникъ имѣетъ собственнаго своего издашеля, который заказываетъ ему одно, или нѣсколько путешествій въ Лагоръ, Оспъ-Индію,

Африку или другую какую нибудь часть свѣта, болѣе или менѣе просвѣщенную. Путешественникъ мой немедленно чинитъ перо, опправляетъ воображеніе свое спрашивать по землямъ, которыя подрядился онъ описать, и потомъ говоритъ о Персидскомъ шахѣ, о генералѣ *Алларъ*, или о гремучихъ змѣяхъ почно такъ, какъ будто онъ провелъ съ ними цѣлую жизнь свою.

Хопите ли чипать новое путешесвіе его по Швейцаріи или Италіи? Нѣтъ нужды, что онъ не бывалъ тамъ; онъ, какъ нельзя лучше, описываетъ Швейцарскіе паспушы шалаши, тамошнія горы, имѣющія 600 ф. въ вышину; куполь Римской церкви св. Петра; Вапиканъ, театръ скалы, Венецію, Лидо, Сен-Маркскую площадь, и даже рассказываетъ, какъ онъ цѣловалъ Папскій шфель, какъ напали на него Калябрскіе разбойники, и какъ дурны въ Италіи пракпиры, гдѣ за самый плохой обѣдъ плашатъ по 6 франковъ съ человека.

Непутешествовавший путешественник есть какое-то странное явление природы; какое-то баснословное, энциклопедическое существо, которое изумляетъ умъ вашъ.— Онъ вездѣ былъ, всё видѣлъ, всё знаетъ, не прогавшись съ кресель и не выходя изъ комнаты своей; онъ даже, если нужно, скажетъ вамъ — сколько кирпичей пошло на большую Кипайскую спѣну!

Непутешествовавший путешественникъ оказываетъ при всякомъ случаѣ глубокое презрѣніе къ людямъ, которые описываютъ то, что видѣли сами, и щипаютъ за грѣхъ говорить о томъ, о чемъ знаютъ только изъ книгъ или по наслышкѣ. Заговорите съ нимъ о извѣстномъ романѣ *Альфонса Род Венеція ла Белла* (*прекрасная Венеція*), и онъ скажетъ вамъ: не дурно! и даже очень хорошо—даже мѣстами превосходно; но что за достоинство рисовать вѣрно то, чему сами мы были свидѣтелями. Авторъ прожилъ полгода въ Венеціи.

Для непутешествовавшего путешественника главное достоинство писателя состоитъ въ томъ, чтобы говорить о томъ, чего не знаешь.

Теперь взглянемъ на путешественника, который путешествовалъ.

Онъ рассказываетъ вамъ, что въ такомъ-то часу отправился онъ изъ такого-то мѣста, и поѣхалъ куда-то, въ той самой почтовой коляскѣ, которая нѣкогда служила двоюродному брату *Мюрата*; потомъ, что въ повозку его впрягли одну сѣрую, другую пегую лошадь, и что пегая везла гораздо лучше сѣрой; онъ даже сообщилъ вамъ объ одномъ важномъ открытіи, доказывающемъ въ немъ наблюдательный духъ и глубокое знаніе сердца человеческого: онъ замѣтилъ, что всѣ извозчики въ мірѣ горькія пьяницы! Этого не довольно; если онъ женатъ и имѣетъ дѣтей, то вы дѣлаетесь повѣреннымъ семейныхъ тайнъ его, со всеми ихъ скучными подробностями. Старшій сынъ его, которому исполнилось 12 лѣтъ, на этихъ дняхъ вспушилъ въ темный лабиринтъ снѣжаксиса, а шестнадцатилѣтняя дочь играетъ на фортепіано, какъ ангелъ, и въ пѣснѣ:

Ah vous dirai je maman! беретъ фальшиво только двѣ высокія ноты; но на будущій годъ, будетъ пѣть *Di tanti palpiti* не хуже мамзель *Гризи*,—потому что въ этой дѣвочкѣ палантъ необыкновенный, и она, по словамъ всѣхъ друзей его, рождена быть, со временемъ, великою каншаприсой. Наконецъ, наговорясь съ вами досыта о дѣляхъ своихъ, о друзьяхъ, знакомыхъ, о любимомъ своемъ копѣнкѣ и поспельной собачкѣ жены своей, онъ раскланивается, желаетъ вамъ доброй ночи и извиняется, что можетъ на этотъ разъ доставить вамъ только плть или шесть помовъ своего путешествія.— Благодарю покорно! Вотъ къ этому-то разряду путешественниковъ принадлежатъ г. *Шарпенъ*, и вы, читая его путешествія, узнаете, что онъ десять разъ сряду чуть-чуть не женился, но, съ помощію благоразумія своего и оспорожности, избавился отъ этого несчастія... Какое правоученіе! Вы видите, что примѣръ г. *Шарпена* можетъ пригодиться вамъ въ будущемъ, и потому я совѣтую вамъ купить книгу его.— Если-жъ она вамъ не понравится, то я сердечно сожалею о васъ.

T.

СУДЬБА ЛИТЕРАТОРОВЪ ВЪ АНГЛІИ.

Г. Алланъ *Куннингамъ* говоритъ слѣдующее о выгодахъ, доставляемыхъ въ Англіи поэтическимъ палантомъ: «Меня спрашивали, какимъ вліяніемъ пользуются въ Великобританіи люди съ дарованіемъ. На это не мудрено отвѣчать въ нѣсколькихъ словахъ: ровно никакимъ. Директоры двухъ или трехъ политическихъ журналовъ важнѣе въ глазахъ правительства и народа, чѣмъ всѣ поэты, жившіе въ послѣдніе полвѣка. Вліяніе людей съ дарованіемъ... можно видѣть изъ ихъ исторіи. *Четвертонъ* управляетъ себя ядомъ, потому что ему нечего было ѣсть; *Самуэлю Джонсону* отказываютъ въ средствахъ совершить путешествіе, необходимое для восстановления его здоровья; у *Борнса*, въ день его смерти, не было ни куска хлѣба въ домѣ, ни шиллинга въ кошелекѣ; *Крabbъ* умеръ бѣднымъ

священникомъ... никакой духовный санъ не оплечилъ его опъ полпы; *Вальтеръ-Скоттъ* испошилъ свое здоровье, чшобы поправить свое соспоянне, и Англія не хотъла выкупить его библіотеки, продававшейся съ публичнаго торга; *Байронъ* бѣжипъ изъ отечества и умираетъ, проклиналъ Англійское имя, имъ прославленное; *Коллриджъ* лишенъ недавно маленькаго пенсіона, копорый получалъ онъ; придворному поэту *Сутею* производится ежедневно сумма, копорой стоиптъ бупылка проспаго вина, подаваемого при дворъ на споль; *Муръ* нашелъ, что поэзія, какъ и добродѣшель, должна быть сама себя наградою; *Гоггъ* (Hogg) гложетъ баранью кость, пася по найму спада; а *Вильсонъ* учиптъ школьничковъ философіи.»

НЕ ЛЮБО НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ
НЕ МЪШАЙ.

На одной вечеринкѣ спросили о снмъ воображенія собакъ.—У меня былъ, увѣрлю васъ, мм. гг., — сказалъ профессоръ *I***: чѣрный сприксъ, копорый не тлъ чепыре дня опъ того полько, что поглядѣвшись въ зеркало, вообразилъ, будпо бы морда его поблѣднѣла.—«А л.» возразилъ другой гость: «зналъ пуделя, копорый цѣлую недѣлю вообразалъ, что опъ шпичъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСТОРИЯ ЛОТЕРЕИ.

Многіе полагаютъ, что лотерея выдумана не прежде 16 спольтія, или, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе *Лудовика XIV*; они ошибаются. Игра, извѣстная подъ именемъ лотереи, учреждена въ Парижѣ въ 1644 году, подъ названіемъ Королевскаго Банка; но такого рода Банки существовали еще прежде того въ Италіи, Голландіи и даже въ Лионѣ. Въ Каирѣ и во всемъ Египтѣ поргъ производился иначе, и лотереи были тамъ такъ давно въ употребленіи, что трудно опредѣлить настоящее время ихъ основанія.

Италіанцы ввели эту игру во Францію и хотъли дать ей названіе Лотереи, копорое носила она въ Венеціи и Генуѣ; по грамапикъ *Вожепа*, назначенный главнымъ директоромъ, не допустилъ слова эшаго во Французской языкъ, и оно полько по смерти его вошло у нихъ въ употребленіе.

Сначала лотерея была не по, чѣмъ сдѣлалась впослѣдствіи. Нынче разыгрываются въ ней деньги, но погда въ лотерею поспупали дома, серебро, галантерейныя вещи, карпины и пр.; билеты продавались по самой умѣренной цѣнѣ.

Въ началѣ царствованія *Лудовика XIV* всѣ придворныя дамы участвовали въ лотереяхъ; выигрышные билеты оцѣнивались въ 40, 60 и 100 тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, за нѣсколько червонцевъ, можно было выиграть прекрасную библіотеку, загородный домъ, богатая мебель, брилліанты и карпины *Леонарда Винчи*, *Тиціана* и *Пуссеня*. Директоры эшаго заведенія, въ короткое время, пакъ разбогатѣли, что спали давать публичные обѣды и жить какъ самыя знапныя вельможи.

Скоро правительсво учредило для лотереи особенное поспановленіе, и для предупрежденія раззоренія и злоупотребленій, опредѣлило цѣну билетамъ—по эфимку за каждый; сверхъ того установила, чшобы лотерея разыгрывалась не прежде, какъ два мѣсяца спустя послѣ раздачи билетовъ, и чшобы въ день розыгрыша рука ребенка вынимала ихъ изъ колеса. Все это, однако-жъ, продолжалось недолго, попому что купцы спали жаловаться на подрывъ ихъ поварамъ, и правительсво было принуждено въ 1667 году уничтожить лотерею.

Но она возобновилась въ слѣдующій годъ, и чшобы не запруднятъ болѣе порговли, заплашила большія суммы денегъ. Она пустила въ ходъ 100,000 билетовъ; изъ копорыхъ 90 тысячъ покупались по эфимку, прочіе же по произвольной цѣнѣ. Король, его мать и королева, на эшопъ разъ взяли билеты во 100 лудоровъ и выиграли. Въ лотереѣ учредился непремѣнный порядокъ, и

чтобы доказать публикѣ, что не было ни какого обмана, по устанавлено было, чтобы розыгрышъ не производился иначе, какъ посредствомъ шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ выбирали по жребію изъ двѣнадцати и приводили изъ дома Призрѣнія сиротъ.

Въ то время, скряги, пресподюдины и горничныя служанки, обольщенные мечтами и вѣря пророческимъ снамъ, не брали еще лотерейныхъ билетовъ; но нѣкоторые суевѣрные особы тщательно выбирали дни щасливыхъ сновидѣній. Въ то время, какъ и нынче, 999 человекъ изъ тысячи напрасно перяли деньги свои въ лотерею; а нѣкоторые желали прослыть благоразумными, не брали билетовъ, или брали ихъ подъ чужимъ именемъ. Такимъ образомъ, два знаменитыхъ юриста, гг. *Паризо* и *Жильбертъ*, выиграли два нумера, одинъ подъ именемъ *Пети-Жана*, другой—*Маскарилла*.

Вскорѣ многіе богатые люди завели у себя маленькія частныя лотереи, по примѣру большой, и какъ *Ипаліанцы* выдавали себя за изобрѣтателей ея, по какой-то ученый доказалъ, что она издревле еще существовала въ Египтѣ, гдѣ посредствомъ ея производилась вся торговля. Потомъ, чтобы еще болѣе унизить гордость корыстолюбивыхъ *Ломбардцевъ*, написалъ, что *Кентавры* и *Лепиды* вели когда-то кровопролитную войну за первую лотерею, о которой упоминается въ исторіи. По мнѣнію эпаго ученаго, выдумка дѣлится по жребію—принадлежитъ къ самой глубокой древности. Раздѣленіе свѣта между баснословными богами, раздѣленіе *Лаконіи* *Ликургеомъ*, и похищеніе *Сабинокъ*, которыхъ *Римляне* брали себѣ по жребію, — всё эпо, говоритъ онъ, было ни что иное, какъ лотерея.

Въ исторіи древняго Рима мы находимъ, что кесари, при раздаваніи народу щедротъ своихъ, употребляли также родъ лотереи; для эпаго наверхывали на деревянныхъ дощечкахъ имя вещи, или суммы денегъ, и по окончаніи театральнаго представленія, бросали ихъ въ толпу; и каждый, кто могъ

поймать одну изъ таковыхъ дощечекъ, получалъ то, что было въ ней означено.

Императоры *Неронъ* и *Титъ* очень часто награждали такимъ образомъ невольниковъ своихъ—деньгами и подарками.

Гелиогабалъ забавлялся эпаго рода лотереями съ придворными и народомъ. Но при немъ имена вещей означались на раковинахъ, которыхъ также бросали народу, и, нѣрѣдко для забавы, половина раковинъ общала подарки—ни на что негодные или смѣшные.—Напр: одинъ получалъ сто золотыхъ монетъ, а другой такое же число пузырей; одинъ десять фунтовъ свинцу, десять медвѣдей или верблюдовъ,—другой десять лицъ, фунтъ говядины или десятокъ сверчковъ. Случай и щасіе располагали выигрышемъ; иному доставалось десять спраусовъ, между тѣмъ какъ товарищъ его долженъ былъ довольствоваться десятію мухами, и пр. *Липидій* говоритъ, что игра эпа такъ нравилась *Римлянамъ*, что они почитали себя щасливыми имѣть Императоромъ *Гелиогабала*, не смотря на безуміе эпаго развратнаго и кровожаднаго тирана.

T.

МАРЪИНА ДОРОГА.

(Преданіе).

Въ обзорнѣи обликъ гаетей свѣта, (*Revue des deux mondes*) есть описаніе путешествія по *Норвегіи*, которое, по прелести слога и очаровательной занимательности своей, заставляетъ насъ жалѣть, что мы можемъ выписать изъ него не болѣе какъ только нѣсколько страницъ.

..... Передъ нами открылась пропасть въ 100 футовъ глубины; утесы, окружавшіе её, были отвѣсисны, мрачны и покрыты блестящею влагою. Они по понижались, по представляли спрашныя прецины; вершины ихъ озарены были яркимъ свѣтомъ, а подножія перялись во мглѣ. Длина пропасти простирается на 150 футовъ, а ши-

рина ея на 1200. Пропивъ насъ, изъ одной изъ двухъ разсѣлицъ каменной спѣны низвергался быспрый потокъ, или, лучше сказать, рѣка, которая, не находя себѣ препоны въ проспранствахъ воздуха, всею пѣнистою массою своею падала съ вершины утеса; на другой сторонѣ его кипѣли два водопада, изъ которыхъ одинъ билъ въ верхъ, другой съ шумомъ капился къ низу; одинъ ослѣпительною бѣлизною своею рѣзко отдѣлялся отъ черныхъ базальтовыхъ краевъ скалы, служившихъ ему рамою; другой въ быстромъ спремленіи по покрывалъ ихъ собою, по открывалъ опять, уносимый порывами вихря, который вѣчно кружился на этихъ ужасныхъ спремнинахъ. Иногда водяныя пары, поднявшись къ облакамъ, образуютъ въ нихъ блестящія радуги,—иногда, обитые въпрямъ, они сгущаются и туманомъ висятъ надъ пропастью. Мы заглянули на дно ея, и увидѣли водный адъ—хаосъ пѣны! Проходя по краямъ утеса, чтобы осмотрѣть её во всѣхъ видахъ, мы съ удивленіемъ нашли маленькую площадку, которая повисла со скалы, въ видѣ перассы, успроенной природою для любопытнаго путешественника.

Окружность ея проспирается не болѣе какъ на 4 фуза; мы легли на гладкой каменѣ; проводники наши держали насъ за ноги, и такимъ образомъ, свѣся голову съ площадки, мы смотрѣли внизъ, и я могу сказать, что если кто въ этомъ положеніи не чувствовалъ головокруженія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что не будетъ подверженъ ему никогда. Я смотрѣлъ и содрогался; несчастный, который бы упалъ въ эту ужасную пропасть, въ одну минуту былъ бы изорванъ на часпи; однако-жь мнѣ непременно хотѣлось добратъся до вершины, съ которой низвергается потокъ, и для этого надобно было итти узкою, скольскою и чрезвычайно опасною пропинкою. Живописецъ мой пошелъ со мною, но офицеръ нашъ остался на краю.

Не успѣли мы опойти шаговъ сто, какъ были принуждены снять обувь и цѣплять-ся пожными пальцами за прещины камня,

не болѣе какъ въ 2 вершка шириною, и хвататься руками за правую, которая кое-гдѣ пробивалась изъ разсѣлицъ. Это было единственною опорою нашею на голой, гладкой, какъ стекло, спремниѣ, наклоненной на 45 градусовъ! Я думалъ о матери моей и, признаюсь, раскаявался въ безразсудномъ своемъ предпріятіи; но уже было поздно, и надобно было итти далѣе, чтобы дойти до удобной дороги. Доспигнувъ её, мы разсудили, что сдѣлали довольно для будущей славы нашей, и потому рѣшились воротиться назадъ. Наконецъ увидѣли себя на плоской землѣ, съ радостью мореплавателей, спасшихся отъ бури.

Эта подгорная дорога называется *Марвиною дорогою*, и она, какъ и Алпійскія пропинки, имѣетъ свое преданіе.

Одна молодая дѣвушка, изъ Гуета-Тала, была обручена пасуху верхней долины. Любовники, приходя повидаться другъ съ другомъ, должны были итти по этой страшной дорогѣ, и, желая раздѣлить опасность пополамъ, условились навѣщать другъ друга по очереди.

Однажды *Марил*, прождавъ долго пасуха своего, рѣшилась итти къ нему сама, хотя въ этотъ день была очередь не за нею,—дошедши до самаго опаснаго мѣста, она увидѣла, что женихъ ея боролся на краю пропасти съ ужаснымъ медвѣдемъ, который, вцѣпясь лапами въ прещины камня, казалось не хотѣлъ уступить прохода врагу своему. Любовники смотрѣли другъ на друга въ оцѣпненіи ужаса,—медвѣдь смотрѣлъ на обоихъ, какъ будто въ нерѣшимости, и вдругъ, передвигая медленно одну лапу за другою, придвинулся къ молодому человѣку—и всею массою своею хотѣлъ сполкнуть его въ пропасть. Въ это время пасухъ выхватилъ ножъ, и ударилъ имъ въ медвѣдя съ такою силою, что онъ отскочилъ назадъ и упалъ бы въ пропасть, если бы когти его не вцѣпились въ камень. Опомившись отъ удара, разъяренное животное пошло прямо на бѣдную *Марію*; несчастная кричала, плакала, хотѣла бѣжать, хваталась за камни—но тщетно; медвѣдь наспитъ её и смѣлъ съ

дороги своей, какъ легкую соломенку. Мнѣ спыдно сказать, что молодой любовникъ не бросился за нею, но онъ сдѣлалъ гораздо лучше; онъ убилъ медвѣдя, продалъ съ него кожу и на вырученныя деньги опслужилъ обѣдню за упокой невѣсты своей. Разумѣется, что все это произошло еще до Реформы.

Г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

72.

(Окончаніе.)

Спр. 40 «Приказавъ... жипелямъ, просить у побѣдителя милоспи и *милосердія*; Польское слово—*miłosierdzie* значитъ пупъ: пощада, помилованіе. Слѣд. просить милоспи и пощады.

—«Можайскіе жипели такъ и сдѣлали: они опправили къпану гепману *депуацію*» Слово *депуація* въ подлинникѣ не находится, и, кажется, переводчикомъ упопрелено не весьма кспати.

—«Бипва при *Клушинѣ*,» послѣднее слово прибавлено переводчикомъ; у гепмана просто: эта бипва.

— Въ подлинникѣ *Горнѣ*—у переводчика *Горштейнѣ*.

—«*Понтусъ* и *Горштейнѣ* оба были въ души убѣждены, что они сдѣлали въ Швеціи измѣну прошивъ его величества короля.» Тутъ переводчикъ не понялъ, въ какомъ значеніи было упопрелено Латинское слово: *consciens*, *conscia*, и потому перевелъ: были въ души убѣждены—когда слѣдовало перевести: бывъ *соучастниками* въ измѣнѣ и проч.

Спр. 41. Здѣсь *Осиповъ* передѣланъ переводчикомъ въ «*Осипово*.»

—«А морить бы голодомъ, пошло бы надо, такъ какъ Московскій народъ,—и въ этомъ никто съ нимъ не сравнится!— можетъ пипаться *гльз ни попило*.

Въ подлинникѣ сказано: *lada sčém żyw*, п. е. довольствуется весьма малымъ, или можетъ прожить, получая чрезвычайно мало пици.

Спр. 43. «Но узнавъ (Татары) опъ *плыныхъ*,» вмѣсто *плыныхъ* чипайте: *языковъ*;—языковъ, какъ всякому извѣстно, по большій части схвапываютъ въ селеніяхъ, въ полѣ и гдѣ ни попало, и узнавъ опъ нихъ что нужно, оппускаютъ, ни мало не щипая ихъ за *плыныхъ*.

Спр. 44. Лицемъ называютъ Помяки не Юнь, но Юль, и поэтому переводчикъ ошибается поспавивъ, что сверженіе *Шуйскаго* съ престола происходило 22 Юня.

Спр. 45. Князь *Мстиславскій*, *отлигнѣвшій* человекъ «этого времени въ Москвѣ.» Кто чипалъ Русскую испорію, пому извѣстно, что к. *Мстиславскій* былъ не опличнѣвшій,—но пуспѣвшій человекъ.

Въ подлинникѣ *paupzedrieyszy*, п. е. почетнѣвшій, знапнѣвшій и проч.

Спр. 46. «А памъ *вся* сила заключается въ спрѣльцахъ.» Должно чипать: а памъ весьма много зависитъ опъ спрѣльцовъ (*a sila tam na strzelcach na leży*); ибо Польское слово *silą*, не лзя перевести пупъ Русскимъ *сила*, оно значитъ пупъ: весьма много.

«Противъ враждебной *факціи*.» Опъ чего же не сказать—партіи?

—«Чернецъ спросилъ *Шуйскаго*, хочеть ли бытъ монахомъ?—*Шуйскій* отвѣчалъ, что не имѣеть никакого *призванія*.»

Послѣднее слово упопрелено весьма не кспати; въ подлинникѣ сказано просто: *że niemał tey woli*, п. е. не имѣлъ желанія.

—«И памъ уже держали его (*Шуйскаго*) *взаперти*.» Въ оригиналѣ сказано: *pod strażą go mieli*, п. е. держали его подъ спраженію.

Спр. 47. «Товарищами (*Кавалеристами*)» Къ чему поставлено пупъ переводчикомъ послѣднее слово? Если для того, чтобы опредѣлить, что значило въ Польской арміи *товарищъ*, то переводчикъ въ семь не успѣлъ; ибо казаки, драгуны, рейпары—кавалеристы, но не поварищи. Имя *товарища* давалось служащему въ войскѣ дворянину; богатѣйшіе дворяне обыкновенно служили въ гусарахъ, копорые въ то время соспавляли пилжелую конницу Польской арміи, но въ гусарахъ же были рядовыми паходики, кото-

рыхъ никогда не называли поварищами, не смотря на то, что они были *кавалеристы*.

Спр. 48. «И два думные дяка, — *якто въ родъ того какъ у насъ хранили печати;*») въ подлинникъ: *jakotó u nas pieczętarze*, п. е. поже, что у насъ хранили печати.

Спр. 51. «Панъ гешманъ не хотѣлъ возобновлять его, являясь съ такимъ предложениемъ;») въ подлинникъ: *niechcial P. Hetman z tym się odkrywać*, п. е. панъ гешманъ и не хотѣлъ въ этомъ открываться.

—«И онъ (*Гонсевскій*) былъ весьма доволенъ, что вся *затя* была переведена паномъ гешманомъ къ этому *результату*.» Тутъ все изобрѣшено переводчикомъ — и *результатъ* и *затя*; въ подлинникъ находимъ: *i bardzo się kontentował, że, ad istum Statum rzecy były od P. Hetmana przywiedzione;*») а онъ весьма радовался, что дяка были приведены гешманомъ въ такое положеніе.

—«Оспавалось *огистить* дяло съ Самозванцемъ и съ войскомъ, которое при немъ находилось.» Эта фраза переведена весьма почто, только прибавлено, и, кажется, очень не кспати, слово: *очистить*.

Спр. 52. Фраза: «То *in istumewutum P. Hetman czynit, isz inż*» переведена слѣдующимъ образомъ: панъ гешманъ сдѣлалъ это *тѣмъ* *правильнѣе*; что должно было перевести: гешманъ попустилъ такъ, на потъ конецъ, чтобы и пр.

—«Панъ *Салпа* радъ бы былъ принявъ предложеніе гешмана, но имѣлъ дяло съ *войскою* буйнымъ и пр.» Переводчикъ, какъ мы видѣли выше, имѣлъ очень темное понятіе о томъ, что разумѣли въ Польшѣ подъ именемъ *товарища*, и потому по объясняетъ оное словомъ *кавалеристъ*, — по переводитъ словомъ *войско*. *Жолъвскій* не говоритъ о буйствѣ всего войска, но только о буйствѣ поварищей.

—«*Обозъ* оспался на мѣспѣ.» Здѣсь опять обозъ вмѣсто лагеря.

Спр. 55. «Новгородъ великій, *Czeranda* (Чердынь?)»

Переводчикъ предполагаетъ, что Черанда ничто иное, какъ городъ Чердынь. Пред-

полагать всякому позволено, хотя это предположеніе совершенно неосновательно.

—«Всѣ плѣнные, содержавшіеся по разнымъ замкамъ въ плѣжкѣ неволь, освобождены: ихъ было въ Москвѣ до 2,500 человекъ, съ плѣми, которыми дана свобода. Многіе изъ нихъ принадлежали къ благороднымъ фамиліямъ. Однихъ опсправили въ столицу, а другихъ куда ближе. Изъ Великаго Новгорода, *Чердыни* и другихъ мѣспѣ, они были опспраны подъ Смоленскъ.» Здѣсь переводчикъ выбрасываетъ названіе Черанда, и замѣняетъ оное самопроизвольно городомъ Чердыню.—Въ подлинникъ сказано самымъ опредѣлительнымъ образомъ, что однихъ опсправили въ Москву, а другихъ, которыми было ближе, какъ изъ Новгорода Великаго, изъ *Черанды* и *прогихъ*, подъ Смоленскъ. Теперь не ясно ли, что это не могло опноситься до Чердыня, города Пермской губерніи, опспоящаго опъ Москвы на 1695 верспѣ,—а опъ Смоленска еще далье.

—«И снабдили ихъ большимъ запасомъ *живности*.»

Слово *żywność* значитъ по-Польски всѣ вообще съѣстные припасы.—Русское же слово *живность* значитъ: куры, утки и проч. И по этому, если-бы было поспулено по словамъ переводчика, то Русскіе послы, съ ихъ четырёхтысячною свитою, могли бы опспаться безъ куска хлѣба.

—Янъ *Кохановскій* названъ въ подлинникѣ ловчимъ; переводчикъ называетъ его егермейсперомъ.

—«Бояре спрашились *подобныхъ приключеній*.»

Послѣднія два слова прибавлены переводчикомъ; въ подлинникъ сказано просто: спрашились того-же.

—«По мы и это ей (*дружинѣ Салпа*) опспрешили, и *погрозили* подрапаться съ нею.»

Здѣсь измѣненъ подлинникъ, и прибавлено слово: *погрозили*; надо читать: и были готовы сражаться съ ними и проч.

Спр. 59. «Потому что изъ плѣхъ мѣспѣ мы ожидали продовольствія для нашего вой-

ска.» Здѣсь измѣненъ смыслъ подлинника отъ пропуска слова *наибольше*, которое слѣдовало бы послѣ слова *мы*.

— «*Валлвскій*, ближайшій и почти главный *наушникъ* Самозванца....» Слово *confident* не лѣзя перевести *наушникъ*.

— «*По отступленіи Сапгеи* отъ Москвы;» въ подлинникѣ: *po odeuſciu*, т. е. когда *Сапгеа* опошелъ, или по удаленіи *Сапгеи*.

Стр. 60. «На удовлетвореніе споль значительной издержки.» Этой фразы въ подлинникѣ не находится, но сказано: «А какъ плапиль жалованье споль многимъ войскамъ не было опкуда....»

— «Панъ гешманъ *распорядился* такимъ образомъ, что начальство надъ спрѣльцами, по добровольному согласію бояръ, съ которыми онъ предварительно условился, было поручено пану *Велижскому* спаростѣ (*Гонсвскому*.)»

Здѣсь слово *распорядился* соспавляетъ явное пропивоорѣчіе со всѣмъ, что сказалъ гешманъ, которъ описываетъ всю важность званія начальника надъ спрѣльцами, — и различныя способы, употребленные имъ къ тому, чтобы это назначеніе пало на *Гонсвскаго*, а поэтому могъ ли онъ сказать: *я распорядился*? Не нужно прибавлять, что въ подлинникѣ авторъ выражается совсѣмъ иначе.

— Переводчикъ называетъ начальника надъ спрѣльцами: по *старшиною*, по *головою*. За чѣмъ изобрѣпаты? — Гораздо было бы лучше придержаться подлинника и перевести слово *Starszy nad et...* старшій или начальникъ надъ спрѣльцами; — но переводчику угодно было употребить на одной спраницѣ слово *голова* (стр. 60), а на другой слово *старшина* (стр. 61).

Кто нѣсколько знакомъ съ Русской Исторіей, тому извѣстно, что спрѣльцами завѣдывали не головы, не спаршины — но Спрѣлецкій Приказъ. — Званія *старшинъ* мы

въ спрѣльцахъ не находимъ; спрѣлецкія же головы дѣйствительно были, — но это званіе было самое незначительное и равнялось те- перешнему чину ротнаго командира; князь *Курбскій*, въ своихъ сказаніяхъ, называетъ спрѣлецкихъ головъ не болѣе, не менѣе, какъ только ротмистрами (*).

А. А.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАММА.

Плодомъ познанья своего
Нашъ врачъ себя увѣковѣчитъ:
Спаруха смерть бѣжитъ его,
Боясь, что онъ еѣ залечитъ.

Фонз-Бейеръ.

ШАРАДА - ОМОНИМЪ.

Когда меня раздѣлите на слоги:
Два первые — гора, гдѣ обитали боги;
Слогъ *третій* липера съ замѣшкой на веру.
Кто на своемъ вѣку
Байроновы не зналъ спихотворенья?
Послѣднимъ слогомъ дочь *Байронову* зовуть.
А *цѣлыми* въ Греціи вели лѣшосчисленье.
Вамъ опгадавъ меня нѣтъ запрудненій пущъ;
Однако же готовъ еще давъ поясненье.
Завоевателя, царя, героя мапъ,
Моймъ названіемъ изволила назвапъ.
Теперь ни слова не прибавлю,
И чеспъ опгадывапъ самимъ вамъ предоставляю.

Въ № 42-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Intervention*, въ комъ заключается: *Vent, vin, vite, invention, veine, oie, ton, vert, tête, tort, non, Troie, trône, Ven. vie, rive, Roi, Reine, ire, venette, réve, rien, trot, teint, re, rot, tri, note* и *vérité*.

(*) См. Описание *Ливонской войны* (1554 — 1560) въ сказаніяхъ князя Курбскаго часть 1. стр. 77.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 44.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 30 дня 1836 года.

Есть много сребра, золота:
Кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей:
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р Я С Л И Ц А.

(Повѣсть.)

О лилія! какъ прѣкрасна ты въ скромной простотѣ твоей! какъ прелестна дѣвственною бѣлизною и спыдливымъ смиреніемъ! Милый цвѣпокъ чистоты и невинности—щасливъ, спокрапно щасливъ ты, кто насладишься твоеимъ благоуханіемъ и назовешь тебя своею!.. Но ахъ! не для меня цвѣнешь ты!.. не для меня, осужденнаго покинуть свѣтъ и заживо погребсти себя въ мрачномъ гробѣ! Но что я говорю? Нѣтъ! пыщелны спаранія варваровъ удержатъ меня; я разорву оковы мои,—я возьму назадъ кляшвы, вырванныя у меня корыстолюбіемъ и хипростію—и ты, роза любви, будешь моею!

Такъ говорилъ про себя молодой *Овидій* *Офланжъ*, проходя по улицѣ Гренъе-сюръ-ло, и смотря на окошко *Юліи*.

—Гдѣ эта улица, о которой никто не слыживалъ? спросите вы, и кто такіе *Овидій* и *Юлія*? —

Я сей часъ объясню вамъ всё двумя словами.

Улица Гренъе-сюръ-ло, маленькая и узкая, идетъ паралельно съ грязною улицею Моршеллери и примыкаетъ къ церкви св. Жервеза.

Вы вѣрно разсмѣялись поэтическимъ выраженіемъ *Офланжа* при видѣ *Юліи*, — которую сравнивалъ онъ съ лиліями и розами посреди пыснаго и нечистаго предмѣстія Марѣ.— Но вы забыли, что въ спарину Парижъ, эта гордая сподица великолѣпная и роскоши, былъ не то, что нынче, и что предмѣстіе Марѣ предспавляло тогда обширную долину, покрышую садами и живописными домиками.

Теперь надобно сказать вамъ—кто была эта *Юлія*, которая внушила такую нѣжную и возвышенную спраспу молодому и богатому *Овидію*. *Юлія* была проешая, бѣдная дѣвушка, которая жила спудами рукъ сво-

ихъ, въ маленькой улицѣ Гренъе. Она встала вмѣстѣ съ солнцемъ, выходила на крыльцо, и ждала тамъ знакомую молочницу, которая каждое утро носила ей на завтракъ свѣжее молоко и фрукты,—обыкновенную пищу ея. Вотъ опъ чего, прибавляетъ хроника, *Юлія* уподоблялась бѣлизною своею горному снѣгу и была невинна и шиха, какъ скромная горлица.

Звучное имя *Овидія Обланжа* доказываетъ вамъ, что онъ принадлежалъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій Франціи. По обычаю того вѣка, онъ назначенъ былъ родителеми въ духовное званіе, и съ малолѣтства отданъ былъ въ семинарію Іеновѣйскаго монастыря.

Обланжъ не хотѣлъ учиться ни чему, слѣдовательно немного успѣлъ въ наукахъ; у него однако-жъ было одно любимое занятіе, къ которому приспирасился онъ пѣтъ силнѣе, чпо могъ только предаваться ему въ свободные часы опъ классовъ или въ пѣ дни, въ которые прѣвѣжалъ въ опцовскій замокъ. Вы удивитесь, когда я скажу вамъ, чпо это былъ покарный спанокъ.

Подъ надзоромъ наставника, *Овидій* посѣщаль сосѣдей, бываль часпо въ Парижѣ и при Дворѣ, но сердце его оспавало по видмому спокойно, и онъ хладнокровно смотрѣлъ на первыхъ красавиць Двора и сполыць. Ни одна женщина не привлекала вниманія его, ни одна—кромѣ бѣдной, незнапной *Юліи*, которая плѣнила его, не желая и не зная побѣды своей. Разумѣлся, чпо *Овидій* скривалъ спрасъ свою, какъ какую нибудь ужасную тайну, и наставникъ, видя его мнимую холодность и равнодушіе, былъ твердо увѣренъ, чпо онъ безъ всякаго сопропнвленія войдетъ въ монастырь Іеновѣиновъ, гдѣ всё готово было къ его посприженію; но въ самый день, назначенный для эпаго обряда, *Овидій* убѣжалъ изъ семинаріи.

Зачѣмъ, спросите вы, зачѣмъ ввели эпаго молодого человека въ свѣтъ, если онъ скоро долженъ былъ опказаться спъ него навсегда и посвяпипъ жизнь свою религіи? Для чего дали ему узнать великолѣпіе Двора, удовольспвія общества, прелестъ женщинъ—и потомъ указали на грозныя спѣны мона-

спыря, гдѣ несчастный осужденъ былъ погребспи себя на вѣки? За пѣтъ, чпо въ это время Іеновѣинскій Орденъ желалъ спать на ряду съ знаменитыми сынами Лойолы и, подобно имъ, соединипъ монашескіе обѣты со всеми наслажденіями роскоши и разспяности свѣтской жизни.

Въ пышномъ убѣжищѣ своемъ, молодые монахи не опказывали себѣ ни въ чемъ, и проводили дни свои въ безспреспанныхъ забавахъ и праздности. Всѣ они были запапнаго рода, богаты, оплично воспитаны и блиспали ловкостью въ обращеніи и самою упонченною свѣпкостью. Самая одежда ихъ нимало не согласовалась съ святоспью и смиреніемъ званія ихъ—и походила больше на пнеапральпый костюмъ, нежели на рясу монашескую.

Желая для выгодъ монастыря привлечь къ себѣ молодого и богатого юношу, Іеновѣины истощили всѣ средства, чпобъ воспламенипъ его честполюбіе и поощрипъ природныя его способности, по еспъ они желали сдѣлать изъ него пронырливаго интригана, хитраго и тонкаго политипка, копорый бы со временемъ могъ овладѣть слабымъ умомъ *Лудовика XV* и управлипъ не только Франціею, но и цѣлою Европою. Старанія ихъ оспались однако тщетными и, къ сожалѣнію наставника, *Овидій* нимало не плѣнялся Дворомъ и не желалъ обрапипъ на себя вниманія государя. Однажды, когда наставникъ говорилъ ему о слабѣ сдѣлаться духовникомъ короля Французскаго и можеть быть первымъ министромъ въ государспвѣ, *Овидій*, выслушавъ его спокойно, спросилъ только: хорошо ли его величество почитипъ изъ кости; менпоръ съ досадою и презрѣніемъ опвернулъ опъ воспитанника своего и не опвѣчалъ ему ни слова.

Обланжа искали вездѣ—и нигдѣ не находили; онъ однакожъ не улѣпѣлъ на небо; куда-жъ дѣвался онъ? Полиція не знала, чпо думать и разспала шпіоновъ своихъ повсюду, но между пѣтъ, какъ они бѣгали по всему городу, *Овидій*, переодѣтый въ платье простаго ремесленника, жилъ въ маленькой улицѣ Гренъе, гдѣ разцвѣтала для него роза любви.

Ошець *Обланжа*, по примѣру *Лудовика XV*, имѣлъ у себя покарный спанокъ, и часто опъ скуки почилъ на немъ разныя бездѣлицы. *Овидій*, въ ребячествѣ прѣзжая изъ школы домой, выучился также почипть и, посвятивъ себя единственно этому занятію, приобрѣлъ въ немъ большой навыкъ и искусство. Бѣжавъ изъ семинаріи, онъ нарядился въ поденщики къ покарю, работалъ прилежно и скоро заслужилъ похвалу и любовь хозяина, какъ за спараніе свое, такъ и за опличное поведеніе. Возвращаясь съ работы домой, *Овидій* пригопвлялъ самъ скромный обѣдъ свой, и потомъ цѣлые вечера просиживалъ подъ окномъ своей бѣдной горенки, или гулялъ по Селестинской набережной, которая, съ улицею Гренъе, соспавляла для него вселенную. Не удивляйтесь: въ этомъ уединенномъ предмѣстіи жила *Юлія*, какъ прекрасный и рѣдкій цвѣтокъ, возвращенный природою въ дикой и безплодной пустынь.

Долго не смѣлъ онъ кланяться молодой дѣвушкѣ, и вспрѣчалъ съ нею, препеналъ и блѣднѣлъ, какъ преспуникъ въ часъ смерти. Наконецъ, однажды рѣшился онъ поклониться ей, но она прошла скоро и не оглядываясь; въ другой разъ, выходя изъ церкви, онъ подалъ ей святой воды—и *Юлія* опблагодарила его, закраснѣвшись. *Овидій* искалъ случая—не говорить съ нею; такое желаніе сначала казалось ему слишкомъ дерзновеннымъ,—а по крайней мѣрѣ дасть ей какъ нибудь замѣшить спрасъ свою. Наконецъ судьба сжалилась надъ бѣднымъ любовникомъ.

Приблизился прекрасный день Нового года, и вы знаете какія суебы подымаются въ это время почти во всякомъ домѣ. Товарищи *Овидія* говорили съ воспоргомъ о удовольствіяхъ, которыя ожидали ихъ въ семействѣ. Одинъ ждалъ прѣзда опца и мапери, и надѣялся, что они привезутъ ему денегъ; другой богатаго дядю, претій пѣтку; иные спѣшили кончить разныя бездѣлки для сестеръ, для маленькаго брата, для любимой племянницы; но каждый, говоритъ болпливая хроника, готовилъ тайно особенный подарокъ для той—которую не называлъ, и никому не говорилъ о немъ.

Овидій, слушая ихъ, вздыхалъ изъ глубины души своей; ему было некого ждасть, некого дарить... Кто о немъ заботился,—кто любилъ его на свѣтъ?... Она!... При этой мысли онъ вскочилъ и ударилъ себя по лбу. Почему-жъ бы мнѣ не сдѣлать чего нибудь для неѣ и не подарить ей на Новый годъ?... Но что, на примѣръ?... Пряслицу?... О, да, конечно,—я подарю ей пряслицу!

И вопъ—*Овидій* принялся почипть, почипть, и пряслица наконецъ поспѣла; онъ раскрасилъ, разолопилъ еѣ, и накануне Нового года, пока *Юлія* не было дома, опнесъ и спсавилъ въ ея комнату, положивъ въ колесо нѣжныя стихи своего сочиненія, подъ которыми однакожъ онъ не подписалъ своего имени.

Наконецъ онъ осмѣлился заговорить съ *Юліею*, но тихо и дрожащимъ голосомъ. Однакожъ первый шагъ былъ сдѣланъ, и съ этой минуы они рѣдко вспрѣчались, не сказавъ другъ другу нѣскольکو словъ. Мало-помалу разговоры *Овидія* сдѣлались живѣе, пламеннѣе, и въ одно прекрасное утро кончились полнымъ признаніемъ любви. Окна дѣвушки были прямо противъ окошекъ *Овидія*, и распяніе ихъ было такъ смѣжно, что они безъ пруда могли давать другъ другу руку. *Юлія* испугалась, когда онъ сказалъ ей, что для неѣ убѣжалъ изъ семинаріи и былъ сынъ знашнаго вельможи. Она плакала и пвердила, что онъ вѣрно скоро забудетъ и опсавитъ еѣ.

«Мнѣ опсавитъ, мнѣ забытъ шебя?» опвѣчалъ *Овидій*: «Нѣтъ, никогда, никогда я не разстанусь съ побою! шебъ я опдаю всю жизнь мою, и дыша для шебя одной—забываю знапность мою и самое имя.»

Часто *Юлія*, разговаривая съ другомъ своимъ о гордыхъ красавицахъ Двора, о роскоши ихъ и богатой одеждѣ, невольно взглядывала въ зеркало и вздыхала, смопря на проспой нарядъ свой.

«О, *Юлія!*» говорилъ тогда *Овидій*: «кланусь, что ни одна изъ этихъ женщинъ не привлекла ни на минушу глазъ моихъ; но шебя, несравненная, шебя я полюбилъ съ перваго взгляда—и никогда любить не переспану. Всѣ щастіе для меня—быть съ

побою, смотрѣшь на тебя, — обожаешь тебя!»

И *Овидій* падалъ на колѣна — и цѣловалъ бѣлыя руки *Юліи*.

— Вѣрю тебѣ, вѣрю и боюсь; ты знаешь, богатый, воспитанный въ великолѣпныхъ палацахъ — будешь ли долго спосишь пляжкую, бѣдную жизнь грубаго рабшника? . . . —

«О, не говорю эпаго, *Юлія!* Какъ часто въ эпахъ великолѣпныхъ палацахъ, стоя у мраморнаго окна, я смотрѣлъ изъ него въ поле, гдѣ весело работали добрые поселяне — и съ тайною грустью говорилъ самъ себѣ: для чего судьба не опредѣлила мнѣ родиться подъ соломеннымъ кровомъ бѣднаго земледѣльца; для чего не могу я промѣнить эпаго пышнаго замка, съ древними башнями его, на скромную хижину паспуха, гдѣ обитають тихія радости семейной жизни — и наслажденія сердца замѣняютъ печальное богатство и жалкія удовольствія знаменности. Но тогда я еще не зналъ тебя, *Юлія*, тогда взоръ твой еще не пробудилъ души моей къ новой жизни. О, *Юлія!* ты не знаешь меня . . . я уважаю честнаго ремесленника, который, въ пошѣ лица, достаетъ хлѣбъ для дѣлней и милой жены своей, и, мѣняясь съ ними ласками, забываетъ труды и усталость. — Такая жизнь есть прямое и истинное назначеніе человека — это законъ природы, законъ Бога: нѣтъ на земли ни одного живаго существа, которое бы не покорялось ему. — Смотри,» продолжалъ онъ, указывая въ садъ, гдѣ въ это время расцвѣвали пшпчки: «смотри, съ какимъ весельемъ, съ какою заботливостью, эти крылатые пѣвцы природы перелезають пуда и сюда, чптобы принести нѣсколько зеренъ милой подругѣ; съ какимъ нѣжнымъ попеченіемъ шны изъ нихъ заготовляють гнѣзда для будущихъ ппенцовъ своихъ; они бѣгутъ палащъ гордаго вельможи, лепящъ опъ великолѣпнаго чертога роскоши, но любящъ оживлять своимъ присутствіемъ скромный уголокъ бѣднаго, и подъ низкою кровлею его — находящъ зимній пріющъ свой. — Такъ и мы, *Юлія*, сокроемъ любовь нашу въ убогой

хижинѣ, гдѣ будемъ дѣлать жизнь между трудомъ и сладкимъ отдыхомъ. Тамъ улыбаются намъ щастіе, и скука никогда не поступится у дверей нашихъ.»

Наконецъ *Юлія* совершенно успокоилась, и черезъ нѣсколько дней надлежало бытъ скромной свадьбѣ ихъ.

Между пѣмъ въ предмѣстіи узнали о пряслицѣ, подаренной *Юліи*, — и слухъ о молодомъ работникѣ распространился скоро по всему городу. Модныя дамы желали видѣть прекраснаго покаря — и на перерывъ заказывали ему для себя пряслицы.

Но увы! слава бываетъ часто губельна даже и въ самомъ низкомъ состояніи. Полиція, котораи никогда не дремлетъ — или по крайней мѣрѣ дремлетъ однимъ только глазомъ, скоро провѣдала тайну *Овидія* — и сообщила о пей Леновефинамъ. Нещастный былъ схваченъ и опвезенъ въ монастырь, — а на другой день послѣ того окровавленное тѣло *Юліи* найдено въ улицѣ Гренье у самаго дома, гдѣ жила она. Добрые опцы сказали, что она съ опчаянія выбросилась въ окошко.

Овидій, заключенный сперва въ келью, потомъ въ пюръмъ, нѣсколько разъ пытался уйпши, и наконецъ озлобленные монахи свели его въ подземелья аббатства, гдѣ онъ кончилъ горестные дни свои.

Никто не зналъ о участи спрадалца; глубокая тайна сокрыла гробъ его — и въпренный свѣтъ скоро позабылъ о немъ.

Много лѣтъ спустя послѣ того, на спѣнѣ подземелья нашли спихи, до половины спершился опъ сырости — и по смыслу ихъ догадались, что они должны были бытъ написаны *Овидіемъ*.

Нещастный начерпалъ ихъ въ минушы смерпельной поски и можетъ бытъ въ послѣдніе часы своей жизни.

Ужасныя времена! И какъ памъ не жалѣть предковъ нашихъ!

РЕКРУТЪ.

Разсказъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что поому, кто привыкъ къ дому и тихимъ удовольствiямъ семьянина, тяжело надѣть солдатскую суму—и покинуть родину, друзей и кровныхъ. Но, во Францiи, рекрутскiй наборъ есть долгъ, который каждый изъ гражданъ обязанъ заплачивать отечеству; въ противномъ случаѣ, онъ подвергается или жестокому наказанiю, или мучительной жизни бѣглеца, исполненной страха и безпрестанной тревоги. Такая жизнь въ тысячу разъ ужаснѣе бѣдствiя, отъ котораго онъ желалъ избавиться.

Николай *Буке* и Сильвестръ *Пишо*, сыновья бѣдныхъ земледѣльцевъ, были съ малолѣтства поварихами, жили въ одной улицѣ и въ одинъ годъ взяты въ рекруты. Ни тотъ, ни другой не имѣлъ склонности къ военному ремеслу; слѣдовательно, это казалось имъ ужаснымъ несчастiемъ, и шѣмъ больше, что оба любили *Анюту*, молодую крестьяночку. Но она предпочла Николая *Буке*—и любовники должны были обвиняться въ слѣдующiй годъ.

Пишо великодушно перенесъ свое двойное испытанiе, и мысль, что *Анюта* его не любитъ, облегчала для него нѣкоторымъ образомъ горестъ разлуки съ родными. Онъ обнялъ отца и добрую мать свою, которая долго не могла вырваться изъ его объятiй, и наконецъ благословивъ его, дала ему на дорогу маленькой кошелѣкъ съ деньгами, которыми она долго копила. Молодой солдатъ, выходя изъ села, взглянулъ въ послѣднiй разъ на колокольню приходской церкви—и оперъ слезу, выкапывающуюся изъ глазъ его. — Скоро онъ пришелъ въ городъ, гдѣ получилъ свое назначенiе.

Буке, неосторожный *Буке* не пошелъ съ нимъ; но ему спало стыдно, когда *Пишо* прошелъ мимо его дома, окруженный молодыми крестьянами, которые провожали его съ пѣснями, — и еще стыднѣе послѣ, когда *Пишо* ушелъ съ полкомъ въ походъ, а онъ остался въ деревнѣ. — Кто не исполнилъ

своего долга, тотъ на каждомъ шагу испытываетъ униженiе и непрiятности.

Срокъ, данный конскриптамъ, кончился, и *Буке* не смѣлъ казаться. Его всюду искала полицiя, и онъ бѣжалъ изъ дому. Бѣдные родители, зная, гдѣ онъ скрывался, снабжали его всемъ нужнымъ, но онъ часто перемѣнялъ мѣсто, чтобы не быть пойману. Онъ просилъ работы у поселянъ—но никто не хотѣлъ взять его, боясь подвергнуться наказанiю, если бы полицiя нашла бѣглеца въ ихъ домѣ.

Буке не могъ вороваться домой поному, что тамъ жили полицейскiе, которыхъ отецъ его долженъ былъ содержать и кормить до тѣхъ поръ, пока пропадалъ сынъ его. И такъ, онъ скитался въ окрестностяхъ села; спалъ лѣпомъ въ полѣ подъ кустами, зимой въ какомъ нибудь пустомъ сараѣ, и ежеминутно ожидалъ, что его поймаютъ.

Бѣдный отецъ его продалъ всё, что имѣлъ, и даже избу, въ которой жилъ двадцать лѣтъ. *Буке* оставалось только просить милосердiя; къ счастью, онъ былъ малой честной, и потому рѣшился на послѣднее. Но какъ же тяжело было молодому, здоровому человѣку пропягивать руку прохожимъ, слышать упреки въ лѣнности отъ незнакомыхъ, и сносить презрительныя взгляды отъ тѣхъ, кто зналъ его! — Наконецъ, одинъ добрый земледѣлецъ взялъ его изъ жалости къ себѣ и помѣстилъ въ самомъ опдаленномъ углу своего дома.

Онъ давно долженъ былъ опказаться отъ *Анюты*, которая, съ своей стороны, старалась забыть несчастнаго: она была бѣдна, но желала уважать мужа своего, и поному *Буке* не могъ надѣяться на прежнюю любовь ея.

Пишо, напрошивъ того, служилъ съ честью, былъ въ многихъ сраженiяхъ, получилъ нѣсколько ранъ и крестъ Почетнаго Легiона, который самъ полковникъ принесъ ему, въ госпиталь, гдѣ онъ лечился. — Черезъ десять лѣтъ его произвели въ сержанты, и онъ, получивъ отставку, спѣшилъ обнять мать;

но дорогою съ грустью думалъ объ *Анютъ* и о несчастномъ своемъ поварищѣ.

Сходя съ горы, съ копорой онъ за десять лѣтъ до того смопрѣлъ въ послѣдній разъ на сельскую церковь, онъ увидѣлъ передъ собою опрядъ жандармовъ, которые вели арестанпа. Онъ шелъ нахлбуча на глаза шляпу и опуся голову на грудь. — Руки его были связаны—плащѣ изорвано. — *Пишо* всмаприваеяся—и дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ его. — Онъ узналъ *Буке*.

Несчастный также узналъ друга и, закрывъ лицо руками, горько заплакалъ. *Пишо* бросился, обнялъ его—и не могъ выговорить ни одного слова, — но положилъ кошелѣкъ свой въ руку бѣднаго арестанпа. *Буке* не могъ не принять его, потому что взгляды его былъ краснорѣчивѣе самой убѣдительной просьбы. Въ эпомъ взглядъ была въ эпу минупу вся душа добраго юноши.

Пишо удалился, оперъ слезу съ густыхъ усовъ своихъ и долго шелъ грустный и задумчивый. Наконецъ голосъ матери: «сынъ, милый сынъ!» разбудилъ его. — Она ждала его на дорогѣ и бросилась съ слезами къ нему на шею.

Черезъ два мѣсяца *Пишо* женился на *Анютъ*.

Буке умеръ въ шюрмѣ, гдѣ содержался три года.

Г.

ОТЪ ЧЕГО УПАЛА ВОЛЬТЕРОВА ТРАГЕДІЯ.

Аббатъ *Пилигримъ* выговаривалъ *Вольтеру*, послѣ предспавленія новаго его драматическаго сочиненія, не имѣваго успѣха, что онъ занялъ у него многіе стихи. «А!... такъ ни чуть не удивительно, что моя трагедія не понравилась публикѣ;» сказалъ равнодушно *Вольтеръ*.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

73.

Еще разъ—и послѣдній—принимаюсь за перо, чпобы побесѣдовать съ моимъ знаменитымъ антагонистомъ г. *В. В. В.*, котораго неблагопріятный опзывъ о *Лит. Прибав-*

леніяхъ—въ *Сынъ Отечества*, пронуль честволюбіе издаателя сихъ листковъ столь сильно, что ни похвалы *А. С. Пушкина*, въ первой книжкѣ *Современника* помѣщенныя, ни доброе мнѣніе объ нихъ издателей *Московского Наблюдателя*, ни чтение Посланія къ нему *Жуковскаго*, обезсмерпившаго его имя, не могутъ прогнать хандры его. Для утѣшенія издаателя оспалось одно средство — оправдать его передъ всеокрушающимъ его гонителемъ и заспавить его признавъ дѣльность крипическихъ разборовъ, въ его газетѣ помѣщаемыхъ.

Сердечно сожалью, что объёмъ *Литературныхъ Прибавленій*, будучи такъ малъ, не дозволяетъ мнѣ распроспраниться въ доказательствахъ. По крайней мѣрѣ, я сдѣлаю все, что опъ меня зависить.

На стр. 61-ой книжки 1-ой С. О. на 1836 годъ, г. *В. В. В.*, объявля всенародно, что желудокъ его не варить крапкихъ крипическихъ замѣчаній на новыя книги, въ фелѣпоиъ *Р. И.* имъ вспрѣчаемыхъ, глаголетъ: «Болѣе любопытна крипика *Инвалидныхъ* (1) листковъ, называемыхъ *Литературными Прибавленіями*. Тутъ, нѣкто г. *Кораблинскій*, въ каждомъ номерѣ, поставляетъ себѣ за непремѣнный долгъ, изъ любви къ опеченпвенной литературѣ, сказать что-нибудь въ порицаніе барону *Брамбеусу* и *Библиотека для Чтенія*.»

Оправданіе.

1. Г. *В. В. В.* правъ: Литературныя замѣтки пишутся изъ чистаго усердія къ языку нашихъ предковъ, на которомъ *Филаретъ*, *Инокентій*, пропоіерей *Маловъ* проповѣдуемъ намъ Слово Божіе, *А. Н. Муравевъ* написалъ свое Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ, Цари наши даютъ намъ законы, полководцы произносятъ рѣчи воцнамъ; на которомъ *Жуковскій* прославилъ подвиги героевъ священной войны, *Пушкинъ* воспѣвъ

(1) Почему г. *В. В. В.* наименовалъ *Лит. Прибавленія* листками *Инвалидныхъ*, мы не постигаемъ. Это такъ зета чисто литературная, частнымъ человекомъ не даваемая; *Русскій же Инвалидъ* есть газета опщійная, Военная, также, какъ *Журналъ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія*, *Коммерческая газета*, *Горный Журналъ* и прочіе. — *Примѣчаніе издателя*.

взятіе Варшавы, *Батюшковъ* переходъ черезъ Рейнъ, *Державинъ* переходъ черезъ Альпы, *Хомяковъ* переходъ черезъ Балканы,—которыя говорятъ 57,000,000 жителей Россійской Имперіи, на 12,000 верстахъ разстоянія.

2. Если я, Алексѣй *Кораблинскій*, у *Брамбеуса*, у *Морозова*, у *Тютюнджи-Оелу*, у *Анисима Бѣлкина* и у почтеннѣйшаго *Осипа Ивановича Сеньковского*, — ловлю съ жадностью типографскія опечатки: то я въ эпоть подражаю спарѣйшинъ Россійской журналисткѣ, *Н. И. Грегу*. Споишь полько развернушь *№ 78-й Ств. Пгелы* и прочитайшь фельетонъ. Я эпоть сей часъ же сдѣлаю, для убѣжденія многочисленныхъ поклонниковъ барона *Брамбеуса*.

Заступаясь за *Руководство къ Педагогикѣ*, составленное по *Нилейеру* экстраординарнымъ профессоромъ Главнаго Педагогическаго института и инспекторомъ классовъ Воспитательнаго дома Александромъ *Ободовскимъ*, самоуправно разруганное *О. И. Сеньковскимъ*, *Н. И. Грегъ* говоритъ: «Въ одномъ Песербургскомъ журналѣ (2) произнесенъ смертный приговоръ этой книгѣ потому, что въ ней вспрѣчаются слова *сей* и *оний*. Въ самомъ дѣлѣ,» продолжаетъ, развеселясь такою смѣшною выходкою г. рецензента, *Николай Ивановичъ*: «какъ не стыдно издастелю ея употреблять слова, которыми начинаюся и *Исторія* государства Россійскаго—*Карамзина* и *Исторія* Пугачевскаго бунта,—*Пушкина*, которыя употребляютъ всѣми нашими хорошими писателями? Еслибъ г. *Ободовскій* написалъ, что онъ сидѣлъ на *стулахъ* и ловилъ *крокодилей*; что гора подъ его ногами *осуается*, и онъ туда не *совайся*; что можно найти диво въ каждомъ *валляющемся въ песокъ предметѣ*; что въ *Нубіи* много *муліеваго пряпья*; что тамъ *накатываютъ* воспоргомъ *цупешествениковъ*; что тамъ *любуются* на *яблока*; что тамъ *неразмышляющіе валляютъ* брошенную имъ идею; что тамъ *нѣкто водружилъ* знамя; что онъ *разстелилъ* скаперть, которая была *вымота*;

(2) Именно въ *Библиотекѣ для Чителѣя*.—К.

еслибъ безпрестанно употреблялъ слова: *мошенникъ*, *подлецъ*, *мерзавецъ*, *надулъ*, *удралъ*, и проч. и проч. и проч.,—то конечно заслужилъ бы благоволеніе возстановителя правъ Русскаго языка, и эпоть нашъ незваный благодѣтель и учитель, съ своею брапьею, воскликнулъ бы ему во срѣпеніе: *Dignus, dignus es intrare in nostro docto corpore!*»

3. Еслибъ эпи и подобныя эпимъ погрѣшности нашлись въ сочиненіяхъ *Сигова*, *Селиванова*, *Тилиофьева*: они не имѣли бы вреднаго вліянія; но въ пвореніяхъ *О. И. Сеньковского*, жарко воюющаго проптивъ мѣстоименій *сей* и *оний*, называющаго языкъ *Карамзина* языкомъ *кухоннымъ* (!!!): они могутъ вскружить слабыя головы, имѣющія расположеніе къ обморокамъ.

Воптъ, что заставило *Н. И. Грега* и меня, нижеподписавшагося, вывесить на свѣжую воду нелѣпость вышеприведенныхъ выраженій, составленныхъ по *Польскому синтаксису*.

А. Кораблинскій.

16-ое Апрель.

1836.

Ямбургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

CHARADE.

Avec mon premier, sans adresse,
On peut gagner beaucoup d'argent.
Dans l'espace roulant sans cesse,
Mon second brille au firmament;
Mais si le Ciel, dans sa colère,
En arrêtrait le mouvement,
Mon tout en ce fatal moment,
Scrait à craindre pour la terre.

Въ *№ 43-мъ*, помѣщенная шарада омонимъ значить: *Олимпъ-и-Ада*.

MODES.

Quand les lois humaines dévient de la règle commune, tout ce qui dépend de ces lois ne sait plus à quel mobile se rattacher, c'est ce qui arrive de la mode aujourd'hui. Le temps est venu déjouer ses pro-

jets et ses préparatifs de printemps, et la voilà rentrée dans ses fourrures et ses pantoufles du coin du feu! Aussi, est-ce dans les ateliers de nos couturières et derrière les panneaux de glace de nos modistes, qu'il nous faut aller surprendre les trésors qui nous sont préparés, et qu'un doux rayon de soleil fera éclore. Aussi, est-ce chez madame *Larochelle*, 3, rue Choiseul que nous avons pu admirer ces magnifiques pailles d'Italie, si élégantes pour les toilettes d'été. On les orne très simplement, afin de ne rien dérober de la beauté du tissu, car le degré de finesse fait de ce chapeau, un *bijou* où une chose très commune. Une branche de chèvre-feuille, un velours noir avec un *paquet*, sur le côté, de *roses de Bengale*, sans feuilles, du *lilas blanc*, de *l'aubépine* avec un très simple nœud de rubans, sont tout ce que l'on met sur les pailles d'Italie, quand on n'y place pas de grandes plumes, ce qui en fait une coiffure de toilette. Une jolie coiffure est une capote de crêpe blanc, avec des rubans blancs frangés de vert ou de lilas, et une branche de *seringat* ou de *lilas de Perse*. Les formes de chapeaux et capotes, à l'exception que les passes sont une peu plus grandes, sont les mêmes que celles de l'année dernière. L'affaire des manches est encore dans le *statu quo*; elle ne recule ni n'avance, et il est probable quelle s'en tiendra là jusqu'à l'entrée de l'hiver, au moment où la société fashionable rentre à Paris, qu'elle abandonne déjà. Jusqu'à présent, chacun porte ses manches à sa guise, et l'exception est la manche plate; la seule chose qui semble totalement bannie du domaine de la mode, sont les gigots de quelque nature qu'ils soient, sous les manches de mousseline ou de jaconas, on porte une petite manche courte en calicot, légèrement empesée. Une chose devenue aussi indispensable, est de retenir le bas de la manche par plusieurs poignets, sans cela, n'étant plus retenue par le bouffant d'en haut, elle retombe sur la main, et produit l'effet le plus désagréable à l'œil, sans parler de la gêne qu'elle occasionne.

Pl. No 16. Habit-Redingote, pantalon de daim. — Redingote à un seul rang de bouton, pantalon de casimir, gilet de cachemire d'été. — Habit rond, pantalon de drap de fil et gilet de piqué.

М О Д Ы.

Когда человеческіе законы опклоняются, опъ общихъ правилъ, то все зависящее опъ этихъ

законовъ не знаетъ къ какой пружинѣ прицѣпиться, что случилось нынче съ модою. Время разрушило ея предначертанія и весенній приговоренія, и она опянь въ мѣху и въ домашнихъ пухляхъ. И попомоу, только въ рабочихъ нашихъ швей и за стеклами у модиспокъ можно замѣтить сокровища, для насъ приговоренныхъ, которыхъ заставлятъ появиться первые лучи солнца. У г-жи *Larochelle* удивлялись мы великолѣпнымъ Италіанскимъ шляпамъ, столь щеголеватымъ для льпнихъ нарядовъ. Ихъ отдѣлываютъ весьма просто, чтобы нисколько не закрывать красочу ткани; доброты только и дѣлаешь изъ этой шляпы игрушку, или самую обыкновенную вещь. Въпки капричолія, черныя бархаты съ пучкомъ Бенгалскихъ розъ, безъ листьевъ на боку, шиповникъ съ весьма простымъ бантомъ—вопъ все украшенія на Италіанскихъ соломенныхъ шляпкахъ, когда онѣ не съ большими перьями, что дѣлаешь изъ нихъ нарядный уборъ. Весьма красивый уборъ, бѣлый креповый капотъ, ленты бѣлыя съ зеленою или алловою бахрамою, и въпка воздушнаго жасмина или Персидской сирени. Форма шляпокъ и капотовъ, исключая, что поля немного болѣе, все тѣ же, что и въ прошломъ годѣ. Дѣло рукавовъ все еще въ *statu quo*; оно не подвигается ни впередъ, ни назадъ, и вѣроятно, что оно такъ и останешся до зимы, время, когда модное общество возвращается въ Парижъ, который оно теперь уже оставляетъ. До пѣхъ поръ, всякой носить рукава по произволу, исключеніе только гладкіе; подставные же рукава, какого бы они рода ни были, совершенно, кажется, выпнаны изъ предѣловъ моды; подъ кисейные или жаконетовые поддѣваютъ маленькіе коленкоровые, слегка накрахмаленные рукава. Поддерживать ихъ снизу нѣсколькими обшивками сдѣлалось необходимо; иначе, не бывъ поддерживаемы вверху, они упадаютъ на руку и дѣлаютъ самый непріятный видъ для глазъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

Карп. No 16. Фракъ-реденготъ, лосинныя панталоны. — Реденготъ съ пуговицами въ одинъ рядъ, казимировыя панталоны, жилетъ изъ льпнаго кашемира. — Круглый фракъ, панталоны изъ льпнаго сукна, жилетъ пике.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 45.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 3 дня 1856 года.

Примѣру слѣдуя ученаго народа,
Клеонъ слышитъ свои творенья въ свѣтъ издашь;
Что-жь пропивъ эпига сказать?
Пріятно въ кучку всѣхъ дѣшей своихъ собирать;
Пріятно съ милою семьею обиташъ;
Но, по несчастію, въ селѣ не безъ урда.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРАФИНЯ И ПАСТУХЪ.

Истинное происшествіе.

Всѣ знаютъ графиню *М.*, первую красавицу въ цѣломъ Парижѣ, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, одарена и умомъ и воображеніемъ, хопя, правду сказать, никто не слыхивалъ опъ неі одного умнаго слова; но графиня *М.* богата, знашна; она имѣетъ прекрасныя плечи, прекрасныя глаза, прекрасный станъ; слѣдовательно, какъ же не бытъ ей исполненной нѣмага краснорѣчія и невыразимой поэзіи?—Толпа обожапелей, всегда и повсюду, окружаетъ прелестную. Знашныя ищутъ руки ея, незнашныя — не смѣя думая о такой великой чести, и, можетъ бытъ, не желая еѣ, довольствуются надеждами другаго рода, и въ эпимъ случаѣ хитре соперниковъ своихъ; вопервыхъ потому, что графиня не помышляетъ о замужствѣ — и гораздо благосклоннѣе принимаетъ любовныя предложенія, нежели брач-

ныя; воперыхъ — графиня давно уже замужемъ.—Какой вздоръ!—скажете вы; да гдѣ же эпимъ мужъ, котораго никто не знаетъ, о которомъ никто не слыхивалъ? Подождите; я сей часъ расскажу вамъ ея испорію; она любопытна; и если послѣ того, вы пожелаете нравиться красавицамъ, то по крайней мѣрѣ цѣль исканій вашихъ покажется вамъ еще легче и доступнѣе.

Всѣмъ извѣстенъ романическій нравъ и необычайная смѣлость графини, которую для перемѣны назовемъ мы *Атенаизою*.—Льшь пять пому назадъ, она проѣзжала черезъ Швейцарію, преслѣдуя какого-то молодаго полковника, который измѣнилъ ей для акприсы. Любя чрезвычайности, *Атенаиза* выбирала самыя опасныя дороги, скакала по горамъ и восхищалась, когда тяжелая карета ея катилась по узкимъ пропикамъ, на краю ужаснаго оврага или надъ бурнымъ озеромъ. Разъ, лошади ея испугались, осадили назадъ и бросились въ спорину. Кучеръ, въ страхъ, соскочилъ съ козелъ, горничная выпрыгнула изъ кареты,—графи-

ня взглянула внизъ—и ахнула—одно колесо висѣло уже надъ пропастью!

Въ эту минуту откуда ни взялся молодой Альпійскій паспухъ, который какъ молнія сбѣжалъ съ крутизны, бросился къ карепѣ и остановилъ её; между тѣмъ слуга схватилъ подъ ушцы лошадей и вывезъ экипажъ на средину дороги.

Пылкая *Атенаиза* выскочила изъ карепы, и въ жару признательности опдала избавителю своему полный кошелекъ золота. — Паспухъ взялъ его безъ всякихъ переговоровъ, поклонился и пошелъ.

Распроганная, восхищенная, долго смотрѣла она ему вслѣдъ съ ужаснымъ волненіемъ духа, и успокоилась тогда только, когда онъ безопасно спустился въ равнину. Сердце ея пылало; молодость, сила, красота Альпійскаго паспуха не выходили изъ ея памяти, и она по крайней мѣрѣ съ часъ проспѣвала на одномъ мѣстѣ, размышляя о своемъ приключеніи. Наконецъ, дикая пѣсня прохожаго поселенина вывела её изъ задумчивости.

Графиня остановила его, и съ пламеннымъ участіемъ спрашивала о своемъ избавителѣ. — Его зовутъ *Батеромъ*, — отвѣчалъ крестьянинъ: онъ проживаетъ тѣло въ шалашѣ на горахъ, возлѣ спада своихъ, — а зиму съ опцомъ въ долину. У нихъ лучшее скотоводство въ цѣломъ кантонѣ, и они люди зажиточные. —

Этаго было довольно; она призадумалась; потомъ велѣла горничной своей и слугѣ — ѣхать въ Апенцель и тамъ ждать её, а сама съ крестьяниномъ отправилась къ шалашу *Батера*.

Они пришли туда почти ночью; графиня спустила своего проводника и, оставшись одна, постучалась и просила у паспуха ночлега. — Вы знаете, что она говоритъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ такъ, какъ на своемъ природномъ.

Батеръ принялъ её учтиво, холодно и безъ всякаго внушрениаго смущенія. Я уже сказалъ, что *Атенаиза* очень хороша собою; тогда она была еще лучше; совсѣмъ тѣмъ

Батеръ видѣлъ въ ней только знапную даму, которая внушала въ него одно почтеніе; и онъ оказывалъ его свободно и безъ подлости.

Онъ предложилъ графинѣ постель изъ сухихъ листьевъ, на которой обыкновенно спала любимая его козочка; а самъ пошелъ ночевать въ поле.

По утру, когда громкая свирѣль паспуха огласила горы и долины — *Атенаиза*, облокотясь на жесткое свое изголовье, плакала, думая о презрѣннн или, по крайней мѣрѣ, о равнодушнн, которое показывалъ къ ней *Батеръ*. Наконецъ она вспала, и, полная рѣшимости, пошла искать его.

Если-бъ я писалъ романъ, по, конечно бы, для наполненія тома, помѣстилъ тамъ поэтическую карпину Альпійскихъ горъ, въ ту минуту, когда восходящее солнце бросаетъ на нихъ первые лучи свои. Но я рассказываю истинное происшествіе, следовательно не гоняюсь за романтическими описаніями, а просто скажу нѣсколько необходимыхъ словъ о томъ, какъ *Атенаиза* провела утро свое въ долину.

Шумъ водопадовъ, которые съ ужаснымъ ревомъ спремались съ утесовъ, разбивались у подошвы ихъ, и потомъ, съ тихимъ ропотомъ капилась по равнинѣ; бленіе спада, свирѣль и пѣсни паспуховъ, пробужденіе всего созданія — всё это вмѣстѣ воспламенило воображеніе *Атенаизы*, и воспорженныя мечты ея перенесли её въ нѣ дни первобытнаго міра, когда люди жили только для любви и повиновались однимъ законамъ природы. Но она вздыхала и плакала, размышляла, что эти златныя паспушн времена существуютъ теперь только въ эклогахъ и идилліяхъ, — какъ вдругъ на горѣ явился молодой паспухъ, съ посохомъ въ рукѣ, окруженный спадомъ своимъ, которымъ повелѣвалъ онъ движеніями и голосомъ. — *Атенаиза* приняла его за *Аполлона*, пасущаго овецъ царя *Адмета*, и, преврапясь вдругъ въ влюбленную *Нимфу*, бросилась ему на вспрѣчу и упала къ ногамъ его, заливаясь слезами.

Вообразите себѣ удивленіе Швейцарскаго *Аполлона!* — Не понимая миеологическаго изъ-

спущенія *Атенаизы*, онъ не зналъ, что говоришь, что дѣлать, и смолчалъ на нее какъ на сумасшедшую.

Наконецъ, она оперла слезы свои, и не вспавая съ земли, сказала ему съ жаромъ:

— Я люблю тебя, паспухъ! —

«Вы любите меня, сударыня?» опвѣчалъ онъ усмѣхался: «для васъ легко такъ говорить; а у насъ это не шутка,—и если кто любитъ дѣвицу, тотъ долженъ на ней жениться.»

— Боже! такъ сердце пвое не свободно,—такъ ты любишь другую!... О, скажи, кто эта щасливвица? —

«Мнѣ еще не досугъ думать теперь о женильбѣ; а вотъ, послѣ снѣокося, я выберу себѣ невѣсту и тотчасъ женюсь.»

Эта холодность, это совершенное равнодушіе паспуха—изумили графиню; но, будучи не въ силахъ оспавить долину, она провела нѣсколько дней въ шалашѣ *Батера*, который между тѣмъ нисало не перемѣнялъ обхожденія своего съ нею; былъ услужливъ, почтливеленъ и, увы!.... только!.... Наконецъ она не могла удерживать болѣе стремленія сердца своего, и однажды сказала паспуху:

— Я люблю тебя, и буду пвоею женою, если ты непременно хочешь этого.—

Паспухъ ахнулъ отъ удивленія—и задумался.

Графиня спояла молча, и съ препеномъ ожидала рѣшенія своей участи.

Въ это время *Батеръ* размышлялъ о значности графини, о великолѣпіи и роскоши, который окружали ее при первой его встрѣчѣ съ нею—и не могъ рѣшиться принять спранныго ея предложенія. Но съ другой стороны любовь этой женщины, любовь пламенная и неприпворная, поражала его простыми краснорѣчіемъ своимъ и льстила его самолюбію. Паспухъ гордился своею побѣдою.

Батеръ сказалъ графинѣ, что не думалъ еще жениться. Онъ солгалъ, желая испы-

пать ее. *Хипростъ*, очень обыкновенная почпи во всѣхъ поселянахъ, особенно въ *Батеръ*, который былъ не глупъ и слылъ въ деревнѣ большимъ плупомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ давно замѣпилъ между молодыми коровницами полную, здоровую и румяную дѣвушку, на которой желалъ жениться.

«Но вѣдь я еще не сказалъ ни слова о любви моей, думалъ *Батеръ*; что за бѣда, если это такъ оспанется. Однако посмошримъ прежде, что эта госпожа принесетъ мнѣ въ приданое.»

Вы видите, что въ 19 столѣтіи даже и паспухи въпрены и корысполюбивы.

«Сударыня,» сказалъ онъ наконецъ: «я бы охотно женился на васъ, если бы зналъ, что еспъ за вами... вы вѣдь иноспранка, по какъ мнѣ полагаешься.....»

— О, я богата! очень, очень богата, и осыплю тебя золопомъ.—

Такое пышное обѣщаніе испугало *Батера*, потому что казалось ему обманомъ. Онъ предпочиталъ ему не столько блестящія, но прочныя и основательныя надежды.

«Опецъ мой,» продолжалъ онъ: «хочешь, чтобы жена моя принесла мнѣ въ приданое мызу; вотъ на примѣръ хопъ такую, какъ эта.» И онъ указалъ вдали на небольшой домъ, который тогда продавался.

— Я куплю ее сей часъ,—опвѣчала графиня: и подарю тебѣ въ день нашей свадьбы.—

«А, когда такъ! по извольте, я теперь же пойду и поговорю съ бапюшкой.»

Онъ посовѣтовался съ опцомъ; графиня купила мызу—и они обвѣчались.

Домъ былъ конечно не красивъ и не покоенъ, но въ немъ обипала любовь и щастіе, и героиня наша воображала себя какою нибудь богинею, изгнанною съ Олимпа на землю, или *Дианой*, жертвующей собою прекрасному *Эндиміону*.

Не знаю, сколько времени продолжалась эта прозаическая идилія, но думать надобно, что графиня, сдѣлавшись простою поселянкою, покорилась всѣмъ должностямъ

новаго соспоянія своего; по естъ, что она дошла сама коровъ, дѣлала сыръ, била масло, и спряпала обѣдъ для мужа. Занятія прелестныя, очаровательныя для знатной госпожи, которая всю жизнь проводила на балахъ и въ театръ, и только изрѣдка отъ скуки вышивала по канвѣ или рисовала цвѣточки по дереву. Однакожь, я долженъ вамъ сказать, что пастушеское щастіе *Атенаизы* существовало недолго, и она скоро увидѣла, что прекрасный *Эндиміонъ* не очень плѣнился ея возвышенными чувствами и поэтическимъ разговоромъ.—Сама *Диана*, къ удивленію своему, часто скучала съ нимъ и даже досадовала, когда онъ рано возвращался съ поля.

Наконецъ, она совершенно разочаровалась и начала раскаяваться въ своемъ дурачествѣ. Но что было ей дѣлать? Просить развода? Обезславить себя передъ цѣлымъ свѣтомъ? О, это ужасно — это невозможно! лучше умереть!

Такъ размышляла она въ одно утро, дѣлая сыръ и сѣживая сыворопку въ деревянную чашку, какъ вдругъ за дощатою перегородкою услышала голосъ мужа, разговаривающаго съ опцомъ своимъ, пришедшимъ посѣпить ихъ.

—Ну что, *Батеръ*, каково поживаешь? — говорилъ спарикъ: ты богатъ теперь, и въ цѣломъ Апенцелѣ нѣтъ скопника зажиточнѣе тебя. —

«Конечно я богатъ, бапюшка; да вопъ, видишь ли!»

— Что-жь такое? —

«Жена-то у меня....»

— Что-жь, упряма что ли, или лѣнливо работаешь? —

«Не то.»

— Не ужь-то не любишь тебя? не ужь-то поглядываешь на молодыхъ работниковъ или на сосѣдняго скопника? —

«Ахъ нѣтъ! грѣхъ сказать, эшаго за нею не водился, — да я же всегда запираю её, когда выхожу со двора.»

—Такъ и надо; женѣ воли не давай.... Да скажи, что такое? —

«А вопъ что, бапюшка; она, межъ нами сказать, не въ полномъ разумѣ.»

—Ну, это еще не бѣда; я научу тебя какъ её вылезить. —

«Какъ же?»

—А вопъ какъ. —

И несчастная *Атенаиза* услышала спукъ палки, которою спарикъ изо всей силы билъ по земляному полу хижины.

«Это не поможетъ,» отвѣчалъ *Батеръ*: «Ахъ, бапюшка! если-бъ ты зналъ, какую дичь она иногда говоритъ! какіе-то мудренныя слова, что я право боюсь её.»

—А часто на неё находишь? —

«Да почти каждый день.»

—Ну, такъ знаешь ли что? Померпи немного, и если это не пройдетъ, мы пойдемъ съ побою къ лекарю, возьмемъ у него свидѣтельство и свеземъ её въ Сенгальскую больницу. —

При этихъ ужасныхъ словахъ — бѣдная *Атенаиза* содрогнулась. Да и кто бы не содрогнулся! — Не теряя времени, она заставила мужа своего подписать бумагу, по которой онъ обязывался дать ей полную свободу жить, гдѣ она хочетъ, съ тѣмъ однако-жь, чтобы мыза со всѣми ея принадлежностями оспалась за нимъ и чтобы графиня давала ему ежегодно значительную пенсію.

Такимъ образомъ графиня кончила романъ свой и поспѣшно уѣхала въ Парижъ, гдѣ живетъ опять по прежнему и только разъ въ три или четыре года вспоминаетъ о своемъ супружествѣ.

Т.

ДРАКОВОЙ КУСТЪ.

(Басня.)

Престарѣлый *Францъ*, пася спадо свое на холмахъ и въ долинахъ, любилъ прислушиваться къ шуму льсовъ, къ журчанью ру-

чейка, бѣгущаго по бѣлымъ камышкамъ, къ свѣспу осенняго вѣтра,—и такимъ образомъ дѣлалъ надъ природою простыя, но всегда почивыя наблюденія, и рѣдко ошибался въ предсказаніяхъ своихъ.—Однажды, въ зимній вечеръ, когда снѣгъ крупными клочьями сыпался на землю и въ печальныхъ рощахъ ворчала сердитая буря, сельскій философъ нашъ сидѣлъ у свѣтлаго очага, окруженный милою семьею, и нянчилъ на колѣнахъ своихъ маленькаго внука, — между тѣмъ какъ другіе дѣти, усѣвшись въ кружокъ передъ огнемъ, смотрѣли дѣдушкѣ въ глаза и съ неперпѣніемъ ожидали какой нибудь сказки. Дѣдушка улыбнулся, призадумался, и, покачивая ребенка, началъ шихимъ, но вяпнымъ голосомъ :

—Разъ, милые дѣтушки, проходилъ я мимо высокой горы, надъ копорою всегда кружится вѣтеръ; на горѣ сполалъ вѣковой дубъ, а подъ горою росъ низенькій драковой кусточикъ;—это было весною; солнышко привѣпно глядѣло на землю и земля было тепло и весело.—Вдругъ на горѣ что-то загудѣло—я посмотрѣлъ на верхъ и удивился.—Подумайте!—спарый дубъ говорилъ съ молодымъ кустикомъ.

«Вопъ ужъ при мѣсяца,» сказалъ онъ: «какъ морозъ сковалъ землю—и бѣлый снѣгъ легъ на горы и долины; скоро однако будетъ оппѣпель, и тогда горе тебѣ, бѣдный дружокъ мой!— Знаешь ли, что въ нынѣшнюю ночь я услышалъ спрашнй прескъ, и въ ту же минуту цѣлая гряда снѣга обрушилась вонъ съ того холма, но къ щаспію упала далеко отсюда, а не то тебѣ бы не сдобровать.—Что было бы съ тобою, если-бъ она свалилась тебѣ на голову?

«Ты только думаешь о томъ, чтобы скорѣе нарядиться въ мелкіе цвѣты свои и позабылъ, что прошлаго году чуть-чуть избавился отъ бѣды.— Помнишь ли какой спрашнй обвалъ скапился объ эту пору съ сосѣдняго утеса и съ громомъ разсыпался почти у ногъ нашихъ? На мою долю достался также порядочный обломокъ, но я удержалъ его на вѣтвяхъ своихъ, и тѣмъ спасъ тебя отъ гибели.

«Не знаю, кто занесъ тебѣ сюда, бѣдный сосѣдъ мой, но, право, здѣсь опасно роспи такому слабому и маленькому деревцу, какъ ты.—Припомъ, въ лѣпніе дни, ты безпреспанно манишь къ себѣ беззаботнаго папушка долины, и глупенькій ребенокъ спокойно спитъ подъ зелеными твоими вѣтвями; но когда нибудь зной распопитъ вѣковые горные лды, и они обохъ васъ завяпъ собою!»

Кустъ пихонько зашевелился, какъ человекъ, копорый просыпаепся отъ сна, и, помолчавъ немного, отвѣчалъ дубу :

—Спасибо за добрые совѣты, сосѣдушка; но я и безъ тебѣ давно знаю, что жизнь не прочна ни для сильнаго, ни для слабаго; да если бытъ бѣдъ, то отъ неѣ не уйдешь;—такъ по моему лучше не думать о ней—и не превожись тѣмъ, чему пособить не возможно. Припомъ, если бы я и могъ оспавить это мѣсто и перенести корни свои куда нибудъ подальше, то не захопѣлъ бы. Здѣсь моя родина;—я люблю еѣ;—здѣсь росъ отецъ мой и весело зеленѣлъ подъ краснымъ солнышкомъ;—здѣсь онъ соспарѣлся и передалъ мнѣ жизнь свою; авось судьба сохранитъ и меня, авось и я проживу вѣкъ мой спокойно и щаспливо; зачѣмъ же мнѣ изнывать спрахомъ и тоскою — и ждапъ того, чего можетъ бытъ никогда со мной не случится? Нѣтъ! благодаря Бога, я покампспъ не могу жаловаться на участь мою. Зима меня милуетъ; я цвѣту до самой глубокой осени, вѣтви мои зелены круглый годъ, и всякой, глядя на меня, сказалъ бы, что я безсмертенъ.

—Смотри, какъ жѣлпо-голубой мопылѣкъ кружится около меня и сравниваетъ цвѣпочки мои съ песпрыми своими крылушками!

—Когда луга сырѣютъ отъ росы или наводняются дождемъ, тогда приходишь кропкал овца и съ ягненкомъ своимъ ложился подъ моими вѣтвями. Они нѣжно ласкаютъ другъ друга, а мнѣ весело смотрѣшь на нихъ и радоваться ихъ щаспію.—

Словоохопнй кусточикъ можетъ бытъ преговорилъ бы и долѣе, и даже до самыхъ

пѣхъ поръ, пока свѣшлыя звѣзды зажигаюся на темномъ небѣ, если-бъ не помѣшало ему громкое гарканье воронъ, копорыя, сидя на вѣшвахъ спѣсиваго дуба, вдругъ спали разговаривать между собою. Въ эту же мину, двѣ золотыя пчелы, жужжа, подлѣтели къ кусточку и спрятались въ листьяхъ его.

Но—вдругъ, милые дѣпушки, откуда не взялся вѣтеръ,—закружился въ полѣ, завылъ въ лѣсу и надъ горою, и я скорѣе убѣжалъ домой. Подъ вечеръ, однакожь, я опять пришелъ къ горѣ, посмотрѣвъ, что тамъ сдѣлалось;—и чтожь увидѣлъ!—Спѣсивый дубъ лежалъ внизу, вырванный съ корнемъ бурей, а бѣдный драковой кустокъ оспался живѣхонекъ—зеленѣхонекъ, и много лѣтъ спустя послѣ того, росъ еще у холма, копорый защищалъ его отъ непогоды. —

Т.

ОБЪ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ВИНОГРАДНЫХЪ ВИНАХЪ.

Названія винамъ даюся по имени ихъ родины.

Французскія вина:

Шампанское вино, добывается въ округахъ Ан, Эперней, Гопилье, Силлери и проч., въ провинціи Шампань. Различіе въ цвѣтѣ сего вина зависитъ или отъ цвѣта ягодной кожицы, или отъ окрашивающаго вещества, состоящаго изъ сока перезрѣвшихъ ягодъ и креморъ-шаршара.

Бургонскія вина получаюся изъ провинціи Бургонь. Изъ нихъ красныя: Романель, Конпи, Кловужо и Шамберпень; бѣлыя: Монраше, Ляперьеръ и Шабли.

Эрмитажъ добывается въ Тенѣ, на Ронѣ, около 7-ми миль отъ Ліона.

Фронтиньякъ, *Люнель* и *Безьеръ* имѣюць опечесствомъ Лангедокъ; *Ривезальтъ* и *Сальсъ*—изъ Руссильона. Всѣ сіи вина сладкія.

Гасконъ и Гіень доставляюць изъ своихъ виноградниковъ *Медокъ*, *Лафитъ*, *Марго*, *Розанъ* и другія красныя вина; *Гравесъ*, *Сенъ-Бри*, *Сотернъ*, *Барзакъ*, *Карбонъ* и *Прейнакъ*—

вина бѣлыя. Всѣ сіи сорпы извѣстны въ портовѣхъ подъ именемъ винъ *Бордосскихъ*.

Подъ названіемъ *Кларета* вывозитсѣ изъ Франціи вино поддѣльное: на каждую бочку настоящаго *Бордосскаго* вина прибавляюць 4 галлона *Беникарло*, полгаллона молодого вина и небольшое количество *Эрмитажа*; смѣсь слегка выраживается. Въ *Кларетѣ*, идущій въ Англію, прибавляюць немного малиновой водки.

Хересъ, *Аликантъ* и *Малага* получаюся изъ Испаніи. Горечь, копорою опзывается *Хересъ*, производится наспаиваніемъ въ немъ горькаго миндаля. — *Тинтадиота* — красное вино, изъ Андалузіи.

Иоганнисбергеръ, *Штейнбергеръ* и *Голгеймъ* супъ лучшія вина съ Рейна, или пакъ называемый—*Рейнвейнгъ*.

Токайское вино привозитсѣ изъ Венгріи.

Въ Италіи находятсѣя: *Лигустико*; *Генуэзское* вино, похожее на *Шампанское*; *Аматико*, *Тосканское* вино; *Албано* и *Монтефрасконе*, мушкашныя вина, въ Папскихъ владѣніяхъ; *Лакрима-Кристи* — вино Неаполитанское; *Марсала*—Сицилійское.

Азорскіе острова, и особенно островъ *Мадера*, доставляюць извѣстное вино *Мадеру*. Когда корабль, нагруженный эпимъ виномъ, опплыветъ съ нимъ чрезъ экваторъ въ Индію и потомъ возвращается съ тѣмъ же виномъ въ Европу: то Европейскіе знамениты, или охотники, весьма уважаюць такую *Мадеру*, получающую тогда названіе *Мадеры Оспъ-Индской*, или *Дрей-Мадеры*, то есть, сухой *Мадеры*.

Констанція привозитсѣ съ мыса Доброй Надежды.

Донское вино, красное и бѣлое, бываетъ шести сорповъ, различаемыхъ по именамъ спаницъ; въ копорыхъ оно добывается, и привозитсѣ съ Дона. Вина сіи дѣлаюся большею часпію шипучими. Лучшее изъ Донскихъ винъ естъ *Цылланское*, копорого въ продажѣ въ Пепербургъ никогда не бываетъ: бѣлое *Цылланское*, копорого произвѣдсѣ въ годъ не болѣе 10,000 ведръ, все

разбирается на мѣспѣ. Оно дорого цѣни-
ся знаюками и даже предпочипаежся *Шам-
панскому*; краснаго *Цымлланскаго* родипся бо-
лѣе; но оно почти всё идепъ на поправку
другихъ винъ того края. Лозы *Цымлланскія*
вывезены изъ Шампаньи и Смирны.

у.

НЕДОСТАТОКЪ ПАМЯТИ.

Молодой и прекрасной дѣвицѣ, блиспаю-
щей на всѣхъ Московскихъ балахъ и во всѣхъ
собраніяхъ, рассказали, что знакомая ей дама,
вальсиря на балѣ князя Л***, поскользну-
лась, упала, вспала и преспокойно продолжа-
ла панцовать. Молодая и прекрасная дѣ-
вица, желавшая блиспапъ не одною красо-
пою, но и ученостью, и *отборными выраже-
ніями*, сказала: «И никакъ бы не ожидала,
чтобы она могла, упавши передъ пысячью
глазъ, вспапъ съ хладнокровіемъ, испинно
статистически.»—Молодая и прекрасная дѣ-
вица хопъла сказапъ *стоически*.

Вопъ, какъ опасно полагапъся на памяпъ!

ВОДЕВИЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ.

Бываюпъ же иногда водевильные случаи
въ жизни. Въ Гаврѣ одинъ старый добрый
морякъ хопълъ женипъся на молодой бѣд-
ной дѣвушкѣ. Все уже гопово было къ вѣн-
цу, какъ за полчаса до совершениа обряда
женихъ получаепъ письмо, копорое доказало
ему неоспоримо, что невѣста—его дочь. «Об-
ними-жъ опца—вмѣсто жениха!» вскричалъ
восхищенный морякъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

74.

Никогда не было еще ни журналиста, ни
журнальнаго соприудника на свяпой Руси
у насъ, копорый бы споль неуважипельно
опзывался объ опцахъ нашей словесности:
Ломоносовъ и *Сумароковъ*, какъ нѣкто подпи-
сывающійся *Виссаріономъ Бльинскимъ* въ

спапъяхъ *Телескопа*. Эпо имя, вѣрояпно,
пседонимъ, по крайней мѣрѣ пакъ увѣряли
насъ пріѣзжавшіе изъ Москвы липераторы и
книгопродавцы. Тяжкій грѣхъ, лежипъ на-
г-нѣ *Надеждинъ* за позволеніе эпому юношѣ
помѣщапъ въ его журналъ свои неоснова-
тельные и рѣзкіе приговоры.

Въ No 1-мъ Телескопа, вопъ какъ грубо изъ-
ясняется г. *Бльинскій* о создателѣ Россійска-
го театра, о первомъ Россійскомъ прагикѣ:
«Можно-бъ подумапъ, что *пиима сіа* (Васпо-
ла) еспъ прудѣ блаженной памяти *стиходѣл-
теля А. П. Сумарокова*, еспибъ оригиналъ ея
не принадлежалъ *Виланду*, копорый жилъ
позже прудолюбиваго соперника *Ломоносова*,
и копорый писалъ на Нѣмецкомъ діалектѣ,
маловѣдомомъ достопогтенному прелагателю
Расина и Лафонтена.»

Ну, право, еспи-бъ пворецъ *Селири*, *Ди-
митрія Самозванца* и *Синава* и *Трувора* былъ
школьникомъ, выключеннымъ изъ какого ни-
будъ учебнаго заведенія за неприличное по-
веденіе: и тогда не слѣдовало бы прапшо-
вапъ его пакъ презрипельно.

А. Кораблинскій.

17-е Апрѣля
1836.
Нарва.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТВѢТЪ НА ПѢСНЮ:

«Не для меня горипъ заря!» и проч. и проч.

(*Посвящ. А. М.....у.*)

Нѣпъ; учаспъ щаспливѣй пвоа,
Чѣмъ полагапъ ты, милый воинъ!
И ты вполне ея достоинъ →
Въ томъ всѣ порукою, друзья!
Всѣ для тебя! *bis.*

Смотри, какъ все здѣсь для тебя
Улыбкою сіяепъ ясной!
И эпопъ солнца лучъ прекрасной,
И эпо пышная заря...
Всѣ для тебя! *bis.*

Да, для тебя лѣса, поля,
Одѣты ризою чудесной;
И всюду роскошью небесной
Всѣ дышешь, вѣешь вокругъ тебя!
Всѣ для тебя! *bis.*

И свѣтлыя струи ручья,
И говоръ ихъ серебровучный,
И въ рощахъ, гость ихъ неразлучный,
Пѣвецъ любви—всѣ для тебя!
Всѣ для тебя! *bis.*

О, для тебя и звѣздъ семья
На синевѣ небесъ сіяетъ!
Тебя лелѣешь, обожаешь
Подруга нежная швоя!
Всѣ для тебя! *bis.*

Прекрасный путь швои бышя
Усыпанъ свѣжими цвѣтами...
Такъ припѣваючи съ друзьями
Живи, взаимно ихъ любя!
Всѣ для тебя! *bis.*

И пѣснь унылая швоя
Повеселѣе будешь, вошь!
Щасливый жребій швои достопишь
Игривой пѣснц соловья!
Все для тебя! *bis.*

В. Романовичъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ—союзъ;
Помощь—изъ прехъ сестриць вшора;
А *цѣлое*—спрана цвѣшущая, злашая,
И колыбель другая Музь.

Въ № 44-мъ, помѣщенная шарада значить: *Dis-astre.*

М О Д Е С.

Par le temps pluvieux que semble vouloir nous départir cette année la Providence, c'est une bonne fortune pour nos lecteurs que de leur indiquer la maison

de M. *Cazal*, rue Montmartre, où on trouve ces nouveaux parapluies, perfectionnés d'une manière si ingénieuse, et qui laissent bien loin derrière elle tous les anciens parapluies, et même les élégantes ombrelles. Le mécanisme en est si peu compliqué, qu'en appuyant le doigt sur un ressort, on les ferme ou les ouvre à volonté, sans embarras ni la moindre peine. Ils sont d'une grande légèreté, et se démontent de manière à remplacer la canne la plus élégante.

Il vient de s'ouvrir, rue Saint-Honoré, un nouveau magasin, où se sont installées des modes gracieuses, élégantes et de bon goût. C'est là qu'ont été inventées ces charmantes *capotes transparentes*, qui semblent de brillantes auréoles autour d'un joli visage de femme; c'est de là que sortent les bonnets à la *Marie Stuart*, bonnets magiques qui donnent à toutes les femmes qui les portent la grâce de leur royale et infortunée *patrone*. Nulle part les formes de chapeaux ne sont plus jolies; nulle part les rubans ne sont mieux assortis avec les fleurs, et le chapeau mieux assorti avec le visage.

М О Д Ы.

По дождливой погодѣ, которою Провидѣніе кажется намѣревается надѣлать насъ нынѣшній годъ, для нашихъ читательей будетъ находка узнать магазинъ г-на *Cazal*, гдѣ есть новыя зонтики, усовершенствованные такъ замѣлливо, что они превосходятъ всѣхъ прежнихъ, и даже щеголеватыхъ омбрелей. Механика ихъ такъ малосложна, что пожавъ пружину пальцомъ, ихъ раскрываютъ или закрываютъ по произволу, безъ всякаго затрудненія. Они чрезвычайно легки и складываются такъ ловко, что могутъ замѣлнить самую щеголеватую протсѣ.

Въ улицъ Saint-Honoré открылся новый магазинъ, гдѣ собрались всѣ ловкія, щеголеватыя и хорошаго вкуса моды. Тамъ выдуманы были эти прелестныя прозрачныя капоты, которые кажутся блестящимъ сіяньемъ около лица пригожей женщины; оттуда выходятъ чепчики à la *Marie Stuart*, очаровательныя, придающіе всѣмъ женщинамъ, ихъ носящимъ, нечто изъ прелестей ихъ высокой покровительницы. Нигдѣ такъ не красивы формы шляпокъ; нигдѣ ленты не соопвѣтствуютъ лучше цвѣтамъ, и шляпки нейдутъ лучше къ лицу.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ШВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 46.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургъ 30, съ до-
сѣпавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 6 дня 1836 года.

Что за шузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

САМОЕ ВАЖНОЕ ДѢЛО ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ.

Въ маленькомъ будуарѣ, котораго стѣны обиты были бѣлою кисеею на розовомъ апластѣ, и куда свѣтъ доходилъ сквозь споры, рописанныя однимъ славнымъ художникомъ, сидѣла молодая и прекрасная женщина, и, облокотясь на мягкія подушки дивана, казалось, была погружена въ какую-то глубокую думу.

«Я сегодня очень занята! слышишь ли?» проговорила она пропаяжно и не смотря на свою горничную, которая, споя у дверей, ожидала ея приказанія.— «Скажи швейцару, чпобы онъ не принималъ никого, кромѣ пѣхъ, которыхъ я записала на листѣ, по естѣ дамъ, которыя соберутся здѣсь для комшета.»

—А если графу угодно будетъ войти къ вамъ, то что прикажете доложитъ ему?—спросила горничная почпипельно.

Графиня *Сельнаръ* такъ выразительно пожала плечами, чпто горничная попчась пошла еѣ.

—Что прикажете сказать молодому маркизу *Эдуарду*?—

«Ему?» отвѣчала графиня въ разсѣяніи и какъ будто совѣшывая сама съ собою: «ему?... подожди!...»

И она оторвала бѣлую спраничку отъ лежавшей передъ нею маленькой записочки, и написала карандашемъ слѣдующее:

«Милый *cousin*, мнѣ никакъ нельзя принять васъ сегодня по утру. У меня самое важное дѣло для женщины. И такъ, до вечера.

Аделина С.»

Графиня зашпилила свою цыдулочку золотую булавкою и опдала дѣвущкѣ, которая спрямала еѣ за корсепъ — и сказала, посмоприв въ окошко:

—Двѣ карепы вѣхали на дворъ, сударыня!—

«Ахъ, это мои дамы!—Поди, поди скорѣ!»

Минуть черезъ пять съ полдюжины первыхъ щеголихъ столицы сидѣли въ будуарѣ, за круглымъ *Кипайскимъ* лаковымъ столомъ, на которомъ набросаны были модные журналы, карандаши и бумаги всѣхъ цвѣтовъ и всякаго формата.

«Какъ поздно, маркиза!» сказали онѣ седьмой вошедшей дамѣ.

—Извините!— опивчала она: я вчера по-
чпи въ двѣнадцать ворошила изъ театра
и не снала цѣлую ночь.

«Чтожь, довольны ли вы *Гугенотами*?»

—Какая дрянь!—А костюмы рѣшительно
никуда не годятся!

«Мнѣ право странно сочинители наши!»
сказала графиня *Сельнаръ*. «Они въ запуски
пишутъ оперы, драмы, водѣвили, которые
очень скоро надѣдають публикѣ, а не за-
ботятся о костюмахъ, между тѣмъ, какъ
хорошіе костюмы всегда нравятся.»

—И опъ нихъ зависитъ участь цѣлой
пьесы,—прибавила г-жа *Фуке* съ глубокомы-
сленнымъ видомъ.

«А что вы думаете о революціи?» спро-
сила печально молоденькая маркиза *П*....,
только что вышедшая за мужъ.

—О какой революціи?—

«О революціи 93 года что ли?» сказала
хозяйка.

—1815?—спросила г-жа *Монстреле*:—или
1830?—

«О, нѣтъ! Какая мнѣ до нихъ нужда?—
Меня занимаетъ одна только революціа въ
свѣтъ—революціа въ рукавахъ.»

—Ахъ, конечно! это не шутка!—Какой
на тебя прекрасный шарфъ, милая моя!—
сказала г-жа *Монстреле*: гдѣ ты его купила?—

«Въ магазинѣ *Брусса*, который теперь въ
улицѣ Ришельё подъ No 88.... О! памъ пре-
красныя вещи!»

—И не буду покойна, пока не куплю се-
бѣ такого же шарфа.—Какъ это мило, легко,
щеголевано!—

«А что вы скажете о нашихъ апласныхъ
пелеринахъ съ черною блондою или лебязь-
имъ пухомъ?— Не правда ли, что онѣ уди-
вительно благородны?» сказала г-жа *Дюро-
зуаръ*.

—Гдѣ ты берешь свои цѣпны?—спросили
пѣкоторыя у графини *Сельнаръ*.

«Гдѣ-жь, какъ не у *Мильери*? Вы знаете,
что эта бывшая первая подмасьерья *Ба-
тонши* живетъ нынче въ улицѣ Менаръ
подъ No 12, не далеко опъ улицы Ришельё.—
Она переѣхала туда только съ полгода, и
нынѣшнюю зиму всѣ женщины, знающія
себѣ цѣну, заказываютъ цѣпны свои у неѣ.

Можно сказать, что *Мильери* понимаетъ на-
значение свое, не хуже *Лакордера*.»

—Ну, а шляпы твои—всѣ опъ *Симона*?—

«О, *Симонъ*! *Симонъ* въ области шляпъ
по же, что *Бальзакъ* въ словесности,» прер-
вала ученая графиня *Н*.... «Оба владѣють
скипетромъ—оба непобѣдимы!»

—Пора за дѣло! Любезныя сочлены мои, мы
еще ничего не положили на щепъ рукавовъ,—
сказала важно хозяйка, позвоня въ малень-
кой колокольчикъ, какъ президентъ въ Ка-
меръ Депутатскаго Собранія.—Начнемъ съ
младшихъ голосовъ!... Маркиза *П*.... по-
дайте ваше мнѣніе.—

«Если позволите, то я скажу, что....»

—Какой шумъ въ гостиной!... Что зна-
читъ это?—прервали всѣ.

«Боже, я слышу голосъ *Эдуарда*!» сказала
графиня *Сельнаръ*... «и голосъ мужа моего!»

—И моего—и моего—и моего!—вскрикну-
ли дамы, испугавшись.

—Господа, право я не смѣю впускать
васъ;—говорила почпи со слезами горнич-
ная.—Позвольте мнѣ прежде доложить гра-
финѣ.—

«Пусипи! пусипи!»... и въ эту минуту две-
ри съ шумомъ отворились настежь, и во-
семь молодыхъ муцинъ, какъ люпыя пугры,
ворвались въ красивый будуаръ. Молодой бѣ-
локурый офицеръ, прелестной наружности,
былъ ихъ предводителемъ, и казался раздра-
женнымъ болѣе всѣхъ.

Дамы ахнули.

—Это ужасно, сударь!—сказала каждая изъ
нихъ мужу своему.

«Такое самовластіе свойственно только
мужьямъ;» произнесла графиня величаво.

—Ошибаешься, милая; опивчала *Сельнаръ*,
спараясь казаться хладнокровнымъ: увѣряю
тебя, что мы спокойно сидѣли въ Торшонн
и совсѣмъ не думали о васъ, какъ вдругъ вбѣ-
жалъ *Эдуардъ*—и блѣдный, испуганный—ска-
залъ мнѣ: Ты здѣсь сидишь, а у тебя въ
домѣ заговоръ. Мы должны предупредить
его!... Какъ? вскрикнули мы... не ужьли
замышляютъ на честь нашу... на спокой-
ствіе и щасіе нашей жизни?... сказали—
бросились сюда—и... признавайся, что зна-
читъ это всё?... Какія намѣренія?.....—

«Самыя невинныя!» сказалъ засмѣявшись мужъ недавно обвинявшейся маркизы П... «Посмотри, *Сельнаръ*, на эти модныя картинки—и онъ объяснитъ тебѣ цѣль эпаго пайнаго комитетпа.»

— Я понимаю её лучше всѣхъ,—шепнула *Эдуардъ* графиня *Сельнаръ*, скрежеща отъ ярости зубами.

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВИНКЕЛЬМАНЪ.

(Повѣсть.)

Знаменимый *Винкельманъ*, выѣхавъ изъ Рима съ пѣмъ, чпобы пупешествовать по Франціи и Германіи, остановился на нѣсколько времени въ Веронѣ, гдѣ хотѣлъ навѣспитъ семейство *Сперани*, къ которому онъ издавна былъ привязанъ чувствами дружбы и благодарности, поному чпо *Сперани* положили первое основаніе щастія и славы его. И вопъ по какому случаю:

Въ первой молодости своей, *Винкельманъ*, превожимый пѣмъ пайнымъ, внупреннымъ безпокойствомъ, которое ощущающъ почти всѣ люди, предопредѣленные къ чему нибудь великому, оставилъ опечество, чпобы видѣть земли, прославленныя изящными произведеніями искусства или памятниками древности. Не имѣя средствъ нанять повозки, онъ пошелъ пѣшкомъ, взявъ съ собою столько запаса, сколько могла вмѣспитъ въ себѣ наследственная дорожная котомка его, которая, переходя изъ рода въ родъ въ домѣ *Винкельмановъ* прослужила премо поколѣніямъ странствующихъ художниковъ. — *Винкельманъ*, шелъ бодро, воображеніе его спремилось вдаль и всѣ трудности долгаго пути исчезали для него въ свѣпмыхъ надеждахъ будущаго. Такимъ образомъ дошелъ онъ до Гельнгаузена; но путь вдругъ предспавились ему всѣ непріятныя послѣдствія небудманнаго его предпріятія и невозможность совершить его, по причинѣ войны, возгорѣвшейся тогда въ Германіи. — Пробудаясь отъ очаровательныхъ сновъ своихъ, *Винкельманъ*, съ нѣкоторымъ спыдомъ, рѣ-

шилсѣ воропинься назадъ, и дорогою размышлялъ о способахъ вознаградиъ какъ нибудь поперю, хотя очень неважнаго, но довольно прибыльнаго мѣспа, отъ котораго съ безразсудствомъ молодости онъ отказался, чпобы пупешествовать. — Изорванное плаще его, на которое сначала, въ первомъ пылу энпузіазма, онъ не обращалъ большого вниманія, не могло служить ему лестною рекомендаціею для полученія новаго мѣспа; эта мысль, оскорбительная для его самолюбія, заставила его вздохнуть и пошарить въ котомкѣ своей; однакожь сказалъ онъ самому себѣ: «если мнѣ не на что сшить другаго кафпана, то со мной по крайней мѣрѣ есть брипва—и я могу показаться въ городѣ умыпымъ и выбрипымъ.»

Съ этими словами онъ сошелъ у мосту къ рѣкѣ и принялся гововить упренній шуалетъ свой. «Если вода была и не совсемъ шепа для брипья,—писалъ онъ нѣсколько спустя послѣ того къ кардиналу *Албани*,—то по крайней мѣрѣ я не могъ жаловаться на ея недоспатокъ.» Онъ вынулъ брипву, попochилъ её на камнѣ и нагнулся къ рѣкѣ, какъ вдругъ услышалъ за собою пронзительный крикъ, который заставилъ его обернуться. Съ мосту прямо къ нему капилась чешверомѣспная карета; она остановилась на берегу; изъ неё выскочили дамы—и съ опчаяннымъ воплемъ бѣжали съ горы. Онъ стоялъ какъ окаменѣлый, и смопрѣлъ во всѣ глаза, не понимая, чпо случилось съ ними, какъ вдругъ одна изъ нихъ подбѣжала къ нему, вырвала изъ рукъ его брипву и сказала, задыхаясь отъ слѣзъ:

— Нещаспный! чпо хотѣлъ ты сдѣлать съ собою. —

«Выбрипься,» опвѣчалъ пресподушно *Винкельманъ*.

Дамы захохотали; имъ показалось, чпо онъ хотѣлъ зарѣзаться, и вопъ чпо было причиною страха, который скоро превратился въ чрезвычайную веселость. Всѣ съ неперпѣніемъ желали знать, отъ чего молодой человекъ, такой благородной наружности, помѣспилъ уборную свою на рѣкѣ подъ мостомъ. *Винкельманъ* умно и забавно рассказалъ свое приключеніе; онъ былъ очень не-

дурень собою, краснорѣчивъ, оспроумень, слѣдовапельно возбудилъ живое участіе въ слушательницахъ; — онъ надѣлили его деньгами, и самая прекрасная изъ нихъ, па, которая, забывъ собственную опасность, выхватила изъ рукъ его оспрую бриллу, написавъ нѣсколько словъ карандашемъ, пода ла листочикъ *Винкельману*, говоря, чтобы онъ немедленно шелъ съ эпою записочкою къ капишану *Стальману*, очень значущему человеку, — который ей преданъ, и, чтобы услужилъ ей, сдѣлаешъ для него всё, что только будетъ опъ него зависѣть. Молодой художникъ не пренебрегъ совѣша красавицы, и въ топъ же день явился къ *Стальману*. Съ эпой минушы жизнь его перемѣнилась — и щастіе и слава его спали возрасташъ съ каждымъ днемъ болѣе.

Прошло нѣсколько лѣтъ; *Винкельманъ*, уже прославившійся въ цѣлой Европѣ, пріѣхалъ въ Верону и опыскалъ домъ, гдѣ жили *Сперани*; но къ сожалѣнію своему узналъ, что они оплучились на нѣсколько дней изъ города. Въ ожиданіи ихъ, онъ вздумалъ съѣздитъ посмопрѣть какое-то знаменитое собраніе рѣдкостей, о которомъ говорилъ ему кардиналъ *Албани* и которое находилось въ одномъ загородномъ домѣ, въ окружностяхъ Вероны.

Во время эпого ученаго путешествія, жена и дочь сенатора *Сперани* возвратились въ городъ и съ неперпѣшемъ ожидали *Винкельмана*.

Но прошла цѣлая недѣля — и анипкварій не возвращался.

Наконецъ онъ пріѣхалъ; но видъ г-жи *Сперани*, женщины, которую онъ любилъ какъ друга, не только не радовалъ, но казалось даже огорчалъ его. — Г-жа *Сперани* съ горестію замѣтила эпо спранныю холодность — и не могла понять её. Какая-то пайная печаль пяташъла на душѣ мрачнаго *Винкельмана* — и никакія спаранія разсѣлтъ или развеселитъ его, не могли побѣдитъ грустной его задумчивости. Г-жа *Сперани*, съ радостію матери, объявила ему о помолвкѣ *Цинтіи* своей. И прекрасная дѣва *Ипаліи* — эпой пламенной *Ипаліи*, гдѣ женщины не умьютъ скрывать чувствъ своихъ, рассказала *Винкельману* о любви своей къ благо-

родному юношѣ, котораго она предпочла всѣмъ соперникамъ его.

«Повѣрите ли, милый другъ,» прервала мать: «что не смотря на всѣ блестящія качества эпого прекраснаго молодаго человека, злословіе нашло средство оклеветать его, и мужъ мой чуть-чуть не опказалъ ему опъ дому.»

— О, я бы эпого не пережила! — сказала пылкая *Цинтія*, съ такимъ жаромъ, что, застыдившись, покраснѣла какъ роза. Потомъ взяла она карандашъ и бумагу, подошла къ окну, и спала что-то черпиль, какъ будто снимая сквозь жалузи видъ улицы.

«Вы бы не пережили эпого?» сказалъ анипкварій, смотря пристально на *Цинтію* и слѣдилъ глазами за движеніемъ руки ея. — «Однако-жь,» продолжалъ онъ: «я бьюсь объ закладъ, что въ эпо минушу мысль о смерти очень далеко опъ васъ; напротивъ, вы такъ щастливы, что не думаете о печали.»

— Почему вы это знаете? — спросила мать.

«Почему, сударыня? Прикажете дочери вашей взглянуть на меня, и я скажу вамъ, что блаженство оживляетъ всѣ прекрасныя черты ея.»

Дѣвушка подняла голову, и съ важнымъ видомъ отвѣчала:

— Ошибаетесь, г. *Винкельманъ*. —

«А если не ошибаюсь? Полно-те надувать губки; глаза ваши улыбаются вопреки имъ, и рука ваша дрожитъ опъ сильнаго чувства.»

Г-жа *Сперани* подошла къ дочери. — Вы опгадали, другъ мой, — сказала она: *Цинтія*... но прежде надобно вамъ знать, что въ опсупствіи мужа моего, мы не смѣемъ принимать нашего жениха; намъ позволено, однако-жь, посмапривать на него въ окно, сквозь рѣшетчатую спору. Взгляните, пожалуйста, не сдѣлалось ли чего съ лошадыю эпого молодаго человека, который ровно часъ спойтъ на одномъ мѣстѣ, и такъ неподвижно, что *Цинтія* успѣла срисовать порпиретъ его. — Покажи, *Цинтія*, рисунокъ пвой *Винкельману*. —

«Боже, что я вижу!» закричалъ онъ, взглянувъ на профиль, начерченный дѣвушкою: «Но шупъ ли онъ еще, шупъ ли?» продолжалъ онъ, бросаясь къ окну, и съ этими словами бросился вонъ изъ комнаты.

Подъ окномъ, верхомъ на Арабской лошади, вершѣлся молодой человекъ опличной наружности, и одѣтый по самой послѣдней модѣ.

Винкельманъ сдѣлалъ ему знакъ — и онъ оспановился; они сказали другъ съ другомъ нѣскольکو словъ — и оба удалились въ ту же самую минушу.

Можно представить себѣ удивленіе обѣихъ г-жъ *Сперани*.

Давно замѣчали они что-то непонятно-спранный въ госпѣ своемъ и боялись догадываться; но послѣднее обсподпельспво оправдывало спрахъ ихъ на щепъ бѣднаго *Винкельмана*; особливо, когда черезъ нѣскольکو дней пришелъ женихъ, и спрашивалъ, кто былъ потъ сумасшедшій, который выбѣжавъ къ нему на улицу, заспавилъ его слѣдовать за собою, на назначенное имъ мѣсто, чтобы тамъ драхъся, но потомъ перемѣнилъ часъ поединка, на который однако-жъ не явился.

Эпо огорчило обѣихъ дамъ, и онѣ послали навѣдаться въ пракпирѣ, гдѣ споялъ *Винкельманъ*, не примѣтили ли тамъ въ немъ чего нибудь необыкновеннаго. — Имъ опвѣчали, что въ первое время пребывания своего въ Веронѣ, онъ казался совершенно въ здравомъ разсудкѣ; — но, что, послѣ коропкой оплучки своей изъ города, во всемъ перемѣнился: спалъ сердпиться безъ всякой причины, печалился или радовался, не зная чему, говорилъ, что ѣдетъ по въ Тироль, по въ Римъ, по наконецъ въ Берлинъ, куда вѣроплно и опправился. Однимъ словомъ, что въ споступки г. *Винкельмана* казались очень близкими къ сумаспесивію.

Но хопите ли зная пайну чудной перемѣны, случившейся съ *Винкельманомъ*, въ печеніе паяи или шести дней, которые онъ провелъ одинъ, въ загородномъ домѣ, куда, по совѣспу *Албани*, онъ ѣздилъ спопрѣвъ кабинетъ рѣдкостей?

Анпикваріей съ особеннымъ удовольспвіемъ увидѣлъ виллу *Пол — о*, которая ни крошечки не походила на обыкновенные загородные дома, выпоченные изъ камня, какъ какая нибудь мебель, раскрашенные, какъ карпонная дѣтская игрушка, и облѣпленные со всѣхъ споронъ колоннами; нѣспъ, эпо было прекрасное зданіе спрогой архпспектуры, хопя немного запущенное: но эпо живописная небрежность имѣла въ себѣ, придала ему что-то особенно романпическое; *Винкельманъ* плѣнялся ею; беспорядокъ казался ему необходимымъ украшеніемъ свяпилища древности, которое онъ намѣренъ былъ осмапривать. Эпи обвалившіяся спѣны, эпо полуразрушеніе, которое, такъ сказать, просило въ наспопція развалины, давало *Винкельману* высокое понятіе о музеумѣ и о владѣльцѣ его, маркизѣ *П. . . .* Человекъ, думалъ онъ, который дозволилъ времени наложпть черную печать свою на эпо великолѣпное жилище, долженъ былъ ревностнымъ поклонникомъ искусства, и памятниконъ вѣковъ минувшихъ. Онъ долженъ имѣть душу въ высшей спепенп поѣпической — и безъ сомнѣнпя приметъ меня, какъ нельзя лучше. — Наконецъ я здѣсь, вскрикнулъ онъ, выходя изъ карепы, какъ мореплаватель, который, завидя землю, кричитъ: берегъ, берегъ! благодарите Бога, любезные поварищи!

Но увы, *Винкельмана* у самаго берега ожидало кораблекрушеніе: Ворота были заперпы, и прптворникъ сказалъ, что, вопреки госпепрпимной *Ипаліи*, господинъ его не позволилъ никого впускать въ замокъ.

Вообразите опчаянп анпикварія!

Прѣхавъ изъ Рима, чтобы видѣть музеумъ, славный во всей *Ипаліи*, — промечпавъ цѣлые прп мѣсяца о прекрасныхъ вазахъ, древнихъ спатуяхъ, изящныхъ мраморахъ, въ немъ заключающихся; видѣть ихъ въ воображенп — и не видавъ на яву; бытъ у прпспани, и не смѣвъ войти въ неѣ, — эпо мысль была для него убійспвенна! Но препятспвія только раздражали пылкой характеръ *Винкельмана*, и возбужденное его любопыспво, какъ бурный попокъ, не знало

препоны. О! онъ увидишь всё! Непременно увидишь! Въ этомъ святилищѣ древности есть Саркофагъ, опятный у Турокъ — и стоявшій нѣкогда близъ Олимпійскихъ спадій. Не ужьли ему не выдашь его?... Нѣтъ! это невозможно; или онъ умретъ, — ему нельзя жить безъ него... Если нужно, онъ бросится къ ногамъ маркиза, сплещетъ просишь, заклинашь, умоляшь его со слезами. — Но маркизь неумолимъ, опивчаюшь ему. — Что нужды? *Винкельманъ* также упрямъ; онъ не оставишь своего намѣренія, — онъ будетъ сыпать золото и въ состояннн взбунтовать весь городъ.

Между тѣмъ, вопшь что онъ узналъ о маркизь *По—о*. Увы! бѣдный антикварій не зналъ, что судьба этого челоуька, по спранному спеченію обстоятельствъ, сдѣлается нѣкогда нераздѣльною съ его судьбой — и повлечетъ его къ несчастію и смерти.

Маркизь *Манфредъ Пол—о* былъ послѣдній отпрасть одной изъ тѣхъ знапныхъ Генуэзскихъ фамилій, которыя долго пропивились дикшапоретву *Андрея Доріи*, и наконецъ были изгнаны республикою. Онъ переселился въ другіе города Италіи и перенесли шуда власть свою и нещепныя сокровища.

Но когда желѣзный скиптръ пришельцевъ распростерся надъ всею Италіею, тогда дѣяпельность Паприціевъ упала, и тѣ изъ вельможъ, которые были слишкомъ горды, чпобы ползатъ у ногъ завоевателя, принуждены были дремать въ великолѣпныхъ лапахъ своихъ, замышлять тамъ опть скуки безуспѣшныя заговоры, или предаваться распуству и карточной игрѣ, которая сдѣлалась въ то время господствующею спрастью цѣлой націи.

Домъ *Пол—о* издавна слылъ поколѣніемъ игроковъ, почпи всегда разорявшихся, и нерѣдко преспупныхъ. Замѣчено, что въ нѣкоторыхъ семействахъ пагубныя спрасти отца заражаютъ кровь сына, который, въ свою очередь, сообщаетъ ихъ дѣлмъ своимъ, и, такимъ образомъ, пороки или преспушенія предковъ, переходяшь изъ рода въ родъ, и оспаюпся завѣпнымъ, на-

слѣдственнымъ пяпномъ на цѣлой фамиліи. Такія поколѣнн новыаъ Апридовъ встрѣчаюпся довольно часпо, особенно въ Италіи, которая сполько разъ переходила опть однихъ владѣльцевъ къ другимъ, что жипели не могушь назватъ ея опечеспвомъ своимъ.

Въ то время, когда *Винкельманъ* посѣпцлъ *Пол—о*, изъ знаменитыхъ владѣльцевъ ея оставались въ живыхъ сполько двѣ отпрасти: спарый маркизь и молодой *Цинелли*, сынъ его.

Въ нихъ прервалась, казалось, длинная цѣпь безразсудства предковъ; жаръ пагубной спрасти оспылъ наконецъ въ крови ихъ, но мѣръ удаленія ея опть источника, и они, обраппвъ взоръ на прошедшее, рѣшились избавишься навсегда опть несчастнаго наслѣдства своего.

Однакожь молодой *Целли* заплапиль дань фамильному недугу, и началъ тѣмъ, что цѣлые дни и ночи проводиль за карпами, съ опчаяніемъ и бѣшенспвомъ проигрывая кучи золота. Безразсудный юноша кончилъ бы можетъ бытъ самоубійспвомъ, если-бъ внезапная смерть отца, случившаяся въ чужихъ краяхъ, не заспавила его одуматъся и совершенно переменить образъ жизни своей.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

КАРТЫ ЕДИНСТВЕННОЕ ЗАНЯТІЕ ВЪ РУССКИХЪ СОБРАНІЯХЪ.

Выдержки изъ князя Вяземскаго.

Взглянемъ, хотя съ одной почки, напримѣръ, на цѣль свѣтскихъ собраній нашихъ. Что соединяетъ у насъ членовъ общества? Не потребность разсужденій о предметахъ общеспвенной пользы, какъ въ Англн; не нравспвенная и первическая необходимость привеести языкъ въ движеніе; не прелестъ разговорчивости, не заманчивость споровъ о новой брошюркѣ, о новой драмѣ, какъ во Франціи; не попытки волокитства и поиски романическихъ приключеній опть праздности, нѣги и солнечнаго знол, какъ въ Италіи; не добродушное поварищеспво Пѣмцевъ, имѣющихъ нужду въ развлеченн

послѣ головоломныхъ шрудовъ, какъ дѣпи послѣ уроковъ, и собирающихся иногда *коѣ объ гелихъ помолчатъ*; но, по крайней мѣрѣ, на людяхъ!—Нѣтъ: у насъ свлзь и ключъ общества—карпы. Онѣ за зелѣнымъ сукномъ уравниваютъ званія, возрасты, поды, глупость и умъ, образованность и невѣжесиво, честность и корысполюбіе. Одно условіе, одно опличіе: курсъ игры, кто по-чѣмъ и кто во что играетъ; по этому сходящся и не расстаются. Кто-то говорилъ, что, для предспавленія комедіи въ *Русскихъ нравахъ*, должно пославить на сценѣ сполько ломберныхъ споловъ, сколько успавишься можешь. И замѣтыше еще, что собираются не игроки въ собственномъ значеніи слова, не живописные *Беверлеи*. Тутъ не увидите вы поэзіи спраспи, имѣющей всегда и въ безобразіи своемъ драматическую спорону! Нѣтъ, шупъ одна холодная, машинальная спраспъ, проза спраспи во всей своей плоскости. Многіе играютъ въ карпы, какъ спаруха играетъ въ меледу, или звѣка пьетъ въ колодезь, *отъ-негего-дѣлатъ*, съ тою разницею, что эти упѣшаются въ одиночку, а пѣ связываются, чтобы удосповѣришься, что безъ карпы имъ дѣлать нечего.

НАШИ КОМИКИ РАВСКИ ПОДРАЖАЮТЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ.

Пороботясь Французскому игу (*), комики наши заимспвовали отъ Французскихъ классиковъ запрешительныя ихъ узаконенія, ихъ оприщательныя силы. По слѣдамъ ихъ, они многого себя не дозволили, но не могли съ равною удачею слѣдовать за ними въ помъ, въ чѣмъ они успѣли. Наши писатели остановились на одномъ правилѣ: *Комедія есть училище нравовъ*. Но училище, въ которомъ сполько и дѣлали бы, что наказывали порочныхъ, не умѣя пріохопить ихъ къ добру и

(*) Справедливость требуетъ исключить изъ числа слѣпыхъ подражателей Французамъ *Фонъ-Визина*, *Аблеси-мова*, *Грибодова*, *Крылова*, *Загоскина*, *Офросимова* и князя *Шаховскаго*.— В.

къ просвѣщенію, едвалибъ было надежнымъ разсадникомъ подростяющаго поколѣнія. Нашъ комикъ, заславляя плула болѣе швердиль о себя словами, нежели невольно выказываетъ поспупками, что онъ плушъ; пережеая брань прямо на лицо его похвалами честности и, наконецъ, наказывая его или обманомъ другаго плула, или судейскимъ приговоромъ, доволенъ былъ тѣмъ, что обязанность свою исполнилъ, какъ честный человекъ и добрый Хрисіианинъ.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ НЕАПОЛИТАНСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Неаполитанскіе журналы сообщаютъ слѣдующія спайспическія извѣстія. Къ 1-му Января 1834 года, народонаселеніе королевства состояло изъ 5,883,363 душъ. Въ числѣ 214,924 родившихся младенцевъ было 9,886 вѣбренныхъ. Раждаемость къ народонаселенію составляла 1 къ 27 $\frac{1}{2}$. Опношеніе умершихъ 1 къ 53. Бракъ приходился 1 на 124 $\frac{1}{2}$. Духовныхъ щипалось 25,826, монаховъ 11,723.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

75.

Унизивъ славу блаженныхъ памяти прагика Александра Пепровича *Сумарокова*, уважаемаго благодарными потомками за его прекрасныя пошпыки, г. *Виссаріонъ Бѣльинскій* обратился къ *Постоллому двору* г. *Степанова*, также Александра Пепровича. Здѣсь всему доспалось: и слогу и содержанію, и дамамъ и мушпанамъ, и дѣвицамъ и вдовцамъ, выведеннымъ на сцену въ эпическомъ романѣ. Всѣ, всё го по его: одинъ виноватъ тѣмъ, что высокъ ростомъ, другой тѣмъ, что не годенъ въ рекруты; помъ тѣмъ, что честенъ и благороденъ, а эпическо не надобно было выводить на сцену, потому что онъ злодѣй, душегубецъ; та не по сердцу ему своими превосходными нравспвенными качествами, а шу надобно бы выкинуть изъ романа за то, что увлекается спраспью.

Если авторъ поспроилъ гдѣ нибудь въ своемъ романѣ госпоиную круглую: надобно её сломать и поспроить осьмиугольную; если у какого помѣщика домъ съ мезониною, то сбросить её и сдѣлать въ одинъ этажъ. Если въ деревнѣ прудъ: по г. *Бльинскій* сердился, за чѣмъ не рѣка; если рѣка: по гнѣваемся за чѣмъ не озеро.

Къ щасью хорошихъ писателей, никто не чипаетъ *Телескопа*, а если кто нибудь и заглядываетъ въ него: то не чипаетъ крипическихъ спашеекъ г-на *Бльинскаго*.

А. Кораблинскій.

17-ое Апрѣля 1836.
Нарва.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ЛЮДСКОЙ БЫТЬ.

Упившись злобой, какъ виномъ,
Они безумствуютъ, какъ дѣши,
И пушаютъ другъ друга въ сѣти
И скуднымъ хвалятся умомъ!
Въ враждѣ ихъ закалились души,
Оледѣли ихъ сердца!
Ихъ очи слѣпы, глухи уши
И нѣтъ уже на нихъ лица!
Рабы гордыни и мамона,
Всѣ строятъ башню Вавилона,
И ихъ работѣ нѣтъ конца!
Какъ жалкіе крошкы подземны,
Они не видятъ свѣта днѣмъ,
Ихъ входы и исходы темны
И всё у нихъ идѣтъ вверхъ дномъ!
Но близко время просвѣтлѣнья,
Огнь очищенія горитъ,
И упразднится область плѣнья:
Всё облечется въ новый видъ!

Н. Баталинъ.

1836, Апрѣля 3-го дня.
Видница.

ENIGME.

Lecteur, je suis presque un atôme,
Et cependant je nourris l'homme,
Les quadrupèdes, les oiseaux,
Et même l'habitant des eaux,
Je n'ai que trois lettres en somme,
Compte à part chacune des trois,
Et tu verras que la première,
Egale vingt la dernière,
Et la seconde mille fois.

Въ № 45-мъ, помѣщенная шарада значитъ: *И-Талія*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Повышенный; сог. Мишеля Массона и *Августа Люше; въ 4 частяхъ.*—*С. П. Б.*

Съверная Пчела поспѣшила извѣстить своихъ чипателей о выходѣ въ свѣтъ эпого романа, котораго заглавіе г. переводчикъ, по странной и непонятной прихоти, измѣнилъ. И пакъ, по милоспи его, Thadée le resonscité (Воскресшій Тадеусъ) будетъ извѣстенъ въ нашей липерапурѣ подъ названіемъ *повышеннаго* (le rendu); и эпо можемъ послужить поводомъ соотечественникамъ опказаться опъ всѣхъ связей съ Тадеусомъ. Какъ бытъ, прудно догадаться, что *воскресшій* скрывается подъ заглавіемъ *повышеннаго*. Сколько шума за одно слово, по произволу измѣненное, скажетъ г. П. П., *дружески* и весьма мило объявивъ объ эпомъ романъ! Да, м. г., мы никакъ не можемъ согласиться съ пѣмъ, чпобъ присвоить переводчику право передѣлать на свой ладъ заглавіе книги; но пребуемъ опъ него рабской почности въ эпомъ случаѣ. Впрочемъ, мы совершенно согласны въ эпомъ, что эпотъ романъ переведенъ иьспымъ языкомъ, занимапеденъ и заслуживается вполнѣ похвалу.

Ю. Дж—ни.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 47.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 10 дня 1856 года.

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми:
Поклонъ, да былъ пакъвъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими:
Поклонъ—да пара словъ.

А. Мерзляковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. НИЩІЙ ХОРОШАГО ТОНА.

Онъ здоровъ, свѣжъ, полстпъ и румянь;—
носитъ большое жабо, черный фракъ, бѣ-
лыя перчатки; завиваетъ волосы и безпре-
станно улыбаеця;—онъ входитъ въ комна-
ту довольно ловко, кланяется порядочно, и
говоритъ не дурно; онъ знаетъ спаписпи-
ку Парижа лучше инаго профессора, или
самаго оберъ-полицмейстера, и приврапни-
цы большихъ домовъ, которыя, выключая
мою, всѣ онъ природы спрашныя болпуньи
и сплепницы, удоспояють его дружбы
своей. Прежде, нежели войти въ незнакомый
ему домъ, онъ обыкновенно заходитъ къ
приврапницѣ, подчуепъ еѣ шабакомъ сво-
имъ, называя его наспоющимъ Виргинскимъ,
и минушь черезъ пяшь совершенно очаро-
вываепъ еѣ сладкими рѣчьми своими.

«Сударыня,» говоритъ онъ ей: «знаете ли,
что по лицу вашему, я сказалъ бы, что вы
не рождены для этой низкой должности.»

—Да таки и не рождена, сударь!— отвѣ-
чаепъ она со вздохомъ.

«Понимаю!» возражаепъ онъ, вздохнувъ
дважды: «вы также знаете нещастіе!»

—Ахъ, сударь, кто не знаетъ его!—и при-
вращница стараетя заплакать. — Но со
мною бывали случаи необыкновенные,—при-
бавляепъ она, ужасно кривляя носомъ и гла-
зами.

Нищій придвигаепъ спуль свой.

—А съ вами, сударь?—

«Со мною! со мною! ахъ, сударыня!»—Онъ
закрываетя песпрымъ бумажнымъ плап-
комъ съ большими клѣпками, и допомъ, се-
кунды черезъ двѣ, показываепъ чувспви-
тельной приврапницѣ лицо свое, омочен-
ное слезами; даепъ ея любимой собачкѣ ку-
сочикъ сахару—и гладитъ сѣраго ея коша.—
Вы видите, что знакомство сдѣлано—и при-
помъ герой мой знаетъ весь домъ вдоль и
поперегъ, какъ собственныи чердакъ свой.—
Черезъ часъ, обогативъ себя нужными свѣ-
дѣніями, онъ начинаепъ свое путешествіе,
безъ карты и компаса, но вѣрнѣе и надеж-
нѣе самаго *Колумба*.

Внизу живепъ вдова капитана Большой
арміи; онъ звонитъ—и проситъ позволенія

засвидѣтельствовать свое почтеніе женѣ стараго сослуживца.—Его принимаютъ, сажаютъ, спрашиваютъ; онъ говоритъ съ чувствомъ о покойномъ капитанѣ, съ жаромъ о *Наполеонѣ*, сраженіяхъ, походахъ, — о Ваперло, о старыхъ изувѣченныхъ войнахъ, лишенныхъ хлѣба насущнаго, и добрая вдова, которая имѣетъ сердце младенца, не знаетъ какъ угостить его. Она вынимаетъ изъ шкапа большой кусокъ вчерашняго пирога, пол-бутылки вина, и робко предлагаетъ гостю эпюпъ скромный завтракъ.—Гость не спѣсивился; онъ ѣстъ, пьетъ и, наконецъ выходя, принимаетъ отъ хозяйки пяць или шесть франковъ; но разумѣется, что гордый сынъ Беллоны взялъ ихъ только въ *займы*, и непременно завтра же возвратитъ съ благодарностію.

Второй эпюпъ занимаетъ богатый банкиръ—и потому путешественникъ нашъ, который не любитъ терять время понапрасну, идетъ далѣе.—Надъ банкиромъ живетъ извѣстный водевилистъ.

Онъ звонитъ изо всей мочи—и входитъ такъ развязно, какъ въ свою комнату. Хозяинъ, сидѣвшій за своимъ бюро, бросилъ перо на бумагу и глядитъ на него разинувъ ротъ, не понимая причины эпюпаго спранныя явленія.

«Здравствуй, добрый поваричъ!» кричитъ онъ театральнымъ голосомъ. «Ну! каково живаешь?—Хорошо, не правда ли? Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, потому что, если бы всѣ умные и чувствительные люди умирали въ Парижѣ съ голоду, то въ такомъ случаѣ Парижѣ бы надобно было бросить съ мосту прямо въ рѣку.—Вотъ и я такъ же въ свое время пожилъ—и меня милыя вѣнчали лаврами, вызывали на сцену и угощали объдами; потому что я цѣлые десятиѣ лѣтъ былъ единственнѣмъ сотрудникомъ славнаго *Десоже*, — *единственнѣмъ*, слышишь ли? то есть я былъ, какъ говорятъ, его правою рукою. Но время переѣчиво — *Десоже* не спало, и эпюпа ужасная потеря лишила меня всей способности работать, . . . а ты знаешь, что безъ работы, въ нашъ своекорыстный вѣкъ, трудно жить на свѣтѣ. Ксати! Вотъ для меня подиска. Эпюпъ шупъ *Скрибъ*

говоритъ гдѣ-то, *что въ свѣтѣ не безъ друзей*, зная это по опыту. Ты видишь, что путь спюпъ имена лучшихъ писателей нашихъ,—и если хочешь прибавить къ нимъ свое, то вотъ оспалось маленькое мѣстечко между *Дюма* и Виктора *Гюго*.»

Какъ откажется? Нещасный водевилистъ подписывается,—и гость его, довольный и веселый, съ шоржесвомъ поднимается выше.

Въ прешемъ, дверь обо-дверъ живутъ какой-то полицейской съ актеромъ. Нищій, преобразясь на эпюпъ разъ въ опспавнаго содержателя театра, выманиваетъ у актера банковую ассигнацію. У сосѣда же его не проситъ ничего, потому что полицейской предупреждаетъ просьбу его.—Пословица говоритъ: *рука руку луетъ*.

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВИНКЕЛЬМАНЪ.

(Продолженіе.)

Съ эпюпа времени, маркизь совершенно переѣчился, и какъ часто случается, бросился изъ одной крайности въ другую, совершенно противную. Онъ, который прежде смѣялся надъ учеными и презиралъ науки, спалъ проводитъ дни и ночи въ уединенной своей библіотекѣ, оставилъ свѣтъ, продалъ всѣ помѣстья свои, кромѣ извѣстной намъ виллы, гдѣ поселился и жилъ какъ опшелникъ; распродалъ богатые свои экипажи, распустилъ услугу и, однимъ словомъ, изъ извѣснаго мопы сдѣлался самымъ скареднымъ скупягою. Спарал ключница и мужъ ея, который опправлялъ въ одно время должностъ управителя и приврапника, соспавляли всѣ его общеспво. Наконецъ скупость его возраста до того, что онъ спалъ отказывалъ себѣ даже въ необходимомъ, и такимъ образомъ, самая холодная, самая ледяная спраспъ, заспуила въ душу его мѣспю прежнихъ кипучихъ спраспей юности. Вообще проспюдины ненавидятъ скупость въ богатыхъ и знапныхъ людяхъ, и скорѣе спспятъ имъ самые гнусные поро-

ки, нежели недостатковъ щедрости. Нелѣпые слухи носились въ деревнѣ на щепъ маркиза; онъ копилъ бочки золота, говорили поселяне; онъ спережетъ сокровище свое опъ воровъ, ходя по ночамъ вокругъ дома, чптобы убить перваго, кто попадетсѣ ему на глаза; богатство его зарыто подѣ землю, и заколдовано, чптобы никто не могъ оныскашь его.

Старый *Матео*, управитель маркиза, которъй выпивъ лишнюю рюмку вина, дѣлался чрезвычайно опкровененъ, подпверждалъ мнѣніе крестьянъ разными довѣренностями. По словамъ его, маркизь хранилъ сундуки свои подѣ каменнымъ поломъ кіоска, находившагося на самомъ концѣ сада; туда же снесены были и дорогія карпины, статуи, древнія вазы и всѣ рѣдкости, украшавшія нѣкогда огромную галерею, которая начинала приходиль въ упадокъ. Туда приходиль маркизь будпо любовашься прекрасными произведеніями искусства; въ самомъ же дѣлѣ для того, чптобы щипать свои секины и липъ серебро въ слитки. *Матео* самъ часто видалъ его по ночамъ проходящаго черезъ садъ съ фонаремъ, которъй онъ пряпалъ подѣ полою широкаго плаща своего. Маркизь входиль въ бесѣдку, запирался тамъ на ключъ, и щипалъ золото свое до самаго восхожденія солнца. *Матео* иногда приспавлялъ ухо къ двери и очень ясно слышалъ спукъ секиновъ.

Но если, вѣря всѣмъ эпитмъ расскажемъ, можно было укоряпъ маркиза въ скупости, доходившей почти до сумасшествія, то всякой, глядя на него, сказалъ бы, чпто наслажденія скаредной его души изнуряли тѣло его, поптому чпто маркизь скорѣе походиль на привидѣніе, нежели на человѣка. По собственной волѣ, устрѣняясь всякаго сообщенія съ людьми, онъ поспешенно одичалъ и впалъ въ ужасную ипохондрию; силы его истощились, здоровье разспроилось; онъ спалъ недовѣрчивъ, подозрительнъ, и терзался непреспаннымъ спрахомъ, чптобы кто нибудъ не обокралъ его; это ужасное чувство выражалось на блѣдномъ лицѣ его опврапщельными конвульсіями, которыя ужасали всякаго. Пасмурный, съ распрепанными во-

лосами, въ одеждѣ, которая висѣла почти лоскупьями, онъ ходиль сгорбившись и преклонясь къ землѣ, какъ будпо припскивая уже на ней могилу свою. Никпо бы не могъ узнать въ немъ прежняго спатнаго, красиваго и благороднаго маркиза *Пол—о*.

Скупецъ однакожь давалъ пристойное содержание единственному сыну своему, но никогда не хотѣлъ его видѣпъ. Это доказываешъ, чпто онъ спраспно любиль его, поптому чпто для скупаго секинъ гораздо дороже ласки.

Молодой *Цинелли*, не смотря на знатность свою, учился очень хорошо, былъ недуренъ собою, любезенъ, оспроуменъ и давалъ понѣ Веронской и Манпуацкой молодежи не безразсудною роскошью, но изящнымъ вкусомъ своимъ и спрогимъ соблюденіемъ всѣхъ приличій большаго свѣпа. Онъ опличнымъ поведениемъ своимъ, казалось, хотѣлъ сперепъ худую славу съ своего дома, и успѣлъ въ томъ.—При имени *Цинелли*, препепали сердца молодыхъ дѣвушекъ, и матери наперывъ спарались заманипъ его къ себѣ, знал, чпто съ блестящими качествами свѣпскаго человѣка, онъ соединялъ всѣ достоинства, необходимыя въ домашней жизни. *Цинелли* однакожь любиль только одну женщину, и ей одной посвяпиль всю душу свою.

Винкельманъ узналъ эти подробности опъ словоохотнаго *Матео*, которъй, съ помощію нѣсколькихъ рюмокъ Тосканскаго, разскалъ ему всѣ до подногопной, и сверхъ того обѣщамся доспавитъ ему случай видѣпъ кабинетъ рѣдкостей; чпто совершенно успокоило и развеселило анпикваря.

Матео позвали въ замокъ, по случаю приѣзда туда молодаго *Цинелли*, къ неописанному удивленію опца его и всей деревни.

«Надѣйпесь на меня, господинъ ученый,» сказалъ *Матео*, разспаваясь съ *Винкельманомъ*: «сегодншнюю ночь его превосходительство будетъ вѣрояпно очень занятъ, по я могу припши вечеромъ поговориль съ вами.»

Посмотримъ, чпто заспавило молодаго *Цинелли* посѣпиль опца своего, и въ двухъ словахъ опредѣлимъ испинный характеръ его.

Цинелли былъ лицомъ и игрокъ.

Игрокъ самый опчаянный, —лицемѣръ самый упонченный; но не для того, чпобы обманывать свѣпъ ложною добродѣпелю; нѣптъ; но чпобъ получить руку женщины, спраспно имъ любимой, и которая, можептъ быптъ, опказала бы ему, если бы узнала, чпо онъ былъ игрокъ. Тщепно спарался онъ перемѣнпться, пщепно хопѣлъ убиптъ одну спраспъ другою: всё было напрасно; обѣ имѣли равную силу въ душѣ его. Взглядъ *Цинтїи* приводилъ его въ восторгъ, звукъ мепалла производилъ въ немъ судорожный препенъ; если бы дочь *Сперани* велѣла ему броспться въ пропасть, онъ бы съ радостїю исполнилъ ея приказанїе; если бы она сказала ему: переспань играпъ, *Цинелли*, то онъ чувспвовалъ, чпо не могъ на это согласпться. Онъ зналъ, чпо въ шу минушу, когда бы *Цинтїя*, видя его у ногъ своихъ и пронупая его слезами, его опчаянїемъ, пропянула ему руку въ знакъ прощенїя; чпо въ эту самую минушу, если бы въ сосѣдней комнапъ раздался спукъ коспей и поппрясенїе рожка искусною рукою, онъ бы, забывъ всё, бросился шуда, увлеченный какою-то волшебною и непредодолимою силою. — Молодой *Цинелли* любилъ всѣмъ сердцемъ, всѣми мыслями, всѣмъ сущеспвомъ своимъ, — но игра была для него жизнь, онъ дышалъ ею какъ воздухомъ, необходимымъ для его сущеспванїя, — и опказался опъ игры, было бы для него поже, чпо умереть.

Надобно сказать, чпо въ это время игра была въ Испалїи не только главнымъ упражнїемъ знатныхъ и богатыхъ людей; но нѣкоторымъ образомъ входила въ ращеты правптельствва, которое видѣло въ ней свое спасенїе, то есптъ зло, нужное для его спокойспвія, и поппому оно подъ рукою покровптельстввовало тайнымъ общеспвамъ игроковъ, которые собирались ночью въ извѣстныхъ домахъ, и пропгрывали шамъ честь свою и имѣнїе, не спрашась негодованїя согражданъ. — Эта тайнспвенность порока имѣла по крайней мѣрѣ шу общую пользу, чпо игроки, скрываясь, не давали собою дурнаго примѣра бѣдному и незнапному классу жптелей; а намъ извѣспно, чпо выпгрышъ есптъ приманка для каждаго, между пѣмъ

какъ пропгрышъ никому еще не послужилъ урокомъ.

Никто не имѣлъ права войпши шуда, гдѣ происходила игра, не бывъ членомъ общеспва, въ которое принимались одни первосптапейные игроки, то есптъ пѣ, которые носили знатное имя, занимали важныя мѣспва въ государспвѣ и обладали богатыми помѣспьями или значптельнымъ капиталомъ. Сверхъ того, всѣ игроки въ Европѣ, принадлежавшіе къ высшимъ сословїямъ, имѣли входъ въ этопъ родъ Панденонїума. Такимъ образомъ общеспво имѣло своихъ корреспондентовъ въ Неаполь, Вѣнѣ, Парижъ, и знатные игроки могли, оставляя опечесптво, находптъ внѣ его подземельныя залы, которыхъ двери опворялись для всѣхъ рыцарей карточнаго спола, извѣспныхъ общеспву.

Однакожь, не смотря на всю оспорожностъ свою, общеспво часто попадалось въ просакъ. Извѣспно, чпо нпгдѣ не бываетъ сполько бродягъ, какъ шамъ, опкуда спаряются изгоняптъ ихъ; припомъ, для искуснаго обманщика нѣптъ ничего легче, какъ прпнпять ложное имя и званїе — и играпть ролю богатаго челоуѣка. Это именно случилось въ Веронскомъ общеспвѣ игроковъ. Оно прпняло одного извѣспнаго плуша, который былъ уличенъ во многихъ преступленїяхъ, и даже осужденъ на казнь, но избавился опъ неѣ очень неумѣспнымъ спаранїемъ какого-то глупаго вельможи. — Мошенникъ этопъ, называвшїйся *Арханджели*, въ молодоспїи своей былъ въ услуженїи и опсправлялъ самыя низкїя должности, но одаренный опъ природы оспроумїемъ и смѣпливостїю, онъ скоро умѣлъ прїобрѣспть понъ порядочнаго челоуѣка, прїехалъ въ Верону, познакомился со всѣми лучшпми фамилями и безъ всякаго запруднѣнїя вперся въ тайныя собранїя знатныхъ игроковъ.

Узнавъ коротко всѣхъ пѣхъ, которыхъ нужно было ему узнать въ этопъ благородномъ разбойничьемъ прптонѣ, *Арханджели* скоро оплчпмъ молодаго *Цинелли*, какъ будущую жершву свою, и поппомъ выпгралъ у него всѣ деньги и значптельную сумму на слово.

Не надѣясь, чтобы эпопъ человекъ, копорый говорилъ о скоромъ опъѣздѣ своемъ, согласился ждашь выигранную имъ сумму, маркизь прибѣгнулъ къ друзьямъ своимъ, и въ эпопъ случаѣ, не оказавъ большаго знанія свѣта и сердца человеческого, онъ даже не вѣдалъ, что у игрока никогда не бываетъ лишнихъ денегъ и что товарищи удовольствій нашихъ обыкновенно удаляются опъ насъ въ нещастіи. Не смѣя просить помощи у опца, боясь, чтобы тайна его не опкрылась наконецъ *Цинтти*, онъ рѣшился просить у *Арханджелло* опсрочки.

«Я завпра ѣду,» опвѣчалъ *Арханджелли*.

— Завпра? . . . Нельзя ли вамъ опложитъ опъѣздъ вашъ на короткое время?—

«До вечера могу, но и по для васъ полько. Впрочемъ, если у васъ нѣтъ теперь денегъ, то попросите у батюшки вашего, который такъ богатъ.»

— М. г., я ужъ сказалъ вамъ. . . . —

«Тише, тише, м. г., не горячись. . . . Послушайте, я знаю, что у васъ естъ другое средство.»

— Что вы хотите сказать?—

«Ничего;—только знайте, что ежели сегодня къ шести часамъ я не получу съ васъ денегъ, то увижусь съ семействомъ *Сперани*, и буду требовать, чтобы они удовлетворили меня на щепъ приданаго вашей невѣстѣ.»

— О, будьте увѣрены, что прежде эпаго я убью васъ. —

«Эпо возраженіе дѣлаетъ честь вашей храброспи, но не прилично честному должнику. Припомъ, чтобы убить кого нибудь, надобно быть по крайней мѣрѣ вдвоемъ,—а я объявляю вамъ, что я нимало не намѣренъ драться съ вами; но повторяю еще разъ, что если не получу съ васъ денегъ къ шести часамъ вечера, то непременно взыщу ихъ съ *Сперани*.»

При эпихъ ужасныхъ словахъ, *Цинелли* закрывъ глаза, опуснулъ голову на грудь и погружась въ глубокое размышленіе, казалось, ждалъ опвѣта изъ глубины своей. Опвѣтъ эпопъ върояпно былъ удовлетворителенъ, потому что онъ скоро успокоился, и поднявъ голову, сказалъ *Арханджелли* :

— М. г., въ назначенный часъ вы получите опъ меня деньги. —

Онъ вышелъ—и съ опчаяніемъ въ сердцѣ поѣхалъ въ виллу. Онъ зналъ опца своего, зналъ скупость его и ненависть къ игрѣ, о которой спарикъ никогда не говорилъ хладнокровно. *Цинелли* былъ почти увѣренъ, что онъ проклянетъ его, узнавъ о его проигрышѣ, но спрахъ лишиться руки *Цинтти* и быть выгнану изъ дому опца ея, какъ гнусному обманщику, заспавилъ его на все рѣшился.

Мы не будемъ говорить о первой встрѣчѣ опца съ сыномъ, ни о томъ, какъ *Цинелли* заинался и какъ маркизь почти вырвалъ у него признаніе. За тѣмъ послѣдовали слезы и угрозы, опчаяніе и крики бѣшенства, запальчивость юноши и наконецъ проклятіе раздраженнаго спарика.

«Спыдъ вашему имени, если вы не спасете чести вашего дома.»

— Спыдъ тебѣ, попому что ты хочешь спасти честь пивою для пого только, что думаешь о глупой любви своей. —

«Такъ вы мнѣ рѣшительно опказываете?»

— Да; чтобы наказать тебѣ. —

«Слушайте-жь, сударь! я знаю, что у васъ въ подземельѣ хранится сокровище—и опышу его; оно принадлежитъ мнѣ; я здѣсь у предковъ моихъ—я у себѣ.»

— А! теперь я вижу, что ты достойный сынъ мой! Но я прошу тебѣ одуматься и даю тебѣ время на размышленіе. —

Съ эпими словами онъ вышелъ изъ комнаты, заперъ дверь и унесъ ключъ съ собою. Молодой человекъ опворилъ окно въ садъ и выпрыгнулъ изъ него, не смотря на то, что оно имѣло 30 футовъ въ вышину опъ земли.

Цинелли принялъ опчаянное намѣреніе спряпаться до ночи въ саду, и ждашь тамъ, пока опецъ его поидетъ въ павильонъ. Онъ испыталъ силу свою надъ спарикомъ; онъ измѣрилъ дряхлость его и совершенное изнеможеніе, и понялъ, что въ немъ оспава-лась одна сила душевная и упорство воли, которая ничто при слабости тѣлесной.

Всѣ эпо ужасно—и приводитъ въ содрога-ніе; онъ повѣрилъ народной молвѣ на щепъ

сокровищъ, скрытыхъ подъ поломъ... Впрочемъ, какъ можно было вѣрнѣе ей? и какъ сынъ не заспавилъ её молчашь?

Онъ былъ вооруженъ;—спарая ключница и мужъ ея *Матео* не могли бытъ ему помѣхою; оставалось только обдумать о средствахъ исполнить свое предпріятіе, и для того онъ скрылся въ густопу деревъ, и тамъ ждалъ ночи въ глубокомъ размысленіи. Словомъ—*Цинелли* рѣшился—обокрасить опца своего.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

ЧЛЕНЫ ПАРЛАМЕНТА—ЛОШАДИ.

Вольтеръ, будучи въ обществѣ съ нѣкоторыми членами парламента, говорилъ о бѣдственной участи *Калласа* и упрекалъ ихъ въ жестокости къ нему. «Боже мой!» сказалъ наконецъ одинъ изъ членовъ, пожимая плечами: «си самая лучшая лошадь спотыкается.»—Такъ, —возразилъ *Вольтеръ*: но не ужели вся конюшня полна лошадьми?—

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

76.

Пугливъ же баронъ *Брамбеусъ*, ей Богу, право, пугливъ. Еще первая книжка *Современника* скрывалась въ тайнственной мракъ будущаго, а нашъ баронъ уже вздумалъ уговорить издавателя, чтобы онъ опспутился опъ своего благаго намѣренія, началъ честить его *поэтическими гениемъ перваго разряда*, спрашашь его грязными болотами, лежащими у подножія Гедикопа и вредными испареніями бездонной ихъ пины. Grimace, monsieur le baron, grimace!—«Мы сочли бы себя щасливыми;» съ умиленіемъ, почти со слезами, вздыхаетъ нашъ добрый баронъ: «если бы эти замѣчанія могли еще удержатъ Александра Сергѣевича *Пушкина* на краю пропасти, въ которую онъ хочешъ броситься.»—Не терайте напрасно словъ, г. баронъ! Вишь очинишель *Руслана и Людмилы* не мальчикъ, его нельзя спрашашь; авпоръ *Бориса Годунова* масперъ перепрыгивашь, какъ серна черезъ пропасти, леташь орломъ по поднебесью, плавашь лебедемъ по синю морю,

«Никпо въ свѣтѣ не долженъ бытъ равнодушенъ, когда дѣло идетъ о спасеніи такого поэтическаго таланта для отечественной литературы;» продолжаетъ баронъ *Брамбеусъ* свою проповѣдь. Давно ли спашь онъ такъ сенсименталенъ? Давно ли обнаружилась въ немъ эпа жалоспъ къ опечесивенной (баронъ, вѣрно, разумешъ здѣсь Русскую, а не Германскую и не Польскую) словесности?

«Мы бы опдали всё въ свѣтѣ, еслибъ онъ (*Пушкинъ*) не сдержалъ своей программы.» А мы сочли бы это рѣдкимъ безкорыстіемъ, еслибъ баронъ не промолвился, что онъ знаетъ о грозѣ, которая пропивъ него готовится. Теперь эпо вышелъ простой испугъ. Ей Богу, право, есть чего и попрусить: рука *Пушкина* пляжела; вспомнише Теофилакпа *Косишкина*. Онъ поизилъ цѣну на правственнo-сапирическіе и испорическіе романы проказливаго *Мизингика*, который съ родни указательному пальчику барона *Брамбеуса*.

«Не дѣло журналовъ судить другъ о другѣ;» съ просптою сердца замѣчаетъ распорядитель Критики и Литературной типописи въ *Библиотеку для Чтенія*: «сихъ судья Публика!» Такъ, любезный законодатель Русскаго слова! Да кто же спашешь руководствовашь Публикою, чтобы она не забрела въ то зловонное вещество, въ которое окунулся баронъ на Цареградскихъ улицахъ; чтобы не писала кухоннымъ языкомъ и умѣла бы различашь слогъ *Карамзина*, *Востокова*, *Погодина*, опъ слога того писателя, который пишешъ не сдержалъ программы, тогда, когда надлежитъ писать не выполнилъ; который не опспавилъ у себя ночевашь *Пушпашь*, когда надобно бы непременно пригласить г-на *Пушпашь*?

«Уронишь *Библиотеку для Чтенія* нападками очень прудно.»

Обьясимся одинъ разъ навсегда со всѣми писателями, принимающими дѣятельное участие въ составленіи книжекъ и процвѣпаніи эпаго ежемѣсячника: съ Осипомъ Ивановичемъ *Сеньковскимъ*, съ *Тютюнджи-Оглу*, съ *Морозовымъ*, съ Анисѣйомъ *Блжкнскимъ*, съ главнымъ редакторомъ Николаемъ Ивановичемъ *Грег...* Извинише, заговоридся! Съ глав

нымъ редакторомъ Иваномъ Андреевичемъ Крыл.... Фу, пропась, опять заговорился!! Съ главнымъ редакторомъ господиномъ Корш.... Опять не по!!! Г-нъ Коршъ давно уже въ Москвѣ. И пакъ, объяснимся съ главнымъ распорядителемъ. Попросимъ его перѣливо насъ выслушать.

1-ое. Никто изъ Русскихъ писателей, ни одинъ изъ Русскихъ журналовъ не нападалъ на *Библиотеку для Чтенія*; ни одинъ благонамѣренный человекъ не желаетъ уронить это полезное и пріятное изданіе А. Ф. Смирдина; котораго книжки пакъ жирны, что каждой изъ нихъ лѣнивому чтецу на цѣлый мѣсяцъ доставятъ. Уронить её можетъ то, что оно издается годъ опъ года, мѣсяцъ опъ мѣсяца, небрежнѣе и небрежнѣе, скучнѣе и скучнѣе; однакожь по сихъ поръ всегда находится что нибудь или дѣльное или пріятное. Да еслибъ и ни одной статьи не нашлось; то *Смесь Б. для Чт.* занимательна, свѣжа, разнообразна, и для неё одной мы готовы спо лѣтъ сряду на него подписываться и даже плащить проиную цѣну.

Слушайте, слушайте, слушайте!

Несносна въ *Библиотеку* самонадѣянная, самоуправная, кривая, безотчетная и ни на какихъ законахъ изыщнаго не основанная Кришика; грубая, не употребительная въ образованномъ обществѣ выраженія, карпины, описанія; помѣщеніе пошныхъ и безвкусныхъ сочиненій беспаланыхъ писачекъ; отсутствіе благороднаго остроумія, тонкой и легкой шутки; глубокомыслия, одѣшаго въ плѣнительный слогъ, пріятно и сладко поучающаго.

Несперпимо въ *Библиотеку* самоуправство, съ копорымъ *Тютюнджи-Оглу* и судитъ и ридитъ, и спавитъ себя законодателемъ Россійской словесности, не имѣя на то ни малѣйшаго права.

А. Кораблинскій.

21-ое Апрѣля

1836.

Дерптъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРУСТЬ ВЪ ТИШИНѢ.

Объяло всё почною тишиною,
Луга въ алмазахъ, пѣмень лѣсъ,
И городъ пожелпѣлъ подъ палевой луною,
И звѣзднымъ бисеромъ унизанъ сводъ небесъ;
Но влажныя мои горятъ еще рѣсницы
И не утшишилась поска моя во мнѣ:
Опспалъ опъ пѣсней я, опспалъ я опъ
цѣвницы,
Мнѣ скучно одному въ безлюдной споронѣ.

*

Я живу, не живу,
И склонивши главу,
Я брожу и безъ думъ и безъ цѣли,
И въ спрашъ сей пустой,
Раздружившисьъ съ мечшой,
Я подобенъ надломленной ели:
И весна прилешитъ
И луга разцвѣтитъ,
И вопъ ель воскресаетъ,
Зеленѣетъ главой,
Нѣ изломъ роковой
Пробужденную жизнь испаряетъ;
И, завидя конецъ,
Половинный мерпвецъ
По-немногу совсѣмъ замираетъ.

ШАР А Д А - О М О Н И М Ъ.

Мой *первый* слогъ
Предлогъ;
Второй есть Англійскій испорикъ и писатель;
Я *весъ*—прозрачный, сладкій плодъ;
Меня-жь легохонько найдѣтъ
Межь Русскихъ городовъ, почтенный мой чипатель.

Въ Но 46-мъ, помѣщенная загадка значить: *MIL.*

M O D E S.

Les Tuileries offraient dimanche, pendant l'éclipse, l'aspect le plus grotesque; ou n'avait plus d'autre affaire que celle de suivre toutes les phases du phéno-

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 48.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 13 дня 1836 года.

Что сдѣлалось съ побоею нынѣ?
О милый кустъ! тыгъ блѣдень снадь.
Гдѣ зелень, запахъ твой? — «Уды!» (онъ отвѣчалъ)
«Я на чужбинѣ.»

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВИНКЕЛЬМАНЪ.

(Окончаніе).

Цинелли проснулся посреди ночи не опъ сна, а опъ того тяжкаго полузабвенія, въ которое впадаетъ человекъ, рѣшившійся на какое нибудь опчаянное предпріятіе. Онъ вспалъ и хотѣлъ пройшиться по алеѣ, какъ услышалъ чьи то шаги и увидѣлъ вдали свѣтъ, но слабый и какъ будто прикрытый чѣмъ-то прозрачнымъ; эмотъ свѣтъ озраилъ какое-то привидѣніе въ длинной развѣвшеюся одеждѣ, которое въ ту же самую минуту исчезло за угломъ зданія. *Цинелли*, щипая всё это за игру своего воображенія, нимало не смущимся и смѣло шелъ впередъ, какъ вдругъ, на другомъ углу замка, цовпорилось поже видѣніе, съ шюю шодько разлицею, что на эмотъ разъ ясно можно было видѣть, что это былъ не призракъ, а человекъ, который, съ фонаремъ въ рукѣ, ходилъ вокругъ дома; но кто былъ человекъ эмотъ? За чѣмъ онъ ходилъ шуть, какъ спорожь, или почной воръ, выжидающій бла-

гопріятнаго случая? *Цинелли* сошелъ съ дороги и припался въ кустахъ, желая, во чтобы то ни спало, проникнуть въ эту непоспижимую пайну.—Привидѣніе подходило ближе, ближе — и наконецъ *Цинелли* узналъ въ немъ опца своего.

Такъ почно, это былъ маркизь *Пол—о*. Онъ шелъ блѣдный, какъ мершвецъ, вышедшій изъ гроба въ урочный часъ свой; легкая маншя, накинутая небрежно, прикрывала полу-обнаженный спанъ его; бѣлые волосы развѣвались по вѣпру; онъ шелъ прямо, не шевелясь, не оглядываясь, не смопря по споронамъ, какъ идетъ лунашикъ, движимый шайнспвенною и непреодолимою силою; но взоръ лунашика шусклъ, въ немъ нѣтъ жизни; взоръ маркиза, напротивъ шого, былъ полонъ какой-то поспоянной мугущеспвенной думы, которая одна повелывала всѣмъ шущеспвомъ его.—Онъ проходитъ мимо сына, и не видипъ его; душа его не развлекается ничѣмъ поспороннимъ, но несетя впередъ—впередъ; кажется, будто какой-то невидимый духъ, манишь еѣ за со-

бою—и она невольно повинуется его влечению.

«Онъ спѣшилъ къ золоту своему!» подумалъ *Цинелли*, и пошелъ пихонько за опцомъ, размѣряя шаги свои по его шагамъ.— Они шли изъ алеи въ алею, прошли лужайку и наконецъ достигли павильона... спарикъ входилъ и не запираетъ за собою двери; какое-то непостижимое разсѣяніе помрачило его разсудокъ, и онъ на этотъ разъ забылъ обыкновенную оспорожность свою. Молодой человекъ переспалъ шапсъ и спѣдуетъ за нимъ смѣло и рѣшительно; но маркизъ не слышитъ и не чувствуетъ ничего; они прошли сѣни—вошли въ комнату и наконецъ опустились въ подземелье павильона.

Тамъ увидѣлъ *Цинелли* рѣдкія картины, мраморныя статуи и всѣ произведения древняго и новаго художества; но маркизъ проходилъ мимо ихъ равнодушно и спѣшилъ далѣе. «Видно, народная молва справедлива;» думалъ *Цинелли*: «онъ не любитъ ничего, кромѣ золота. Но, посмотримъ, куда идетъ онъ? А! вѣроятно, подъ этимъ древнимъ саркофагомъ споятъ сундуки съ червонцами; такъ точно! онъ остановился; теперь увидимъ, что будетъ.»

И сынъ подходитъ ближе, ожидая, чтобы первое движеніе отца показало ему мѣсто, гдѣ хранится сокровище. Ему нечего болѣе скрывать, онъ рѣшился на все.

Маркизъ, въ изнеможеніи, сѣлъ на саркофагъ, дрожащею рукою оперъ холодный попъ съ лица своего, на которомъ въ эту минуту изображалось какое-то неизъяснимое чувство, попомъ всталъ; сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился, видимо сражаясь самъ съ собою. Что было причиною его нерѣшимости? Какая ужасная мысль, какъ спрашный призракъ, возпала въ душѣ его и, казалось, запрещала ему приближаться къ саркофагу?—Наконецъ, онъ преодолѣлъ себя и приподнялъ фонарь, который освѣтилъ и саркофагъ и все подземелье.

Теперь остановимся и взглянемъ на спранную и невыразимую картину, которую въ эту минуту представлялъ музей павильо-

на. Вообразите себѣ тишину и молчаніе ночи,—вообразите энихъ двухъ живыхъ человекъ, окруженныхъ полною бездушныхъ статуей, которыхъ тѣни по увеличивались, по уменьшались, по мѣрѣ отдаленія или приближенія фонаря, между тѣмъ какъ самыя статуи, казалось, оживлялись и бѣллись въ сумракъ, какъ какія-то ужасныя привидѣнія.—Посмотрите на этого спарика; онъ пренецетъ, глаза его полны страха и недоумѣнія. Что намѣренъ онъ дѣлать? Какая непостижимая воля заставляетъ его подвигаться впередъ, между тѣмъ какъ другая противуборствующая сила удерживаетъ его на одномъ мѣстѣ? Взгляните на юношу—опъ чего онъ съ такимъ дикимъ остервенѣніемъ смотритъ на отца своего? Что онъ замышляетъ? Какая бѣшеная, испуганная мысль, закралась въ душу его; для чего ждетъ онъ одного слова, одного слабого сопротивленія этого беззащитнаго спарика—и что должно свершиться въ этомъ мрачномъ подземельи? Подождите; муза древности готовитъ здѣсь ужасную драму; герои ея—два живыя существа, соединенныя между собою священными узами природы; зрители—мраморныя испуканы и бездушныя изображенія на грубомъ полонѣ; но всѣ они головы сойти съ пьедесталовъ своихъ, головы выпти изъ позолоченныхъ рамъ и играть свою ролю... О, какое зрѣлище для поэта! какая картина для художника!

И подлинно, великій художникъ былъ ея свидѣтелемъ. *Матео* сдержалъ слово свое—и *Винкельманъ*, споя въ темномъ углу подземной залы, видѣлъ и слышалъ все, что въ ней происходило.

Маркизъ сдѣлалъ шагъ, вздохнулъ и казалось рѣшился на что-то съ опчаяніемъ человека, готовящагося броситься въ пропасть.

Цинелли оперся на пьедесталъ статуи, или, лучше сказать, ухватился за него съ такою судорожною силою, что мраморъ, казалось, готовъ былъ преснуть. Другая рука его, немного согнутая, была нѣсколько сзади, и онъ споялъ выставя правую ногу впередъ, какъ боецъ, ожидающій условнаго знака, чтобы броситься на жертву свою.

—Онъ твердилъ о моемъ сокровищѣ,—говорилъ пихонько маркизъ....—о сокровищѣ!!! да, и клялся опыскать его..... Несчастный! онъ такой же презрѣнный игрокъ, какъ.....—

Спарикъ поставилъ фонарь свой на полъ, подошелъ къ саркофагу, сѣлъ на него и, вынувъ заржавѣлый ножъ, вопкнулъ его въ отверстіе мраморной плиты, прикрывавшей саркофагъ, и готовился приподнять её, какъ вдругъ голосъ сына заставилъ его оглянуться.

«Такъ это здѣсь!» закричалъ *Цинелли*, бросаясь къ саркофагу съ такимъ стремленіемъ, что всё вокругъ ихъ попрыскало и зазвенѣло.

Спарикъ вздрогнулъ — и проворно выпавшимъ ножъ изъ отверстія плиты:

Цинелли также вынулъ изъ-за пазухи ножъ свой и—въ эту минушу отецъ и сынъ готовы были убить другъ друга.

«Чего ты хочешь отъ меня?»

— Золота. —

«У меня его нѣтъ.»

— Неправда! Ты долженъ со мною подѣлиться. —

«Я проклинаю тебя!»

— Подѣлись со мною — или..... —

И онъ прѣкололъ шпацу маркиза.

«Ножъ мой также близокъ къ моему сердцу, какъ и твой къ моему, *Цинелли*, — но я удерживаю его.....»

— О! не вызывай меня на пресупленіе, ... оно кипитъ въ душѣ моей и рука моя готова на всё. ... —

«Несчастный! не ужели ты рѣшился?»

— Рѣшился! — ты довелъ меня до шаго; вспомни, какъ я ползалъ передъ побою на коленяхъ, какъ обливалъ ноги твои слезами; но ты былъ неумолимъ—ты былъ безъ жалости.... теперь моя очередь.... отдавай всё, что есть у тебя, или..... —

«Не дамъ ничего!»

—.... Слушай, спарикъ! отойди отсюда; сокровища твои принадлежатъ мнѣ... отой-

ди же, говорю тебѣ — не то, это ты кинжалъ..... —

«Дверь не заперта;» сказалъ хладнокровно маркизъ.

— Горе тому, кто насъ подслушалъ! — закричалъ *Цинелли*, и подбѣжавъ къ двери, заперъ её, положилъ ключъ въ карманъ, осмотрѣлъ съ фонаремъ вокругъ себя и возвратился на прежнее мѣсто.

— Теперь мы одни! — сказалъ онъ съ адскимъ оспервеніемъ.

«Насъ прое,» отвѣчалъ спарикъ поржественнымъ голосомъ, приподнявъ крышку саркофага. «Насъ прое, *Цинелли*; смотри, вопъ мое сокровище!»

Молодой человекъ взглянулъ — поблѣднѣлъ и зашатался.

— Трупъ! — сказалъ онъ задыхаясь.

«Смотри, смотри, опцеубійца! помомъ взгляни на меня, я также убилъ опца моего! Маркизъ *Пол—о*, это дѣдъ твой.... и я убійца его! Онъ пріѣхалъ изъ Рима и жилъ одинъ, чуждаясь свѣта и людей; никто не зналъ о возвращеніи его. — Я также проигралъ на *гестное слово*, слышишь ли? также просилъ, умолялъ его со слезами, — но онъ отказалъ мнѣ, и я.... положилъ его здѣсь! Съ этой минуты проклятіе небесное пягопѣетъ на мнѣ и перспѣ Божій начерпалъ знакъ опверженія на чель опцеубійцы. Ночи мои проходятъ безъ сна и свѣтъ дня для меня ненависпенъ. Я живу давно — живу долго, для того, чтобы испытать на землѣ всё спраданія. — Сюда прихожу я плакать и молиться; лежу по цѣлымъ часамъ на холодномъ камнѣ и обнимаю безчувственный прупъ того, кто далъ мнѣ жизнь и у кого я опнялъ её! Здѣсь прошу я Бога лишить меня разсудка и памяти; но увы! Всевышній не внемлетъ мольбамъ моимъ, — разсудокъ и память моя живы для того, чтобы непрестанно напоминать мнѣ о моемъ пресупленіи. Смотри! вопъ мое сокровище! Это правда, не проходитъ ночи, чтобы я не приходилъ смотрѣть на него; тебя не обманули; оно сокрыто здѣсь; здѣсь, гдѣ ужасные призраки окружаютъ меня, — гдѣ

громъ небесный раздается надъ головою преступника.— Можешь быть, буду я прощенъ погда, когда сынъ мой убьетъ меня въ свою очередь, и кровью моею опламнишь за кровь, пролившую мною... *Цинелли!* кровь эта наша! она пволя кровь, сынъ мой.... Смотри на рану, нанесенную мною опцу моему, и постарайся подражать ей... Смотри, смотри на неё, потомъ взгляни на меня: черезъ нѣсколько минушь я буду походить на опца моего,— но завтра, завтра ты будешь таковъ же, какъ пецерь опецъ пвой!...»

Нещастный лишился чувствъ, и сынъ, въ раскаяніи, въ ужасъ, бросился помогать ему. Онъ звалъ его, умолялъ о прощеніи, но старикъ не откликнулся.— Спрашная мысль, что онъ можешь быть умеръ,— поразила вдругъ *Цинелли*. Онъ въ опчаяніи схватилъ его на плечи, чтобы вынести на свѣжій воздухъ, и опходя опъ саркофага, бросилъ на него подняшую плиту, съ такою силою, что мраморъ разбился въ дребезги и прескъ его раздался по всему подземелью.

Въ эту минушу *Винкельманъ* выбѣжалъ изъ павильона, и черезъ нѣсколько дней возвратился въ Верону.

Что сказалъ ему молодой маркизь *Пол* — о, при первомъ ихъ свиданіи? Онъ грозилъ вездѣ преслѣдовать и убить его, если онъ кому нибудь откроешь то, чему былъ свидѣтелемъ, и взялъ съ него клятву хранить ужасную тайну павильона. *Винкельманъ* хотѣлъ ѣхать въ Берлинъ и захватъ въ Д..., гдѣ жилъ опецъ *Цинтии*, чтобы предупредить его. Теперь понятно, для чего бѣдный антикварій былъ такъ мраченъ и задумчивъ; почему такъ скоро и неожиданно оставилъ Верону — и не поѣхалъ въ Берлинъ, но рѣшился воротиться въ Римъ черезъ южную Германію и потомъ моремъ.

Винкельманъ во всю дорогу думалъ о *Цинтии*, и раскаявался въ своемъ малодушіи. Мысль, что страхъ смерти заставилъ его дать *Цинелли* клятву не ѣздить въ Д., и чрезъ то быть нѣкоторымъ образомъ причиною нещастія цѣлаго семейства, не давала ему покоя; и онъ наконецъ рѣшился

успокоить совѣсть свою и опкрыть всё опцу *Цинтии*.

Неподалеку опъ Тріеста встрѣтился онъ съ однимъ путешественникомъ, который предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и скоро, замѣтивъ его слабую сторону, спалъ говорить о древности и художествахъ съ опмѣннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Добродушный антикварій былъ въ томъ расположеніи духа, которое влечетъ къ опкровенности; онъ, искренно полюбивъ новаго знакома своего, съ первого дни высказалъ ему всё сердце свое и показалъ ему свои рѣдкости и золотую медаль, полученную имъ въ Веронѣ.

Пріѣхавъ въ Тріестъ, *Винкельманъ* принужденъ былъ дожидаться корабля, чтобы опплыть въ Анкону, — и не желая никого видѣть, проводилъ цѣлые дни одинъ въ трактирѣ, между пѣмъ какъ *Арханджели* (это былъ онъ!) хлопоталъ по дѣламъ его и навѣдывался о возвращеніи корабля.

За два дни до отъѣзда своего изъ Тріеста, онъ просилъ услужливаго своего товарища опнести на почту письмо, въ которомъ было нѣсколько банковыхъ билетовъ на имя г. *Стога* въ Дуссау.

8-го Юня 1768, во второмъ часу по полудни, *Винкельманъ* сидѣлъ за маленькимъ столикомъ и писалъ къ издателю своей *Исторіи художества*. Эти страницы, найденныя послѣ его, доказываютъ, что онъ предчувствовалъ конецъ свой. *Винкельманъ* начиналъ пятый параграфъ, какъ вошелъ *Арханджели* и печально объявилъ ему, что долженъ былъ разспаться съ нимъ, и ѣхать поспчасъ по дѣламъ своимъ въ Венецію.

Бѣдный *Винкельманъ* имѣлъ къ этому человеку такую довѣренность, что не осведомился ни о имени, ни о соспояніи его — и полагался на него, какъ на самаго себя. — Онъ проспился дружески, но выходя, *Арханджели* вдругъ воропился. «Ахъ, я было и забылъ попросить васъ,» сказалъ онъ: «покажь мнѣ еще разъ золотыя медали ваши. — Я хочу на нихъ наглядѣться, чтобы онъ долѣ сохранились въ моей памяти.»

Радуюсь такой искренней любви къ древности и художеству въ другѣ своемъ, просердечный антикварій всмалъ, подошелъ къ своему чемодану и спалъ на колына, чтобы оппереть его.

Въ эту минуту злодѣй подкрался сзади, вынулъ изъ кармана веревку и бросилъ её на шею *Винкельмана*, въ намѣреніи удавить его. Тутъ несчастный догадался и, опомнившись, схватился крѣпко за веревку, — но *Арханджели*, выхватя ножъ, перерѣзалъ ему пальцы — тогда бѣдный антикварій упалъ, и *Арханджели* убилъ его пятью ударами ножа, безъ всякаго сопротивленія.

Вы помните, что *Винкельманъ* былъ свидѣтелемъ ужасной драмы въ виллѣ маркиза *Пол-о. Арханджели* былъ подкупленъ, чтобы убить антикварія.

T.

ЦВѢТОЧНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ФРАНКФУРТѢ.

(14, 15, 16 и 17 *Апрѣля* 1826).

Повинуясь влеченію любопытства, которое въ эти дни ярманки заставляло меня перебѣгать отъ одного предмета къ другому, и искалъ вездѣ чего нибудь новаго и занимательнаго, я зашелъ на цвѣточную выставку въ новой *Майнской* улицѣ. Опытная простота зданія, гдѣ находится зала, есть, если смѣю сказать, рещетъ какого-то кокетства, для того, чтобы болѣе поразить зрителя при входѣ въ святилище этого храма *Флоры*, гдѣ всё плѣняетъ глаза и обворожаетъ обоняніе.

Я пришелъ туда вечеромъ; ослѣпительный свѣтъ газа, падая на зелень и цвѣты, давалъ имъ какую-то особенную прозрачность и живость красокъ необыкновенную. По обѣимъ сторонамъ галереи возвышались амфишестромъ искусно разставленные вазы, совершенно закрытыя зеленою спѣною распушеній всякаго рода, на которыхъ перстрѣлись цвѣты всѣхъ возможныхъ окрасокъ и рѣзко отдѣлялись отъ зелени, какъ яркія звѣзды на тверди небесной. — Между ними, бѣлые и пунцовые, находились въ боль-

шемъ количествѣ передъ прочими, и можно было думать, что природа, для праздника, нарядилась въ эти два любимыхъ цвѣта *Франкфуртскихъ* жилищей.

Описанъ подробно весь этотъ сокровища невозможно; но мы сообщимъ читателямъ нашимъ дѣйствіе, которое производятъ они на зрителя; — дѣйствіе непосредственное — и разительное. — Въ самомъ дѣлѣ, нельзя безъ восхищенія смотрѣть на эти горы камелій, гіацинтовъ, амарилій; на эту зелень, плавающую въ свѣтѣ блестящаго газа, на асплансы листья лимонныхъ, померанцовыхъ, лавровыхъ деревьевъ, усыпанныхъ желтыми, бѣлыми, голубыми или пунцовыми цвѣтами, которые блестятъ на нихъ, какъ будто драгоценные камни, яхонты или брилліанты. — И какая разнообразность! возлѣ маленькаго деревца акаціи въ полномъ цвѣтѣ — видите большое дерево ея съ колючими шипами; — тамъ акацію, съ листьями какъ у ивы; потомъ Альпійской рододендронъ, на которомъ вы всегда видали фиолетовые цвѣты, но тутъ находите пунцовые; далѣе красуются гіацинты, непомѣрной величины, усовершенствованные въ *Гарлемѣ*; — здѣсь масляныя вѣтви кактуса, тамъ крупныя листья сполѣшняго алоя; — немного подалѣе, опахало пальмы или косматая ель; словомъ, нѣтъ распушенія въ природѣ, котораго бы не нашли вы въ этомъ прекрасномъ саду, гдѣ всё они являются въ разнообразіи родовъ ихъ, но въ общей гармоніи въ цѣломъ.

Одна бѣдная роза занимала второе мѣсто въ собраніи, и, казалось, стыдилась своего униженія. Такъ и между людьми, истинное, но скромное достоинство, оспаривается чисто въ тѣни, между тѣмъ какъ щастіе и случай благопріятствуютъ посредственности. Утѣшась, прекрасная царица цвѣтовъ; въ эти блестящія камеліи, пышные рододендроны и спѣсивые тюльпаны не имѣютъ запаха, но ты, прекрасная, обворожаешь чувства и, подобно скромной красавицѣ, влечешь къ себѣ своею невинною прелестью.

Вдали двойной алеи изъ цвѣтовъ слышенъ шумъ каскада; онъ падаетъ съ искусствен-

наго утеса и прохлаждаетъ атмосферу; свѣтъ луны (но не *Гершелевой*) дрожитъ на листьяхъ, и изъ темной чащи деревъ вырываются по временамъ пріятные звуки— звуки музыки, то живые и веселые, какъ радость, то унылые и томные, какъ тихая скорбь сердца—и, присоединяясь къ ропоту каскада, составляютъ съ нимъ одну пѣвную мелодію.

Посреди всѣхъ эпихъ богачествъ Флоры, мы примѣнили корзину съ огородными овощами, — доказательство побѣды искусства надъ природою.—Какой бѣдный огородникъ принесъ любопытству публики эту дань картофеля, арпишоковъ и цвѣтной капусты, рѣдкихъ въ пеперешнее время года?— Вы удивитесь; — бѣдный огородникъ называется барономъ *Ротшильдомъ*; онъ представилъ на выставку множество цвѣтновъ и растений изъ оранжерей своихъ.

Гг. *Бетманъ*, *Борнвизъ*, С. и *И. Ринцы*, *И. Андре*, дѣвица *Юджелъ*, *И. и Н. Юджелы*, *Кремаге*, генералъ *Велденъ*, *Клиръ*, *Кесслеръ*, *Шерманъ*, *Бокъ*, *Грулиберъ* младшій, *Гертоволь*, *Нетеръ*, *И. Стернъ*, *Ансельмъ Ротшильдъ*, *Горлицъ*, и общество Сенкенбергскаго сада, участвовали въ доставленіи намъ прекраснаго и занимательнаго зрѣлища; но благопвореніе, скрывающееся подъ этой блестящей выставкой, увеличиваетъ еще достоинство ея. Кажется, что самые ароматы цвѣтновъ получали отъ него большую пріятность. Мы слымаемся въ этомъ на многочисленное общество, посѣщавшее залу, и скажемъ въ заключеніе, что женщины никогда еще не казались такъ прелестны, какъ являясь намъ въ пѣни деревъ и окруженные цвѣтами.

Г,

ЛЮЦИ ГРЕЙ.

Англійское преданіе.

Я много слыхалъ о Люци *Грей*, и однажды, перейдя болото, увидѣлъ эту прелестную дѣвочку.

У *Люци* не было подружекъ ея дѣтъ;—она жила съ опцомъ и матерью, въ уединенной

хижинѣ, въ дикой и бесплодной пустынѣ;— со всѣмъ пѣмъ, *Люци* была милое и ласковое пвореніе. — Видали-ль вы молоденькаго оленя, играющаго на солнцѣ у опушки лѣса, или бѣлинькаго кролика, прыгающаго въ густой, душистой травѣ?— Видали и пѣнялись ими; но вѣрно не увидитѣ ничего подобнаго кропкой и невинной *Люци*.

— Милая *Люци*, ночь, кажется, будетъ ненастная; твоя мать ушла съ утра въ городъ, и пробудетъ тамъ до вечера. Приготовь фонарь, и бѣги съ нимъ на большую дорогу. Неравно подымется мятель—какъ ей итти въ поймахъ черезъ болото?—

«Хорошо, бапюшка; да вѣдь еще не поздно. Теперь только было два часа на колокольнѣ нашей церкви. До вечера далеко; припомъ нынче рано всходитъ мѣсяцъ.»

Опець взвалилъ на плеча ношу и пошелъ на работу. Черезъ нѣсколько времени, *Люци* взяла фонарь, заперла хижину и побѣжала къ большой дорогѣ, рѣзвась и прыгая, какъ горная козочка, взбивая ногою снѣгъ, копорый какъ бѣлая пыль кружился по вѣтру.

Вдругъ заревѣла буря и поднялась мятель; снѣгъ занесъ дорогу — густой туманъ сгустился надъ землею, и *Люци* взбѣжала на холмъ, смотря и не зная въ какую сторону итти ей.—Бѣдняжка заблудилась въ болотахъ.

Опець и мать воропѣлись и не нашли *Люци*. Всю ночь пробѣгали они по полямъ и звали еѣ съ громкимъ крикомъ. Но увѣ! никто не откликнулся имъ въ пустынѣ!

На разсвѣтѣ они спѣяли у холма, откуда видны были оспатки деревяннаго моста, снесеннаго въ ту ночь бурей.—Нещастные горько зарыдали и пошли домой. «Видно Господь опредѣлилъ намъ всѣмъ проидъ свидѣться на небѣ!» сказали они.

Вдругъ зоркой глазъ матери увидѣлъ на снѣгу оппечатокъ дѣтской ножки.

Едва дыша, слѣдовали они по пропикѣ, продолженной маленькими башмачками *Люци*

до самаго деревяннаго мосту. Слѣды шли почти до половины его, но шупъ вдругъ прекратились.

Поселяне увѣряютъ, что часто въ зимнія ночи—особливо, когда подымается мясель и заноситъ снѣгами дорогу, молодая пѣнь Люци *Грей* быспро пробѣгаетъ по полямъ, никогда не оглядываясь назадъ, но прыгая и напѣвая какую-то дикую пѣсню, копорой вшоритъ вътеръ, шевеля проспнникомъ болопъ и завывая въ кустарникъ.

Г.

ОДНИМЪ ХОРОШИМЪ ПОЭТОМЪ БОЛЬШЕ.

Въ одномъ собраніи сказали *Вольтеру*, будпо бы кто-то выдаетъ, что прагедію *Альзиру* сочинилъ не онъ. «Радуюсь,» сказалъ Фернейскій мудрецъ.—Почему?—спросили его?—«Потому, что погда имѣли бы мы болѣе хорошихъ поэтовъ;» отвѣчалъ онъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

77.

Всѣмъ извѣстно, что Русскіе журналы живутъ между собою какъ родные братья, а Русскіе газетны какъ родныя сестры, что они поддерживаютъ другъ друга на скользкомъ паркешъ журналистики, помогаютъ взаимно совѣтами, кошелькомъ и перомъ,—что журналы безпрестанно пишутъ одинъ другому мадригалы, а газетны—эпипаламы: такъ, что, опъ ихъ меподы взаимнаго восхваленія, Публика набила оскомину.

Не менѣе вѣдомо всѣмъ, что Русскія періодическія изданія никогда не злословятъ одно другое; нѣтъ примѣра, чтобы какой нибудь журналистъ, или сухощавый сотрудникъ его, даже изнемогая опъ голода, наклепалъ на собрата своего напраслину. Однакожь, къ спыду 1836 года, въ Январь, когда термометръ показывалъ 28 градусовъ спужи, въ одномъ журналѣ явилось (не клевета, не злословіе, не зависть, а) маленькое

уклоненіе липературной спрѣлки опъ полюса истины.

Въ этомъ журналѣ увѣряли, будпо бы въ каждомъ листкѣ *Литературныхъ Прибавлений* непременно находится выходка противъ барона *Брамбеуса*.—«Г-ну *Кораблинскому* нтъ дѣла до правды,» прибавляетъ честный оцѣнщикъ: «была бы эта выходка—вотъ все, что ему нужно.» Такой рѣшишельный понъ заставилъ меня, виноватаго во всѣхъ почти *Литературныхъ Замѣткахъ*, пробѣжать 1-ю часть обвиняемаго журнала, на сей 1836 годъ издаваемаго—и вопъ мой выводъ!

Въ ней помѣщено 33 *замѣтки*, опъ No 27 до 59-го, включительно.

Изъ нихъ въ 17-ти, именно: въ 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 56 и 59-ой нѣтъ ни слова о *Брамбеусѣ*.

Остается 16-ть, слѣдственпо, меньше половины. Какъ же случилось, что почтенный оцѣнщикъ такъ обчѣлся? Не ужели онъ не знаетъ первыхъ чепырехъ правилъ Ариемпическихъ? Не ужели это сдѣлано съ умысла, съ намѣреніемъ повредить журналу г. *Воейкова*, съ мыслию, что никому не придѣтъ въ голову повѣрять ипогъ, имъ подведенный? Это неприлично липературе, который принялъ на всѣ *Литературные вестера*; бываешь по чепвергамъ у *Н. И. Грегга*, посѣщаетъ, какъ слухъ носится, по пяпницамъ *А. В. Никитенку*, по субботамамъ *В. А. Жуковскаго*, по середамъ *В. И. Карлгофа*, долго сочинялъ, вмѣстѣ съ *О. И. Сенковскимъ*, крипическія спашы и Липературную лѣпопись для *Библиотеки*.

Я скорѣе соглашусь, что этотъ почтенный липературъ промахнулся опъ разсѣянія, нежели повѣрю, что онъ умышленно покривилъ вѣсы истины.

А. Кораблинскій.

26-ое Апрелья

1836.

Мыза Эллисѣрь.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

С. М. А. . . . ОЙ.

Когда случится вамъ вечернею порою
 Въ свободной шишинѣ, задумавшись, мечпашъ,
 Похищенныхъ съ земли жестокою судьбою
 И оплученныхъ вдаль друзей припоминашь,
 Иль вспомнишь о людяхъ, вамъ преданныхъ
 Душою,
 Прошу васъ въ ихъ числѣ меня не позабышь.
 А я. . . О, никогда я васъ не позабуду!
 Въ глуши моей и гдѣ-бъ ни довелось мнѣ жить,
 Васъ помнишь и о васъ всегда молить я буду.

Дл. Путиловъ.

L O G O G R I P H E.

Tout à la fois arbuste et militaire,
 Je sers l'état, j'embellis un parterre,
 Et je me montre tour à tour
 Avec la caisse ou le tambour.
 Neuf pieds, lecteur, forment mon être,
 Et pour t'aider à me connaître,
 Cherche d'abord un habitant du ciel;
 Ce beau jardin planté par l'Éternel;
 Un homme noir; une chaste Déesse;
 Ce qui chez toi présage la vieillesse;
 Au mois de mai, ce que font les oiseaux;
 Un élément; un asile aux vaisseaux.
 Je puis encore offrir à ta pensée,
 Cette vapeur, par le froid condensée,
 Ce mont fameux, où le berger Paris
 Donna la pomme à la belle Cypris;
 Un oiseau habillard; cet animal utile
 Que l'on ne vante pas pour être très-docile;
 Ces boulets creux lancés par des soldats,
 Et dont le sein renferme le trépas;
 Enfin ce cri qu'un faquin en voiture
 Parfois t'adresse en te couvrant d'ordure.

Въ № 47-мъ, помѣщенная шарада-омонимъ значить: *Изъ Юль, Изюль.*

M O D E S.

Les robes de soie sont encore plus nombreuses que les robes de mousseline. Les mousselines les plus à la mode, sont à très grands dessins de bouquets détachés; sur les jaconas, les dessins sont beaucoup plus petits. Les robes de mousseline blanche sont presque toutes bordées d'une dentelle haute de deux doigts. On voit encore très peu d'exception aux manches plates, mais les plus en faveur après elles, sont à cinq poignets. Les pélerines ne sont plus que des collets que l'on garnit, soit en dentelle, soit en étoffe pareille à la robe. On portera un grand nombre de robes ouvertes, mais un jupon brodé sera indispensable pour mettre dessous. Les Jupons sont brodés d'un mélange inouï de broderies au crochet, au plumetis, et d'applications qui rappellent les dessins de ces hautes dentelles garnissant les nappes d'autels; beaucoup de belles guirlandes brodées se voient au-dessus de l'ourlet des robes d'organdi. Les peignoirs de jaconas se festonnent tout autour à *cretes de coq*, et le collet se fait à la *chevalière*.

M O Д Ы.

Плашье въ шелковыхъ видно болѣе, нежели кисейныхъ. Въ наибольшемъ употребленіи кисей съ крупными узорами въ отдѣланныхъ букетахъ, на жаконетахъ узоры несравненно мельче. Бѣлыя кисейныя плашья почти всѣ обшиваются кружевомъ шириною въ два пальца. Плоскимъ рукавамъ видно мало исключеній, но самыя употребительныя послѣ нихъ съ пятью перехватами. Пелеринки теперь не иное что, какъ воротнички, обширные или кружевомъ, или такою же матеріей какъ плашье. Открытыя плашья будутъ въ большемъ употребленіи; съ ними вышитыя юбки будутъ необходимы. Юбки вышиваются несмыханной смѣсью всякаго рода шипья, крючкомъ, гладью и въ проборъ; онѣ напоминаютъ узоры широкихъ кружевовъ, коими обшиваются покровы олшаря; видно много плашье въ изъ органди, съ прекрасно-вышитыми гирландами сверхъ рубца. Жаконетовыя пеньюары выметываютъ вокругъ пелушными гребешками, а воротнички дѣлаются à la *chevalière*.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 49 и 50.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюня 17 дня 1856 года.

Охошникъ Климъ стихи чужіе поправляетъ
И также прозу;
Но право чѣмъ сіе онъ можетъ оправдать?
Онъ колдуномъ себя желаетъ показать,
Въ крайнюю превращая розу.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСПЫТАНІЕ ЛЮБВИ.

Изъ The Student, соч. Э. Больвера.

(Посвящ. Н. Н. Кобылинскому).

Глава I.

Никогда не было въ мірѣ двухъ человѣкъ, которые бы болѣе любили другъ друга, какъ *Адольфъ* и *Целеста*. Ихъ любовь обратилась даже въ поговорку. Но, само-собою разумѣется, что такая привязанность была несчастна, потому что тогда только любящій истинно, когда что нибудь этому препятствуетъ. Пусть будетъ это противорѣчіе разсудка, но оно имѣетъ удивительную силу.

Адольфъ былъ дворянинъ и богатъ; *Целеста* также происходила отъ благородной фамилии, но не имѣла состоянія. Родители ихъ были давно между собою въ ссорѣ: одного увлекало честолюбіе, не знавшее границъ; у другого гордость доходила до край-

ности. Такъ, что если-бъ эти опцы были и искренними друзьями, то всё-таки они не благословили бы союза дѣтей своихъ. Отецъ *Адольфа* желалъ бы для сына партіи болѣе богатой; а отецъ *Целесты*, изъ гордости, не захотѣлъ бы обаять себя благодарностью—и хорошо зналъ, что, отдавая дочь въ домъ богатаго человѣка, который благосклонно принималъ её безъ приданого, онъ, пѣтъ самымъ, подвергался полной отъ него зависимости. Къ тому же, ему не большаго труда стоило бы выдать дочь свою за какого нибудь богатаго *выскокку* и, проживая на его денежки, хвастался бы еще пѣтъ, что доставилъ ему эту честь. Въ хорошемъ обществѣ признано, что *разногинецъ* не можетъ оказывать милостей. Напротивъ, онъ долженъ быть очень признателенъ, когда удостоился предложитъ свои услуги знающему. Какъ-бы то ни было, а лишь только рождающаяся привязанность молодыхъ людей стала замѣтна, родители ихъ еще болѣе воспламенились враждою. Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣли полныя

права на своихъ дѣшей, даже и въ такомъ случаѣ, если-бъ дѣло шло и объ ихъ щастіи. Но для *Адольфа* и *Целесты*, эпа истина, сама по себѣ очевидная, не казалась еще неопровергаемою. И хопя за первымъ спрого присмащривали, а послѣднюю держали въ заперши,—переписка между ними шла своею чередою; свиданія такъ же не прекращались. Спраспъ ихъ не походила на минушнюю прихотъ: и всѣ зашрудненія, прещашспвія, опасности—сдѣлали только то, что молодые люди, къ концу года, любили другъ друга какъ нельзя болѣе. *Целеста* съ швердосцію опказала въ рукѣ двумъ молодымъ негоціаншамъ, красавцамъ и влюбленнымъ въ неѣ, и по же сдѣлала съ спарикомъ-банкиромъ, копорый оставилъ бы еѣ вдовою непременно черезъ годъ. *Адольфъ*, съ своей спороны, не оспался въ долгу: какъ ловкій мущина, приняшый въ лучшемъ кругу, онъ, не спомрля на свои преимущеспства, былъ равнодушень къ волокишспву, ко всѣмъ побѣдамъ своимъ. И съ шѣхъ поръ, какъ узналъ *Целесту*, глаза у него только и видѣли одну; онъ только и думалъ объ ней. Время увеличивало спраспъ ихъ, но не подавало никакихъ надеждъ къ успѣху. Они уже начинали опчаяваться. *Розы* оставили милое личико *Целесты*; она груспила.... улыбка спорхнула съ прелеспныхъ успъ ея; округлости потеряли свою полношу; глаза не высыхали опъ слезъ и, наконецъ, бѣдная дѣвушка сдѣлалась больна; умирала опъ любви... Къ тому времени и положеніе *Адольфа* сдѣлалось не менѣе ужасно: спраспъ пожирала его здоровье. Даже послѣ горячки, разсудокъ его мѣшался... Такъ, что всѣ сптали опасаться—не наслѣдовалъ ли онъ болѣзнь прадѣда.... сумасшеспіе.

Испуганный, но не спмягченный отецъ влюбленного, завелъ съ нимъ однажды разговоръ:

«Оспавь,» говорилъ онъ ему: «спшу любовь, сптоль безумно побою овладѣвшую, и, вѣрояшно, непродолжительную. Эпо глупоспъ молодоспи, происшеспшая опъ празноспи. Я не пожалѣю ничего для тебѣ, чтобы доспашъ тебѣ мѣсто при дворѣ, копорого ты такъ кетерпѣливо желалъ. Ты

молодъ, мой сынъ, гордъ, жаждешъ славы; швое щастье, швоя слава—уже вѣрны. Я съ удовольспвіемъ всѣмъ тебѣ пожерпвую, лишь бы ты только опказался опъ *Целесты*.»

Адольфъ крѣпко пожалъ руку опца и сказалъ шихо, но выразительно:

— Эпо невозможно, батюшка! Одинъ взгляды ея спопитъ всѣхъ фантазій чесплолюбія!—

Послѣ эпаго онъ вышелъ изъ комнапы.

Наконецъ, молодые нещаспливцы, вполнѣ увѣрившись, что ихъ всегда будутъ различать, рѣшили на опчаянное средство: соединитъ себя посредспвомъ самоубійспва (споль обыкновеннаго въ ихъ спранѣ). Я желалъ бы предспавитъ вамъ письма ихъ объ эпомъ предметѣ, споль добросердечный и прогашельный, что я подобныхъ еще не чипывалъ. И если-бъ вы прочипали ихъ, то навѣрное согласились бы, что людямъ, копорые такъ истинно любятъ другъ друга, нельзя опказатъ въ капль яду. Житъ съ милымъ *розно*—горько! Въ тысячу разъ сладоспнѣ умереть вмѣсптъ!

Любовники условились въ одну и шу же ночь принять ядъ. Послѣднія письма ихъ омочены слезами.

Било одиннадцатъ часовъ вечера. *Адольфъ* пришелъ въ свою комнапу, вынулъ спклянку съ ядомъ и посмопрѣлъ на неѣ печально.

—Завпра!—сказалъ онъ съ мрачноспію—завпра!... (и онъ опкупорилъ еѣ). Запахъ довольно неприяшный!... Завпра мое сердце насладитъ покоемъ!... Завпра. (Онъ поболшалъ спклянку). Какая пѣна!... Оно переспанетъ бипсья!... Жеспokie родителли не опкажутъ намъ въ общей могилѣ...—

Съ послѣднимъ словомъ онъ вздохнулъ, шихо произнесъ имя *Целесты*—и проглотилъ роковое шпшье.

Отецъ и мать *Адольфа* еще ужинали. Дворецкій ихъ, замѣтившій въ глазахъ *Адольфа*, когда потъ выходилъ изъ споловой, нѣчто особенное, проводилъ его и потомъ возвратился съ видомъ человекъ, копорый хочетъ опкрытъ что-то важное. Но господинъ его

кушаль преапешивно, а барыня дремала еще того слаще, и никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на добраго спарика. Однакожь, къ концу ужина, когда другіе служители удалились, онъ нашелъ средство оспашься. Три раза перестанавливалъ рюмки, при раза приводилъ въ порядокъ графины.

«Хорошо, хорошо! спускай! запри только дверь покрѣпче.»

— Но... сударь... знаете ли?... —

«Что такое?»

— Мой молодой господинъ... —

«Ну, что же твоей молодой господинъ?»

— Онъ съ... онъ съ... я думаю... онъ не совсѣмъ здоровъ. Замѣтили-ль вы, какъ онъ изволилъ выходить изъ комнаты... его глаза? —

«Помилуй! я въ это время разрѣзывалъ пулярку!»

— А вы, сударыня, примѣтили ли вы съ какою нѣжностію поцѣловалъ онъ вашу ручку? —

«О, да! (*звѣла*) Онъ очень нѣжный сынъ, ласковый и послушный.»

— Не смѣю отгадывать, сударыня... но... но... мой молодой баринъ два дни уже все что-то говорилъ про себя, и сегодня упрямъ только и дѣлалъ, что отправлялъ ядомъ собакъ—все будто бы для опыта.—

«Ядомъ!» вскричала мать, у которой вдругъ прошла вся дремота. «Ядомъ?»

— Спѣшите, сударыня, у него онъ насыпанъ во всѣхъ карманахъ.—

«Праведное Небо!» вскричалъ отецъ. «Не ужели это правда? Не ужели опчаяніе привело его? О! это необыкновенный сынъ... прадѣдъ его умеръ помѣшаннымъ! Я бѣгу къ нему...»

— Я также!— вскричала мать.

И они вбѣжали въ комнату *Адольфа*. Сполнъ встрѣпилъ ихъ... Они увидѣли сына на постель, блѣднаго, съ помутившимся взглядомъ. На сполѣ спояла спялка, съ надписью: ядъ.

«Сынъ мой! Не сдѣлалъ ли ты чего надъ собою? Говори, говори?»

— О! я чувствую нестерпимую муку... Я умираю... оставьте меня... *Целеста* также приняла ядъ... Вы не желали намъ счастья, безчеловѣчные родители!... Мы презираемъ васъ... и умираемъ.—

«О! не умирай, не умирай, мой сынъ, *Целеста* будетъ твоею женою!» воскликнула мать, пораженная ужасомъ.

Опца уже шупъ не было. Онъ поскакалъ за докторомъ, жившимъ неподалеку. И, пока шопъ приготавливалъ прошивудіе, честоплюбивый отецъ, по чувству состраданія, поспѣшилъ въ домъ *Целесты*, чтобы увидомить опца ея о случившемся. Бѣдный спарикъ, какъ только могъ скоро, вбѣжалъ въ комнату дочери, и, по счастью, нашелъ тамъ жену свою, которая, передъ сномъ грядущимъ, давала дочери поучительные и довольно проспранные совѣты. *Целеста* слушала ихъ съ неперпѣніемъ, желая поскорѣе исполнить свой обѣщъ.

«Дочь моя! жива ли ты? Не оправила ли ты себя? Какія ужасныя вѣспи!... Это шопъ молодой безумецъ уже...»

— Уже!— вскричала *Целеста*, всплеснувъ руками.— Онъ ждетъ меня!.. Ахъ! я не опоздаю на послѣднее свиданіе!—

И съ эшимъ вмѣспѣ, она бросилась къ своей постель, схватила приговоренный пузырѣкъ;— но отецъ вырвалъ его— и несчастная дѣвушка упала въ спрашныхъ судорогахъ, подобныхъ тѣмъ, какія производилъ сильный ядъ.

Глава II.

Какъ-бы ни думали вы о заблужденіи нашихъ молодыхъ людей, въ которое вовлекла ихъ спрассть, а все-таки они любили другъ друга пламенно, безкорыстно, безпредельно—и опъ всего сердца. Это обѣщало имъ продолжительное блаженство.

Адольфъ не умеръ. Прошивудіе подоспѣло впору—и онъ совсѣмъ исцѣлился. Болѣзнь *Целесты* имѣла послѣдствія болѣе опасныя,

потому, что горячка, овладевшая ею, до того испомила её, что она едва-едва через шесть недель могла возвратиться к прежнему здоровью и разсудку.

После того, что случилось, без сомнѣнія, никакіе родители не спали бы пропившись. Тутъ нельзя было имъ удовлетворить свои прихоти: дѣло дошло до яда и оба влюбленные чуть-чуть не потеряли разсудка. Конечно, подобныя происшествія потрясаютъ семейства; производятъ непріятныя переменны въ обычной жизни, потому, что мы всегда неохотно соглашаемся на то, къ чему насъ принуждаютъ обстоятельства. Но что-жъ дѣлать! Враждебные отцы примирились, и, слѣдствиемъ этого, была свадьба *Адольфа* и *Целесты*.

Молодые, чтобы испить всю чашу наслажденія и ближе подойти къ цѣли жизни, которая по ихъ мнѣнію соспѣла въ помъ, чтобы быть всегда вмѣстѣ, посѣщали уединиться въ деревню, гдѣ нашли прекрасный садъ и оплочное мѣстоположеніе. Надобно вспомнить, что они оба получили хорошее воспитаніе; одарены были талантами, любезностію и, что главное, были молоды и влюблены. Ну, можно ли, при всѣмъ этомъ соскучиться? О! они боялись и мысли разлучиться другъ съ другомъ хоть на мгновеніе.

«А! *Адольфъ*!... измѣнникъ!... гдѣ ты былъ?»

— Спрѣмлялъ дичь, мой другъ. —

«Безъ меня! безъ меня! Общайся мнѣ никогда этого не дѣлать.»

— О! я тебя обещаюсь опъ всего моего сердца. —

Въ другой разъ они вопъ какъ разговаривали:

— Помилуй, *Целеста*, я тебя ищу при часа! гдѣ это ты спряталась? —

«Гуляла, мой ангелъ! Погода очень хорошая. Я велѣла садовнику построить тебѣ бесѣдку, гдѣ бы ты могъ читать. Не правда ли, это для тебя сюрпризъ?»

— Но, моя милая, при часа разлуки—это вѣчнось! Общайся мнѣ никогда не оставляй меня безъ того, чтобы не сказать, гдѣ бы я могъ тебя найти. —

«О! мой милый, неопыненный *Адольфъ*! Какъ я тебя люблю! Но можетъ ли мое присутствіе всегда тебя нравиться?»

Подобная жизнь восхищительна. Жаль только, что продолжается нѣсколько недель. Впрочемъ, для *Адольфа* и *Целесты*, любившихъ другъ друга съ пакиمْ поспоянствомъ, очарованіе продолжалось даже нѣсколько мѣсяцовъ. Но потомъ, всё-таки спросить ихъ обратилась въ привычку, и они, когда случалось одному дѣлать то, на что другая не соглашалась, упрекали другъ друга въ холодности.

Однажды у нихъ бесѣда пошла вопъ въ какомъ родѣ:

«*Адольфъ*, мой другъ, ты ничего не говоришь со мною! Брось эту мерзкую книгу, которую ты не выпускаешь изъ рукъ.»

— Ангелъ мой! ты меня не слушаешь. Я тебѣ говорилъ о моемъ путешествіи, а ты зѣвала мнѣ подъ носъ. —

«Мой другъ, это опъ того, что мнѣ очень хотѣлось спать.»

— Можетъ быть... (*Зѣваетъ*). —

Утромъ, когда *Адольфъ* проснулся и легъ еще въ постель, глаза его остановились на женѣ, которая еще спала.

«Боже мой!» сказалъ онъ про себя: «я еще этого не примѣнилъ! Дай посмотрю хорошенько... Такъ и есть!... У жены моей бо-родавка на подбородкѣ.»

Онъ вспалъ и одѣлся; во всё утро былъ важенъ и задумчивъ. Супруги встрѣтились уже за-завтракомъ. *Целеста* казалась очень веселою; лицо *Адольфа* выражало неудовольствіе.

«Мы сегодня будемъ капаться верхомъ!» сказала *Целеста*.

— У меня мигрень. —

«Бѣдненькій! Ну, такъ спанемъ читаешь новую поэму.»

—Ты очень громко чипаешь.—

«Я громко чипаю?» воскликнула *Целеста*, бросивъ на мужа упрекающій взглядъ. И шупъ-по она, въ первый разъ, примѣшила въ глазахъ его что-то особенное. Посмотрѣла еще разъ и сказала сама себѣ: «Боже милоспивый! Я теперь не могу сомнѣваться: *Адольфъ* мой кось, да, кось—и очень кось!» Между тѣмъ *Адольфъ* оспорожно шепталъ: «Бородавка необыкновенно выросла въ нынѣшнее упр!»

Невозможно описать, какъ подѣйствовало это печальное опкрытие на *Адольфа*. Онъ думалъ о немъ безпреспанно. Другой причины къ неудовольствію не было. Но кто не согласился, что бородавка не соспавляетъ еще многого, особенно при красотѣ *Целесты*, копорая такъ развилась послѣ замужства. И всѣ это видѣли незамѣчая, кромѣ *Адольфа*, копорому колола глаза эта бородавка. Цѣль лица у *Целесты* сдѣлался самый живой; формы тѣла еще болѣе округлились; походка получила что-то величественное. Но всё это ничего не значило, съ тѣхъ поръ, какъ у *Целесты* очутилась бородавка на подбородкѣ. О! эта пагубная бородавка, казалось, росла не по днямъ, а по часамъ—и грозела *Адольфу* заслонить собою прелестное личико жены его. Такъ, что онъ можетъ спаться ожидать, со временемъ, превращенія восхитительной *Целесты* въ исполинскую бородавку. Впрочемъ, какъ человекъ благовоспитанный, онъ щцашельно скрывалъ свою печаль, и помнилъ, что женщины не очень любятъ, когда имъ говорятъ о недоспапкахъ ихъ, особенно о тѣхъ, о копорыхъ онъ и сами еще не догадались. Но, исполняя эту вѣжливостъ, *Адольфъ* начиналъ уже думать, что всего лучше жить каждому изъ нихъ на своей половинѣ.

Между тѣмъ—спранныя вещь!—косоватость его дѣлалась болѣе и болѣе примѣпною.

«Это не подвержено сомнѣнію,» говорила сама про себя *Целеста*: «*Адольфъ* не былъ кось до нашего супружества. А надобно признать, что это безобразіе ужасное, не-

сперпимое! Можетъ ли быть хуже положеніе, когда на васъ смоприть человекъ приспально, и у него глаза расходятся!... А у *Адольфа* есть эта несчастная привычка: онъ всегда приспально на меня смоприть. Ахъ, если-бъ я могла какъ нибудь въ дружескомъ разговорѣ посовѣтовать ему коѣ-что о его глазахъ... Не ужели этому нельзя помочь?»

Женщины всегда опереживаютъ, когда нужно упрекнуть по хозяйству. *Целеста* рѣшилась, при первой удобности, пуспить мимоходомъ словечко.

«Вопъ видишь, *Целеста*, моя собака дѣлаепъ шебѣ визипъ;» сказалъ какъ-то упромъ *Адольфъ*, входя въ комнапу съ любимою лягавою собакою.

—Ахъ, спупай, спупай, выгони еѣ скорѣе; посмопри, какъ она запачкала мой ковѣръ грязными лапами. Я шерпѣть не могу собаку!—

«Бѣдненькая!» сказалъ *Адольфъ*, лаская свою любимицу, споль жестко обиженную.

—Къ кому это слово опносипся? ко мнѣ, или къ собаку?—

«Разумѣепся, къ собаку.»

—Извини, мой другъ. Мнѣ показалось, что ты на меня смопрѣлъ. Знаепъ ли что; *Адольфъ*? у шебя, съ нѣкопорого времени—если позволишь мнѣ быть опкровенною—показалась предурная привычка: ты спалъ смопрѣть чрезвычайно косо.—

«Сударыня!» вскричала *Адольфъ*, чувспвительно обиженный, подбѣгая къ зеркалу.

—Ахъ, не сердись, мой другъ. Я бы шебѣ эпога не сказала, если-бъ недоспапокъ пвой не увеличивался день-оподня. Могу шебя увѣрить, что ты скоро опъ него вылечишь: споишь полько прилѣпишь шебѣ на кончикъ носа шарикъ изъ хлѣба—и ты будепъ смопрѣть прямо.—

«Шарикъ изъ хлѣба! на конецъ моего носа! Ты бы лучше сдѣлала, если-бъ прилѣпила цѣлый калачъ на конецъ своего подбородка.»

—Моего подбородка!—вскричала *Целеста*, въ свою очередь шеряя хладнокровіе.—Чпо вы эпимъ хопипе сказапъ, сударь? —

«То, что ты имѣешь на немъ ужаснѣйшую бородавку, которую не худо было бы припрятывать.»

—Государь мой!—

«Государыня моя!»

—Бородавка на моемъ подбородкѣ!... уродъ!...—

«Я косъ чрезвычайно!... глупая!...»

—О! я не понимаю, какъ могла полюбить челоѡвка съ косыми глазами!—

«А я женщину, у которой бородавка на лицѣ!»

—Я не обращаю вниманія, сударь, на ваши обиды. Они уже болѣе не удивляютъ меня. Вы это хорошо не можете видеть... Я сожалѣю о вашемъ недоспапкѣ.—

«Сударыня! я презираю ваше краснорѣчіе. Но если вы не вѣрите собственному своему зеркалу, то позвольте привести къ вамъ доктора. Онъ будетъ очень щасливъ, если уменьшитъ ваше безобразіе.»

—О! сдѣлайте одолженіе! докторъ навѣрное убѣдитъ васъ, что вы косы. Нещасный *Адольфъ*! я вовсе не сержусь на васъ. Я сожалѣю о васъ... Повѣрьте... искренно сожалѣю.—

Целеста залилась слезами. *Адольфъ* съ бѣшенствомъ схватилъ шляпу, съѣлъ на лошади и поскакалъ за докторомъ.

Эпопъ докторъ былъ философъ и медикъ вмѣстѣ. Онъ съѣлъ на свою маленькую лошадку и отправился съ *Адольфомъ* въ его замокъ. Дорогою, послѣдній изъ нихъ нашелъ средство рассказать другому всю свою исторію: въ гнѣвъ люди всегда дѣлаются откровеннѣе.

«Вѣроломная!» говорилъ *Адольфъ*. «Повѣрите ли вы? мы всё пренебрегли, чтобъ быть вмѣстѣ. Никогда любовники не любили такъ другъ друга. Мы рѣшились даже умертвить себя—лишь бы не быть разлученными. Я оспавилъ для неѣ самыя выгодныя партіи; женился на ней безъ приданого,—а она... она находитъ теперь, что я чрезвычайно косъ. А если-бъ вы знали какая у ней бородавка на подбородкѣ?»

Докторъ не могъ хорошо различить: косъ ли *Адольфъ*—или нѣтъ; потому что шляпа прикрывала его глаза. И припомъ докторъ имѣлъ благоразумнѣйшее обыкновение—не занимаясь двумя болѣзнями вдрутъ.

—Что касается до бородавки,—замѣшилъ онъ: то еѣ не прудно вылечить.—

«Но, если жена моя не согласится, что она у ней есть? Если не послѣдуетъ вашимъ совѣпамъ? Впрочемъ, послѣднее обспоятельство ничего не значитъ, лишь бы убѣдить еѣ. О! какъ сильно пщеславіе женщины!»

—Вы, вѣроятно, замѣтили эпопъ маленькій недоспапокъ послѣ нѣкотораго промежутка времени?—

«Кажется. Но за то мы съ женою не разлучались ни на одинъ день.»

—О! о! о!—сказалъ про себя докторъ, погружаясь въ задумчивость. (*Я уже замѣтилъ, что онъ былъ философъ*). Впрочемъ, пущъ не надобно глубокой философіи, чтобы догадаться, что двое молодыхъ людей, которые рѣшались, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, умертвить себя изъ любви, не могли еще охладѣть другъ къ другу опъ бородавки, или какой нибудь, едва замѣпной, косоватости.

Докторъ и *Адольфъ*, по пріѣздѣ, вошли въ залу. *Целеста* уже не плакала болѣе; она принарядилась въ хорошенькій чепчикъ и приняла на себя видъ обиженной женщины, которая, впрочемъ, не жалуется.

«Согласитесь, сударыня, что у васъ есть бородавка;» сказалъ *Адольфъ*: «и я вамъ всё прощу.»

—Зачѣмъ же вы упрямитесь? Признайтесь, что вы косы. Я не посмопру на другихъ: для меня вы останетесь всё шѣмъ же.—

«Эпаго довольно, сударыня! Господинъ докторъ! примите на себя прудъ посмопрѣть на эпо даму. Не правда ли, что у неѣ чудовищная бородавка на подбородкѣ? Можно ли еѣ уничтожить?»

—Ахъ, Боже мой! посмотрипте лучше въ глаза мужу моему!—вскричала *Целеста* рыдая.—Они были такъ прелесны до нашей свапбы! —

Докторъ надѣлъ очки; посмотрѣлъ сперва на одного, потомъ на другую.

— Милоспивый государь! — сказалъ онъ важно: нѣтъ никакого сомнѣнiя, что у супруги вашей, на лѣвой сторонѣ подбородка, есть маленькiй прыщикъ, поменѣе булавочной головки. А вамъ, милоспивая государыня, я могу доложить, что правый зрачокъ у супруга вашего — какъ это бываетъ у девяти человекъ изъ десяти — почти на одну часть мизинца ближе къ носу, чѣмъ зрачокъ лѣваго глаза. Вотъ всё, что я примѣнилъ, посмотря на васъ. Но меня нисколько не удивляетъ, что супругъ вашъ находитъ эту бородавку необычайною, а вы косовапоспъ его преувеличиваете, — не мудрено: вы видѣлись всякой день! —

Оба вмѣспъ почувспивовали всю убѣдительность словъ доктора. Вскорѣ прискакалъ нарочный къ *Адольфу*, съ извѣспiемъ, что отецъ его опасно занемогъ. Три мѣсяца молодой супругъ былъ въ оплущкѣ и, возвратясь, нашель, что бородавка у *Целесты* уже не существовала, а глаза у него, по признанiю супруги, сдѣлались опять и прямыми и обворожипельными.

Пер. *Викт. Влад—скiй.*

Сельцо Каменнiкъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БЛАГОДѢЯНiЕ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВОЧКИ.

Въ прошедшую субботу, въ пять часовъ по полудни, *Евгенiя Перро*, прекрасная семидѣшняя дѣвочка, возвращалась изъ школы домой, послѣ ужасной бури, какъ вдругъ, изъ развалинъ одного строенiя, вышла другая дѣвочка лѣтъ 8, которая вся промокла отъ дождя и дрожала отъ спужи. «О, сударыня!» сказала она со слезами *Евгенiи*: «нѣтъ ли у васъ кусочка хлѣба? мнѣ очень хочется ѣсть.» — Какъ не быть! вотъ возьми; но отъ чего ты такъ вымокла? — «Отъ того, что я долго спояла подъ дождемъ и ждала папеньку. Онъ привезъ меня изъ деревни въ Парижъ, ведѣлъ мнѣ ждапъ себя у виннаго

погреба, вышелъ въ другiя воропа — и не воропился назадъ.» — Да развѣ у тебя нѣтъ маменьки? — «Она умерла.» — И брапцевъ и сесприцъ нѣтъ? — «Какже! еспъ. — Насъ семеро!» — Ну, такъ пойдемъ со мною къ намъ. Моя маменька добрая; она дастъ тебѣ объдапъ и ты ляжешь спапъ съ моей маленькой сесприцей. — О! мы подружимся съ тобою! — И милое дитя, съ ангельскою улыбкою, спѣшило къ матери, ведя за руку нещаспную дѣвочку. — Маменька, маменька! — сказала *Евгенiя*, входя въ комнату: вотъ бѣдная дѣвочка, которую папенька еѣ забылъ на улицѣ. Ты возьмешь еѣ къ намъ, не правда ли? О, маменька, въ сказочкѣ, объ *оставленномъ ребенкѣ*, написано, что Богъ благословилъ пѣхъ, которые его не оставили. — Богъ благословилъ и тебя, маменька! —

Мать взяла нещаспную къ себѣ, накормила еѣ, одѣла — и воспитываетъ теперъ вмѣспъ съ дѣпными своими.

Кто щаспливый отецъ эпой *Евгенiи*, которая, въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, имѣетъ уже великую и прекрасную душу? — Отецъ ея бѣдный ремесленникъ.

Одна молодая принцеса, пронупая прекраснымъ поступкомъ маленькой *Евгенiи*, послала семейспву ея значипельное пособiе.

T.

ИСПОЛИНСКiЕ ИДОЛЫ ВЪ ИНДИИ.

Афганиспанскiй городъ *Бонiанъ* — въ Средней Азiи, знаменитъ своими колосальными идолами и безчисленными пещерами, ископанными на проспранспвѣ осьми миль. Впрочемъ, эти пещеры ничто иное, какъ чепвероугольные отверстiя въ горы. Только нѣкоторые имѣютъ внутри своды, при началѣ конхъ снизу проспираются карнизы. Въ самыхъ идолахъ изсѣчены такiя пещеры, и въ одной изъ нихъ, находящейся подъ ногами большаго идола, можетъ помѣспиться до 1500 человекъ. Изъ всѣхъ воспочныхъ древностей, эти исполинскiе идолы наиболее возбуждаютъ любопытство ученыхъ. Они состоятъ изъ двухъ фигуръ: одна пред-

спавляепъ мушину, другая женщину; первую жипели называютъ *Зильгамъ*, послѣднюю *Шамана*. Они высѣчены въ горѣ. Фигура, представляющая мушину, имѣетъ въ вышину сто двадцать фузовъ; изображающая женщину почти шестьдесятъ. Нишъ, въ которой стоить первая, имѣетъ до семидесяти фузовъ ширины и сполько же углубляется въ гору. Спашуя изуродована, лицо повыше рта и колѣна разбины пушечными ядрами, которыми спрѣлялъ въ нее *Ауренг-Зебъ*, проходя мимо съ войскомъ. Губы очень широки, уши длинны и опвисли; на головѣ, кажется, было что то похожее на тиару. Фигура облечена въ мантію, висящую на ней со всѣхъ споронъ. Впрочемъ, все это сдѣлано безъ всякаго изящества и красоты. Руки, придерживавшія мантію, отбиты. Женская фигура лучше сохранилась; она драпирована такимъ же образомъ и высѣчена въ той же горѣ; но за нѣсколько сотъ фузовъ отъ первой. Въ обѣихъ фигурахъ высѣчено множество пещеръ, изъ коихъ еспь ходъ на самую вершину каждой спашуи. Въ нижнихъ пещерахъ обыкновенно оспанавливаются Кабульскіе караваны, а верхніе служатъ городу хлѣбными магазинами.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА (1).

78.

Завѣдывающий критическимъ отдѣленіемъ журнала А. Ф. *Смирдина* никогда не былъ слишкомъ нѣженъ съ журналистами, своими собратами; но съ тѣхъ поръ, какъ у него убыло до 1,500 подписчиковъ; съ тѣхъ поръ, какъ его перестали читать въ Петербургѣ и почти перестали въ Москвѣ, онъ сдѣлался очень гнѣвенъ.

(1) Противопоставляя здѣсь спашью *Библиотеки для Чтенія* спашью о томъ же предметѣ *Свѣ. Пчелы*, издаешь Лип. Приб. надѣется угодить тѣмъ многочисленнымъ любителямъ опечесвленной литературы, которые перестали получать первый изъ сихъ журналовъ, а получаютъ одинъ послѣдній. — К.

Вопъ вамъ доказательство, взятое изъ Апрельской книжки сего 1836 года (См. Разныя извѣстія, стр. 67 и слѣд.).

«Вообще, нѣтъ ничего новаго въ полипическомъ свѣтѣ. Всѣ народы живутъ въ мирѣ и согласіи;» такой приступъ дѣлаепъ авторъ эпои спашьи, котораго имя намъ неизвѣстно, но который развиваепъ въ ней сполько мира и согласія: «прочія извѣстія,» говоритъ онъ: «самыя пустыя. Африканскій король Ашанпиевъ объявилъ войну Англии, и уже открылъ кампанію. Александръ Сергѣевичъ *Пушкинъ*, въ исходѣ весны, поже выпускаепъ на поле брани (2). Мы забыли сообщить читателямъ объ одномъ событіи (3). *Александръ Сергѣевичъ* хочепъ умножить средства къ наслаженію читающей публики (4) родомъ бранно-періодическаго альманаха, подъ заглавіемъ *Современникъ*, котораго будепъ выходить чепыре книжки въ годъ, или родомъ журнала, котораго каждые три мѣсяца будепъ являться по одной книжкѣ (5). И еще—эпопъ

- (2) Нашъ первокласный писателъ, давъ намъ образецъ Русской трагедіи, шупочной и рыцарской поэмы, легкихъ сказочекъ, важной исторіи, высокихъ лирическихъ твореній, посланій, насмѣшливыхъ и забавныхъ сатирическихъ спашеекъ, хочепъ еще показать намъ образецъ Европейскаго періодическаго изданія, научить писать книжные разборы безъ грубости, безъ оскорбляющей паланшп язвительности. Чпо же шумъ худаго, предосудительнаго? — К.
- (3) Можепъ ли забыть эпо человекъ, котораго несообразныя литературныя выходки выпедупъ на свѣжую воду? Скорѣе солдапъ забудепъ, чпо онъ спощепъ передъ дуломъ пушки, которая готова выпстрѣлить по немъ картечью. — К.
- (4) Помѣщая въ своемъ изданіи стихи *Жуковскаго*, кн. *Вяземскаго* и свои (которыхъ уже давно не видно въ журналѣ А. Ф. *Смирдина*), повѣсти *Гоголя-Яновскаго*; напечатавъ въ 1-й книжкѣ свое пушесешіе въ Арзерумъ, гдѣ онъ былъ очевидцемъ блистательныхъ побѣдъ графа *Паскевича*, и самыя свѣжія извѣстія о Парижѣ, писанныя Россіяниномъ. Не всякой пушесешникъ имѣепъ даръ такъ краснорѣчиво описывать то, чщо онъ видѣлъ, какъ *Пушкинъ*. — К.
- (5) Въ Лондонѣ *Quarterly Review* выходитъ также по чепыре книжки въ годъ; но эпо не мѣшаепъ ему

журналь, или эпопѣ альманахъ, учреждает- ся нарочно прошивъ *Библиотеки для Чте- ния* (6), съ явнымъ и открытымъ намѣре- ніемъ—при помощи Божіей уничтожить еѣ въ прахъ. Что путь шайбься! Угрозы раз- дались уже въ нашихъ ушахъ: и вопъ мы сами добродушно (7) спѣшимъ извѣстить Публику, что на насъ готовился пуча. О вы, которые читаете разные Русскіе жур- налы, скажите намъ по милости, который это уже журналъ возникаетъ съ эпимъ бла- гимъ намѣреніемъ? Четвертый, кажется? Или пятый (8)?..... Мы, право, не знаемъ: признаюсь сказать—ни одного изъ нихъ не читали! Скажите, что съ ними дѣлает- ся? Каковы они? Живы ли, здоровы ли? Какъ имъ везетъ умъ и счастье? Если они еще не перешли въ вѣчность и пожелаютъ узнать объ нашемъ здоровьи, скажите имъ, что *Библиотека для Чтенія*, благодареніе Русской Публикѣ, никогда еще не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ нынѣшнемъ году (9). Это будетъ имъ очень пріятно услышать. Они такъ радуются всегда чужими успѣхами!...

«Читатели наши вѣроятно замѣтили, что *Б. для Чт.* никогда не говоритъ ни объ од-

быть однимъ изъ лучшихъ Англійскихъ періодическихъ изданій. — У насъ Военнаго журнала выходитъ по шести книжекъ въ годъ; сей журналъ имѣетъ самое ограниченное число подписчиковъ; не смотря на то, онъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ и полезнѣйшихъ Русскихъ журналовъ.—К.

- (6) Какая неожиданная честь: это придастъ важности ея *жирнымъ* книжкамъ. *Пушкинъ* удивительно великодушенъ: онъ изъ шалости обезсмертилъ *Брамбеуса!* — К.
- (7) Не уже ли? — К.
- (8) Поездъ *Библиотеки* родился только два Русскихъ журнала: *Московский Наблюдатель* и *Современникъ*, и ни одного не умерло.—К.
- (9) Если потеря благоденія читателей столицы и по- душоры тысячи подписчиковъ означаетъ цвѣтущее состояніе: то мы согласны.—К.

номъ изъ Русскихъ журналовъ въ 'особенно- сти, если не имѣетъ случая или повода ска- зать объ немъ чего нибудь лестнаго, по крайней мѣрѣ хорошаго (10). *Б. для Чт.* всегда желала и желаетъ отличиться эпимъ опъ толпы частныхъ журналовъ, которые, во всякой толпѣ, гремятъ только взаимными упреками и поочередно бранятъ другъ дру- га. Пока журналъ существуетъ еще только въ программѣ, *Библиотека для Чтенія* всегда думала, что она можетъ, не заводя съ нимъ распри, сказать свое мнѣніе о томъ, чего можно ожидать опъ будущаго изданія, судя по программѣ. Но съ появленія первой его книжки, водворяется глубокое и краснорѣ- чивое молчаніе. Ни слова объ эпомъ журна- лѣ! Особливо, если онъ плохъ и смѣетъ еще браниться. Такимъ же образомъ, пока еще не вышелъ первый номеръ *Современника*, онъ щипаетъ себя въ правъ, не выходя изъ сво- ихъ обыкновеній, сказать то, что думаетъ о предпріятіи *А. С. Пушкина* по проченіи его программы. Вопъ, что она думаетъ: «*Современникъ*, по своему содержанію и ха- рактеру, такъ какъ онъ допускаетъ у себя журнальную полемику, то есть, нападки на своихъ соперниковъ по ремеслу, самъ се- бѣ назначилъ уже мѣсто въ низшей журна- листикѣ,—даже въ самой послѣдней: ни одинъ изъ хорошихъ литературныхъ журналовъ въ Европѣ,—ни одно Review,—ни одинъ Ma- gasine,—даже ни одна изъ Французскихъ Re- vues, которые уже почти не принадлежатъ къ высшей журналистикѣ (11), не входитъ въ споръ съ другимъ журналомъ; для нихъ,

- (10) Распорядитель въ этой же книжкѣ покаялся въ про- сакѣ: онъ *поражаетъ* на стр. 24-й своей Литературной Лѣтописи — Лип. Прибавленія къ Р. И., *старается* унижить *Современника*, на страницахъ 67, 68, 69 и 70-ой и *насмѣхается* надъ Сыномъ Опеочесова, на стран. 50 и 60-й. Въ одной Апрельской книжкѣ *обру- гано* при журнала, изъ коихъ одинъ тогда еще и на свѣтъ не родился.—К.
- (11) Почему? — *Revue Encyclopédique* не уступаетъ ни одному Англійскому Review. *Bulletin des sciences militaires* также.—К.

другихъ журналовъ какъ бы не существовало; каждый пишеть въ своемъ духъ, излагаетъ свои мнѣнія, и не упоминаетъ ни словомъ о своихъ собратіяхъ, если не можетъ говорить о нихъ съ похвалою. Это взаимное уваженіе, это по нѣ опличной свѣтской въжливости (12) къ себѣ равнымъ и даже къ низшимъ, именно и составляетъ особенный признакъ высшей журналистики въ Европѣскомъ мѣрѣ, почто также, какъ признакъ высшаго общества въ частномъ свѣтѣ народовъ. Полемика и брань предоставлены намъ газетамъ, журнальной черни; но и путь еще есть разряды: газеты нѣсколько лучше никогда не вступаютъ въ литературную полемику, и довольствуются только политическою. Намъ весьма неприятно быть въ необходимости толковать такія вещи нашимъ периодическимъ собратіямъ: но чтожь прикажете дѣлать, когда эти понятія еще не проникли въ нашу сырую атмосферу литературную (13)! Когда даже примѣръ *Библиотеки* не дѣйствуетъ (14)! Это еще не всё! Программа *Современника* вызываетъ у насъ гораздо печальнѣйшее замѣчаніе. Всегда должно сожалѣть, когда поэтический гений перваго разряда, каковъ Александра Сергѣевича *Пушкина*, самъ добровольно опречается отъ своего призванія, и съ священнѣйшихъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по щастливому выраженію *Проперція*, *Musarum choris implicuit manus*, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ, болѣе и болѣе блѣдной и бесплодной. *Это уже — за-*

тлѣніе одной изъ славъ народа (15). Но какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда это гений, рожденный вѣтъ безсмертные вѣнки на вершинѣ зеленаго Геликона, нарвавъ тамъ горсть колючихъ оспропъ, бѣжитъ по скапу горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы Военъ, которая обѣщаетъ за подарокъ наградить его грубымъ хохомъ! Берегитесь, неоспороженный гений! Последніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежатъ Михонское болопо. Бездонное болопо, наполненное черною грязью! Эта грязь—журнальная полемика; самый низкій и отвратительный родъ прозы, послѣ рѣмованныхъ пасквилей.

«Мы сочли бы себя щастливѣйшими, если бы эти замѣчанія могли еще удержатъ Александра Сергѣевича *Пушкина* на краю пропасти, въ которую онъ хотеть броситься (16). Никто въ свѣтѣ не долженъ быть равнодушенъ, когда дѣло идетъ о спасеніи такого поэтическаго паланка для отечественной литературы, и *Александръ Сергѣевичъ* самъ, конечно, оцѣнитъ чистоту нашихъ побужденій. Мы бы отдали все въ свѣтѣ, если бы онъ не сдержалъ своей программы (17),—если бы онъ выдалъ книжки своего *Современника* чистыми отъ всякой брани, отъ всякихъ *нападокъ* (17) на другіе журналы (18). Не дѣло журналовъ судить

(12) Эта въжливость, это равнодушіе—преступны. Каждый литераторъ, коему не чужды общія пользы Литературы, *долженъ* вооружаться противъ порчи вкуса и языка, долженъ честно и благородно сполать на спражъ противъ всякаго покушенія низпровергнуть или ослабить вѣчные законы изящнаго.—К.

(13) Опять не понимаемъ. Слишкомъ хипро!—

(14) *Б. для Чит.* хороший образецъ представляетъ: еѣ нельзя дашь въ руки ни дѣвцамъ, ни даже дамамъ.—К.

(15) Ей Богу, не понимаю! Слава Россіи нѣсколько померкнетъ отъ того, что *Пушкинъ* издаеть хороший журналъ?—К.

(16) Какъ добръ, какъ сострадателенъ главный распорядитель крипическихъ спашеекъ *Библиотеки для Чителія*.

(17) Охотно вѣримъ, что побужденія редакціи *Б. для Ч.* чисты, но слогъ *этого* нечистъ. По Русски нельзя сказать: *не сдержалъ своей программы*, а надобно сказать: *не выполнилъ*.—Отъ *нападокъ* не по Русски; должно: отъ *нападокъ*.—К.

(18) Что у кого болѣе: поеть о томъ и говорить.—К.

другъ о другъ (19). Судите о книгахъ. Излагайте свои теоріи, и оставьте другихъ въ покоѣ. Уроните *Б. для Чт.* нападками очень прудно: единственнае средство подковать её—сдѣлать лучше; собрать въ фокусъ своего журнала болѣе познаній, болѣе дарованій и прудодобія, что, конечно, очень легко. Будущій издаватель *Современника*, можетъ, ошибается въ ращѣтъ; можетъ, думаетъ онъ придать своему изданію болѣе занимательности войною съ *Библиотекою для Чтенія*. Этой войны не будетъ. *Б. для Чт.* не подберетъ перчатки,—не изъ прусоссти, но изъ чувства своего достоинства. Она никогда не унижится до отвѣта другимъ журналамъ и еще менѣе какой нибудь газетѣ или лепучему листку (20). И за чѣмъ вамъ отвѣчать, друзья? Не лучшей ли вамъ отвѣтъ—молчаніе? Если она, хладнокровно дѣлая свое дѣло (21), будетъ все молчать, а

(19) Чѣс же это дѣло? Почтеннѣйшему распорядителю хотѣлось бы быть безсудну, хотѣлось бы, чтобы его признали непогрѣшительнымъ, какъ Римскаго Папу.—*К.*

(20) *Б. для Чт.* прикидывается смиренномудрою; она никогда прямо не перобранивается съ ничтожною *Съв. Пчелою*, не вступаешь въ бой ни съ такъ называемымъ ея журнальчикомъ *Сътоль Отчества*, ни съ безопвязными, какъ репейникъ, *Лит. Прибавленіями*, а изъ угла камнемъ броситъ! Ссылаюсь на *Лит. Лѣтопись* этой же Апрельской книжки.—*К.*

(21) То-то и есть, что она худо исполняетъ свое дѣло: потеряла всѣми уважаемыхъ своихъ редакторовъ: *И. А. Крылова*, *Н. М. Грета*, даже и *Корша*, молодого дилетанта, не хотѣвшаго свимасть на себя грѣхи барона *Брамбеуса* и добровольно опказавшагося отъ званія редактора. Теперь Публика оставлена въ невѣдѣніи: кто редакторъ *Библиотеки*? *О. И. Сенковский* отказался еще въ 1834-мъ году; онъ остался только распорядителемъ. Изъ славныхъ писателей очень немногіе участвуютъ нынѣ прудами своими въ *Библиотеку*. Ихъ имена замѣнены пусклыми именами поклонниковъ *Брамбеуса*. Лучшее опдѣленіе—*Смѣсь*, давно бы упала, если-бъ г-жа *Ситникова* не оживляла, не украшала её своими прекрасными спашейками.—*К.*

вы кругомъ ея будете все горячиться, перзаять её, мепаять грязью въ безмолвную, чтожь изъ этого выдептъ?—Она сохраниптъ свою важность, а вы потеряете уваженіе Публики, какъ потеряли всѣ пѣ изданія, которыхъ спраницы запляпаны журнальною бранью, вы будете смѣшны. Однимъ словомъ, слишкомъ смѣшно, слишкомъ неловко было бы со стороны *Библиотеки для Чт.* защищаться отъ своихъ противниковъ, когда она можетъ, за выходы противъ себя, наказатъ ихъ оставленіемъ въ безвѣспности. Вообще, не бесполезно знать, если ужъ насъ упрекаютъ въ презрѣніи, что презрѣнія у насъ доспанетъ для всѣхъ нападковъ, отъ кого бы они ни происходили.

«Послѣ этого дружескаго объясненія съ программю (22), *Современникъ* можетъ быть увѣренъ, что объ немъ никогда болѣе не упомянуть въ *Б. для Чт.*, а *Александръ Сергѣевичъ*, что первые прекрасные стихи, которые онъ напишетъ, будутъ въ ней похвалены съ восхищеніемъ.»

К о н е ц ъ .

Теперь послушаемъ исподкупное мнѣніе о вышеизложенной спашѣ, судьи просвѣщеннаго, крипика понкаго, писателя, оказавшаго важныя услуги опечеспвенной словесности. Эта спашья напечатана въ фельѣтонѣ No 86-го Сѣверной Пчелы. Она называется:

Нѣсколько словъ о Современникѣ.

Мы бы отдали все въ свѣтъ, если-бъ онъ (*А. С. Пушкинъ*) не сдержалъ своей программы.

См. Извѣстіе Библиотеки для Чтенія о Современникѣ. Апрельъ 1836, Литературная Лѣтопись, стр. 67.

Что можно сказать о журналѣ, котораго еще нѣтъ? Можно ли судить о журналѣ по его программѣ? Еще болѣе: можно ли су-

(22) Извѣстно, что *Пушкинъ* не издавалъ программы *Современника*: какимъ же образомъ *Б. для Чт.* объяснялась могла съ программю, никогда не существовавшую? Но у неё и невозможное возможно.—*К.*

дипь о немъ и о журнальной программѣ, когда *программы нѣтъ*? Кажется невозможно по общепринятымъ понятіямъ? Но нѣтъ правила безъ исключенія, а еще болѣе, безъ опспусленія. Таковъ случай, являющійся нынѣ, когда совершенно неумѣспный опзвъ *Библиотеки для Чтенія* о журналѣ, еще не вышедшемъ въ свѣтъ, могъ возродить нѣкопорья недоумѣнія и превращенныя полки въ Публикѣ. Крипикъ *Библиотеки для Чтенія*, ссылаясь на какую-то программу *Современника*, копорой не было и нѣтъ ни въ печати, ни въ рукописи, о копорой, слѣдовапельно, никому знашь нельзя, объявляель, что *Современникъ есть родъ брашно-періодическаго альманаха, что этотъ журналъ, или этотъ альманахъ, угреждаель нарожно противъ Библиотеки для Чтенія, съ явнымъ и открытымъ намѣреніемъ, при помощи Божіей, уничтожитъ еѣ въ прахъ; что Современникъ, по своему содержанию и характеру, самъ себѣ назначиль уже мѣсто въ низшей журналистикѣ, даже въ самой низкой, и проч., и проч.* Давно говорилсь, что у спраха глаза велики; но здѣсь долженъ дѣйспвовашь не одинъ спрахъ, а коѣ-что и другое, копорое не умѣемъ наименовашь: ибо спрахъ увеличиваетъ видимыя предметы, а здѣсь вымыслены не существующіе. Программы издапель нѣтъ, но она воплощаель въ воображеніи крипика.

Для успокоенія вспревоженнаго воображенія въ однихъ, и для объясненія другимъ, скажемъ нѣсколько словъ о семъ предметѣ, копорый, на всякій случай, могутъ служить нѣкопоруо дѣйспвицельною программою *Современнику*, если рѣчь зашла о мнимой программѣ.

Имя *Пушкина* такъ извѣспно у насъ, что въ одномъ имени его заключаель программа журнала, копорый онъ издаваль намѣренъ. Изъ сего уже неминуемо слѣдуель, что въ понятіяхъ каждаго образованнаго читателя, между *Современникомъ* и *Библиотекою для Чтенія* ничего общаго бышь не можетъ. Вольно крипику *Библиотеки для Чтенія* ставиль на ряду имена *Брамбеуса* и *Пушкина*, какъ то высавлено на спр. 21-й

Литерапурной льпописи пой же Апрельской книжки, и говориль, что *Новоселле Смирдина* опличаель спѣмъ, что въ немъ спихи *Пушкина* и проза *Брамбеуса*. Со споронь крипика *Библиотеки для Чтенія*, эпи слова могутъ еще бышь признаны великодушнымъ смиреніемъ и условною свѣпскою вѣжливоспью, но болшннспво Русскихъ читателей, безъ сомнѣнія, судиль иначе. Можно упвердипельно сказашь, что тотъ, кто подписываель на *Библиотеку для Чтенія* изъ того имено, что въ ней преимущеспвенно печатаються спавпы *Брамбеуса*, тотъ не подпишетъ на *Современника* изъ того имено, что въ немъ будель преимущеспвенно *Пушкинъ*. Два вкуса столь разнородные, двѣ умспвенныя потребности, столь противоположныя, не могутъ вмѣспиться въ одномъ читателѣ.

Далье крипикъ вдаелься, съ обыкновеннымъ своимъ полноводіемъ словъ въ поэпико-мѣологическія и прогапельныя разсужденія о журнальной полемикѣ, копорую онъ сравниваель съ *бездоннымъ болотомъ, наполненнымъ гѣрною грязью*, и всё эпо для того, чтобы *удержать А. С. Пушкина на краю пропасти, въ которую онъ хотеть броситься*, вѣрояпню съ спѣмъ, чтобы добрашь до *Библиотеки для Чтенія*: ибо цѣль *Современника*, сказано выше, *есть уничтожитъ еѣ въ прахъ*. Такимъ образомъ, изъ одной любви и жалоспи къ ближнему и въ безкорыспную предоспорожностъ погибающему, крипикъ, дѣйспвуя на умъ его собственнымъ жерпвоприношеніемъ, кидаетъ въ эпо *бездонное болото*, какъ новый *Курцій*, и написалъ нѣсколько спраницъ самой заносчивой полемики въ запасный опвѣтъ на то, что никѣмъ не сказано; но, можетъ бышь, нѣкогда будель сказано въ *Современникѣ*. Отдавая полную справедливоспъ подобному самоопсверженію, мы, съ своей споронь, опшюдь не согласны съ крипикомъ въ мнѣніи его о журнальной полемикѣ. Поняпія его о ней чрезвычапно односторонни и индивидуальны.

Еспъ полемика и полемика, какъ еспъ писатель и писатель, человекъ и человекъ. Въ

полемикъ такъ же, какъ въ самыхъ жаркихъ словесныхъ спорахъ между людьми образованными и благовоспитанными, невидимою рукою и высшимъ чувствомъ приличія сохраняется мѣра, за которую перескучать не слѣдуетъ; такъ и въ письменныхъ и журнальныхъ спорахъ есть либературная совѣсть, предписывающая свои законы. У людей же другаго образованія и другой напуры, и въ самыхъ хладнокровныхъ разговорахъ срываются съ языка и съ пера выраженія грубыя, площадныя, оскорбительныя для утонченнаго вкуса и чистаго нравственнаго чувства! Напротивъ, полемика, удержанная въ законныхъ границахъ, есть необходимая стихія журнала. Выступать противъ нея есть или необдуманность, или либературное ханжество. Единогласія въ мнѣнїяхъ преобладать нельзя. Говорить всегда свое и опъ себя, не слушая другихъ, не объясняясь съ другими, не возражая при случаѣ другимъ, есть физическое упражненіе языка, безъ цѣли и послѣдствій. Равновѣсіе есть общій законъ природы, а нѣтъ равновѣсія безъ пропывоборства силъ. Вопреки мнѣнію крипика, который называетъ полемику *родомъ прозы низкимъ и отвратительнымъ*, мы утверждаемъ и сошлемся на убѣдительныя примѣры, что полемика можетъ вознестись до высшей и увлекательнѣйшей прозы. Но есть родъ прозы, который мы и именовать не знаемъ, но вопъ нѣкоторые изъ его примѣны. Говорить о програмѣ, когда ея нѣтъ, спараться заранее произвольными и оскорбительными догадкамъ вредить въ общемъ мнѣніи книгъ, которой еще нѣтъ передъ судомъ Публики, избрать человека, котораго имя, по крайней мѣрѣ для Русскаго, имѣетъ въ себѣ нѣчто симпатическое съ любовью и гордостью народною, и взводить на него предосудительныя небылицы, какъ напримѣръ, намѣреніе подорвать чужое либературное предпрїятіе, и посвящать сей корыстной цѣли дарованіе возвышенное, — вопъ, что хуже всякой худой полемики, потому что полемика есть война, спычка, схватка мнѣній, а подобное нападеніе имѣетъ видъ обдуманнаго и личнаго.

Спранными либературными законами руководствуется *Библиотека для Чтенія!* По собственнымъ словамъ ея, она никогда не говоритъ ни объ одномъ изъ Русскихъ журналовъ, въ особенности съ появленія первой его книжки, а позволяетъ себѣ изрекать жестокіе приговоры надъ журналомъ, еще не существующимъ, предавать его негодованію Публики, на основаніи программы, которой нѣтъ, и наносить оскорбленія писателю, котораго она сама именуетъ *поэтическимъ гениемъ перваго разряда*, потому только, что онъ собирается издавать журналъ, по есть, печатать у себя и въ изданіи подъ своимъ именемъ свои собственные сочиненія и сочиненія своихъ прїятелей и единомышленниковъ въ Либературѣ. Въ силу такого либературнаго кодекса слѣдовало бы, что не должно позволять себѣ худо говорить о комъ нибудь въ присутствіи его, но позволяется обвинять заочно; что непозволительно судить о человекѣ по дѣйствіямъ и словамъ его, но подобаетъ судить о немъ по произвольнымъ догадкамъ, когда дѣйствіи и словъ эписхъ нѣтъ, и вымышлять за него эписх дѣйствія и слова, чтобъ безприспраспнѣе судить о нихъ; что неприлично защищать себя опъ нападенія, но что всякому предоспавляется право напасть въ распахъ и изъ за-угла на человека, котораго мы подозрѣваемъ въ недоброжелательствѣ къ намъ.

Конецъ.

Примѣчаніе. Эта послѣдняя статья была написана прежде выхода въ свѣтъ первой книжки *Современника*.

А. Кораблинскій.

1856-го года
Мая 6-го дня
Г. Верро.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГОРОДСКАЯ И ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. (*)

Помѣщикъ трехъ сотъ душъ, я баринъ
И признаюсь, что иногда

(*) Лѣтъ за пять передъ эписхъ, это легкое, остроумное стихотвореніе было напечатано въ одномъ журналѣ, котораго почти никто не читаетъ.—В.

Судьбѣ я очень благодаренъ,

Что такъ легко намъ съ нашей лѣнью

Хозяйствомъ деньги добываешь:

Лишь съ почвы взявъ по объявленью,

Или добавочныхъ занялъ!

Хотя, признаюсь, съ сей методой

Поля пускаешь; мужичокъ,

Такой же пользуюсь свободой,

Не плашишь во время оброковъ;

А мы, въ столицахъ обитая,

Не слышимъ ихъ издалика;

Придемъ къ нимъ, не понимая

Ни нужды ихъ, ни языка!

Мы говоримъ съ однимъ, другаго

Слѣдимъ глазами; у того

Жмемъ руку; съ этимъ два-при слова

И пѣ—не значать ничего!

Мы лишь связями знамениты,

А связи—Богъ знаетъ на что!

Весь свѣтъ намъ дѣлаешь визиты,

О насъ не думаетъ никто!

Мы у порога ждемъ, чтобъ съ нами

Промолвилъ фаворитъ судьбы;

Мы вѣчно заняты чинами,

Мы рвемся въ баре...

Но прежній баринъ—онъ въ деревнѣ

И въ усъ не дуешь никого!

Своей фамиліею древней

Онъ гордъ подь часъ лишь для того,

Чтобы сосѣдъ мелкопомѣстный,

Или затѣжій господинъ,

Сказалъ, хвалясь пранезой честной,

Что угощенъ, какъ дворянинъ!

Бывало, упренней зарею,

Со сворой гончихъ и борзыхъ,

Дворянъ съ окружною полною,

Онъ пѣшилъ самъ себя—и ихъ!

Домашній медъ его и вины

Пилъ неразборчивый сосѣдъ,

И былибъ чарки и брагины,

Онъ не поюхивалъ букешъ!

Онъ не судилъ о кухнѣ строга,

За блюдомъ поваръ былъ забытъ;

А ѣлъ и пилъ во славу Бога

И въ заключеніе—былъ сытъ!

Хозяинъ отворялъ воропы

Для всѣхъ—и только зашпиралъ,

Чтобъ гостя, успавшій отъ охоты,

Иль онъ шировъ, не уязжалъ!

Но онъ же, съ раннею зарею,

И на работы былъ готовъ!

Въ весельѣ—весель самъ собою;

Въ заботахъ—крѣпокъ и здоровъ!

А мы—госпепринимство наше

Другимъ усмалось, намъ лишь прудъ!

Мы не по сердцу просимъ къ чашъ;

Насъ—по связямъ однимъ зовутъ!

Мы входимъ—издали поклономъ

Хозяйку, молча, оплечимъ;

Потомъ въ толпу, иль за бокономъ

Уединенно просидимъ!

Хозянъ шутъ ли—и не знаемъ!

Онъ сполькожь думаешь о насъ!

Лакеи угощаютъ чаемъ

И прохладительными васъ!

Украдкой шляпу взявъ, пихонько,

Хоть не удержаны пикѣмъ,

Мы пробираемся легонько,

Не распросишь; а между тѣмъ

Все идешь спройно, какъ машина,

Какъ у него, такъ и у всѣхъ;

Всѣ такъ прекрасно, какъ картина;

Но пѣтъ души въ фигурахъ тѣхъ!

Всѣ ихъ движенья—одинаки,

Всѣ ихъ слова—однѣ слова,

Всѣ ихъ рассказы—слышалъ всякій,

Всѣ наизусть, какъ дважды два!

Мы въ полночь пляшемъ по паркету;

За ужинъ сядемъ, упомясь;

Жуемъ безъ вкуса; дома къ свѣту;

Вспаемъ къ полднямъ, не освѣжась!

Конечно, нравы измѣнились

Уже теперь и въ деревняхъ:

Тѣ угощенья—прекратились

И нѣтъ охотничьихъ вапагъ;

Но всё—тамъ ближе мы къ намуръ!

Условій меньше и хлопотъ!

Невинный вкусъ къ липерамуръ

Тамъ не торговый оборотъ!
 Тамъ ждуть журналовъ съ непергнѣемъ:
 Ихъ новостъ—тамъ лишь и нова!
 Стихи читають съ наслажденьемъ
 И помнятъ чувства, не слова!
 Тамъ хоть и въ прозѣ перескажутъ
 Вамъ смыслъ *знакомыхъ* эпиграммъ;
 Но злобно пальцемъ не укажутъ
 И не вмѣнятъ въ вину ихъ вамъ!
 Не располкуешь криво злоба
 Папріотическій вашъ стихъ;
 Нѣтъ членовъ Англійскаго клуба!
 Порывъ усердья—очень стихъ!
 Еще романы возбуждаютъ
 Тамъ всё учась свѣжихъ чувствъ;
 О *Вальтеръ-Скоттъ* разсуждаютъ
 Тамъ не по правиламъ искусствъ,
 И огласился ли пѣснникъ
 На лиръ опзывомъ души —
 Со вздохомъ сельская богиня
 Прочтешь элегію въ пиши
 И, покрасивши, въ думъ спросишь,
 Помыслишь молча въ пишинѣ:
 «Ахъ, еслибъ онъ, *поэтъ несчастной*,
 Такъ написалъ сѣ ко мнѣ!..»
 За чѣмъ деревню я оставилъ!
 Я такъ спокойно бы въ ней жилъ!
 Я здѣсь чужихъ не принялъ правилъ,
 Но ошъ своихъ ужъ опшупилъ!
 Мнѣ деревенскаго сосѣда
 Конечно чуждъ бы былъ языкъ;
 Скучна объ озимяхъ бесѣда:
 Ошъ ней я нѣсколько опвыкъ!
 Мнѣ скучнобъ съ бабушекъ до внучекъ
 Всѣхъ именины зашвердиль:
 Тоска—для цѣлованья ручекъ
 Ихъ фруншь, прѣхавъ, обходишь;
 Довольно грустно—съ ополченнымъ
 О *Бонапартъ* полкованъ
 И грустно съ видомъ восхищеннымъ
 Полушампанскимъ поздравляшь!
 Но мысль, что дома—я ужъ дома,
 Что я за крышу—не плачу,
 Людей мнѣ прихосъ незнакома
 И что законъ мой: я хочу!

Но мысль, что мнѣ не помѣшаетъ
 Въ бесѣдѣ съ книгой ужъ ничто,
 Что ни судьба не достигаетъ,
 Ни свѣтской взоръ пуда, ничто;
 Но борзый конь, но шумъ дубравы,
 Прогулка вольная съ семьей
 И громкій опзывъ Русской славы,
 Вдали споль чистой и проспой...
 О! Муза вѣрнобъ поспила
 Меня въ безвѣспной пошъ глуши,
 И, можетъ бытъ бы, говорила
 Со мною чаще ошъ души!

М. Н. А.

ЛОГОГРИФЪ - АНАГРАММА.

Въ ночь, въ пучу и въ шуманный день
 Я гуще, чѣмъ густая пѣнь;
 Перебѣдай меня—и мною называюсь
 Начнушь *Аврелій, Брутъ, Катонъ,*
Антоній, Цицеронъ;
 Какъ хвоспъ къ симъ Римлянамъ умью привязаться!
 Но, ахъ!
 Когда вы голову мою съ меня сорвѣте:
 То въ шинѣ вы меня и чѣрнаго найдѣте,
 И въ глубинѣ въ рѣкахъ.

LOGOGRIPHE.

A savoir comment je m'appelle
 Vous croyez ne rêver que par amusement;
 Lecteur, vous vous tromper: la circonstance est telle
 Qu'on peut dire qu'en me cherchant
 Vous aimez à chercher querelle.
 Quoi qu'il en soit, vous n'avez qu'à choisir
 Dans l'alphabet six lettres différentes,
 Les bien ranger suivant votre loisir,
 Et vous verrez les espèces suivantes
 Dans l'analyse de mon nom.
 D'abord prenez un, trois, deux, quatre,
 Vous trouverez un animal velu
 Dont l'entre-cuir sert au besoin d'emplâtre
 Pour couvrir à la hâte un pigeonneau dodu
 Avec deux, trois, six, cinq, vous pourrez à madame
 De la plus belle fleur présenter un bouquet.
 Quatre, trois, deux, ou six vous feront voir au net
 Le vivant étui de notre âme.

Quatre, trois, deux; six, cinq nous montrent le terroir
 D'un peuple révolté contre sa république.
 Ce mot trouvé, ferez de cette arithmétique
 Les deux nombres derniers; les restans vous
 font voir

Un instrument qui n'est pas de musique;
 Mais qu'un chasseur sait bien faire valoir.
 De lui, sans rien changer, renversant la médaille,
 Sortira le nom d'un grand saint,
 Et d'un même coup-d'œil, quand vous l'aurez atteint,
 Vous trouverez de quoi bâtir une muraille,
 S'entend pour la matière; et, s'il faut vous aider
 En ce qui touche la dépense,
 Deux et trois renversés fourniront la finance.
 Qu'avez-vous plus à demander?
 Ce qui reste à chercher n'est pas de conséquence!
 Il faut pourtant un de mes ornemens:
 Trois et six vous font la substance
 De ce qu'en un repas on réserve aux absens.

Въ No 48-мъ, помѣщенный логотипъ значить: *Grenadier*, въ коемъ заключаются: *Ange, Eden, nègre, Diane, ride, nid, air, rade, neige, Ida, geai, âne, grenade* и *gare*.

M O D E S.

Pour les toilettes habillées, ou de promenade en voiture, les chapeaux bien évasés sont bien portés; habituellement on les orne de plumes, Les cottages ou les capotes sont pour toilette négligée ou promenade du matin, ceux qui n'ont pas simplement quelques nœuds de rubans, portent une branche de *lierre* ou autres feuillages. En soirée et au spectacle, les bonnets sont toujours en vogue; on en voit dont le devant forme turban au-dessus du front. Nous en avons vu un à *la Norma*. Le devant était formé d'une guirlande, faisant la pointe au-dessus du front. Les fleurs étaient de fantaisie, mais on pourrait les désigner sous le nom de *mauves* simples. Des barbes d'épis étaient mêlées à ces fleurs. Ce bonnet n'avait pas de fond, et laissait voir la coiffure en cheveux. Le tour de tête qui ne descendait pas sous le menton était orné de blanches et de rubans de satin blanc. Deux barbes de blonde partaient du milieu du bonnet par derrière et tombaient très bas dans le dos.

Sous presque tous les chapeaux, outre la quantité de fleurs que l'on y place, beaucoup de femmes portent un tulle bordé d'une petite blonde et appliqué un peu au-dessus du front en guise de bandeau. Il est des visages auxquels cette mode sied très bien, surtout avec les cheveux plats. C'est toujours une très jolie chose que ces médaillons en mosaïque, en camées ou émaillés que l'on voit aux fichus ou sur les rubans de cou des femmes les plus élégantes.

Pl. No 18. Blouse de lasting.—Pantalon de casimir à côtes et casquette de paille doublée de velours.—Gilet de drap; pantalon de coutil casquette en crin.—Redingote de drap; pantalon de satin de coton.

М О Д Ы.

Для паряда или для прогулки въ каретѣ, открытыя шляпки въ большомъ употребленіи; ихъ отдѣлываютъ обыкновенно перьями. Шляпки на косточкахъ, или капопы, надеваются за-просто или для ушренныхъ прогулокъ; къ тѣмъ, которыя отдѣланы не просто лентами, прикалывается вѣтка плюща или другой зелени. Для вечеровъ и спектаклей чепчики продолжаютъ быть въ большомъ употребленіи, иныя имѣютъ видъ шорбана спереди. Мы видѣли чепчикъ à *la Norma*. Перѣдъ сдѣланъ былъ изъ гирлянды, составившей мысокъ надъ лбомъ. Цвѣтны были вымышленныя, но можно ихъ назвать простымъ макомъ. Ось ось колосевъ подмѣшана была къ цвѣтамъ. Чепчикъ былъ безъ дна, и прическа была вся открыта. Кружокъ около головы не спускался къ подбородку и отдѣланъ былъ блондою и бѣлыми апласными лентами. Двѣ блондовыя лопоспи, начиная ось середины чепчика, сзади висѣли довольно низко по спиць.

Почти подъ всѣми шляпками, кромѣ множества цвѣтновъ, многія дамы носятъ шюль, обширный узенькой блондой и положенной надъ лбомъ въ видъ повязки. Если лица, къ которымъ это очень идетъ, особливо съ гладкими волосами. Медальоны съ мозаикой, анпиками или эмалью, которыя видны на косыночкахъ или на лентахъ около шеи щеголеватѣйшихъ дамъ, всегда красивы.

Карп. No 18. Блуза. — Казимировыя панталоны. — Суконный жилетъ. — Панталоны изъ волосной машеріи. — Реденготъ суконный. — Панталоны изъ шерстянова апласа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 51.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 24 дня 1836 года.

Не липочка кудрявая
Кольшется въпрокъ,
Не рѣченька глубокая
Кипитъ въ непогодѣ,
Не бѣдалъ ковыль-права
Волнуется въ полѣ:
Волнуется ретивое,
Кипитъ, кипитъ сердце.

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БУКЕТЪ ЛАНДЫШЕЙ.

(Восточная повесть.)

Въ садахъ нашихъ показался подснежникъ, начинаетъ благоухать ранняя фиалка, и скоро зацвѣтутъ нарцисы и гяцинты; словомъ, весна согнала съ полей мрачную зиму съ ея мяселями, рѣзкимъ холодомъ и длинными вечерами; но, не смотря на то, всё еще бывають по временамъ ненастные дни и темныя ночи; всё еще въ домахъ нашихъ попишя гостепріимный каминъ; съ осьми часовъ до полуночи горитъ привѣтная лампа, которая недавно замѣняла намъ лучи солнца, и мы, при свѣтѣ ея, слышимъ досказывать зимнія сказки, или дочитывать тѣ прелестныя произведенія Востока, которые *Галланъ* такъ вѣрно и краснорѣчиво передалъ Европейской словесности.—Вотъ къ спати повесть о цвѣтахъ, доставленная мнѣ

однимъ изъ моихъ пріятелей и, вѣроятно, переведенная имъ съ Персидскаго или Арабскаго языка.

Извѣстно, что искусство возвращаетъ жизнь цвѣтамъ, извлекая изъ ароматовъ ихъ разные благовонные составы и съ удивительною точностію изображая иглою или кистію не только форму, но и самыя нѣжныя опшѣнки ихъ. Но всё это ничто въ сравненіи съ употребленіемъ, въ которое посвящены они въ Перси и Турціи. Геній Востока, эпаго опечесства и розъ и соловьевъ и первобытной поэзіи, создалъ изъ цвѣтотъ какой-то таинственный языкъ, цвѣтущій, разнообразный, какъ они, и передалъ его другимъ *цвѣтамъ* природы (*), прелестнымъ заповорникамъ гаремовъ, эскимъ изнѣженнымъ, роскошнымъ одаликамъ, которые проводятъ цѣлыя дни въ составленіи *селаловъ*, или

(* На Персидскомъ языкѣ одно слово—значитъ *цвѣтокъ* и женщина.

краснорѣчивыхъ букетовъ своихъ. Каждый букетъ есть живая драма любви, — письмо, дышущее свѣжестью, ароматами, поэзіею. Оно изъясняетъ муки или блаженство пламенной спраспи, и, переходя изъ руки въ руку, превозитъ или упоетъ сердце юного любовника. И такъ, можно сказать, что въ этихъ волшебныхъ спранахъ цвѣты имѣютъ испинно очаровательную силу.

Въ одномъ изъ небольшихъ городовъ Аравіи жилъ когда-то опасной бѣднѣйшій воинъ. Онъ женился на женщинѣ, прекрасной какъ небо, подъ которымъ родилась она, и любилъ её до безумія; такая любовь неразлучна съ ревностью. *Габибъ*, спрашась каждую минуточку невѣрности жены своей, не могъ рѣшиться ославить городка, въ которомъ жилъ, и иппи служить какому нибудь эмиру сосѣднихъ областей.

Феристега, добродѣтельная и скромная жена его, огорчалась такою оскорбительною недовѣрчивостію и всѣми средствами спаралась побѣдить её, но тщетно; *Габибъ* не имѣлъ той вѣры сердца, которая извѣстна только душамъ возвышеннымъ.

Феристега добывала хлѣбъ трудами рукъ своихъ; она, съ удивительнымъ искусствомъ, вышивала шелками цвѣты по каймѣ и апласу и подражала имъ съ натуре. Однажды, когда она смотрѣла на образцы свои, гений цвѣтовъ, сжалась надъ ея горестію, внушилъ ей способъ выражать мысли свои посредствомъ этихъ прелестныхъ твореній природы — и *Феристега* вдругъ угадала пайну каждаго цвѣтка, смыслъ каждой оппѣнки, и, прибирая ихъ одну къ другой, создала себѣ языкъ новый, прелестный и полный жизни. Она имѣла надъ *Габибомъ* такую власть, которую умъ и оппичныя качества души даютъ намъ надъ другими, часпо вопреки ихъ самимъ. — Благодаря ея наспойчивости, *Габибъ* рѣшился, наконецъ, иппи служить къ эмиру *Бенъ-Амару*, чтобы доставить ей и себѣ приличное содержаніе.

Прощаясь съ нимъ, она подала ему букетъ ландышей, на которомъ блестѣли еще капли упренней росы, вмѣстѣ съ горячею сле-

зою вѣрной супруги. — *Габибъ*, — сказала она: возьми эти цвѣты съ собою, и смотри на нихъ безпрестанно; свѣжестъ ихъ и благоуханіе будутъ тебѣ порукою за любовь мою; когда же опъ увянутъ, тогда я позволю тебѣ обвинять меня въ невѣрности.

Габибъ взялъ букетъ, поцѣловалъ его, посмотрѣлъ приспально въ глаза *Феристеги*, потомъ обнялъ её, и побѣжалъ опрометью изъ дому. — Онъ чувствовалъ, что взглянувъ на неё еще разъ, онъ не имѣлъ бы силы расстаться съ нею.

Дорогою *Габибъ* безпрестанно глядѣлъ на букетъ свой, который не измѣнялся. Наконецъ достигъ онъ мѣста, гдѣ жилъ эмиръ, и скоро вступилъ въ должность. Букетъ ландышей сославлялъ все его сокровище — онъ спавилъ его на ночь въ воду у бѣднаго изголовья своего, чтобы глаза его, открываясь поутру, прежде всего встрѣчали эти прекрасные цвѣты, всегда свѣжіе, всегда благоухающіе. Днемъ носилъ онъ ихъ на груди своей, и однажды зимою, когда ландышъ давно опцвѣлъ въ садахъ и долинахъ, букетъ его такъ удивилъ эмира, что *Бенъ-Амаръ* остановилъ его и спросилъ, для чего онъ носилъ эти цвѣты — и гдѣ доставалъ ихъ въ такое время года. — Это даръ любви и залогъ вѣрности, данный мнѣ женою моею, — опвѣчалъ *Габибъ*. Прощаясь со мною, она вручила мнѣ этотъ неувядающій букетъ, какъ завѣщанный палисманъ, который я всегда долженъ носить съ собою. — Тутъ *Габибъ* улыбнулся, посмотрѣлъ на букетъ и, уронивъ на него радостную слезу, продолжалъ: О эмиръ! пока цвѣты эти свѣжи, пока нѣжный ароматъ ихъ услаждаетъ мое обоняніе, я не боюсь измѣны — и мысль *Феристеги* моей всегда и вездѣ со мною! —

Эмиръ коварно улыбнулся. «Это что-то подозрительно, дружокъ,» опвѣчалъ онъ. «Не колдунья ли пвоя *Феристега*, и не обманываетъ ли она тебя какимъ нибудь чародѣйствомъ?»

Съ эмиромъ случились на ту пору двое молодыхъ распоропныхъ невольниковъ. Онъ велѣлъ имъ тотчасъ иппи въ городъ, гдѣ

жила *Феристега*, и приказалъ одному изъ нихъ, по имени *Ганаму*, свеспи любовную связь съ женою *Габуба*—и пошчасъ увидомишь его объ успѣхъ.

Посланные прѣхали—подкупили спаруху, которая знала весь городъ, и взялась сказать *Феристегу*, что какой-то иноспранецъ видѣлъ её, влюбился въ неё спрасптно, и просишь назначить ему свиданіе.

—Приведи его, — отвѣчала *Феристега*, — я посмопрю на него и скажу: можетъ ли онъ мнѣ нравиться. —

Ганамъ явился съ поварищемъ; *Феристега* подошла и шепнула ему на ухо: «скажи спарухѣ, что я не люблю тебя; на эписхъ спарухъ полагаешь опасно—онъ не умѣюшь хранишь тайны. Но послѣ того, приходи сюда съ другомъ твоимъ.»

Возлѣ дому *Феристеги* былъ высохшій колодезь; она положила на опверспіе его доску, покрыла мягкимъ ковромъ, и посадила на неё госпей своихъ; но лишь полько они пошевелились, доска оборвалась—и *Ганамъ* съ поварищемъ упали въ глубокую яму. Можно вообразить себѣ ярость ихъ и опчаяніе; они кричали, проклинали *Феристегу*, умоляли её о помощи,—но она, не внимая ни угрозамъ, ни жалобамъ ихъ, полько смѣялась опъ всего сердца.

Между тѣмъ эмиръ, не имѣя никакого извѣспія о любимыхъ своихъ невольникахъ, началъ беспокоиться, и наконецъ рѣшился, подѣ видомъ охоты, уѣхать тихонько изъ столицы своей, и опсправиться на родину *Габуба*, взявъ съ собою одного его. *Габубъ* былъ внѣ себя опъ радости.

Лишь полько сошли они съ лошадей, онъ, оставя эмира, побѣжалъ обнять милую свою *Феристегу*, и опдалъ ей букетъ, прекрасный и свѣжій, какъ въ день разлуки ихъ. *Феристега* рассказала ему все, что произошло въ его опспутствіе.

На другой день *Габубъ* позвалъ эмира къ себѣ, и принялъ его съ великою почестью. Попомъ выпасилъ изъ ямы двухъ невольниковъ и, обѣщая имъ свободу, сказалъ: Я

освобождаю васъ съ однимъ условіемъ: я не имѣю рабовъ, и попому вы должны сегодня служить у меня за споломъ знапному господину, который удоспомлъ меня своимъ посѣщеніемъ; но какъ въ домъ моемъ нѣтъ мужскаго платья для служителей, то я одѣну васъ въ женское, и вы явитесь въ видѣ невольницъ *Феристеги*.

Во время обѣда, эмиръ спросилъ у хозяйна своего: кто были эпис невольницы и за какую вину обрили имъ головы? —

«О! вина ихъ велика!» отвѣчалъ *Габубъ*: «допроси ихъ самъ, опъ всё тебе расскажутъ.»

Невольники, проведя нѣсколько дней въ сырой ямѣ, гдѣ пипались однимъ хлѣбомъ и водою, пакъ исхудали и перемѣнились, что эмиръ не узналъ ихъ даже по голосу.

Наконецъ, они упали на колѣна, и *Ганамъ* провозгласилъ добродѣтель и супружескую вѣрность *Феристеги*.

Въ это время *Феристега*, которая спояла за занавѣской, вышла на средину комнапы и сказала съ благородною гордостью:

«Не ужьли и теперь, эмиръ, скажешь пы мужу моему, что я обманываю его; не ужьли захочешь еще продолжашъ надъ нимъ жестокую свою шутку и опнять у него единственное сокровище, которое онъ имѣетъ въ мѣрѣ: любовь и довѣренность къ женѣ своей?»

Эмиръ смѣшался, и чптобы загладить вину свою, осыпалъ супруговъ деньгами и подарками. *Габубъ*, разбогатѣвъ, оспался дома и никогда уже не распавался съ *Феристегой*; она была въ глазахъ его выше смерпныхъ, и взаимная любовь ихъ въ спароспи сдѣлалась еще нѣжнѣе прежняго.—Часпо *Габубъ* разсуждалъ о будущей жизни, и, смотря на *Феристегу*, говорилъ, что не можетъ достигнуть вѣчнаго блаженспва, если она не будетъ раздѣлять его. — Небо услышало ихъ молишву—и *Габубъ* не пережилъ супруги: онъ умеръ въ одинъ часъ съ нею.

ВЪ ОДНОМЪ АНГЛІЙСКОМЪ ЖУРНАЛѢ ИСЧИСЛЕННЫ САМОУБИЙСТВА ВЪ ЛОНДОНѢ СЪ 1770 ПО 1830 ГОДЪ, И ОБЪЯСНЕННЫ ПРИЧИНЫ ИХЪ.

	Муш.	Жен.
Бѣдность	905.	511.
Домашнія неудовольствія . .	728.	524.
Разореніе	322.	283.
Пьянство и дурное поведеніе	287.	209.
Спрасъ къ игрѣ	155.	141.
Безчестіе, клевета	125.	95.
Обманутое честолюбіе . . .	128.	410.
Любовныя огорченія	97.	156.
Зависть, ревность	94.	53.
Оскорбленное самолюбіе . . .	53.	53.
Раскаяніе	49.	36.
Фанатизмъ	16.	1.
Ненависть къ людямъ	3.	3.
Неизвѣстныя причины . . .	1381.	377.

4343. 2852.

И того въ 60 лѣтъ 7,195 самоубійствъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

79.

Нѣкто *В. М. С.* въ одномъ журналѣ разбрана въ пухъ манеры писати крипическія разборы *Библиотеки для Чтенія*, открывъ Публикѣ, что ему не нравятся рецензіи *Московского Наблюдателя*, сдѣлавъ замѣчаніе *Сыну Отечества* за то, что онъ въ прошломъ 1855 мѣ году совсѣмъ почти не занимался оцѣнкою вновь выходившихъ книгъ, опозвавшись съ презрѣніемъ о краткихъ библиографическихъ статейкахъ, помѣщаемыхъ въ фельетонѣ *Русскаго Инвалида*, съ пренебреженіемъ о *Замѣткахъ*, кои попадались ему въ *Лит. Прибавленіяхъ* къ *Инвалиду*, въ *Молвь* и *Телескопѣ*, указываетъ намъ на коропенькіе, ничтожныя опъзывы о новыхъ книгахъ *Журнала Общепольныхъ Свѣдѣній*, какъ на образцы, которымъ мы подражать обязаны.

«Здѣсь крипика начертала себѣ свой кругъ,» восклицаетъ *В. М. С.*: «заклѣчила

въ него только однѣ общепольныя книги и добросовѣстно исполняетъ свое дѣло. Ежемѣсячно раздается при этомъ журналѣ *крипическій листокъ*, въ которомъ сообщаются краткія, но дѣльныя замѣчанія на книги, вышедшія въ печеніе мѣсяца. Знаніе дѣла, искреннее желаніе высавитъ хорошую спорону книги, неприпворное уваженіе къ прудящимся, умѣренность въ выраженіяхъ, снисхожденіе къ ошибкамъ, учпивые намѣки на необходимыя исправленія, все это заставляетъ насъ думать, что если бы размѣръ крипического листка *Журнала Общепольныхъ Свѣдѣній* былъ пообширише, по мы могли бы указать на его рецензіи въ примѣръ неумѣреннымъ нашимъ крипикамъ.»

Я долго ломалъ голову, желая опгадать, какая бы причина могла заставитъ господина *В. М. С.* съ такимъ родспвеннымъ приспрасіемъ расхваливать вышепомянутыя статьи? Ежели хотѣлось ему дѣйспвительно приспудитъ нынѣшнихъ журнальныхъ оцѣнщиковъ, и указать на примѣры, достойныя подражанія: по лучше бы всего назвапо книжныя разборы *Карамзина* и *Жуковскаго*, въ *Вѣстникѣ Европы*, *Погодина* въ *Моск. Вѣстникѣ*; *Шевырева* въ *Ученыхъ запискахъ Моск. Университета*, его и *Павлицева* въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, *Греча* въ *Свѣ. Пчелѣ* (*).

Недавно, какъ-то совсѣмъ нечаянно, открылось, что эти хвалимые, эти, за образецъ намъ высавляемые, книжныя разборы—сочиняетъ самъ *В. М. С.*!!! Такъ вопъ что!

А. Кораблинскій.

Апрѣля 26,
1856.

Мыза Эддисеръ.

(*) Я говорю въ особеннспи о тѣхъ рецензіяхъ, въ конхъ онъ удичаетъ Крипика *Б. для Чт.* въ кривыхъ его толкахъ, ошибкахъ противъ Русскаго языка, насильспвенномъ порабощеніи его Польской граматикѣ и синтаксису, гоненіи на дисператоровъ, пишущихъ о *Востокѣ*.—*К.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В О Л Х В Ъ.

Я одолѣлъ души суровое волненье,
Я спрахн превозмогъ, и, новый Одиссей,
Безспрашно психодимъ до области тѣней,
И вопрошашъ дерзалъ о жизни разрушенъ!
Я возмущалъ, какъ духъ, спокойствіе гробовъ,
И жадно взоръ стремилъ въ таинственный покровъ,
Который раздѣлимъ земное съ замогильнымъ.
Я съ шрупомъ говорилъ: для свѣта опочивъ,
Онъ былъ еще со мной, какъ другъ, краснорѣ-
чивъ,
И душу мнѣ проникъ своимъ завѣтомъ дивнымъ.
Я вопрошалъ свѣтъ дня, и грозный мракъ
ночей,
Полѣтъ ревущихъ бурь, и острія мечей,
И тихій сельскій кровъ, и слѣдъ опустошеній,
Развалины градовъ, священный гласъ могилъ,
Гдѣ, въ соприсутствіи однихъ безплошныхъ
силъ,
Я тѣни вызывалъ минувшихъ поколѣній.
Я мыслью возмелалъ въ заоблачный чертогъ,
И все вѣщало мнѣ: есть вѣчность, правда, Богъ.

Мызниковъ.

1831-го года.

Витебскъ.

ШАРАДА - АНАГРАММА.

Мой *первый* слогъ—союзъ соединенья;
Второй—вы можете пропѣть,
За тѣмъ, что между ношъ имѣетъ честь сидѣть.
И *цѣлая*—предметъ сидѣнья.
Переимѣйше же меня,
И стихотворицей поитчасъ явлюся я;
Нещасною въ любви, въ поэзіи щасливой.
Въ волнахъ я кончила свой жалкій вѣкъ, поск-
ливой.

Въ N№ 49 и 50-мъ помѣщенныхъ значаніе: догоришь-ана-
грамма *Мракъ, Миркъ, ракъ*, догоришь *Procesъ*, въ коемъ
заключается: *roge, rose, corps, Corse, cor, roc, or и os.*

К Р И Т И К А.

Взглядъ на статью: Воспоминанія о Каспѣ.

Въ одномъ весьма хорошемъ журналѣ (№ 15, 1836) помѣщена статья, подъ заглавіемъ: *Воспоминанія о Каспѣ*. Статья эта писана морякомъ, который въ исходѣ Сентября шелъ на буеняхъ изъ Свеаборга въ Петербургъ, и, подъ вліяніемъ сырой погоды, получивъ расположеніе познакомиться свѣтъ съ *рѣвными воспоминаніями*, приглашаетъ *господъ читателей*, если они найдутся, съ нимъ внизъ, въ каютъ-кампанію, гдѣ, по словамъ его, *иногда происходятъ интересные вещи.* (?)

На Руси какъ не быть читателямъ!

Очарованные картинами морей, и вообще морскими сценами, которые такъ живописно, такъ краснорѣчиво обрисованы въ волшебныхъ очеркахъ *Объ удовольствіяхъ на морѣ* (*), и въ неподражаемыхъ статьяхъ, каковы: лейтенантъ *Блужоръ*, фрегатъ *Надежда* (**), и п. п.,—мы съ удовольствіемъ послѣдовали въ каютъ-кампанію за авторомъ воспоминаній о Каспѣ. Эпопѣя *Каспѣ* въ особенности не чужда намъ, жителямъ береговъ его.

Но намъ хотѣлось бы помѣшкаться еще на шканцахъ, къ которымъ авторъ приковалъ воображеніе наше. Тамъ въ *густой мглѣ* *мылась новорожденная луна*; *вътеръ издыхалъ въ послѣднихъ дуновеніяхъ туманъ*, *садясь на паруса, капалъ каплями.* *Матросы, въ парусинныхъ тулупахъ, пристыли, задумавшись о береговой службѣ.* *Мигманъ кормилъ ружнаго барана, напѣвая ему что-то изъ Цалпы.* *Лейтенантъ, въ шинели безъ воротника, и въ резинковыхъ колѣшакъ, ходилъ по мокрой палубѣ.* Какъ я прекрасная картина во вкусѣ Фламандской школы!—Авторъ, который, какъ намъ кажется, и въ своемъ описаніи шелъ тоже *на-буеняхъ*, пропивъ вкуса и логики, говоритъ, что тогда *все носило отпечатокъ того-то пасмурнаго, скучнаго, какъ время въ исходѣ Сентября Пушкина поэмы графъ Нулинъ.*

(*) Полярная Звѣзда 1824 г. стр. 203.

(**) И въ Морскихъ сценахъ и Сценахъ на морѣ Н. П. Давыдова. Въ нихъ много прекраснаго.—В.

Въ каюшѣ, куда спустились мы съ авпоромъ, офицеры докуривали послѣднюю трубку табаку *Жукова*. Тамъ, между нѣкими гг. ревизоромъ и *Зорскимъ*, завязался разговорецъ. Предметомъ эшаго разговорца были *Аспрахань* и служба. На вопросъ ревизора, хорошо ли въ *Аспрахани*? *Зорскій* (которому принадлежалъ настоящія воспоминанія), отвѣчалъ весьма благоразумно, что кто хороше, тому вездѣ хорошо.—Къ этому г. *Зорскій* (имѣющій опъ роду 27 лѣтъ), присовокупилъ, что онъ жилъ въ *Аспрахани* 8 лѣтъ и проживя все, чувствуетъ, что она ему надохла, и даже потерялъ въ ней многое, при отъѣздѣ не могъ оставить безъ нѣкотораго сожалѣнїя. Каковы обрашки изящной прозы? На второй пунктъ вопросовъ: Какова въ *Аспрахани* служба? *Зорскій* отвѣтствовалъ также основательно: служба вездѣ служба. Конечно здѣсь флотъ приведенъ къ конегному совершенству; но и шамъ (ш. е. въ *Аспрахани*) было время, не говорю, что оно есть; но увѣренъ, что опять наступитъ, когда можно молодому офицеру познакомиться съ моремъ, съ бурями, и окръпнуть духомъ для дальнѣйшаго образованїя. Каково, господа?

Тутъ вмѣшался въ разговорецъ старшій лейтенантъ (не видно, пошъ ли, что въ шинели безъ вѣрошника, или другой?): Полно, *Аспраханецъ*, хвалитъ свой *Каспій*; гдѣ тамъ себя приготовить, таскаеъ по меллямъ.

Зорскій, каженся, только эшаго и ожидалъ, чтобы разрѣшился краснорѣчїемъ: — Дно *Каспїа*, — возразилъ онъ, также не измѣрено, какъ верхи Кавказа; необузданно, какъ прибрежные жители *Терека*; роскошно, какъ юнїя дѣвы *Грузїи* и *Персїи*. Ну ужъ чудное дно! роскошное, необузданное, — да такихъ чудесъ нѣтъ и въ походеи *Францилѣ Венеціана*. Не хвалитесь, г. *Наваринецъ* (вопъ видите, лейтенантъ былъ и подъ *Навариномъ*) — своими красавицами *Италїи* (о которыхъ, замѣшимъ мимоходомъ, не было и рѣчи), *Азіатское* небо жарче (жарче *Ипалїанскихъ* красавицъ? э?); страсти раздражительнѣе (?); дѣвственнѣя (?) волны *Каспїа*, возмущеннѣя нагорными бурями, обрушатся, сомутъ, сдавятъ своими объятїями странника, какъ ревнивая под-

руга въ гашъ примиренїя. Bravo! да эшо ужъ изъ рукъ вонъ!!!

Послѣэшаго возгласа, старшій лейтенантъ, разумѣется, не могъ больше спорить съ *Зорскимъ* о такихъ диковинныхъ вещахъ, и обратился опять къ мореходству на *Каспїи*. Не мудрено, продолжалъ онъ; какїа ваши суда? Плоскодонные ящїки, въ какихъ у насъ вывозятъ соръ изъ гавани.

Мы же напротивъ, гаше (поздравляемъ!) возили прекрасный полъ въ *Персїю* и обратно,— сказалъ *Зорскій*.

А тамъ много женщинъ? подхватилъ прехъ годовалый мичманъ. (*Мичманъ* 3-й годъ, авпора).

Зорскій на эшопъ разъ по видимому не хощлъ распроспраняться о женщинахъ, и обратился къ морскому разговору, вызвалъ знакомить поварищей, не съ военными судами, но съ управленїемъ купеческаго, на которомъ онъ служилъ первую его кампанїю въ 1827 году, когда былъ еще только годовалымъ мичманомъ-командиромъ. Вызовъ принялъ, и *Зорскій*, помѣспяся на *отоманъ* (?) подъ зеркаломъ, по *Персидскому* обыкновенїю, ножки калагикомъ, облокотясь на свой огромный гершневый губукъ, пуспился въ рассказы.

Согласно желанїю авпора, слушаемъ его и мы, удѣливъ на эшо послѣднїя минуны досуга, оспающїяся намъ опъ заняшїи по службѣ. Въ лицѣ *Зорскаго* онъ, авпоръ, по благосклонности своей, знакомитъ насъ съ причинами, заспавившими его служить въ *Аспрахани*. Дѣло соспоитъ въ томъ, что ему проѣздомъ сюда вздумалось побывасть въ *Пензѣ*, сколько эшо можно поняшь изъ слѣдующихъ словъ его: при выпускѣ изъ корпуса, просился въ отпускъ; объявлено, что нововыпущенныхъ первый годъ не отпускаютъ; къ нещастїю, въ корпусъ учили меня географїи: гшобъ быть въ *Пензѣ*, я написалъ въ *Аспрахань*.

18-пи лѣтъ довольно выровнявшись, дѣвственникъ, прибылъ онъ домой, въ *Пензу*. Здѣсь какъ-то прицпани-лѣпнїя барышня, приняла на себя трудъ танцовасть съ нимъ котильонъ; но не добилась толку. Въ *Пензѣ* бѣгавши жен-

щипъ, какъ огня, е. *Зорскій* явился однакожь въ Астрахань уже нѣсколько ограниченнѣе (?) и съ профеями, именно: съ булавожкою со сватьбы *Х.*, и съ бантикомъ отъ башмака *П.* Всѣ эти булавочныя подробности въ пѣсной связи съ воспоминаніями о Каспіи, ибо сказанная булавожка и бантикъ сопровождали автора въ первомъ его походѣ по Каспійскому морю на купеческомъ кораблѣ *Марія*, въ 1827 году, когда онъ авторъ былъ мичманъ и командиръ (спр. 9).

Простоявъ битыхъ два часа предъ окномъ *В.*, которая пѣла бывшій погда въ модѣ романсъ:

*Проводила милаго
Во края далекия,*

Съ припѣвомъ:

*Калина, калина, калинушка мол,
и такъ далгее;*

герой разсказа, не смотря на то, что влюбленъ былъ какъ кошка, опіправился наконецъ въ барказъ къ кораблю *Марія*, находившемуся уже внѣ Астрахани. Съ нимъ былъ дядька *Сергей*, (изволише видѣти, у него былъ и дядька!) Дядька эпомъ, переселившійся уже въ вѣчность, вполне заслуживаетъ, чтобы память объ немъ, посредствомъ журнала, жила въ потомствѣ. Онъ обладалъ большими талантами и состоялъ во многихъ должностяхъ. *Полню, бывало* (съ чувствомъ говорить благодарный *Зорскій*), какъ онъ въ деревнѣ спрыгъ меня съ брапомъ, потомъ овецъ, потомъ шилъ платье сестрамъ, потомъ угиль грамотъ комнатныхъ мальгиковъ. *Сергей* золотой былъ человекъ! Скажемъ и мы: миръ праху лвоему, незабвенный *Сергей*!

Проѣхавъ около 30-ти верстъ по Волжскимъ пропокамъ, *Зорскій* наспигъ *Марію*. Видъ эпаго корабля, по здѣшнему сказать, шкоута, сдѣлалъ спранные впечатлѣніе на мичмана-командира. *Мнѣ защемило сердце*, говоритъ онъ; *вса кровь хлынула мнѣ въ голову; кажется я покраснѣлъ.*

Описаніе шкоута, описаніе его, вооруженія и проч. вполне можетъ удовлетворитъ

любопытству мореплавателя. *Г. Зорскій*, который такъ скоро проспился съ самыми первыми уроками грамапики, доселѣ сохраняетъ въ своей щасливой памяти всѣ самональшія подробности о шкоутѣ. Между прочимъ, онъ описалъ лѣпы и примѣты лоцмана и кашевара; не забылъ званій ихъ и каждаго изъ музуровъ (рабочихъ людей, служащихъ вмѣсто мапрасовъ); замѣнилъ какого цвѣта были на лоцманѣ шаровары; чѣмъ подбиты полы халапа: весьма, весьма импересно. Особенно заняла его будогка на льволи борту съ острокозною кровелькой, на дверяхъ коей во весь ростъ написанъ былъ *Шахъ* съ метлой, — метла указала ему (автору) значеніе листа. (И это печатаютъ, и печатаютъ въ порядочномъ журналѣ!!! Это бы поберечь для барона *Брайбеуса*; *Зильтитъ все это*, говоритъ авторъ (спр. 13.), было дѣйствіе одного наблюдательнаго *Морскаго* взгляда.

Отдавая справедливостъ эпимъ *Морскимъ* взглядамъ автора, который, мимоходомъ сказать, слишкомъ долго созерцалъ вовсе не занимательную живопись, украшавшую корму шкоута и каюту, — мы, при всѣмъ уваженіи къ десяти-лѣтней давности воспоминаній его о Каспій сомнѣваемся, — чтобы лоцманъ *Александръ Михайловъ*, илюющій голубые глаза, и спарикъ *Антипъ*, съ прищуренными герными глазками, говорили погда такимъ языкомъ, который влагается въ уста нѣкоторыхъ лицамъ историческихъ романовъ нашихъ. Мудрено, чтобы нынѣшній Астраханскій мѣщанинъ сказалъ 18-ти лѣтнему мичману, какъ бы эпошъ ограниченъ ни былъ: *Государь, баринъ, ваше высокоблагородіе, и прог. и прог.* — Ужь плушь *Антипъ* съ *Михайловымъ* не подшучивали ли надъ бариномъ? (спр. 15). Не вѣроятію кажется и то, чтобы изъ 12-ти человекъ рабочихъ музуровъ, въ числѣ коихъ были: Калмыкъ, Армянинъ, Татаринъ, верховый бурлакъ, однодворецъ, мѣщанинъ и чиновникъ 14-го класса, никто не употреблялъ ржаного хлѣба. Не относился ли развѣ это къ доспальнымъ пяти человекамъ Музуръ, о родоприсхожденіи которыхъ ничего авторомъ не сказано, и которые, можетъ быть, подлинно принадлежали

къ какому либо поколѣнію людей, не употребляющихъ ржаного хлѣба?

Авторъ вопль какъ передаетъ это намъ: «Я отпустилъ баркасъ, написалъ рапортъ въ Комитетъ, и въ полдень Музуры обѣдали. Не безъ удивленія узналъ я, что они вообще не употребляютъ ржаного хлѣба; уха изъ стерлядей и жареная осетрина составляла простой ихъ обѣдъ; а такой столъ не будетъ ли здѣсь роскошью? Привезенный мною термометръ показывалъ 27°; штиль и крикъ въ камышъ фазана, заставили меня простоять остатокъ дня, и п. д. Что это? крикъ и штиль фазана, термометръ и обѣдъ Музуровъ, рапортъ въ Комитетъ и Богу въдушу что!!! Грѣхъ на швоей душѣ Сергей-золото. Не добру ты научилъ барина. Впрочемъ, можетъ спастись, если бы живъ былъ золотой Сергей, который спригъ автора съ прочими, и зналъ грамоту, тогда воспоминанія о Каспій были бы понятнѣе, а можетъ быть и изящнѣе.

Далѣе Музуры объяснили г. Зорскому, что съ закатомъ (?) такой лютый комаръ нападаетъ, что только и избавленія палатки (полога) и курѣво кизякомъ, и что даже скотъ страдаетъ отъ него (комара) грезвыгаино.

Мнѣ сказывали, продолжаетъ Зорскій (все свидѣн съ поджатыми калагикомъ ножками), будто одинъ казакъ Приволжскихъ станицъ привязалъ жену свою къ дереву и въ ночь была заведена комарами. Онъ отданъ былъ подъ судъ; говорятъ доказывалъ невѣрность жены, но невѣрности жены-казакки я не върю... Заправилъ жену комарами! какое варварство! До насъ однакожь это преданіе не доходило, и мы, вопреки убѣжденіямъ Зорскаго, скорѣе согласны допустить невѣрность казакки, потому что казачка женщина же, нежели въришь трагической смерти отъ комаровъ за невѣрность.

«Комары,» говоритъ авторъ, кусаются и досель, и такую производятъ музыку, какой я не слыхивалъ даже въ кошегель концертъ въ 1820 мѣ году, когда собиралась въ балаганы вся

публика Петербурга. Кому не доспадется отъ Зорскаго! И такъ Зорскій имѣлъ щастіе слышать и кошачій концертъ! Гармоническіе звуки обыкновенно внушаютъ чувства сильныя, возвышенныя. Завидный жребій Зорскаго: чего не наслушался отъ въ столицѣ? Правда, у насъ въ провинціи, въ извѣстныя времена, кошки поже даютъ серенады; но эти серенады не производятъ никакого эффекта.—И по сказать: что здѣсь за кошки!

Послѣ воспоминанія о кошегель концертъ, вошедшемъ въ составъ воспоминаній о Каспій, авторъ переноситъ воображеніе наше на взморье, къ урочищу, называемому Четырехъ-бугорный-Ямъ, и, угрожая окончаніемъ впродъ, прерываетъ свое повѣствованіе тако: чувствую, что тутъ (на морѣ) подкинуто все намъ, по силъ, воли, объту и братству съ моремъ нашего дѣтства и воспитанія. Прошу путь добиваться полку и не Пензенскимъ барышнямъ!

Повторимъ: вопль изящныя обрацики нашей Литературы!

Въ Библиотекъ для Чтенія за прошедшій Апрель (ч. 2, стр. 59) читаемъ мы укоризну вообще на разборъ журнальныхъ спашей. Тамъ между прочимъ сказано, что «это пустое ремесло, что жалко, прискорбно и даже стыдно смотрѣть на подобное употребленіе Русскихъ способностей и Русскаго пера! Далекое ли уѣдемъ мы впередъ, барахтаясь такимъ образомъ все на одномъ мѣснѣ пѣтъ запусыковъ.» И такъ, надобно безмолвно читать въ журналахъ всякую всячину! Какой горестный приговоръ для читающей Публики. Но далеко ли мы уѣдемъ, играя въ молчанки!... Терпѣніе добродѣтель, но не въ этомъ случаѣ.

Н. Н.—евъ.

10-ое Мая 1836 г.
Астрахань.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

N° 52.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 27-дня 1856 года.

Хоть глуповашь подь часъ Дамонъ,
Люблю я милаго собрата;
Невиновашь предъ свѣтомъ онъ—
Предъ нимъ природа виновата.

Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАШМАЧКИ.

Въ Крещенье, 6-го Января 1776 года, происходила довольно любопытная сцена на Французскомъ корабль *Геронъ*. Корабельные офицеры расхаживали на палубѣ, куря трубки и весело разговаривая между собою, какъ вдругъ изъ капитанской каюпы выбѣжалъ одинъ молодой шкиперъ, и, снявъ шляпу, закричалъ: господа, вопъ королева!

Офицеры удивились. Известно было, что *Марія-Антуанета* не выѣзжала изъ Версаля, и если бы на корабль случился Асмодей или какойнибудь ясновидящій Шотландецъ: то онъ сказалъ бы, что въ эту минушу Французская королева, прогнавъ опъ себя придворный эшкешъ, играла домашнюю комедію, въ уединенномъ уголку огромнаго Версальскаго замка; актеры и актрисы были выбраны ею—графъ *д'Артуа*, деверь ея, игралъ ролю любовника, а графъ *Прованскій* занималъ мѣсто суфлера. Они давали известную *Жанъ-Жакову* оперу *Деревенскій*

Колдунъ, и королева, представлявшая *Колетту*, пѣла любимую арію свою:

J'ai perdu mon serviteur,
J'ai perdu tout mon bonheur (*).

Увы! несчастная не знала тогда, какимъ ужаснымъ пророчесствомъ была для неѣ эта пѣсенка! Имя *Маріи-Антуанеты*, вмѣстѣ съ именемъ злополучной *Маріи-Стюартъ*, принадлежатъ уже исторіи и скоро будетъ принадлежатъ драмѣ. Обѣ онѣ были прелестьны, обѣ равно несчастны и прогапельны; но надъ прекраснымъ челомъ *Маріи-Антуанеты* сіяетъ звѣзда добродѣтели и непорочности, которая не украшаетъ королеву Шотландскую!

Но кто-жъ была та, которая подняла скипетръ Французской королевы, брошенный ею на минушу, для того, чтобы взять смиренный посошокъ? Кому досталась эта блестящая корона, которую *Марія-Антуанета* положила на шуалетъ свой, чтобы надѣть соломенную шляпу пастушки? Не без-

(*). Я лишилась слуги своего, лишилась всего моего блаженства.

покойтесь; на эпошъ разъ, во Франціи, не было еще никакой революціи, и новая королева, провозглашенная на корабль *Геронъ*, одолжена была своимъ пресполомъ случаю, благопріятствовавшему ей въ извѣстной и невинной игрѣ *святого боба*.

Эпо была молоденькая и хорошенькая, очень хорошенькая Креолка изъ Марпиники, родня капишану, которая, какъ *Виргинія Бернарденя*, ѣхала съ спарою петкою своею въ Парижъ, чптобы получить тамъ какое-то ненадежное наслѣдство—и найпи богатаго жениха.

Миленькая дѣвочка играла ролю королевы такъ ловко и свободно, что её можно было принять за *Катерину Медицисъ* или *Марію Терезію*. «На колѣни, прекрасный пажъ;» сказала она молодому шкиперу: «сразъ ты не видишь, что я уронила свою перчатку? Господа, я сегодня назначаю собраться у меня совѣту, для одного важнаго дѣла. Я люблю народъ свой и желаю, чптобы народъ любилъ меня. Для эпоаго я хочу знать мнѣніе совѣта, какой баншикъ, бѣлый или голубой идетъ лучше къ башмакамъ моимъ?—Эпо что значить? Мой придворный докторъ позволяетъ себѣ, при государынѣ своей, курить трубку и душишь её табачнымъ дымомъ? Чптобы сей часъ же отправился на Ипогрифъ посоль въ луну, узнать не тамъ ли почтенный докторъ позабылъ разсудокъ свой.» Моряки хохотали во всё горло и восхищались ея острыми шутками, ея невиннымъ и плѣнительнымъ кокетствомъ; но болѣе всѣхъ любовался молодою Креолкою старый мапрось изъ Британіи, по имени Петръ *Гелло*. Онъ въ тотъ день получилъ почепную медаль, за долговременную и безпорочную службу, и, по эпому случаю, капишанъ корабля удостоилъ его приглашеніемъ къ своему обѣду, вмѣстѣ съ спарою Креолкою и съ молодою ея племянницею, дѣвицею *Жозефиною Марією Розою*,—такъ называлась мнимая королева. Она со вниманіемъ слушала рассказы добраго *Гелло*, говорила ему нѣжности, и сердце спараго моряка, не привыкшее къ сладкимъ ощущеніямъ, растаяло опъ ласковыхъ рѣчей милой *Жозефины*. *Гелло* сдѣлался ея другомъ,

поварищемъ, дядькою, и смотрѣлъ за нею, какъ за ребенкомъ. Добрая спарушка, петка ея, спрадая подагрою, цѣлые дни просиживала въ креслахъ не вспаяя съ мѣста и чипая *св. Августина*. Только изрѣдка перерывала она чпеніе свое, чптобы сказать: «Сюда, *Минетка*, сюда *Жозефина*,» если любимая кошка ея бѣгала за мышью, или племянница слишкомъ рѣзвилась на палубѣ; но *Жозефина*, избалованная и привыкшая къ независимости, какъ всѣ молодыя дѣвушки въ колоніяхъ, рѣдко повиновалась голосу петки. Она бѣгала по лѣстницамъ, качалась на веревкахъ, между пѣмъ какъ *Гелло*, сидя внизу, смотрѣлъ, чптобы она не упала, го-повый въ пакомъ случаѣ схвативъ её въ мощныя свои объятія, какъ ппичку изъ гнѣзда упавшую, и бросивъ за нею въ море, какъ за золопою рыбкою. Она забавляла весь экипажъ панцами своими и пѣснями, и погда въ *Гелло*, казалось, развивалось вдругъ понятіе и чувство, чптобы цѣнить красоту стиховъ, увлекалась музыкою, и постигать прелестъ Граціи. Онъ смотрѣлъ на *Жозефину* разиня ротъ и не сводя глазъ, и боялся проронить одно ея слово, одно малѣйшее ея движеніе.

Царствование *Жозефины* кончилось и, на другой день послѣ Крещенья, королева, сошедшая съ пресполоа, была невесела и задумчива. Старый мапрось смотрѣлъ на неё молча и печально, какъ вѣрная собака, когда плачетъ господинъ ея; но милая дѣвица жалилась надъ его безпокойствомъ и рассказала ему причину грусти своей.

Живя еще въ Марпиникѣ, она знала одну спарую Цыганку, которая слыла въ народѣ колдуньею и предсказывала будущее; однажды *Жозефина*, пропянувъ ей руку, просила её, чптобы она сказала ей судьбу ея. Негришанка долго смотрѣла ей на ладонь, качала головою и не говорила ни слова; наконецъ сказала слѣдующее:

«Красавица! я видѣла въ облакахъ орла, онъ летѣлъ высоко, высоко, и держалъ во рпу розу. Роза эпоа—ты. И много, много будетъ тебѣ горя, красавица; за то ты будешь царицею... потомъ поднимешь буря—и.... ты умрешь.»

— Я была царицею вчера, — продолжала *Жозефина*, — теперь надобно ждаль бури — и тогда я умру, добрый мой *Гелло*! —

«Чтобы чортъ взялъ эту спарую дуру и съ колдовствомъ ея!» вскричалъ *Гелло*: «Не бойтесь ничего, сударыня; если съдлаеся буря, и вы будете понушь: то ухватитесь крѣпче за мой кушакъ, и будьте увѣрены, что я принесу васъ къ берегу, также легко, какъ волна несетъ гальонъ съ премою мачтами.»

Жозефина, немного ободрившись, спѣла будущему своему избавителю пѣсенку, которую при отъѣздѣ ея изъ Марпиники сочинилъ для неѣ одинъ молодой Креоль, поваричъ дѣтскихъ игръ ея, — и который потомъ страстно въ неѣ влюбился.

Въ щастливый лѣта первой молодости, печаль продолжается не долго — и слѣзы, пролитыя съ вечера, высыхаютъ на упренномъ солнцѣ. *Жозефина* на другой день пѣла и смѣялась, такъ какъ будто спарая Цыганка никогда не предсказывала ей бури и бѣдспвй. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы: она всё пѣла и плясала, веселость ея не испощалась; но шелковыя башмачки ея опказались наконецъ служивъ ей, и однажды, посреди конпроданса, разорвались на мелкія части. Гардеробъ *Жозефины* былъ очень небогатъ, и шепка не хотѣла возобновлять его до пріѣзда въ Парижъ; слѣдовательно, бѣдная *Жозефина* скоро должна была сидѣть возлѣ шепки, и пряпашъ маленькія босыя ножки свои подъ плащемъ. Не смѣя пропунуться съ мѣста — но безпрестанно шевеля головою и всѣмъ тѣломъ, она походила на спашую *Дафны* въ Тюльерійскомъ саду, которой голова и грудь живы, между тѣмъ, какъ ноги уже вросли въ землю. Бѣдняжка плакала, какъ царевна, заключенная въ волшебномъ замкѣ, и ждала, чтобы какойнибудь спранспвующій рыцарь разрушилъ очарованіе и освободилъ еѣ изъ неволи.

Рыцарь явился въ образѣ *Петра Гелло* и возвратилъ *Жозефинѣ* уваженіе. «Надобно бытъ безъ всякой жалости, чтобы смотрѣть на эти маленькія босыя ножки и не спараться обушь ихъ;» сказалъ онъ, почесывая себѣ голову и пережевывая ко-

мокъ пабаку, что по морскому называется *жевакою*. Это слово немного гадко; но извините, милоспвивыя государыни, всякая вещь имѣетъ свое названіе; припомъ же мы описываемъ нравы моряковъ, слѣдовательно, не можемъ не говорить о ихъ любимомъ и почти необходимомъ занятіи. *Жвачка* для моряка поже, что спрѣлки для часовъ; когда мысль его работаесть, жвачка дѣйствуесть вмѣстѣ съ нею — и одна безъ другой не могутъ обойтись; мапросу нашему было о чемъ подумашъ, — было для чего жевашъ пабакъ свой: онъ искалъ разрѣшитъ задачу: *какъ сдѣлать что нибудь изъ ничего*, и вы согласитесь, что надъ этимъ вопросомъ могъ бы задумашъ и не такой плохой мапемапикъ, какъ бѣдный *Гелло*.

Кпо то сказалъ, что негодование научаетъ писать стихи; не знаю выучило ли оно кого шипъ башмаки; но знаю то, что *Петръ Гелло* въ опчаяннй билъ себя по лбу: «Одинъ лоскутъ кожи!... моя пльковая трубка — почетная медаль моя, тому, кто дастъ мнѣ лоскутъ кожи!» восклицалъ онъ, какъ *Рихардъ III*, который въ подобномъ, или, правду сказаъ, совсѣмъ не въ подобномъ случаѣ, кричалъ — *шагу!* — *шагу!* — *корона моя тому, кто дастъ мнѣ шагу!* — Если бы бѣдный *Гелло* читалъ *Донъ-Кихота* и зналъ, что *Санхо Панса*, забрасывая уду, вмѣсто рыбы выпаскивалъ изъ рѣки старые башмаки: то бы вѣрно употребилъ онъ всѣ корабельныя сѣпи, для того, чтобы поймашъ хотя одну пару какихъ нибудь размоклыхъ и сгнившихъ женскихъ пучель; — но, къ несчастію, онъ не читалъ славнаго Испанскаго романа, а принялся шарить по всему кораблю и искаъ по всѣмъ угламъ его, шупая огромною рукою своею вездѣ, гдѣ только могъ — даже въ щели, сквозь которую промъзали мыши. Наконецъ, по долгомъ исканіи, шерпѣніе его наградилось успѣхомъ, и онъ вскрикнулъ опять радости, какъ вскрикнулъ *Гарпагонъ*, найдя шкапулку свою, какъ *Жанъ Жакъ Руссо*, увидя на полѣ любимый свой цвѣпокъ; но *Гелло* нашелъ не шкапулку, не цвѣпочикъ, а сокровище, которое было для него дороже всѣхъ шкапулокъ и цвѣповъ на свѣтѣ — изношенный сапогъ какого-то убитаго мапроса. — Сапогъ эпошъ

валялся въ темномъ углу, на самомъ днѣ корабельномъ. Тамъ пролежалъ онъ нѣсколько лѣтъ въ грустномъ сиротствѣ и одиночествѣ, и думалъ, съ мудрою крысою *Лафонтена*, что превратности міра для него уже не существовали; но *Петръ Гелло* рѣшилъ иначе, и, напочивъ корпикъ свой, принялся кроить, шить, и черезъ нѣсколько часовъ сдѣлалъ изъ одного сапога—пару... не башмаковъ;—о нѣтъ! спрогая исторія не позволяетъ намъ назвать эпимъ именемъ то, что сдѣлалъ маэстръ *Петръ Гелло*;—нѣтъ; это были ни башмаки, ни туфли, ни ботинки—ни Турецкія бабуши,—а нѣчто безыменное, неопредѣленное, фантасматическое, романтическое; однимъ словомъ то, что по нуждѣ можно было употребить вмѣсто башмаковъ, чтобы защитить ноги свои отъ холода и сырости.—Кончивъ работу, *Гелло* побѣжалъ въ каюту *Жозефины*,—схватилъ маленькія ея ножки и силою надѣлъ на нихъ грубую и спранныю обувь. Дѣвушка хохотала до слезъ; но онъ, нисколько не смѣшавшись, привсталъ съ пола, выпянувшись и сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Теперь, сударыня, носите ихъ на здоровье. Въ вечеру того же дня, молодая Креолка, при громкихъ рукоплесканіяхъ всего экипажа, танцевала баядерскій танецъ—и заслужила одобреніе зрителей—не только очаровательною своею прелестью, но и необыкновеннымъ усиленіемъ, съ которымъ дѣлала она высокія прыжки, имѣя на обѣихъ ногахъ тяжелыя гири. Можно сказать, что въ этотъ вечеръ, еще не воплощенные души гг. *Галли* и *Саки*,—явились вмѣстѣ, въ образѣ дѣвочки *Жозефины*.

Наконецъ, по долгомъ плаваніи, путешественники увидѣли землю; прощаніе *Жозефины* съ маэстромъ было прогнательнымъ.—«Я всегда буду беречь башмаки твои,» говорила она ему, между тѣмъ какъ онъ тихонько утиралъ слезы, которыя невольно капались по смуглому лицу его.—Вы ѣдете въ Парижъ, сударыня,—молвилъ онъ наконецъ, качая головою: тамъ не помнятъ старыхъ друзей—тамъ найдете вы новыхъ и забудете бѣднаго *Петра Гелло*.—«О нѣтъ—нѣтъ,» говорила *Жозефина*, выходя изъ корабля; маэстръ

долго слѣдовалъ за нею глазами—и она, удаляясь—долго махала бѣлымъ платкомъ и кричала ему: Никогда, никогда не забуду тебя, добрый другъ мой!

Гелло не узналъ—сдержала ли *Жозефина* слово свое. Онъ почти безпреспанно былъ въ морѣ и, наконецъ, погибъ на сраженіи въ Америкѣ; что-жъ касается до *Жозефины*...

Милыя чинапельницы!—на рассказъ мой нахлынулъ вдругъ попокъ Французской революціи;—попокъ ужасный, попокъ кровавый, которому нѣтъ имени и который поглотилъ все... спрашная глубина и шумъ его пугаютъ ваше юное воображеніе... позажмурьте глаза, дайте мнѣ руку, и мы вмѣстѣ перепрыгнемъ черезъ пучину.

Вотъ мы очутились подъ Императорскимъ скипетромъ *Наполеона*, въ прекрасномъ Мальмезонскомъ замкѣ, куда удалась несчастная и благородная *Жозефина*, подписавъ разводъ, который пребылъ отъ неѣ неблагодарный и честолюбивый мужъ ея.

Жозефина спояла въ своемъ кабинетѣ, облокотясь на форшетіано, и окруженная полпою молодыхъ фрейлинъ своихъ.—Онъ просиди у неѣ позволенія играть въ замкѣ комедіи и пословицы.

—Съ удовольствіемъ позволяю,—отвѣчала она съ ласковою улыбкою,—и даже могу дать вамъ всѣ нужные костюмы.—Благодаря щедрости Императора, гардеробъ мой богатъ и великолѣпенъ.—Посмотрите, вотъ что прислали мнѣ сегодня изъ чужихъ краевъ.—

И она тихонько полкнула ногою прекрасный мѣхъ чернобурой лисицы, который лежалъ на коврѣ.—Дѣвица *С. Р.*, самая младшая изъ фрейлинъ, всплеснула руками.

—Боже! какая прелесть, — вскричала она съ дѣтскимъ просподушіемъ... какъ ваше величество щасливывы! —

«Щаслива! я щаслива!» повторила про себя *Жозефина* съ глубокимъ вздохомъ.

Она задумалась—пальцы ея машинально дотронулись до клавишей и инструментовъ издали тихіе и печальные звуки.

Это были первыя ноты романа, который она нѣкогда пѣвала на кораблѣ, въ проѣздѣ свой изъ Мариники во Францію.

Попомъ, какъ бы насильно отпорвавшись отъ грустныхъ воспоминаній, она поспѣшно опошла отъ фортепiano, и выходя изъ комнаты, сказала дѣвицамъ:

« Кто меня любитъ, тотъ пойдетъ за мною. » Въ ту же минуту, рой молодыхъ красавицъ бросился за *Жозефиною*, которая привела ихъ въ свою уборную и велѣла горничнымъ отворить всѣ шкапы. Дѣвушки ахнули отъ удивленія, какъ сынъ дровосѣка, вошедши въ первый разъ въ пещеру *Али-Бабы*.— Подлинно, гардеробъ *Жозефины* могъ назваться чудомъ въ своемъ родѣ; тамъ были плащя изъ флеру, до того тонкаго и легкаго, что можно было думать, что онъ попчасть улетѣть на воздухъ, если бы желая жемчужная или брилiантовая бахрама его не удерживала.— Далѣе висѣли Испанскія маншильи, парчевыя полукафтанья одалисокъ, шипыя золотомъ и драгоценными камнями; Италiанскія меццаро (*), тонкія какъ пыль—и несчетное множество разныхъ дорогихъ шалей и матерій всякаго рода.

« Выбирайте, милыя дѣвцы, » сказала добрая *Жозефина*: « все это принадлежитъ вамъ,—все, кромѣ одной вещи, которая для меня дороже всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ.—Я вамъ покажу еѣ, только погодите немного. »

При этихъ словахъ глаза дѣвушекъ заблiстали любопытствомъ, и каждая изъ нихъ желала отгадать, о какомъ сокровищѣ говорила *Жозефина*.

Что это такое? думали онѣ: шюникъ цвѣта воздуха—времени—луны?... Нѣтъ! вѣрно то брилiантовое яцо, о которомъ говорятъ Арабскія сказки,—талисманъ, который дѣлаетъ невидимымъ?... Какой вздоръ!... Это конечно вѣеръ изъ крыльевъ генія Алгамбры,—покрывало славной волшебницы?... или нѣтъ, нѣтъ!—Кружево изъ нитей паутины, которое въ Египтѣ заказалъ Императоръ какому нибудь изъ духовъ своихъ.

Наконецъ *Жозефина* сжаллась надъ ихъ неперпнiемъ и вынула...

Нѣтъ, милыя чипапельницы! на этотъ разъ это былъ не *Наполеоновъ* подарокъ, не

работа волшебницы, или *краснаго или зеленаго челоука*—а просто башмаки, которые ма-просъ Пепръ *Гелло* сшилъ для дѣвицы *Жозефины-Маріи-Розы*.

Вы вѣрно давно отгадали, что Императрица *Жозефина*, была та самая молоденькая *Жозефина*, которая ѣхала съ пепкою изъ Марпиники во Францію. Когда *Наполеонъ* началъ разрѣзывать Европу на части, какъ праздничный пирогъ: тогда выпалъ опять бобъ *Жозефинъ-Маріи-Розы Ташеръ дѣ ла Пажери*, и она въ другой разъ сдѣлалась царицею; но скоро поднялась спрашная буря: Русскія мятели засыпали снѣгомъ *Наполеонову* армію и вихоръ унесъ его самага на дикую скалу.—Тогда изъ слова въ слово сбылось съ *Жозефиною* предсказаніе старой Цыганки. Гордый орелъ выронилъ изъ рта розу—и *Жозефина*, бывшая дважды царицею, погибла во время бури.

Т.

НЕВѢРНОСТЬ.

Истинное происшествіе.

Изъ пятидесяти хорошенькихъ молодыхъ дѣвицъ, которыя съ утра до вечера лепетали въ пансіонѣ, учрежденномъ при Визитандинскомъ монастырѣ въ Марсель, лучше и простосердечнѣе всѣхъ была *Клара де Визъ*; нѣкоторыя изъ подругъ, называли еѣ даже глупенькою, что однакожь не помѣшало ей прежде всѣхъ ихъ выйти за мужъ за одного богатаго негоціанта.

Г-нъ *Гардуенъ*, такъ назывался этотъ негоціантъ, челоукъ умный, но немного спранный, имѣлъ, по примѣру предковъ нашихъ, очень грубыя понятія на счетъ женщинъ, и утверждалъ, что онѣ созданы единственно для домашней жизни и не должны ничему учиться, кромѣ экономіи.—Невѣжество; говорилъ онъ, какъ Арнольфъ въ комедіи *Школа женщинъ*, есть храниль женской добродѣтели.—Глупость, сорвавшаяся съ языка милой и прекрасной супруги, имѣетъ всю прелесть невинности, и нравится пому,

(*) Кружевное длинное покрывало.

кому давно надоѣли книги, свѣтское оспроуміе и ученые женщины.— Съ такими правилами совсѣмъ не удивительно, что *Гардуень* женился на проспенской *Кларѣ де Визье*, и былъ очень доволенъ выборомъ своимъ.

Скоро, однакожь, замѣнилъ онъ, что жена его смущалась, когда онъ нечаянно входилъ въ ея комнату; замѣнилъ даже улыбку удовольствія на лицѣ ея, когда онъ оставлялъ её; онъ спалъ за нею присматривать, и наконецъ, однажды отворивъ дверь въ ея кабинетъ, увидѣлъ, что она что-то поспѣшно спрякала въ ящикъ.— Съ эпою минушы бѣдный мужъ сдѣлался и смѣшонъ и несчастливъ: смѣшонъ потому, что спалъ ревнивъ, какъ *Жоржъ Дандень* и *Отелло*; — несчастливъ отъ того, что видѣлъ свое дурачество и не могъ преодолѣть себя. Терзаясь ревностью, онъ спарался узнать, кто былъ его соперникъ, — но подозрѣнія его не могли остановиться ни на комъ, потому что къ нимъ ни кто не ѣздилъ, и *Клара* никогда почти не выезжала со двора.— Наконецъ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ одной военной домашней хитрости, давно обвѣщанной, и сдѣлавшейся пошлою во всѣхъ романахъ и комедіяхъ; — то есть, вздумалъ сказать женѣ, что онъ намѣренъ на нѣсколько дней оплутиться изъ города, — сдѣлать все приготовленія къ отъѣзду, сѣсть въ коляску, отъѣхать нѣсколько шаговъ, и потомъ тихонько воротиться домой и спрякаться въ пустую комнату, возлѣ женниной спальни.— Прошелъ цѣлый день; — ревнивецъ не замѣнилъ ничего чрезвычайнаго: въ домъ все шло своимъ порядкомъ и къ *Кларѣ* не приходилъ ни кто; вдругъ онъ вспомнилъ, что изъ спальни была дверь въ садъ, по которой, вѣроятно, приходилъ любовникъ. — Задыхаясь вѣтъ себя, — несчастный выходитъ на цыпочкахъ, приближается къ дверямъ спальни, и приспавляетъ ухо къ замочной щели.— О, Небо! *Клара* не одна! — Онъ слышитъ, что въ спальнѣ говорятъ шепотомъ — но говоритъ одна жена его. — Веди себя умнѣ — шептала она, а не то я осержусь и перестану любить тебя; — ну, поцѣлуй меня.. еще — еще разъ. — Теперь усни здѣсь у ме-

ня на колынахъ. — Можете себя вообразить яроссть и отчаяніе бѣднаго мужа. — Опвори, кричитъ онъ; — ему не отвѣчаютъ; — но онъ этого ожидалъ и спалъ спучать еще сильнѣе; — невѣрная молчала — и не прогалась, вѣроятно, чтобы дать время любовнику своему уйти или спрякаться. — *Гардуень* изо всей силы толкнулъ въ дверь, которая отворилась съ шумомъ, и вдругъ *Клара*, блѣдная, дрожащая, упала на колѣна посреди комнаты и, сложивъ крестомъ руки, сказала ему, заливаясь слезами: О прости меня, милый другъ мой; — я нимало не извиняю себя; признаюсь, сестра *Урсула* говорила мнѣ въ монастырѣ что мужья этого не любятъ, но я ей не совсѣмъ повѣрила, и не думала, чтобы это могло такъ осердить тебя. — Виновата! прости меня; впередъ, клянусь тебѣ — я буду благоразумнѣе. — И при этихъ словахъ, безпокойные взгляды *Клары* невольно обращались на постель, задернутую занавѣсомъ. Такое простиосердечіе, такое безспыдство въ пресупленіи, еще болѣе раздражили *Гардуеня*; въ бышенствѣ бросается онъ къ кровати — опдергиваетъ занавѣсъ и находитъ на постелѣ куклу! *Гардуень* осполбенѣлъ, и долго не могъ говорить отъ удивленія. Наконецъ, въ радости, въ восхищеніи, онъ схватилъ мнимаго своего соперника, и подавая женѣ своей, сказалъ ей, прерывая каждое слово поцѣлуями: (любезная чипательницы, каждая почка означаетъ поцѣлуй.) Ангель мой милая невинная *Клара* моя такъ это кукла? Боже мой! кукла! а я, негодный оскорбилъ тебя я думалъ

T.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

80.

Въ одномъ журналѣ, домогающемся сдѣлаться самовластнымъ законодателемъ въ Русской литературѣ, съ такою же наспойчивостью, съ какою Польскіе Іезуиты хлопотали о покореніи Россіи Папской власти, насмѣхаются надъ изданною въ Москвѣ въ

1836-мъ году книгою, подъ заглавіемъ: *Собрание рифмъ по алфавиту*. И по дѣломъ! «Кому бы пришли въ голову,» замѣчаетъ редакторъ: «слѣдующія рифмы:

Философа — шпофа;
Умяпа — уняпа;
Прѣниковъ — прѣвниковъ;
Флегмовъ!! — ширмовъ!!
Изурочемъ — скочемъ! хотимъ;
Хозяиспвуй — юношеспвуй;
Борзо — желъзо;
Выгляди — выжди.

Но, насмѣхался надъ Мидасовыми ушами собирателя словаря рифмъ, не надлежало самому порпипъ страницы своего журнала стихотвореніями, которыми, по влоспи стиховъ и несносной распянутости, находясь ниже посредственности, а по рифмамъ, которыми также рифмы, какъ *собака и дубъ, терпніе и небо, творецъ и самостоятельность*, еще ниже градусовъ на 20.

Докажемъ все это выписками изъ эпюга пошлаго стихотворенія: *Demonstratio est duplex monstratio*. Мы говоримъ здѣсь о баснѣ *Спекуллянтъ*, соч. г. *Матюнина*. Эта басня также похожа на басни *Крылова*, *Геллерта*, *Лафонтена*, какъ героическая поэма г. *Свѣгина* на *Гомерову Илліаду*.

Оспаявъ всё другое-иное-прочее, укажемъ на рифмы, пошому что дѣло здѣсь идетъ о словарь рифмъ. Г. *Матюнинъ* употребляетъ за рифмы:

Гвоздя — глядя;
Денегъ — шадунья;
Недавно — спранно;
Ассигнацій — расперацій;
Дорогимъ — перинъ;
Бобровъ — сурковъ;
Мордвами — демьянъ;
Прошла — зима;
Мѣспа — дѣшпсва;
Сносишь — бродишь.

А каковы слѣдующіе два списки, которыми хочу полакомить васъ на закуску

Что дѣлаетъ съ Буряномъ,
Съ Кипайцемъ, да съ нашимъ браномъ?

Вопь ужъ надобно опдашь справедливость распорядителю журнала, издаваемого А. Ф. *Смирдинымъ*, онъ не писнулъ бы въ немъ такой пустѣйшей побасѣнки, даже и въ Апрельской книжкѣ, даже и на странице 235-й спашьи *Стихотворенія*. У него музыкальное ухо; онъ, какъ мы удостоверились, опмѣнно силенъ въ поэзіи.

А. *Кораблинскій*.

10-е Мая, 1836.

Г. Верро.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГОНДОЛЬЕРЪ.

Баллада.

«До Ріальто сзези,
Ожерелье возьми,
Камни въ немъ межъ собой
Споряпъ дивной игрой!»
Гондольеръ отказалъ:
—Я богатству не радъ,
Мало въ немъ мнѣ награды;
Я бы больше желалъ.—

«Баркаролу спою,
Душу въ ней перелью,
И звучна, и нѣжна
Будетъ пѣсня моя.»
Гондольеръ отказалъ:
—Пѣсни слушать я радъ,
Но въ нихъ мало награды;
Я бы больше желалъ.—

Видѣлъ я, съ ней онъ плылъ,
Взоромъ взоры ловилъ;
Видѣлъ я, какъ у ней
Щечки плѣлись зарей;
Онъ смѣлся—молчалъ.
Былъ доволенъ и радъ:
За провозъ свой награды
Никакихъ не желалъ.

Краснослободскъ.

CHARADE.

Combien de fois dans la main suppliante
 Avec plaisir j'ai versé mon premier.
 Aujourd'hui mon dernier
 Sur le monde chrétien étend sa main puissante;
 Autrefois des Rois même il était souverain.
 Dans cette machine mobile
 Où l'art par un travail habile
 De l'homme a remplacé la main,
 Mon tout est pièce fort utile.
 Quand la vapeur accumulée
 Est prête à briser sa prison,
 Il lui procure une sortie aisée
 Et prévient son explosion.

Въ No 51-мъ, помѣщенная шарада-анаграмма значить:
Софа; Сафо.

MODES.

Jamais la mode ne fut moins exclusive qu'aujourd'hui; elle semble se relâcher de ses exigences, et laisser à chacun le droit de se choisir une toilette à sa guise et à ses convenances; il en résulte un grand bien, en ce que les femmes ne craignant pas de s'attirer le ridicule par des innovations, portent ce qui leur sied, et c'est infiniment plus *logique* que de porter ce qui sied aux autres. Ce laisser aller de la mode nous met donc dans l'impossibilité de préciser d'une manière *immuable* la coupe, la couleur des robes et des chapeaux, et nous sommes obligés de citer les objets séparés, et de donner des modèles que chaque femme, avec cet instinct de bon goût qui les distingue presque toutes, saura ajuster à sa tournure.

Manches. Cette partie de l'habillement sur laquelle nous sommes obligés de revenir souvent en raison de la *revolution* qu'elle a subie, et de toutes les incertitudes qu'elle a causées, est toujours soumise au caprice. Il y a autant de manches larges que de plates! Voilà le *nec plus ultra* du vrai. Cependant cette vérité n'en est plus une, lorsqu'il est question des manches courtes, qui *toutes* sont plates et ornées plus ou moins, de ruches, manchettes, nœuds de rubans ou autres garnitures. On voit de ces manches plates aux petites robes du matin, que l'on porte dans la chambre avec des mitaines de files noir. Pendant les quel-

ques jours de chaleur que nous avons eus, des femmes très élégantes ont été aperçues à la promenade en voiture, avec des manches courtes et des gants longs de *peau russe* ou de nuance très claire.

МОДЫ.

Никогда мода не была менѣ исключительна, какъ теперь; она, кажется, опшупается опъ своихъ требованій, и оставляетъ каждому право выбирать нарядъ на свой ладъ и къ лицу; опъ того происходить великое добро: женщины не боясь подвергнуться насмѣлкамъ за нововведенія, носятъ, что имъ приспало, и это несравненно благоразумнѣе, нежели носить, что приспало другимъ. Это послабленіе моды дѣлаетъ для насъ невозможнымъ опредѣлить неизмѣннымъ образомъ покрой, цвѣтъ платьевъ и шляпокъ; пошому мы можемъ описывать только отдѣльные предметы, и давать образцы, которые женщины, съ свойственнымъ имъ инстинктомъ хорошаго вкуса, что составляетъ почти отличительную черту ихъ характера, будутъ умѣть приспособить къ своей осанкѣ.

Рукава. Эта часть одежды, къ которой мы должны часто возвращаться, по причинѣ происшедшаго въ ней *переворота*, и всѣхъ вершимоостей, ею произведенныхъ, — все подвержено приходу! Широкихъ рукавовъ столько же какъ и гладкихъ. Вотъ *nec plus ultra* правды. Однако, эта правда теряетъ свою силу, когда дѣло идетъ о короткихъ рукавахъ, которые всѣ гладкіе и отдѣльные болѣе или менѣе рюшами, мажетами, баншами изъ ленъ или другими украшениями. Эти гладкіе рукава видны у простыхъ упренныхъ платьевъ, которые носятъ въ комнатѣ съ черными филейными полуперчатками. Въ продолженіе нѣсколькихъ жаркихъ дней, весьма щеголеватодѣшныя женщины примѣчены были, на прогулкахъ въ каретахъ, въ короткихъ рукавахъ и длинныхъ перчаткахъ цвѣта Русской кожи или другихъ свѣшлыхъ цвѣтовъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

При семъ номерѣ прилагаются: *Оглавленіе двадцать второй части, или второй 1836 года, и Заглавный листъ къ третьей части сего же года Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.*

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ, или ВТОРОЙ 1836 ГОДА.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печашать позволяется: 22 Іюня 1836 года. — Ценсоръ А. Никитенко.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ВТОРОЙ

НА

1836 годъ.

I. ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Первая морщина; пер. <i>Т.</i>	спри. 209.
Пріятности дурной погоды; пер. <i>Т.</i>	233.
Одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, по которымъ выходяшь въ люди; пер. <i>Ю. Дж—ни</i>	297.
Будуаръ; пер. <i>Т.</i>	305.
Городской шумъ; пер. <i>Т.</i>	313.
Мое путешествіе въ Мексику; пер. <i>Т.</i>	337.
Судьба Липерапоровъ въ Англии	338.
Не любо не слушай, а глгашь не мѣшай	339.
Самое важное дѣло для женщины; пер. <i>Т.</i>	361.
Нищій хорошаго тона; пер. <i>Т.</i>	369.
Исполнаніе любви; пер. <i>Вик. Влад—скаго</i>	385.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Крупъ; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	210.
Новыя наблюденія надъ Папагонами	216.
Оспорожность	217.
Черные братья; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	225 и 235.
Реляція Большой арміи; пер. <i>Т.</i>	229.
Дѣтскіе балы; пер. <i>Т.</i>	230.
Я умеръ	—
Исчисленіе жертвъ Французской революціи	237.
Новыя открытія въ Помпѣѣ	238.
Любовь въ тринадцать лѣтъ; разсказъ; соч. <i>Л. Бранта.</i>	241,
	249 и 257.
Опасность летать на воздушныхъ шарахъ	254.
Судъ Божій; повѣсть; соч. <i>Вк.</i>	265.
Двѣ невѣсты; соч. <i>Л. Бранта</i>	273, 281 и 289.
Обычай <i>Фонтенелл</i>	296.
21 Марша 1804 года; пер. <i>Т.</i>	299.
Приключеніе на охотѣ; уездный романъ; соч. <i>Мака-</i> <i>рова</i>	307.
Ансилонъ; соч. <i>Оч.</i>	309.

Обширность Англійскихъ владѣній	спри. 310.
Прогулка по Средиземному морю	311.
Свадьба; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	314.
Двѣ Англійскія карикатуры; пер. <i>Ш—та</i>	317.
Изъ записокъ путешественника; пер. <i>Т.</i>	321 и 329.
<i>Беллини</i> ; соч. <i>О.</i>	323.
Сравненіе Англии съ Франціею	324.
Баронъ <i>Штейнъ-Альтенштейнъ</i> ; соч. <i>Оч.</i>	331.
Живопись и мозаика	332.
Участь женщинъ	—
Исторія доперей; пер. <i>Т.</i>	339.
Марьяна дорога; преданіе; пер. <i>Т.</i>	340.
Пряслица; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	345.
Рекрутъ; разсказъ; пер. <i>Т.</i>	349.
Отъ чего упала <i>Вольтерова</i> прагедія?	350.
Графиня и паслухъ; испинн. проиш.; пер. <i>Т.</i>	353.
Драковой куснѣ; пер. <i>Т.</i>	356.
Объ извѣстнѣйшихъ виноградныхъ винахъ; соч. <i>У.</i>	358.
Недоспадокъ памяти	359.
Водевильный случай	—
Винкельманъ; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	363, 370 и 378.
Карпы единственное занятіе въ Русскихъ собраніяхъ	366.
Наши комини рабски подражаютъ Французскимъ	367.
Число жителей Неаполитанскаго Королевства	—
Члены Парламента—лошадь	374.
Цвѣточная выставка въ Франкфуртѣ; пер. <i>Т.</i>	381.
Люди <i>Грей</i> ; пер. <i>Т.</i>	382.
Однимъ хорошимъ поэтомъ больше	383.
Благодѣніе маленькой дѣвочки; пер. <i>Т.</i>	391.
Исполнскіе идолы въ Индіи	—
Букетъ ландышей; воспоч. повѣсть; пер. <i>Т.</i>	401.
Исчисленіе самоубійствъ въ Лондонѣ	404.
Башмачки; пер. <i>Т.</i>	409.
Невѣрность; испинн. проиш.; пер. <i>Т.</i>	413.

III. ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Армія Германскаго Союза въ 1832 году . . .	Стрн.	217.
Сардинскія Морскія силы		231.
Сухопутныя силы Ганноверскаго Королевства		238.
Сухопутныя силы Гессенскаго Курфюршества		247.
Сухопутныя силы Церковной Области		254.

IV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

60. 61.	218 и 219.
62.	231.
63.	238, 247 и 255.
64. 65.	263 и 270.
66. 67.	277 и 286.
68. 69.	296 и 301.
70. 71.	311 и 318.
72.	324, 332 и 342.
73. 74.	350 и 359.
75. 76.	367 и 374.
77. 78.	383 и 392.
79. 80.	404 и 414.

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Баядерка; соч. <i>Залорейцева</i>	220.
С. Ш. Зуеву; соч. <i>М. Демидова</i>	231.
Мать; соч. <i>А. Грена</i>	240.
Василекъ; соч. <i>Суханова</i>	256.
Эпиграмма; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>	263.
Экспромптъ	270.
СХХХ Псаломъ; соч. <i>М. Демидова</i>	287.
Романсъ; соч. <i>Дж. П...ва</i>	296.
Моя звѣзда; соч. <i>М. Демидова</i>	303.
Русская пѣсня; соч. <i>Суханова</i>	312.
Просвѣтъ; соч. <i>Н. Баталина</i>	319.
Очи; соч. <i>Дж. П...ва</i>	327.
Душа; соч. <i>М. Демидова</i>	335.
Эпиграмма; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>	344.
Опытъ на пѣсню: Не для меня горитъ заря; соч. <i>В. Романовича</i>	359.
Людской бытъ; соч. <i>Н. Баталина</i>	368.
Грусь въ тишинѣ	375.
С. М. А...ой; соч. <i>Дж. Путилова</i>	384.
Городская и деревенская жизнь; соч. <i>М. Н. А.</i>	397.

Волхвъ; соч. <i>Мызникова</i>	Стрн.	404.
Гондольеръ; баллада		315.

VI. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О вновь игранныхъ и возобновленныхъ пьесахъ съ 15	
Апрѣля 1835 г. по 10 Февраля 1836 года	221.

VII. НОВЫЯ КНИГИ.

Первый день Свѣтлаго праздника; <i>Л. Я.</i>	240.
Разныхъ заглавій, Морскія книги; соч. <i>Серг. Крашенин.</i>	270.
Современникъ, 1-я книжка, издав. <i>А. Пушкинскимъ</i> ; соч. <i>П. Смирнова</i>	278.
Повышенный; <i>М. Массона</i> и <i>Ав. Люше</i> ; соч. <i>Ю. Дж—ни</i>	368.

VIII. КРИТИКА.

Взглядъ на спашью: Воспоминанія о Каспѣ; соч. <i>Н. Н—ева</i>	405.
---	------

IX. ШАРАДЫ, ШАРАДЫ-ОМОНИМЫ, ШАРАДА-АНАГРАММА, ОМОНИМЪ-АНАГРАММА, ЗАГАДКИ, ЛОГОГРИФЫ, ЛОГОГРИФЪ-АНАГРАММА.

Русскія.—*Шарада*: 1) Ш пація.—*Шарады-Омонимы*: 2) Олимпій-і-Ада; 3) Изъ-Юмъ, Изюмъ.—*Шарада-Анаграмма*: 4) Софа, Сафо.—*Омонимы-Анаграммы*: 5) Игра, Рига; 6) Сила, лиса; 7) Букъ, кубъ.—*Загадка*: 8) Сѣверная Пчела.—*Логогрифы-Анаграммы*: 9) Соль, лось, ось; 10) Мракъ, Маркъ, ракъ.—*Французскія*.—*Шарады*: 1) Ver-glas; 2) Cor-niche; 3) Div-an; 4) Dés-astre; 5) Sou-pape.—*Загадки*: 6) Eté; 7) Mil.—*Логогрифы*: 8) Magicien; 9) Intervention; 10) Grenadier; 11) Grosés.

X. М О Д Ы.

Спашью о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пешербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ, на лучшей веленовой бумагѣ превосходно оппечашанныхъ и раскрашеныхъ карпинокъ, и сверхъ того *дѣлъ прибавокъ*.